

Министерство образования и науки РФ
Алтайский государственный университет

СОЦИОЛОГИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: НАУКА, ОБРАЗОВАНИЕ, ТВОРЧЕСТВО

СБОРНИК СТАТЕЙ

Выпуск 4

Барнаул

Издательство Алтайского
государственного университета
2012

УДК 316 (082)

ББК 60.5я43

С 693

Рецензент:

доктор социологических наук, профессор *Ю. Е. Растов*

Ответственные редакторы:

профессор, декан факультета социологии

О. Н. Колесникова;

профессор, зав. кафедрой общей социологии *Е. А. Попов*

С 693 Социология в современном мире: наука, образование, творчество [Текст] : сборник статей. — Вып. 4 / под ред. О.Н. Колесниковой, Е.А. Попова. — Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2012. — 348 с.

ISBN 978-5-7904-1228-8

В сборник включены материалы по широкому кругу социальных проблем, рассматриваемых авторами сквозь призму современного социологического знания и на уровне междисциплинарных научных связей социологии с философией, историей, антропологией, психологией и другими теоретическими и прикладными сферами. Особое внимание уделяется потенциалу социологической науки в развитии социально мыслящего человека, проблемам социологического образования и другим актуальным вопросам.

Издание предназначено для широкого круга специалистов в области социогуманитарного знания — ученых, педагогов, аспирантов и студентов.

УДК 316 (082)

ББК 60.5я43

ISBN 978-5-7904-1228-8

© Оформление. Издательство Алтайского государственного университета, 2012

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел I. ПОТЕНЦИАЛ СОЦИОГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ В РАЗВИТИИ СОЦИАЛЬНО МЫСЛЯЩЕГО ЧЕЛОВЕКА 9

<i>Удоденко А. А. (Барнаул) Социологические исследования и исторический тип современного мышления</i>	<i>10</i>
<i>Попов Е. А. (Барнаул) Человек и его духовная деятельность в центре внимания социологии.....</i>	<i>12</i>
<i>Оболянский Г. В. (Барнаул) Политический дискурс вокруг русской национальной идеи.....</i>	<i>20</i>
<i>Сытых О. Л. (Барнаул) Образование в информационно-потребительском обществе</i>	<i>28</i>
<i>Попов Е. А. (Барнаул) Современная социология и проблемы образования.....</i>	<i>33</i>
<i>Коростелева О. Т. (Барнаул) Актуальные проблемы социологического образования в свете идей отечественных мыслителей начала XX в.</i>	<i>41</i>
<i>Замятина О. Н. (Барнаул) Теоретические подходы к определению понятия «социальная организация»</i>	<i>45</i>
<i>Каира Ю. В. (Орел) Современные социологические подходы и модели изучения трансформации социально-стратификационных процессов.....</i>	<i>48</i>
<i>Проказина Н. В. (Орел) Формирование представлений о социологии и социологах в общественном мнении</i>	<i>52</i>
<i>Кинелев С. В. (Барнаул) Текст в социологии: субъективное и объективное во взгляде на мир.....</i>	<i>56</i>
<i>Т. В. (Барнаул) Структурно-уровневый подход в изучении социального здоровья человека.....</i>	<i>58</i>
<i>Воронина С. А. (Барнаул) Отчуждение как парадокс информационного общества.....</i>	<i>60</i>
<i>Казьмина О. О. (Воронеж) Экономико-ресурсный подход к управлению обществом как источник социального риска</i>	<i>65</i>
<i>Владимирова Т. В. (Новосибирск) Инновационное развитие общества в условиях возрастания девиаций и рисков.....</i>	<i>69</i>
<i>Колесникова О. Н. (Барнаул) Мониторинг качества образования в вузе: грани проблемы</i>	<i>75</i>

Раздел II. СОЦИАЛЬНЫЕ СМЫСЛЫ СОВРЕМЕННОГО БЫТИЯ 79

<i>Бачинин В. А. (Санкт-Петербург) От «социоцентризма» литературоведения к «литературоцентризму» социологии.....</i>	<i>80</i>
<i>Алексеенок А. А. (Орел) Современные модели изучения социальной структуры общества</i>	<i>84</i>
<i>Колесникова О. Н. (Барнаул) Социологический портрет молодежи Алтайского края (по результатам исследований).....</i>	<i>88</i>
<i>Нагайцев В. В. (Барнаул) Социальный капитал участников конфликта</i>	<i>94</i>
<i>Пустовалова Е. В. (Барнаул) Коммуникативные отношения в социальных сетях человека</i>	<i>101</i>
<i>Савостова М. Н. (Челябинск) Влияние образования на гражданско-патриотическую социализацию личности</i>	<i>105</i>
<i>Храпова Н. Ю. (Барнаул) Роль Алтайской духовной миссии в формировании социокультурного пространства в Горном Алтае во второй половине XIX — начале XX в.....</i>	<i>110</i>
<i>Домашев А. Н. (Барнаул) Кураторство как фактор адаптации студента-социолога первого курса</i>	<i>118</i>
<i>Ковганов С. Я. (Новосибирск) Деятельностная составляющая социальной безопасности</i>	<i>120</i>
<i>Троцковская В. А. (Барнаул) Юридический алгоритм социальной ответственности бизнеса.....</i>	<i>123</i>
<i>Чудова С. Г. (Барнаул) Инновационные модели профилактики социального сиротства: опыт Алтайского края</i>	<i>127</i>
<i>Черепанова М. И. (Барнаул) Социальные риски как факторы, формирующие поведенческое пространство молодежи Алтайского края (на примере социологического исследования).....</i>	<i>131</i>
<i>Стерлядева Н. А. (Барнаул) Ювенальная юстиция в системе защиты прав ребенка</i>	<i>136</i>
<i>Сергиенко А. М. (Барнаул) Динамика материального положения и социальное настроение сельских бедных.....</i>	<i>139</i>
<i>Гончарова Н. П., Авдеева Г. С., Максимова С. Г., Ноянзина О. Е., Омельченко Д. А. (Барнаул) Риски возникновения социальной нетерпимости в приграничных территориях Российской Федерации.....</i>	<i>143</i>

Домбровская А. Ю. (Орел) Влияние социально-культурной деятельности современных российских средств массовой информации на социальное самочувствие инвалидов (по материалам социологического исследования в Орле)..... 148

Дронова Е. Н., Плеханова М. В., Санарова Т. В. (Барнаул) Взаимодействие общественных и государственных организаций при оказании психологической и юридической помощи лицам пожилого возраста (на примере Ленинского района Барнаула) 152

Родионова Л. В. (Барнаул) Безработица как фактор сельской бедности и неустойчивости сельских территорий 155

Стерляева Н. А. (Барнаул) Особенности агрессии как формы протестного поведения подростков 159

Сергиенко А. М., Гончарова Н. П. (Барнаул) Бедность сельского населения как индикатор социально-экономических угроз российского общества: методологические основы измерения 162

Вараксина Н. В. (Барнаул) Социальный маркетинг как инструмент формирования здорового образа жизни..... 165

Воронина С. А. (Барнаул) Формы и уровни отчуждения в молодежной культуре 170

Леонидова Е. Г., Миронова С. В. (Барнаул) Роль негосударственных пенсионных фондов в накопительном компоненте пенсионной системы России 176

Меженин Я. Э. (Барнаул) Обращения граждан к органам государственной власти как легальный способ политического взаимодействия 181

Калуцкий А. А. (Барнаул) Варнашрама-дхарма как общественная система Древней Индии 184

Раздел III. СОЦИАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ МОЛОДЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ 189

Адамович Е. Н. (Барнаул) Социально-правовое регулирование охраны культурного наследия 190

Анисимова М. М. (Новосибирск) Роль сельского бизнеса в преодолении бедности населения региона аграрной специализации (по результатам социологических исследований, проведенных в Алтайском крае) 194

<i>Бараночников В. А. (Орел)</i> Изучение особенностей социальной напряженности в условиях трансформации социальной структуры общества	199
<i>Бобровский О. В. (Орел)</i> Основные социологические подходы к изучению социально-стратификационных процессов	203
<i>С. А. Власова, В. И. Козачок (Москва)</i> Социальная безопасность: управление информацией и знаниями	207
<i>Гохгалтер М. А. (Барнаул)</i> Тенденции изменения воспроизводства ценностей через систему образования современной России в процессе ее реформирования (по результатам лонгитюдного исследования 2005–2010 гг.)	209
<i>Жазивихина Н. В. (Барнаул)</i> Трансляция образа маргинала в СМИ (на примере еженедельного периодического издания «Аргументы и факты»).....	212
<i>Павлова Т. А. (Барнаул)</i> Бедность как социальная проблема.....	216
<i>Решетникова С. А. (Барнаул)</i> Репродуктивное поведение сельских молодых семей Алтайского края	220
<i>Титов Д. М. (Барнаул)</i> Идеи государственной семейной политики в контексте выборов в Государственную Думу Российской Федерации в 2011 г.	225
<i>Шаталова Е. А. (Барнаул)</i> Профилактика алкогольной зависимости в молодежной среде.....	229
<i>Шрайбер А. Н. (Барнаул)</i> Проекты решения демографических проблем современной России политическими партиями	231
<i>Ахмедова Н. Г.-К. (Барнаул)</i> Социальное здоровье студенческой молодежи в условиях мирового кризиса.....	236
<i>Баженова Н. Н. (Барнаул)</i> Совершенствование управления непрерывным образовательным процессом в системе профессионального образования	237
<i>Безрукова А. П. (Барнаул)</i> Институциональные основания правового регулирования незарегистрированных браков в России	240
<i>Бугрова Т. С. (Барнаул)</i> Социальная гостиная как форма организации безопасного социально-психологического пространства в школе (из опыта работы социальной гостиной в школе № 37 Барнаула).....	243

<i>Бугрова Т. С., Попова Т. И., Захарова Т. В. (Барнаул)</i> Социальная адаптация студентов первого курса (на примере реализации проекта «Неделя первокурсника» на факультете социологии АлтГУ)	247
<i>Васильева А. И. (Барнаул)</i> Отношение населения Барнаула к реализации «комендантского часа» в Алтайском крае.....	250
<i>Ганнибалов А. И. (Барнаул)</i> Особенности функционирования института гражданского судопроизводства в современном российском обществе	254
<i>Гейбель И. Д. (Барнаул)</i> Конфликты гастарбайтеров с работодателями (по материалам исследования в Алтайском крае в 2010–2012 гг.).....	257
<i>Егорова Е. Ю. (Барнаул)</i> Отношение населения к страховому бизнесу (на примере отношения водителей г. Барнаула к автострахованию)	261
<i>Жданова Н. Е. (Барнаул)</i> Особенности проявления жестокости между сиблингами в современной российской семье.....	264
<i>Т. В. Захарова (Барнаул)</i> Роль специалиста по социальной работе в осуществлении социального патронажа семей, попавших в трудную жизненную ситуацию.....	269
<i>Князева А. С. (Барнаул)</i> Социально-правовые механизмы защиты детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей	271
<i>Кобинцева Е. С. (Барнаул)</i> Социальная ответственность книжного бизнеса Барнаула	274
<i>Кононенко А. С. (Барнаул)</i> Роль агропромышленного бизнеса в социальном развитии городов и сельских поселений (на примере предприятий Алтайского края)	277
<i>Коннов А. С. (Кемерово)</i> Доверие как фактор формирования гражданского общества	279
<i>Короткова А. О. (Ярославль)</i> Теория и практика социальной работы в условиях трансформации модели социальной политики в России	281
<i>Матюшина Я. Г. (Барнаул)</i> Методы поддержания и изменения корпоративной культуры организации.....	286
<i>Махнёва Н. С. (Барнаул)</i> Социально-правовое регулирование современной российской блогосферы	290

<i>Мишина В. Л. (Барнаул) Формирование образа семьи в представлениях студенческой молодежи: к постановке проблемы</i>	294
<i>Мурадова М. В. (Кемерово) Социология: мифы и идеалы (взгляд начинающего социолога)</i>	297
<i>Нарожная А. В. (Барнаул) Средства массовой информации как инструмент формирования здорового образа жизни среди студенческой молодежи</i>	301
<i>Отрожденова А. В. (Ярославль) Профилактика жестокого обращения с детьми</i>	304
<i>Перлина К. В. (Барнаул) Удовлетворенность пациентов государственных и муниципальных ЛПУ Барнаула качеством платных медицинских услуг</i>	309
<i>Пунина А. А. (Барнаул) Автоматизированные системы обработки сообщений СМИ в исследовании имиджа региона</i>	313
<i>Рзаева С. В. (Барнаул) Миграционные установки бедных сельских жителей (на примере Алтайского края и Республики Алтай)</i>	316
<i>Старченко С. А. (Барнаул) Отношение населения Барнаула к участию в суде присяжных заседателей</i>	320
<i>Титов Д. М. (Барнаул) Государственная семейная политика, проводимая партией «Единая Россия»: основные направления и эффективность</i>	323
<i>Тихонова О. С. (Барнаул) Отношение предпринимателей Барнаула к процедуре медиации</i>	327
<i>Черданцева Т. И. (Барнаул) Жестокое обращение с детьми как социальное явление в России</i>	331
<i>Шумкова А. В. (Орел) Объективный взгляд социологии на мир</i>	334
<i>Эбелинг Э. О. (Барнаул) Социально-демографические показатели суицидов среди подростков Алтайского края</i>	337
<i>Литвинова Е. В., Мишина В. Л., Нарожная А. В. (Барнаул) Социальная адаптация студентов первого курса посредством клуба «Community»</i>	340
<i>Иванова О. А. (Барнаул) Типология сельской молодежи Алтайского края по социально-экономическим показателям ее социального положения и специфике миграционных установок</i>	342

Раздел I

**ПОТЕНЦИАЛ
СОЦИОГУМАНИТАРНОГО
ЗНАНИЯ В РАЗВИТИИ
СОЦИАЛЬНО МЫСЛЯЩЕГО
ЧЕЛОВЕКА**

А. А. Удоденко (Барнаул)

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И ИСТОРИЧЕСКИЙ ТИП СОВРЕМЕННОГО МЫШЛЕНИЯ

Современный тип мышления населения России и Алтайского края характеризует откат в большинстве случаев к товарно-фетишистскому сознанию. Социологические исследования, проведенные нами в 1990–2011 гг., фиксируют данное движение регионального сознания назад. Для современных поколений все более и более характерны типы сознания не только буржуазного, но и феодального периодов истории. Все шире в духовном мире поколений, ныне живущих, проявляются фетишизация денег, товара, капитала, вера в религиозные догматы самых различных направлений. Как этот регресс в духовной жизни России влияет на социологические исследования? Коснемся одного интересного аспекта содержания социологических исследований в социологии региона — научного творчества.

Социологическое исследование — результат систематического творческого умственного труда не только социолога, но и его респондентов. Социолог в процессе подготовки к социологическому исследованию опирается на принцип единства системного и деятельностного подходов, который находится в основе создания программы эмпирического исследования. Деятельностный подход предполагает создание в объектах исследования нового, оптимизирующего его изменения.

В процедурах конструирования программы эмпирического исследования, занимаясь системным анализом объекта, определяя цели исследования, социолог обосновывает объективное содержание социальной потребности в новом знании. Переходя к задачам и гипотезам, мысль социолога устремляется к действию, добыванию этого нового знания, поиску адекватных методов получения потребности региону и его населению нового истинного знания.

Создав инструмент измерения того или иного объекта, входящего в качестве элемента в региональную систему социальных связей и отношений, социолог организует общение респондентов с собой, чтобы извлечь эмпирические данные, позволяющие через испытание гипотез дать истинное знание. Следовательно, социолог вовлекает респондентов в процесс своего научного творческого поиска, он организует процесс сотворчества респондентов в деле добывания нового истинного знания. Различие социолога и респондентов в со-

творчестве в том, что первый глубоко осознал и понимает то, что он делает, тогда как вторыми движет интерес (или его отсутствие) в познании социальной проблемы исследования.

Отличить видимость от реальности, случайное от закономерного в общественной жизни региона нелегко. Общее переплетается в нем с единичным тысячами нитей, составляя содержание особых закономерностей развития, например, жителей Алтайского края. В логике научного вывода социолог использует инструмент измерения, который и позволяет найти закономерное, реально существующее движение исследуемого объекта.

Измерение в социологии имеет, на наш взгляд, три качественно различных и взаимосвязанных друг с другом фазы:

- 1) создание инструмента измерения;
- 2) использование инструмента измерения в процедурах сбора эмпирической информации (наблюдение, анализ документов, опрос и др.);
- 3) применение инструмента измерения в процедурах обработки, анализа и обобщения (испытание гипотез, разработка практических и научных рекомендаций).

Каждая из названных выше фаз предполагает свои особые формы научного творчества. Так, в первой и третьей фазах социолог не нуждается в сотворчестве с респондентами. Тогда как вторая фаза невозможна как процесс измерения объекта, если социолог не сумеет адекватно организовать непосредственное общение с респондентами, не разработает организационно-технический план исследования, подчинив его соответствующему стратегическому плану, реализованному в конкретных тактических шагах, позволяющих точно, надежно, адекватно действовать в тесном контакте с объектом исследования.

На третьей фазе измерения в процедурах мы сталкиваемся с формализованными языками. Сочетание содержательной и формализованной сторон языка — фундаментальная научная проблема, которая отражается, по нашему мнению, в логике социологической обработки полученных эмпирических данных. Со времен Геделя проблема формализации системы эмпирических показателей социологии решается как проблема неполноты любой формализованной системы, его внутренней логической невозможности создания непротиворечивой (с позиций формальной логики и математики) системы. Наглядный образ предмета исследования социолога служит ему методом разрешения формально-логического противоречия в процедурах измерения на любой стадии логики его научного вывода.

Из сказанного выше ясно, что *наглядный образ* предмета является средством преодоления парадокса формализации языка в системе сбора и обработки данных. Преимущество наглядного образа предмета эмпирического социологического исследования оборачивается, с другой стороны, его недостатком. Мышление социолога (хотел бы он того или нет) ангажировано (заражено) предрассудками своего времени. Он, безусловно, стремится избавиться от ангажированности при построении шкал или других методов измерения. Но абсолютно избежать ошибок такого рода ему не дано.

Е. А. Попов (Барнаул)

ЧЕЛОВЕК И ЕГО ДУХОВНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В ЦЕНТРЕ ВНИМАНИЯ СОЦИОЛОГИИ

Современное социологическое знание, следуя принципу полинаучности, закрепляющему приоритеты междисциплинарности в получении новой информации, актуализирует широкий круг отраслевых направлений, среди которых заметное место занимают традиционные для социологии области, например, социология культуры, социология права и другие, но в то же время социология прирастает и другими научными интересами, позволяющими существенно расширить эпистемологическое пространство социологии. Социология духовной жизни как одна из отраслей современной социологической науки переживает сложное и противоречивое состояние, вызванное главным образом отсутствием четкого и осмысленного понимания категориальной системы *духовная жизнь*. Как известно, еще совсем недавно в наименовании научной специальности, по которой присуждались ученые степени, присутствовало гармоничное единство культуры и духовной жизни — *социология культуры, духовной жизни*. По-видимому, такое сочетание ни у кого не вызывало сомнений в его адекватности, по крайней мере процессам, происходящим в социальной реальности: исследование культуры вкупе с изучением духовной жизни человека составляли самодостаточный уровень социальных обобщений с обозначением очень важных аспектов «для других научных областей» — культурологии, психологии, антропологии и, конечно, философии. Это придавало особый вес тем концепциям, которые социология культуры, духовной жизни не просто констатировала в плане теоретизирования, но и подкрепляла достаточным эмпирическим материалом. В этом смысле за социологией культу-

ры закреплялся приоритет выраженного теоретического осмысления процессов взаимодействия общества, культуры и человека, а социология духовной жизни в большей степени актуализировала прикладной характер в изучении такого взаимодействия, при этом открытым оставался вопрос о дифференциации двух категориальных систем — культуры и собственно духовной жизни.

Сегодня по-прежнему остается нерешенной проблема соотношения понятий культуры и духовной жизни, и, как нам кажется, она не может быть предана забвению, поскольку гуманитарная направленность социологии так или иначе определяет формулу взаимодействия общества, культуры и человека. Между тем это обстоятельство позволяет вести речь и о таких обязательных атрибутах любого научного знания, как объект и предмет. Применительно к различным отраслям социологической науки их предметное поле связывается с уже обозначенной формулой — *общество + культура + человек*, при этом особое значение имеет распределение приоритетов в этом триединстве: скажем, если иметь в виду предмет культурологии, то он выглядит следующим образом: *культура + человек + общество*, в случае с социальной культурологией меняются местами *общество и человек*, но по-прежнему первое место сохраняется за культурой и т. д. Это значит, что культуроориентированные (или же культуроцентричные) области знания неизменно в качестве доминирующего эвристического направления актуализируют исследование культуры и ее многомерных смыслов, кодов и значений. С другой стороны, очевидно, что в социогуманитарной сфере невозможен разрыв между началами человека и общества — *индивидуальным и коллективным*. По этой причине не совсем, на наш взгляд, оправданным является закрепление за социологией исключительного статуса науки об обществе. Горизонты ее интересов простираются, конечно, и в другие области, однако именно общественные отношения остаются в зоне повышенного внимания социологической науки, что, разумеется, вполне закономерно.

Относительно же социологии духовной жизни очевидный ее уклон в сторону *духовного* начала не позволяет достаточно четко определить самодостаточный ракурс освоения социальной реальности. Вызвано это, по-видимому, неопределенностью в самом понимании духовного или духовности в современном научном дискурсе. И если в целом для «большой» социологии вектор научного поиска вполне сложился, и он неукоснительно связан с общественными процессами и явлениями, то в случае с социологией жизни не все так однозначно. По крайней мере, такая область человеческих отношений как духовная жизнь в ее институциональном смысле находится на границе

внутреннего и внешнего миров в бытии человека, а значит, может привлечь исследователей, способных не только к теоретическим общениям по поводу духовности, но и к рефлексии духовного, а это уже даже не социальное измерение. Именно поэтому некоторые социологи все же неоправданно быстро стремятся «узаконить» соотношение духовной жизни с жизнью общественной: духовная жизнь общества — «это относительно самостоятельная область общественной жизни, основу которой составляют специфические виды специализированной духовной деятельности и общественных отношений, регулирующих духовную деятельность и функционирование общественного сознания» [1, с. 309]. Как видим, в такой интерпретации духовная жизнь характеризуется в операциональных категориях, способных придать этому понятию вещественный, атрибутивный — социально обусловленный смысл, что, конечно же, вовсе не исчерпывает глубины феномена духовной жизни и прежде всего в тех ситуациях, когда нужно говорить о внутреннем мире человека, его субъективных взглядах на социальную действительность.

Именно это обстоятельство затрудняет «вхождение» исследователей-социологов в пространство духовной жизни. Подобная ситуация характерна и для социологии искусства: «социология искусства, понятно, обращается к искусству. Но, очевидно, что объект и субъект давно изменились, а актуальный вопрос — как бытует современное искусство? — остается пока без должного ответа. По-видимому, ни один социолог не возьмется сегодня за всю социогуманитарную науку решить эту сложную задачу» [2, с. 120]. Тот факт, что духовная жизнь, равно как и искусство, — системы рефлексивные, деликатные, эстетические, внутренние, асоциальные, может затруднить их социологическое измерение, но вовсе не отменяет возможностей постижения этих феноменов в русле социологической теории и, таким образом, способен натолкнуть исследователя на новые идеи, связанные с включенностью этих явлений в социальную ткань. И если в социологии искусства многие позиции скрываются за кодами «художественно-смысловой центрации» искусства [2, с. 121], то в социологии духовной жизни генеральной линией становится внимание к преломлению духовного начала в социальном мире — процессу неоднозначному, порождающему множество дополнительных коннотаций, о которых пойдет речь ниже.

Предметным полем социологии духовной жизни является взаимодействие общества, человека и культуры; при этом, во-первых, важное значение, приобретает не механический характер такого взаимодействия, когда за его скобками остаются саморефлексия и интенции

личности, но зато всякий раз подчеркивается его социальный смысл, а во-вторых, нуждается в пояснении и само понятие *жизни*. Одно то, что, по мысли А. Ф. Лосева, «...жизнь, взятая в чистом виде, именно как только жизнь, а не что-нибудь другое, есть бурлящая и клокочущая бессмыслица, апофеоз безумия» [3, с. 27], трактовки духовной жизни и их актуализация в социологии становятся по меньшей мере неоднозначными. Жизнь повседневная, жизнь социальная, эстетическая, гедонистическая, жизнь духовная — человек проживает их все в том или ином порядке, так или иначе, и при этом постигает опыт ценностных трансформаций, становясь циником, прагматиком, эстетом, конформистом, идеологом и т. д. Если исходить из утверждения, согласно которому «конкретный человек имеет прагматические интересы, ограниченные временной областью его жизни, а также — нематериальные интересы, определяемые культурой; иногда они именуются *духовными*» [4, с. 111], можно в рамках социологии духовной жизни рассматривать совершенно различные человеческие типы, приписывая одним прагматические наклонности, а другим — духовно значимые доминанты. Однако это совершенно невозможно, поскольку «...сплошная текучесть жизни настолько сильна, что избавиться целиком от этой сплошности и непрерывной, то есть чисто сумбурной, текучести нет никакой возможности» [5, с. 276].

Очевидно, что расслоение человека на системы материального и нематериального в нем крайне беспредметно; скорее в доказательстве нуждается другая сторона человеческого бытия — независимость человека перед лицом социума в то время, как он потерян в обществе и бессилен перед ним. Поэтому, как полагает В. А. Бачинин, «через внешние признаки раскрывается «размышляющая душа» человека, а с ней и духовные свойства — возвышенный или прагматический склад ума, утонченность или грубость...» [6, с. 128]. По-видимому, *размышляющая душа* и есть свойство духовной жизни, а «рост индивидуализма, — по мнению Н. Моисеева, — объективная потребность человечества» [7, с. 149].

Обращает на себя внимание концептуализация *двух вариантов* духовной жизни; в этой связи остается не до конца понятным, является ли более предметным для социологии феномен духовной жизни общества или явление духовной жизни человека. Представляется, что выраженный философский ракурс обнаруживается, когда речь идет о духовной жизни человека, поскольку широта вопросов, связанных с внутренним миром человека, и еще большее количество тайн, сопровождающих проникновение в закрытое пространство, в целом отвечает духу философского знания. В этом ключе вполне резонно

звучит мысль о том, что «современная цивилизация не может ответить на такие важные и фундаментальные вопросы: *кто такой человек, как он должен жить, как высвободить и плодотворно использовать заключенный в нем творческий потенциал?*» [8, с. 107]. Не может ответить на эти вопросы современная цивилизация, оперируя значениями, все же далекими от исследования природы индивидуальной саморефлексии человека и других его высоких сфер, но попытаться приблизиться к разрешению вечной проблемы — что есть человек? — безусловно, задача философского масштаба.

Между тем для социологии на первый взгляд более определенна «участь» духовной жизни общества. Если воспользоваться максимой П. Бурдьё о символической борьбе, то можно с большой долей вероятности утверждать, что духовная жизнь общества и есть «символическая борьба по поводу восприятия социального мира», которая «может принимать разные формы» [9, с. 197]. Современная социология по-разному *схватывает* эти формы общественной духовной жизни. Так, к примеру, выводы о религиозности той или иной социальной группы связываются с витальной и социальной ипостасями человеческого бытия — при том, что, по мысли некоторых исследователей, духовная ипостась человека «не столь очевидна, и ее обнаружение и расшифровка требуют усилий» [6, с. 128]. Иными словами, религиозность — это сфера таких общественных отношений, которые акцентируют не саморефлексию индивида, а связь коллектива или группы с идеологией, мифологией, повседневными практиками и т. д. — всем тем, что составляет институциональный смысл религиозности или любого иного свойства духовной деятельности. Следовательно, духовная жизнь общества — категория *процесса и результата*.

С точки зрения процессуальной характеристики духовная жизнь общества — это духовная деятельность, направленная на закрепление в социальной реальности тех или иных ценностей и норм; религиозность как раз подчеркивается духовной деятельностью людей, смысл которой заключается в утверждении или насаждении в обществе определенных религиозных ценностей и норм, причем зачастую обобщенных, не индивидуализированных — «Бог есть!» и не имеет значения, кто он — Христос, Будда или Аллах.

Вместе с тем духовная жизнь общества — это и результат ценностно-нормативных исканий, которые обрели свое формальное закрепление в общественных отношениях, круг которых довольно широк. Так, например, система права, возникшая в результате духовной деятельности, закрепила общественные отношения в границах

морали, политики, идеологии и т. д. Современная социология права, о месте которой в «большой» социологии споры не прекращаются до сих пор [10; 11], вовсе не торопится «признать» социокультурный характер правовой системы и по-прежнему постулирует доминанты связи права и общества, по сути исключая из этого смыслового ряда взаимодействие права с человеком, его внутренним миром. Как нам кажется, такие аналогии чужды социологии права по определению, поскольку она на первую линию выдвигает влияние правовых норм на поведение и волю индивида, что, конечно же, закрепощает право в его процессуальных свойствах. Социология духовной жизни призвана этот пробел восполнить, а точнее, обратить любую систему духовной деятельности лицом к человеку, индивидуализировать ее, связать с мировоззренческими исканиями личности. Как известно, постмодерн конца XX — начала XXI в. абсолютизировал духовное несовершенство человека, подчеркивая его очевидные прагматические цели и установки. Так появилась метафора *расщепленного человека*, а некоторые исследователи утвердились во мнении, согласно которому «современное мироощущение подошло к осознанию необходимости противопоставить духовному расщеплению человека и абсурду существования какое-то позитивное волевое движение» [12, с. 45]. Это волевое движение — суть духовной жизни человека и общества. Оно концентрирует усилия человека на *размышляющей душе*, но в то же время выплескивается в социальный мир, воплощаясь в праве, религии, идеологии, гражданственности и др. Следовательно, генеральная задача социологии духовной жизни — выявить, каким образом духовный мир личности формализуется в социокультурных комплексах — знаках, символах, нормах, ценностях, и не менее важно, как эти комплексы «от имени не конкретных личностей, а социальных институтов адресуются поколенным контингентам, особенно поколениям будущим» [13, с. 7–8]. Действительно, социология духовной жизни, как, впрочем, и философия, может догадываться о духовном мире личности, ее ценностно-смысловых приоритетах, но эти предположения не могут стать ядром эмпирических изысканий и вообразить *меру* или объем духовного мира личности. Однако исследование способов транслирования накопленных в результате духовной деятельности человека социокультурных комплексов последующим поколениям приобретает для социологии немаловажное значение. И в этом случае такие пути передачи актуальной информации не могут быть обойдены вниманием как со стороны «большой» социологии, так и с позиции социологии духовной жизни как ее неотъемлемой части.

В изучении феноменов духовной жизни человека и общества акценты нередко ставятся на понятии «социальное творчество». «Духовный мир личности, — как отмечает Л. А. Гуцаленко, — неразрывно соединяя индивидуальность и ее многогранное, эффективное проявление в различных, или хотя бы в одной сфере социального творчества, не заиклен на сознании индивидуальном, отсекающим общественное» [13, с. 8]. Для социологии духовной жизни использование категории социального творчества позволяет апеллировать не к тайнам духовного мира, которые, как известно, зашифрованы и часто неведомы другому человеку, а скорее к осязаемым формам; внимание к ним для социологии представляется вполне оправданным. Такой формой и становится социальное творчество. Его необходимо отличать от произведения искусства, повседневного творческого самовыражения человека, поскольку социальное творчество, хотя и реализуется или воплощается по индивидуальным меркам, но все же предназначено прежде всего для общества и по общему правилу существует в его интересах. И если «социологическое теоретизирование всегда содержит в себе интуицию социального», по выражению А. Филиппова [14, с. 63], то социальное творчество эту интуицию подхватывает и облекает в *социальные* формы, к которым можно отнести, например, и «ценность *общительности* человека (курсив автора цитаты. — Е. П.), т. е. его способности к общению, взаимодействию с другими людьми...» [15, с. 35], и формы социальной рекламы, привлекающие внимание людей к острым социальным проблемам современности.

Если рассматривать социальное творчество сквозь призму социальности, то оно вбирает в себя любое действие человека (и в целом его духовную деятельность), направленное на поддержание, развитие, совершенствование всех явлений, процессов и феноменов, связанных с взаимодействием человека, общества и культуры. Это, безусловно, достаточно широкие, если не безграничные горизонты самореализации человека, но вместе с тем в эпоху всплеска социальности, когда человек совершенно не может жить один и постоянно включен в различные акты коммуникации и социальное творчество, существенно меняются доминанты его развития: если раньше его мир связывался с ценностно-нормативными абсолютами, то с наступлением нового тысячелетия его индивидуальность обрела выраженный социальный смысл, подкрепляемый необходимостью хранения, передачи и использования накопленного человечеством интеллектуального, нравственного и эстетического опыта [16, с. 112–113]. Таким образом, социальное творчество — и есть ткань человеческого бы-

тия, непрерываемая связь человека с социальной реальностью. Следовательно, социология духовной жизни, проявляя внимание к социальному творчеству, практически оставляет для себя открытыми возможности для освоения различных социокультурных значений и смыслов бытия.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Петров Ю. В. Жизнь общества духовная // Социологическая энциклопедия : в 2 т. М., 2003. Т. 1.
2. Попов Е. А. Социология искусства: проблема становления // Социол. исследования. 2007. № 9.
3. Лосев А. Ф. Страсть к диалектике. М., 1990.
4. Реут Д. В. Качество жизни и прокреация // Философские науки. 2010. № 7.
5. Лосев А. Ф. Дерзание духа. М., 1988.
6. Бачинин В. А. Антропосоциология и метафизика портрета // Человек. 2004. № 4.
7. Моисеев Н. Рациональный гуманизм // Общественные науки и современность. 1992. № 3.
8. Разин А. А., Разин Р. А., Шудегов В. Е. Человек — главная ценность общества // Социально-гуманитарные знания. 2005. № 2.
9. Бурдые П. Начала/пер. с фр. М., 1994.
10. Лапаева В. В. Социология права. История и современность // Социол. исследования. 2008. № 6.
11. Тимашев Н. С. Что такое социология права? // Социол. исследования. 2004. № 4.
12. Горелов А. А., Горелова Т. А. «Расщепленный» человек и идея Всеединства // Человек. 2004. № 5.
13. Гуцаленко Л. А. Нужна ли социологии жизни живая личность // Социол. исследования. 2003. № 10.
14. Филиппов А. К теории социальных событий // Логос. 2005. № 5 (50).
15. Лапин Н. И. Функционально-ориентирующие кластеры базовых ценностей населения России и ее регионов // Социол. исследования. 2010. № 1.
16. Тонконогов А. В. Мировоззренческие императивы обеспечения духовной безопасности современного российского общества // Социально-гуманитарные знания. 2010. № 2.

Г. В. Оболянский (Барнаул)

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС ВОКРУГ РУССКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕИ

Уже не первое столетие российская политическая мысль ищет ответ на вопрос, что такое «русская национальная идея». Рассуждения по поводу этой идеи то приобретают характер ожесточенного спора, то идут в форме внешне спокойных и как будто непредвзятых, обстоятельных обсуждений. Их нередко называют *дискурсом*, который определяется как «коммуникативное событие», «взаимодействие сознаний» или «социокультурный контакт» в форме высказываний, диалога, письменного текста, где особое значение придается «языковой грамматике», семантическим элементам, метафорическим оборотам и т. д. [1, с. 257].

Понятие «русская идея» стало активно использоваться российской общественностью в середине 60-х гг. XIX в., когда его ввел в литературу писатель Ф. М. Достоевский. Позже с научным докладом на эту тему выступил философ В. С. Соловьев. А в XX столетии писать о русской идее стали почти все отечественные мыслители. В 1946 г. Н. А. Бердяев издал в Париже книгу под названием «Русская идея», которая представляет собой итог раздумий философа о русской душе, об исторических судьбах России, религиозном призвании ее народа.

Существует множество определений национальной идеи. Приведем одно из них: *«Национальная идея — это существующие объективно, сохраняемые многими поколениями и характерные для данного народа глубинные правила и традиции, которые отличают его от других народов и порождают иные его способности и характеристики. Опора на национальную идею позволяет выстраивать надежную стратегию общественного развития»* [2, с. 26].

Национальная идея, как правило, отражает важнейшие жизненные чаяния, желания и устремления народа, которые могут быть как реальными, так и мнимыми. Нет национальности, которая на каждом этапе своей истории не имела бы своей национальной идеи. Ни одна другая социальная идея по эффективности воздействия на умы и сердца людей не может сравниться с национальной идеей, которая апеллирует к национальному достоинству и чувствам народа. Этим, однако, могут пользоваться в своих интересах не только прогрессивные силы, но и те, кого относят к экстремистам и другим, крайне правым или крайне левым силам.

В основе политического дискурса лежат различные виды знаний (верований), которые эксплицитно (явно) вербализируются или, на-

против, остаются имплицитно (скрытно) выраженными, что предполагает, говоря словами М. Фуко, «вычитывание» значений, подразумевающихся, но остающихся не высказанными, прикрывшись фасадом «уже сказанного» [1, с. 239]. Нередко в подобном дискурсе для разных трактовок «русской идеи» используются метафоры и различные другие обороты речи, заключающие в себе скрытое уподобление, сравнение, образное сближение слов на базе их переносного смысла. Их применение дает возможность «обслужить» практически «любой политтехнологический «интерес», в том числе, к сожалению, и интерес к конструированию экстремистских идей.

Участники дискурса (адресанты, т. е. те, кто передает информацию, и адресаты, т. е. получатели данной информации) строят процесс обсуждения проблем в стиле общения, который чаще всего характерен в отношениях между «своими» и «чужими». Схема может быть такой: кто мы (к кому мы (не) принадлежим?); цели (чего мы хотим?); нормы и ценности (что такое хорошо и что такое плохо с точки зрения идеалов нашей группы?); наше отношение к другим, т. е. к тем, кто не с нами); наши ресурсы и возможности воздействия (прежде всего идейного) на тех, кто не с нами [3, с. 81].

Современная тематика политического дискурса вокруг русской идеи очень широкая. Одни делают акцент на духовных основах российского общества, в том числе религиозных, другие — на идее государственности, третьи — на цивилизационных проблемах, четвертые считают главным социальную справедливость и т. д.

При этом считается, что лучше всего суть русской идеи может быть выражена в виде какой-либо формулы, т. е. точного и вместе с тем наиболее общего определения, выраженного кратко и приложимого ко всем частным случаям. Эта формула чаще всего излагается в виде *триады*. Кроме того, предлагаются также эмоционально выраженные *слоганы* (девизы, призывы), перечни качеств и достоинств россиян, правила и *максимы*, которым необходимо следовать, и пр.

Одной из первых триад явилась известная уваровская формула: «Православие — Самодержавие — Народность» (XIX в.). А в XXI столетии многие общественные деятели, разочарованные в либеральных идеях Запада или изначально их не принявшие, снова обращаются к русскому консерватизму и призывают вспомнить триаду министра просвещения Российской империи графа С. С. Уварова. Известный российский социолог из МГУ имени М. В. Ломоносова В. И. Добренко убежден, что в уваровской триаде «гениально угадан фундаментальный принцип российской общественной жизни, российского менталитета, российской цивилизации» [4, с. 110–111]. Другой со-

циолог, академик РАН Г. В. Осипов предложил свою триаду, которая, по его мнению, в рамках русской идеи могла бы быть принята за основу построения российской государственности: «Духовность — Народовластие — Державность» [5, с. 15–22]

Есть также немало примеров *лозунговой формы* выражения национальной идеи: «Социальная справедливость — социализм XXI века для России» (партия «Справедливая Россия»); «Справедливость — для всех, счастье — для каждого!» («Патриоты России»); «Путь России — вперед, к социализму!» (КПРФ); «Воссоздадим Русское Национальное Государство!» (движение русских националистов) и др.

Некоторые авторы слишком вольно обращаются с самим понятием «национальная идея». Например, в ходе одной из дискуссий на российском радио участники предложили: «...а не сделать русской национальной идеей ... футбол? В самом деле, чем мы хуже Бразилии? Живут же смуглые веселые бразильцы от чемпионата к чемпионату. Вот и у нас в 2018 году будет...» [6, с. 12]. Исследователи, более серьезно работающие над проблемами русской идеи (например Л. Вознесенский), говорят, что *общенациональной* идея может быть в следующих случаях:

- имеет глубокие *исторические корни* и рассчитана на длительную перспективу (не только на десятилетия, но и столетия); не может быть порождением частных и сиюминутных обстоятельств;
- является только одной, *ведущей*, стоящей над всеми прочими, и не подменяется ни национальными приоритетами, ни национальными программами, проектами, планами и задачами (последние — это только шаги, ступени, направления в достижении высшей цели общества и государства);
- выполнит *объединительную функцию*, если будет достаточно общей в принципе и вместе с тем достаточно конкретной, дающей возможность каждому наполнить ее своим реальным содержанием с близкими его сознанию и душе акцентами;
- должна *мобилизовать* граждан на достижение высокой и желанной цели для большинства населения; может стать знаменем, зовущим народ к труду и к подвигу [7, с. 7–8].

Пока, на наш взгляд, российским мыслителям не удалось сформулировать такую национальную идею, которая в полной мере отвечала бы всем указанным выше требованиям. Политический дискурс идет вокруг проблем, которые, как кажется исследователям, прямо или косвенно отражают то, что должно составлять смысл и содержание этой идеи.

Можно выделить следующие группы проблем:

- судьба России, ее прошлое, настоящее и будущее;
- наше сегодняшнее отношение к извечному вопросу об исторической миссии России и ее народа;
- способна и готова ли современная Россия брать на себя объединительные функции, т. е. задачу «собирания земель», о чем в свое время писали Ф. М. Достоевский, Н. А. Бердяев и другие российские мыслители?
- проблемы взаимодействия России и Запада, России и Востока (можно ли назвать Россию Евразией?);
- каким должен быть современный русский человек и каким он является в действительности?
- российская государственность: специфика решения проблем свободы, равенства, демократии;
- наше отношение к российской истории, роль исторической памяти в современной России;
- особая социальная роль и ответственность российской интеллигенции.

Как видно из сказанного, в основе политического дискурса лежат ключевые понятия: «власть», «народ», «интеллигенция», «демократия», «модернизация», «справедливость», «свобода» и т. д. При этом главной особенностью применения этих понятий, как уже упоминалось, является свойство русского языка наделять одни и те же слова, словосочетания или фразеологизмы разным смыслом, используя метафоры, тропы, а также слова с так называемой пейоративной (от лат. *peior* — худший), т. е. отрицательной оценкой, слова с мелиоративной (от лат. *melioratio* — улучшение), положительной оценкой, разного рода номинализации (придание сказуемому или другим членам предложения значения имени существительного) и иные выразительные средства.

Среди публикаций, имеющих отношение к русской национальной идее, большое место отводится проблеме *соотнесения России и Запада*.

В 1990-х гг. в российском самосознании преобладал радикально-западнический дискурс: «Россия представляет собой специфическую часть Запада (Европы), несколько отставшую (досоветский период) и «заблудившуюся» (большевизм) в своем развитии. Вестернизация России — это важное условие ее модернизации...». Примерно с 2000-х гг. усиливается значение антизападнического дискурса: «Россия представляет собой особую культуру, не имеющую ничего общего с Западом. Вестернизация России ведет к разрушению этой культуры, к социальной дезинтеграции и морально-культурной деградации...»

В XIX в. русские философы, говоря о национальной идее, основной акцент делали на религиозности российского национального сознания, поэтому ключевыми понятиями являлись такие, как «спасение», «богочеловечество», «Святой Дух», «богоборчество» и пр. Под понятием «спасение России» подразумевалась деятельность всех общественных сил по формированию русской духовности, в том числе религиозной. Сегодня в понимание смысла «спасение России», если подходить к этой проблеме с позиции властей и близких к ним интеллектуальных сил, следует отнести все то, что связано со словами «рыночные отношения». Бизнес, частная собственность как условие продвижения России вперед, к новому будущему, исповедуются не только либеральными демократами, ориентированными на Запад, но уже и некоторыми представителями православной церкви. В 2000 г. впервые Русская православная церковь (РПЦ) приняла документ «Основы социальной концепции», в котором определяется позитивное отношение к основным институтам рыночной экономики и признается многообразие форм собственности, хотя вместе с тем подчеркивается примат духовного над материальным. Не осуждает рыночные отношения и ислам, при этом ссылаются на Коран: «Аллах сделал дозволенной торговлю, но запретил проценты» [9, с. 110, 115].

В условиях становления рыночного общества российское общество оказалось атомизированным и индивидуализированным гораздо сильнее, чем даже европейское. В связи с этим в рамках исследования русской национальной идеи Радио России и Институт этнографии и антропологии РАН сформулировали вопрос для россиян-радиослушателей: «Что значит быть русским сегодня?» Отвечая на этот вопрос, российские граждане пытались нарисовать в значительной мере идеализированный образ русского человека, показать, каким он должен быть в XXI в., но в то же время указали на целый ряд старых и вновь приобретенных социальных «болезней»: пьянство, лень, нежелание менять что-то в жизни — это старая болезнь, а новая — жадность, заикленность на деньгах, утрата духовности и патриотизма [9].

Подтверждают эти высказывания и данные социологических исследований Института социологии РАН. Как отмечает старший научный сотрудник этого Института Л. Бызов, в настоящее время 60% россиян ориентированы лишь на собственные интересы и не готовы жертвовать ими ради интересов страны. Автор пишет: «Современный россиянин хочет быть полновластным хозяином на отвоеванном у общества маленьком социальном плацдарме... Моя квартира за железными дверями, мой участок земли, который я огородил забором, —

это мое, а вот речка, которая протекает мимо забора, но с внешней стороны, — это уже ваше, не мое. Такое же отношение и к политике, особенно „высокой“. Это не мое, мне все равно нет никакого прока, по какой цене и кому вы продаете газ. Дайте мне пенсию, льготу, документы на участок, а остальное забирайте себе» [10, с. 3].

Представители некоторой части либерально настроенной интеллигенции говорят: «А что же в этом плохого?» Московские философы Т. Соловей и В. Соловей пишут: «Произнесем кощунственное: русские вполне буржуазный и обычный европейский народ, мечты, надежды и желания которого самые что ни на есть буржуазные и обычные. Если коротко, это желание спокойной, обеспеченной и свободной жизни, бытия без всяких духоподъемных химер и желательно подальше от излишне стеснительной и загромождающей длани государства» [11, с. 3].

Опираясь на такую жизненную позицию, известный российский ученый Ж. Т. Тощенко заявляет: «Достижение благополучия должно стать частью национальной идеи... реализации которой государству необходимо способствовать всеми имеющимися средствами, согласуя различные интересы, и не позволяя личное благополучие одних строить за счет благополучия других» [12, с. 349].

В рамках национальной идеи идут споры по поводу *российской истории*, в том числе касающиеся отношения к Великой Отечественной войне. В последнее время все более настойчивыми становятся попытки пересмотреть «официальную историю» Великой Отечественной войны. Полемический характер приобретает дискурс, связанный с так называемой эпохой сталинизма. По инициативе либералов и при поддержке западных «культурных» фондов в настоящее время разрабатывается проект «десталинизации общественного сознания». Инициатива Совета по развитию гражданского общества и правам человека (руководитель М. Федотов), разрабатывающего данный проект, уже привела к расколу общества на «сталинистов» и «антисталинистов».

Другая, не менее важная проблема, которая постоянно обсуждается в рамках российской национальной идеи — это *судьба России, ее прошлое, настоящее и будущее*. И эта проблема рассматривается также в контексте российской истории. Одним из таких исторических событий явился распад Советского Союза 20 лет назад. Организованный проправительственными и «независимыми» телеканалами «Суд времени» над ГКЧПистами должен был подтвердить историческую правоту правых сил, тех, кто сегодня требует «десоветизации» российской действительности. Но оказалось, что большинство россиян ассоциируют события тех дней не с победой над авторитарным советским режимом, а с развалом Советского Союза. Их мысли вы-

разил В. Путин, назвав события 1991 г. «самой крупной геополитической катастрофой XX века». По данным социологических исследований Левада-Центра, 58% опрошенных сожалеют о распаде СССР, 39% считают путч «трагическим событием с губительными последствиями», 49% убеждены, что «Россия движется в неправильном направлении», и всего лишь 10% полагают, что победа над путчистами стала достижением демократии [13].

Касаясь исторического прошлого, исследователи XIX в. традиционно занимались такой проблемой, как *собрание земель и объединительные усилия российских правителей*. К примеру, Ф. М. Достоевский писал о «нравственном собирании Руси», которое осуществлял император Александр III. Причем эта проблема, как правило, рассматривалась в контексте известной идеи об исторической объединительной миссии русского народа. Правда, еще совсем недавно ни о каких объединительных усилиях России речи не шло, хотя бы на пространстве СНГ. Поэтому для значительной части российской либеральной общественности весьма неожиданно прозвучала идея Евразийского союза, с которой выступил В. В. Путин [14].

Подводя итоги сказанному, следует отметить, что политический дискурс в России вокруг русской национальной идеи существенно отличается от понимания сущности и назначения дискурса в представлениях западных теоретиков, которые считают, что главная задача дискурса состоит в том, чтобы достичь согласия и взаимопонимания между людьми [15, с. 192]. Однако практика российского политического дискурса показывает, что дискурсанты предпочитают доказывать свою правоту путем острой полемики, нередко навешивая друг другу обидные ярлыки.

Традиционной особенностью российского дискурса является использование мифологем («особый русский дух»), великодержавный пафос, склонность к одушевлению образа России, независимо от оптимистических или пессимистических оценок («Россия-матушка», «сегодняшняя Россия стоит на краю пропасти» и пр.), преобладают эмоционально насыщенные высказывания по сравнению с рациональными оценками.

Однажды один из первых руководителей нашего государства с иронией сказал, что поиски русской национальной идеи превратились в старинную русскую забаву. Тем не менее считаем необходимым сказать, что поиски этой идеи должны продолжаться. Не может жить полнокровной жизнью народ, не имеющий перед собой великой цели. И, может быть, в качестве важной составной части национальной идеи сегодня мог бы стать призыв к нравственному, духовному

возрождению России, очищению ее от всего наносного, связанного с корыстью, коррупцией, с культом беспредельного личного обогащения людей. На наш взгляд, лучшим девизом для гражданина России могли бы стать слова: «Сперва думай о Родине, а потом о себе».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Большой энциклопедический словарь. Минск, 2002.
2. Чубайс И. Б. Какая Россия нам нужна или как закончить спор о русской идее? // Полития. 2006. № 3.
3. Гаврилова М. В. Экспликация идеологических представлений политика: лингвокогнитивный подход // Политические исследования. 2010. № 3.
4. Добренёв В. И. Ценностные ориентиры современной социологии // Социологические исследования. 2008. № 8.
5. Осипов Г. В. Реформирование России: итоги и перспективы // Вестн. Моск. ун-та. Серия 18 : Социология и политология. 1995. № 3.
6. Казин А. Еще раз о национальной идее // Литературная газета. 2011. № 21.
7. Вознесенский Л. Социальная справедливость как национальная идея // Свободная мысль. 2008. № 4.
8. Подгорный Б. Б. Экономическое поведение и влияние религиозных традиций (к постановке проблемы) // Социологические исследования. 2011. № 2.
9. Что значит быть русским сегодня [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mirnov.ru/arhiv/mn874/mn/14-5>.
10. Бызов Л. В ожидании «иноного» // Литературная газета. 2011. № 22.
11. Соловей Т., Соловей В. Чего не хотят русские // Литературная газета. 2011. № 40.
12. Тощенко Ж. Т. Социология : учебник для студентов вузов. 3-е изд., переработ. и доп. М., 2007.
13. 1991–2011: россияне между ностальгией и разочарованием [Электронный ресурс]. URL: http://www.Inopressa.ru/article/22Aug.2011/lemonade|91_1
14. Путин В. В. Евразийский союз: от идеи к истории будущего // Известия. 2011. 4 окт.
15. Жовтун Д. Т. Классики научной мысли: Хабермас Ю. Философский спор вокруг идеи демократии // Социология власти. 2011. № 3.

О. Л. Сытых (Барнаул)

ОБРАЗОВАНИЕ В ИНФОРМАЦИОННО-ПОТРЕБИТЕЛЬСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Проблемы образования волнуют всех членов общества. Первое десятилетие XXI в. ознаменовалось достаточно массовыми социально-политическими движениями в Европе, Америке и в Африке, в которых молодежь принимает активное участие, а иногда и является их инициатором, используя при этом интернет-ресурсы. Среди плакатов и лозунгов, с которыми выходят молодые люди на улицы европейских столиц, почти всегда присутствуют плакаты, выражающие чаяния, запросы и отношение к образовательной политике их правительств.

В России острота обсуждаемых проблем связана с осуществляющейся реформой образовательной системы, вызывающей жаркие споры и широко освещаемой в средствах массовой информации, особенно после опубликования проекта Закона об образовании.

Этот закон вызвал широкую дискуссию в обществе и, как выяснилось в ее ходе, граждане России по-разному понимают задачи и цели образования. Некоторые склонны видеть сегодня в университетах далеко не храм науки, культуры и образования, а фабрику по производству «успешных людей», способных создавать и потреблять материальные ценности.

В решении этой задачи нет ничего плохого, но только в том случае, если она будет не главной и не единственной. Представляется, что образование должно ориентироваться на ценности, которые определяют не только и не столько материальную жизнь человека и общества, сколько его духовную жизнь.

М. Хайдеггер в работе «Учение Платона об истине», анализируя платоновскую притчу о пещере, поясняет суть процесса образования. Переход из пещеры в дневной свет, от незнания к знанию, по Хайдеггеру, должен быть неторопливым, основательным, постепенным, так как перемена «бытия человека и происходит в основе его существа. Это значит: определяющая установка, долженствующая возникнуть благодаря перемене, подлежит разворачиванию из уже заложенной в человеческом существе отнесенности в устойчивое поведение» [1, с. 350]. М. Хайдеггер, следуя за Платоном, представляет свою концепцию образования: «Образование, во-первых, это образование в смысле разворачивающегося формирования. Такое „образование“, с другой стороны, „образует“ (форми-

рует), исходя все время из предвосхищающего соразмерения с неким определяющим видом, который зовется поэтому прообразом. „Образование“ есть вместе и формирование, и руководство определенным образцом» [1, с. 350].

Такой подход к образованию представляется наиболее приемлемым, потому что в нем провозглашена одна из главных целей образования — формирование личности через развертывание ее потенциала и с ориентацией на заданные «образцы-образы».

Важным элементом образования является формирование мышления с опорой на рефлексию. Человек должен измерять, оценивать, что он знает, каким образом он получает знания и как этот процесс сделать более эффективным. Известный отечественный специалист по рефлексивным процессам Г. П. Щедровицкий рассматривал рефлексию как важный способ организации методологического мышления и деятельности, приобщающей «индивидуальное мышление и индивидуальную деятельность к социальному, общечеловеческому» [2, с. 418].

Следует заметить, что приобщение к знаниям в предшествующей «информационному буму» эпохе на всех этапах побуждало человека к мышлению и рефлексии. Путь получения знания студентами был связан с работой в библиотеках, которые сегодня изрядно опустели.

Придя в библиотеку, школьник или студент, пользующийся систематическими каталогами (когда дана тема без ссылок на авторов), задавался вопросами: в каком разделе следует искать рекомендованную литературу. И уже в этом простом поиске происходила систематизация содержательного материала, с которым человек должен работать, с опорой на уже имеющиеся у него знания и представления. И здесь идет включение рефлексивных механизмов, важных для приобщения к миру культуры и опыта человека, формированию методов деятельности со знанием и осмысление мира знания. Следующий этап работы — это просмотр, чтение полученных статей и монографий, отбор и, наконец, конспектирование необходимого для осмысления заданной темы материала. А затем уже и новая систематизация всего комплекса полученного знания. И каждая из этих процедур открывала широкие возможности для формирования творческого мышления и развития интеллекта. Человек, обучаемый подобным образом, становился человеком *думающим*. И в этом был неоспоримый плюс старой «библиотечной» подготовки специалиста с высоким образованием.

Но было бы неверным не видеть в прежней системе минусов, постоянно сожалеть о прошлом и стремиться его вернуть.

Каждый, кому доводилось подолгу работать в библиотеках (а это преимущественно те, кому сейчас за 35 лет), сначала в справочно-библиографических отделах, а затем в читальных залах, видит огромные преимущества новых информационных технологий, позволяющих легко и быстро находить нужную информацию в «сети», заходить в библиотеки, которые раньше были недоступны, и приобретать для своей работы и образования те материалы, книги, которые еще совсем недавно, заказывая по МБА, надо было ждать месяцами.

Определенную пользу имеют и тестовые материалы, выставляемые на соответствующих сайтах, при помощи которых школьник или студент может проверить свой уровень освоения того или иного предмета. И уж совсем ни у кого не вызывает сомнения польза информационных ресурсов для знакомства с последними новостями политики, науки, техники, культуры и т. п.

Наконец, при определенных условиях существует возможность доступа к прослушиванию лекций профессоров лучших университетов мира и даже ведению с ними диалога.

Отметив весьма малую часть преимуществ информационных ресурсов (на самом деле их значительно больше) для расширения возможностей образования, прежде всего пространственного расширения, остановимся на некоторых недостатках, вытекающих из информационной революции, которая происходит в формирующемся в России обществе потребления. Е. И. Сапожников дает ему такое определение: «Общество потребления представляет собой систему, организующую совместную деятельность людей таким образом, что манипулирование культурными кодами, инициирующими потребительские психологические установки, становится ее доминирующим содержанием. Эта система характеризуется массовым манипулированием культурными символами и формированием соответствующей иерархии ценностей, на вершине которой перманентный выбор, покупка и регулярное обновление вещей» [3, с. 54].

Общество потребления заинтересовано в людях, сознанием которых можно манипулировать. Здесь не нуждаются в глубоком и оригинальном мышлении. Молодежь легко усваивает ориентацию на материальные ценности и социальный успех.

В сферу рыночных отношений включены сегодня структуры почти всех социальных институтов, в том числе и школа, и высшие учебные заведения. Их деятельность направлена на реализацию программы приспособления к механизмам рыночной жизни. И использование информационных технологий школьниками старших классов и сту-

дентами вузов — всего лишь один из важных шагов этого движения к рынку в рамках получения образовательных услуг.

При подготовке к занятиям молодежь сегодня широко пользуется информационной сетью, активно перекачивая оттуда материалы на заданные темы. Начнем с того, что особо выбирать материалы не приходится, они задаются уже в поиске.

Сегодня для многих обучающихся, использующих информационные ресурсы, не имеет принципиального значения, кем представлено содержание, кто авторы статей и монографий на заданные темы, имеющиеся в Интернете, к какому разделу относится изучаемый материал. Даже если был рекомендован конкретный автор, то из этого еще не вытекает, что студенты будут себя утруждать чтением именно его произведений на заданную тему, особенно если тексты сложные. Их выбор может быть обусловлен различными критериями, в числе которых не только рекомендация преподавателя, но и доступность для приобретения, восприятия и краткость изложения. Ситуацию можно охарактеризовать как «экономии мышления». На заре XX в. эта концепция, раскритикованная в марксистской философии, была весьма популярна. Но образование в информационно-потребительском обществе вновь заставляет вспомнить об «экономии мышления».

А что происходит дальше, после того, как необходимый материал найден без особых интеллектуально-рефлексивных затрат? Одни из студентов с ним знакомятся, внимательно изучая (это лучший вариант), другие этим себя не затрудняют, а распечатывают его для того, чтобы работать с ним на занятиях. Но при отсутствии тренировки памяти и мышления работа в итоге может быть сведена к воспроизведению текстов на занятиях путем простого и почти неосмысленного чтения. Человеком, обучающимся подобным образом, легко манипулировать. Он готовый субъект-объект потребительского общества. Его стремление к успеху и к материальному благополучию, которое не хочется откладывать на потом (на это «потом» как раз и откладывается осмысление содержания учебного и научного материала), ведет к тому, что целью его образования является получение диплома. Не конечной целью, а единственной.

Итак, как можно заметить, в образовании все меньше остается стремления к совершенству, молодежь все меньше утруждает себя осмысленным освоением материала и все больше «потребляет» то, что представлено уже в готовом виде, в виде «информации в сети». И даже механизм критического восприятия оказывается слегка «приглушенным». Это и есть «обратная сторона медали» информационной революции.

Остановимся еще на одном ее важном достижении — проверка знаний через тесты. Нельзя не согласиться с тем, что «тирания уже не текстов, а тестов приводит к тому, что человек живет в смутном состоянии недовольства собой, ощущая себя ненужным мусором, выброшенным на обочину мощным информационным потоком» [4, с. 133]. Вопросы, представленные в тестах, предполагают ограниченное количество ответов, в то время как в реальном творческом мышлении их должно быть значительно больше. Особенно это касается гуманитарных дисциплин, знание которых выходит за пределы легко поддающихся формализации «вопросов и ответов». Молодые люди (старшеклассники и студенты) при тестовой проверке лишены возможности рассуждения и мышления. Эти процессы здесь заменяются «осколками» памяти и везением в ситуации не знания, а угадывания. А подготовка к выполнению тестов (чем сегодня заняты почти все учителя и ученики старших классов и многие преподаватели вузов) сводится к обыкновенной тренировке, по типу спортивной или проще, но, грубо говоря, «натаскиванию» на успешное выполнение тестовых заданий. Это и есть некоторые нелицеприятные реалии образования России. А в чем же состоит выход из трудностей «переходного» периода?

Представляется, что сегодня важным является грамотное сочетание в процессе образования трех составляющих: науки, информационных технологий и образовательных практик. Информационные технологии стали реальностью, а вот возможность грамотно и методично этим пользоваться требует специальных усилий и новых подходов и разработок всего научно-педагогического сообщества. Требуется специальная концепция включения доступной информации в учебный процесс, с четкой градацией уровня включаемой информации, способов ее включения. А для этого необходима связь педагогов и ученых со специалистами в сфере информационных технологий. Эта важная, на наш взгляд, задача максимально упрощена, до представления ее в варианте информатизации школ и вузов. Думается, что решение проблемы информатизации, как она проходила и проходит в российской системе образования (приобретение компьютеров и обучение школьников, студентов и преподавателей компьютерной грамотности), это первый, важный, но, к чести сказать, уже сделанный шаг. Теперь же требуются дальнейшие не менее важные и масштабные шаги соединения системы образования с информационным пространством. И главное здесь — создание новой концепции «Информация — знание — образование», в которой должны быть четко определены цели образования.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Хайдеггер. М. Время и бытие: статьи и выступления: пер. с нем. М., 1993.
2. Щедровицкий Г. П. Философия, наука, методология. М., 1997.
3. Сапожников Е. И. Общество потребления в странах Запада // Вопросы философии. 2007. № 10.
4. Михайлова М. Эстетика молчания. СПб., 2009.

Е. А. Попов (Барнаул)

СОВРЕМЕННАЯ СОЦИОЛОГИЯ И ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

Для современной социологии образования стоит вопрос о ее включенности в широкий контекст социогуманитарных исследований, представленных различными областями знания — антропологии, истории, психологии, философии и др. И если раньше социология образования была ориентирована на институциональные характеристики своего основного объекта исследования, то теперь важный смысл приобретают и онтологические его свойства. В качестве основного вывода рассматривается положение, согласно которому социология образования должна не только следовать «согласованности» теоретического и эмпирического исследовательских начал, но и выявить ценностно-нормативные трансформации в современном обществе, повлекшими необходимость изменения всей системы российского образования. Кроме того, акцентируется положение о недостаточности преимущественно социоцентричного взгляда социологии образования на окружающий мир. Главное состоит в том, что вектором развития социологической науки в целом и социологии образования в частности становится культуроцентричное направление, актуализирующее традиции, ценности, знания и значения, связанные с ментальностью носителей культуры. Полученные результаты могут найти свое применение в практике проведения социологических исследований прикладного характера с учетом специфики культуроориентированного знания. Этим и другим аспектам в статье уделяется особое внимание.

Современное социологическое знание, следуя принципу полинаучности, закрепляющему приоритеты междисциплинарности в получении новой информации, актуализирует широкий круг отраслевых

направлений, среди которых заметное место занимают традиционные для социологии области, например, социология культуры, социология права и другие, но в то же время социология прирастает и другими научными интересами, позволяющими существенно расширить эпистемологическое пространство социологии. Социология образования как одна из отраслей современной социологической науки переживает сложное и противоречивое состояние, вызванное главным образом теми заметными изменениями, которые характерны для современной системы российского образования. Сегодня, по-видимому, не все попытки государства коренным образом перестроить систему российского образования, складывавшуюся не одно десятилетие, можно назвать успешными. Многочисленные опыты по реформированию всех ступеней образовательной системы затаргивают каждого человека, сказываются и на развитии других значимых для государства и общества сфер жизни — экономической, политической, демографической и др. Социология как наука о взаимодействии общества и человека как никакая иная область социогуманитарного знания «схватывает» эти изменения и пытается проанализировать их сущность, а также их влияние на человека и общество. В этом смысле социология, пожалуй, в наибольшей степени «приблизжена» именно к социальной и социокультурной сторонам развития современного образования. Как известно, иные отрасли знания также проявляют интерес к этой стороне проблемы, однако они, как нам кажется, все же обращают свое внимание прежде всего к внутреннему — образовательно-воспитательному — потенциалу обучения человека. Речь идет о педагогике, антропологии, психологии и т.д. Социологии же важна реакция или рефлексия общества на эти изменения. Именно эти обстоятельства объясняют формирование и накопление определенного эмпирического опыта такой отраслью социологической науки, как социология образования.

Если иметь в виду, что образование сегодня — это особая социокультурная реальность [1, с. 108], ее исследование должно предусматривать овладение в рамках современного социологического знания специальным набором средств и методов для всестороннего изучения данного феномена. Социология образования, конечно же, в достаточной степени ориентирована не только на построение каких-либо теоретических моделей, но и на получение прикладного знания о процессах социокультурной детерминации в системе образования. Концептуализация социологии образования связана с оформлением и достаточным обоснованием ее научных атрибутов — методологии, методов и приемов исследования, цели и задач. Вместе с тем этот про-

цесс должен особо подчеркнуть соответствие этой отрасли социологии «многомерной социальности» [2, с. 27; 3], в которой преломляются грани различных социокультурных явлений, касающихся каждого человека в отдельности и общества в целом. Иными словами, социология образования вовсе не должна «прислушиваться» исключительно к опыту педагогического осмысления изменений в системе образования, более того, напротив, она должна преодолеть извечную инерционность [4] в осмыслении образовательных процессов, характерную для педагогической науки. Становится очевидным, что развитие социологии образования как самостоятельной отрасли современной социологической науки должно следовать следующим принципам.

Во-первых, оно, разумеется, не должно оставаться совершенно безучастным к процессам, меняющим облик образовательной системы, часто радикально. При этом социологи, занимающиеся проблемами образования, должны избегать однозначной линии в оценках происходящих изменений. Как известно, сегодня мерилom успешности в образовании становятся категории прежде всего не ценностно-нормативной сферы, а менеджмента и управления, а главная из них — качество образования. Важно, чтобы социолог за погружением в проблемы качества образования не оставлял без внимания онтологические характеристики образования, его ценностные маркеры. В социологии образования, думается, не должны преобладать такие исследования, которые не усматривают за стремлением улучшить качество образования в школах, учреждениях профессионального образования мероприятий, пересматривающих традиционные ценности и нормы, прививаемые обучающемуся в стенах этих образовательных учреждений. Следуя утверждению о том, что нам «нужен новый *ментальный* потенциал» [5, с. 73], не нужно настраивать на этот поиск только систему образования, отдавая ей в этом вопросе пальму первенства. Никто, как мы знаем, не отменял агентов социализации, которые должны подключаться к накоплению ментального потенциала так же серьезно, как это всегда осуществляла система образования.

Во-вторых, для исследователя в области социологии образования особое значение наряду с социальными детерминантами приобретает индивидуальный, или личностно-определенный смысл образования. Если раньше главным дескриптором образовательного процесса выступало общественное сознание, преимущественно определяющее идеологические стереотипы в образовании, то теперь наиболее адекватным времени и характеру социальных изменений становится даже не сама система образования, а роль человека в ней — *антропо-социетальный базис* образования. Н. И. Лапин отмечал в связи с этим:

«Прежде всего обнаружались две различные вершины (высшие позиции) этих иерархий (базовых ценностей населения России. — Е. П.): одно из них — ценность *жизни* человека как антропологического существа, а другая — ценность *общительности* человека, т. е. его способности к общению, взаимодействию с другими людьми, которая составляет важнейшую предпосылку, условие возникновения и развития культуры и социальности...» [5, с. 35]. Действительно, образование перестает быть системой, вырабатывающей только лишь определенные автоматические действия, направленные на усвоение конкретных знаний, и в этой связи оно существенным образом повышает в этом процессе роль человека и прежде всего ценность его *общительности*. Вместе с тем для социолога эффективность образовательной системы почти всегда связывалась с градацией этих ценностей, поэтому маркерами «хорошего» или «плохого» образования становились привязки обучающихся к тем или иным ценностно-смысловым приоритетам. Такая позиция не позволяет преодолеть извечный институциональный стереотип образования — его инерционность, особый пиетет перед традиционными ценностными доминантами и ориентация на сохранность уже проверенных, верифицированных временем образовательных образцов. Конечно, современному социологу, обращающемуся к исследованию системы образования, необходимо иметь в виду антропосоциальный «градиент», позволяющий совместить в одном месте — в образовании — интересы общества и человека. Иной социологический взгляд на данную проблему может заметным образом исказить тенденции и закономерности, протекающие в системе образования на всех его уровнях.

В-третьих, для социологии образования, как нам кажется, достаточно важно избрать культуроцентричный вектор в изучении своего основного объекта. Это подразумевает включенность проводимых исследований в области образования в широчайший контекст культурной сферы. Сегодня совершенно невозможно представлять систему образования как совокупность механизмов или способов тиражирования знаний и их адаптации в той или иной среде; в то же время не совсем справедливо утверждать, что образование — это институциональная проекция социальных изменений, происходящих здесь и теперь. Скорее, образование — это метод постижения социальной реальности, но только культура способствует *гармонизации* отношений человека, общества, государства, природы, космоса и т. д. Поэтому если культура создает или формирует интеллектуальный, нравственный, эстетический опыт человека и общества, то, по-видимому, образование призвано обеспечивать хранение этого опыта и его

передачу и использование последующими поколениями. Учитывая это обстоятельство, можно попенять тем социологам, которые спешат констатировать положение, в соответствии с которым система образования оказывается бессильной привить обучающимся адекватные интеллектуальные, нравственные и прочие ценностно-смысловые комплексы. Очевидно, что в данном случае речь идет о культурном вакууме, в результате которого человек по разным причинам оказывается не способным к восприятию данных ценностно-смысловых комплексов, а система образования лишь зафиксировала противоречивое состояние человека и общества. Дальнейший путь образования — создать условия для трансляции накопленного поколениями социокультурного опыта. Задача социологии в этом ключе — показать положительные и негативные стороны в этом процессе, правда, путь этот должен быть амбивалентным, не заикленным на негативизации этих явлений. Следуя мысли П. Бурдьё о том, что «символическая борьба по поводу восприятия социального мира может принимать разные формы» [6, с. 197], можем утверждать: система образования как никакая иная система представляет собой именно символическую борьбу «по поводу восприятия социального мира», поскольку трансляцию человеческого межпоколенного опыта невозможно осуществлять без борьбы, и образование сегодня становится его главным символом.

Современная система образования — это собственно тот символический путь, который должен преодолеть каждый человек, пройти его для того, чтобы обрести свое значимое социальное положение, значимый социальный статус. И не только. Символы образования следуют за человеком всюду и всегда, и даже если он давно получил высшее или окончил любое другое учебное заведение, он по-прежнему получает некие сигналы или знаки, ставящие своей задачей вернуть человека на этот символический путь — путь образования. Помимо открывающихся перспектив обретения особого положения в обществе в зависимости от того или иного уровня образования, человек постигает наитончайшее, неуловимое, интуитивное знание о мире, переплетении в нем различных социокультурных кодов и значений. Безусловно, эти особенности связываются и с концепцией развития человека, которая, как полагает В. Л. Веряскина, «представляет собой социальную и политическую альтернативу возникшим в XX веке моделям взаимодействия общества и личности...» [7, с. 43]. Именно эту специфику улавливает социология образования, особо подчеркивающая характер социальной и политической ангажированности системы российского образования. Отход от «классической» модели обще-

го образования, стандартизация системы подготовки высококвалифицированных специалистов в вузах зачастую являются следствием социально-политических преобразований в стране, при этом в обществе не очевидно однозначное мнение о том, насколько необходимо вносить в систему образование столь заметные коррективы, способные в общем-то привести и к отрицательным последствиям. Социология образования актуализирует данную проблематику, придает ей важный социальный смысл. Отношение субъектов образовательного процесса к тем или иным программам обучения, выяснение оценок преемственности среднего и высшего образования, необходимости включения в систему образования контрольно-измерительных средств, направленных на формирование «рейтинга» обучающегося — все эти и иные направления исследования в рамках социологии образования стали наиболее востребованными в последнее время. Однако, как мы полагаем, социология образования не должна игнорировать или упускать из виду более сложные мировоззренческие моменты в развитии образовательных моделей. Именно эта ключевая позиция может сделать такие социологические исследования более заметными и эвристичными, а также востребованными для органов государственной власти и местного самоуправления.

Современная социология образования ведет подсчет духовных потерь, имеющих место в результате сложной и противоречивой переоценки ценностей: школьники мало читают или не читают совсем, не стремятся учиться, определяют свой образовательный потенциал в зависимости от элитарности учебного заведения, увлечены «взрослыми играми» и т. д. Эпикриз действительности неумолим — общество скатывается вниз еще на этапе школьной скамьи. На самом деле социологи непременно должны отдавать себе отчет в том, что за этими и другими на первый взгляд негативными изменениями в образовании стоят онтологические процессы, свойственные эпохе, миллениуму — новому времени. Вальтер Беньямин, характеризуя состояние человечества в XX в., отмечал, что самоотчуждение человечества в этот период «достигло той степени, которая позволяет переживать свое собственное уничтожение как эстетическое наслаждение высшего ранга» [8, с. 65]. Образование в своих институциональных формах должно минимизировать это состояние отчуждения, «вернуть» человека в русло традиционных для него ценностей и норм. Стоит особо отметить то обстоятельство, что система образования не должна отклоняться от национальных корней и народной культуры. Если иметь в виду, что, как полагают исследователи В. Динес и А. Федотов, «фундаментальной особенностью России практически на протяжении

всей ее истории выступает социоцентризм, т. е. добровольная ориентированность индивидов и их групп на единение с какой-то большей общностью, которая выступает по отношению к ним как высшая ценность» [9, с. 10], то важнейшей задачей социологической науки должно стать как раз развенчание этого фундаментального, подпитываемого на протяжении длительного времени прежде всего советской идеологией, принципа *социоцентричности*. Более того, социология, как нам кажется, последовательно должна развивать такое исследовательское направление, которое бы в качестве приоритетного избирало культуроцентричный вектор научного поиска. Очевидно, что именно в этом ключе, с точки зрения В. Д. Плахова, социология «представляет собой специфичный эпистемический образ, в котором воплощается с присущей ей динамикой организация научных знаний о человеческом обществе, его структуре и закономерностях развития» [10, с. 6]. Что касается социологии образования, то для нее вещный мир, равно как и мир повседневности, отходят на второй план, но вместе с тем устойчивые ценности и нормы, «освященные» системой образования, не могут оставаться мерилom гармонии человека, культуры, общества, природы. Каков же путь концептуализации социологии образования?

В последнее время перед социогуманитарной областью знаний с остротой проявилась проблема «методологической травмы», в особенности затронувшая и социологию. Об этом, в частности, размышляет Г. Г. Татарова в статье «Методологическая травма социолога. К вопросу интеграции знания» [11, с. 9]. Исследователь выделяет пять основных принципов интеграции знаний, среди которых — рефлексия по поводу методов исследования, взаимозаменяемость понятий, определенность «языка исследования», логическая схема проведения анализа и, наконец, классификация исследовательских практик анализа. Методологическая травма возникает на границах тех или иных принципов, причем здесь обращает на себя внимание крен в сторону эмпирического характера социологического научного изыскания. А между тем «большая» социология и социология образования — это научная область, которая устанавливает границы интеграции знаний. К примеру, социология образования не может быть совершенно отделена от педагогической науки, науки управления, менеджмента и т. д. Но речь не должна вестись исключительно об интеграции на основе главенствующей методологии. «Рефлексия по поводу методов исследования» (по выражению Г. Г. Татаровой) не является границей того или иного знания. Куда важнее поиск гармонии в теоретическом и прикладном осмыслении тех или иных яв-

лений и феноменов окружающей реальности. Этот аспект проблемы сегодня дискутируется и в социологии, и в философии. В частности, некоторые исследователи предлагают несколько этапов «согласования» теоретического и эмпирического начал любого знания: «Чтобы охватить проблему теоретического и эмпирического целиком, необходимо проанализировать: 1) теоретическое знание; 2) эмпирическое знание; 3) теоретическое познание; 4) эмпирическое познание; 5) переход эмпирического знания в теоретическое; 6) переход теоретического знания в эмпирическое» [12, с. 105]. Как видим, «перетекание» одного в другое — важнейшая сторона любого знания. В социологии образования важна и теоретическая рефлексия, и этап накопления прикладного знания.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Имакаев В. Р. Педагогическое знание // Философские науки. 2005. № 4.
2. Кемеров В. Е. Меняющаяся роль социальной философии и цивилизационные проекты // Вестник Рос. филос. общества. 2005. № 3.
3. Матвеева Н. А. Инерционность системы образования в России (теория, методология и опыт социологического исследования): монография. Барнаул, 2004.
4. Налимов В. В. Критика исторической эпохи: неизбежность смены культуры в XXI веке // Вопросы философии. 1996. № 11.
5. Лапин Н. И. Функционально-ориентирующие кластеры базовых ценностей населения России и ее регионов // Социол. исследования. 2010. № 1.
6. Бурдые П. Начала: пер. с фр. М., 1994.
7. Веряскина В. Л. Ценностно-нормативные источники концепции человеческого потенциала // Человек. 2005. № 2.
8. Беньямин В. Производство искусства в эпоху его технической воспроизводимости. М., 1996.
9. Динес В., Федотов А. Российская государственность в контексте модернизации // Власть. 2010. № 1.
10. Плахов В. Д. Социология: эпистемы и эпистемология // Социол. исследования. 2007. № 11.
11. Татарова Г. Г. Методологическая травма социолога. К вопросу интеграции знания // Социол. исследования. 2006. № 9.
12. Левин Г. Д. Три взгляда на природу теоретического и эмпирического знания // Вопросы философии. 2011. № 2.

О. Т. Коростелева (Барнаул)

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В СВЕТЕ ИДЕЙ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ МЫСЛИТЕЛЕЙ НАЧАЛА XX в.

Прошло чуть более 100 лет со времени институционализации социологического образования в России. Этот процесс происходил весьма непросто, сопровождался как мощным противодействием со стороны правительственных структур, так и многочисленными теоретико-методологическими и организационными дебатами в среде самих ученых-обществоведов. Обращают на себя внимание и темпы формирования социологии как учебной дисциплины в российских вузах. Приведем по этому поводу только один пример. В списке основных курсов, читавшихся в Русской высшей школе общественных наук в Париже в 1902/03 учебном году, лишь один из двадцати двух являлся собственно социологическим (это курс «Социология по Огюсту Конту» в исполнении Дельбэ-де-Путата, одного из учеников самого Конта). Остальные же учебные предметы поражают разнообразием и методологической разнородностью: от «Истории политической экономии» (Л. Ревелен) и «Современного французского права» (Н. Леруа) [1, с. 479] до таких дополнительных курсов и конференций, как «Поседение волос» (И. И. Мечников) и «Иван Грозный» (К. Валишевский) [2, с. 462]. А уже в 1917 г., после Февральской революции социология по инициативе П. А. Сорокина вводится в качестве обязательного предмета для преподавания во всех высших учебных заведениях России. Следует сказать, что влияние этого задела оказалось столь значительным, что довольно активное развитие социологического образования и социологической науки в стране продолжалось и в течение первого пятилетия существования советской власти (до 1922–1923 гг.) [3, с. 498].

Анализируя те проблемы, которые приходилось решать первым отечественным преподавателям социологии, необходимо признать, что многие из этих проблем до сих пор не потеряли своей актуальности, а некоторые образовательные идеи и практики рубежа XIX–XX вв. представляются и сегодня интересными и перспективными:

1. Проблема предметно-методологического статуса социологии, ее соотношения с другими науками (и учебными дисциплинами) о человеке и обществе.

Отметим, что рефлексия по этому поводу носила одновременно и научный, и образовательный характер: идеи российских мыслителей, касающиеся оптимального включения социологии в целостный

и сложный контекст социогуманитарного образования, непосредственно и органично смыкались с процессом формирования собственно теоретических, академических основ социологической науки. Данное обстоятельство имело особенно большое значение в связи с тем, что в начале XX в. самостоятельных социологических факультетов и отделений в российских университетах еще не было, а преподавание социологических дисциплин осуществлялось в образовательных учреждениях либо достаточно широкого социогуманитарного профиля (Русская высшая школа общественных наук в Париже), либо более-менее близких к социологии по профессиональной направленности (Санкт-Петербургский психоневрологический институт). Подобная близость играла порой весомую роль в возникновении и развитии социологических школ и направлений. Так, трудно переоценить влияние «рефлексологии», разрабатывавшийся российскими физиологами и психологами начала XX в., на юного П. А. Сорокина, обучавшегося на кафедре социологии Психоневрологического института и ставшего крупнейшим представителем бихевиоризма в российской социологической мысли.

Интересно, что многие проблемы предметно-методологического самоопределения социологии обсуждались и решались по аналогии с проблемами родственных социогуманитарных дисциплин. Например, М. М. Ковалевский рассматривал вопрос об оптимальном соотношении общепризнанного (философского) и «позитивного» содержания обществоведческих курсов, обращаясь к опыту преподавания права в европейских университетах и подчеркивая роль сравнительного правоведения в преодолении таких методологических и методических крайностей, как «старинная философская спекуляция, посвященная так называемым вечным началам справедливости, права, морали и т. п.», с одной стороны, и изучение исключительно «действующего в данной стране и в данное время положительного законодательства» — с другой [2, с. 468]. Подчеркнем теснейшую связь данных идей, относящихся к методике преподавания, с методологическими установками М. М. Ковалевского как социолога, отстаивавшего приоритет генетического и сравнительно-исторического методов, последовательное поведение которых, в свою очередь, предполагает «обращение одновременно к разным научным дисциплинам описательного характера и к взаимной проверке выводов, добытых каждой из этих дисциплин в отдельности» [4, с. 364].

2. Проблема политико-идеологической свободы либо ангажированности университетского социогуманитарного образования, достижимости либо принципиальной невозможности «высокого научного беспристрастия» [2, с. 467].

Е. В. Де-Роберти признавался по этому поводу, рассуждая о судьбе Русской высшей школы общественных наук в Париже: «Сколько бы мы ни изгоняли из наших аудиторий и кафедр, — я не скажу ненавистную, ибо я этого не думаю, — но очень мелкую и очень близорукую текущую политику, и сколько бы мы ни желали давать слово попеременно защитникам всех лояльных положений и искренних мнений, мы, — я боюсь, — останемся в подозрении... Не ограничатся только тем, что будут нас называть... университетом в изгнании... Но кто знает? Нас, может быть, назовут университетом нигилистическим» [2, с. 467]. Как известно, опасения Е. В. Де-Роберти в скором времени подтвердились: в 1905 г. по распоряжению царского правительства школа была закрыта, а «ее основателям настоятельно рекомендовано вернуться на родину под страхом лишения русского подданства» [5, с. 27]. Еще менее лояльно отнеслась к преподаванию социологии советская власть, выдворив из страны лучших представителей данной области знания под предлогом их вредоносного влияния на студенчество. Насколько свободно и искренне можно высказываться в университетской аудитории по актуальным проблемам развития общества, на этот вопрос и сегодня нет однозначного ответа, и каждый преподаватель-обществовед фактически вынужден его решать для себя сам.

3. Проблема соотношения фундаментального, академического образования, чтения систематических курсов с практической направленностью, «злободневностью» преподаваемого материала.

«Многие из нас, — подчеркивал М. М. Ковалевский, — на себе испытали все неудобства, связанные с тем порядком, при котором из года в год и на расстоянии нередко 30 лет читается по пожелавшим запискам курс, имеющий в виду дать посильный ответ на все вопросы постояннодвигающейся и развивающейся науки. Некоторая самостоятельность и оригинальность в преподавании достигается только под условием, чтобы профессор сосредоточил его каждый год на тех предметах, которые более специально привлекли его внимание [6, с. 442].

На различных этапах развития нашей страны данная проблема преподавания обществоведческих дисциплин решалась абсолютно по-разному: от жестокой регламентации учебных программ и даже планов семинарских занятий, «спускавшихся» свыше и не менявшихся десятилетиями (в период застоя), до преподавательской «вольницы» и возможности чтения практически любых, в том числе социально злободневных авторских курсов (в годы перестройки). В настоящее время, судя по отзывам студентов, им вновь не хватает отчетли-

вой связи преподаваемого теоретического материала с происходящими в обществе процессами, живого отклика профессоров на актуальные проблемы современности.

4. Проблема включения отечественной науки и российского социогуманитарного образования в международный контекст, в международное «образовательное пространство».

Существенно мешает этому включению (как сто лет тому назад, так и сегодня), наряду с другими факторами, языковой барьер. «Наши программы, — писал М. М. Ковалевский по поводу организации работы Русской высшей школы в Париже, — несомненно, были бы еще разнообразнее, если бы мы имели возможность воспользоваться в полном объеме теми предложениями сотрудничества, которые идут к нам от наших французских собратьев; но молодежь, прибывающая к нам, благодаря скверной постановке в русских классических гимназиях и реальных школах преподавания новых языков является решительно неспособной следить за курсами, читаемыми иностранцами» [6, с. 444].

Что же касается содержательной стороны этого международного взаимодействия, то первые российские социологи рассматривали его не столько с позиций «ученичества» у западных коллег, сколько как взаимовыгодное сотрудничество, позволяющее представителям различных национальных школ внести свой вклад в развитие социальных наук и поделиться опытом их преподавания. На наш взгляд, и современным отечественным преподавателям социологии необходимо избавиться от комплекса научной (а тем более образовательной!) неполноценности и, даже приобщаясь к Болонскому процессу, реализовать себя в качестве полноправных (и самоценных в своей национальной специфике) субъектов развития науки и образования.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Русская высшая школа в Париже. Список главных курсов. 1902/1903 учебный год // Социология в России XIX — начала XX веков. История социологии. Социологическое образование. Тексты/под ред. В. И. Добренькова. М., 1997.
2. Семенов Е. Высшая русская школа в Париже // Социология в России XIX — начала XX веков. История социологии. Социологическое образование. Тексты/под ред. В. И. Добренькова. М., 1997.
3. Осипов Г. В. Социальное мифотворчество и социальная практика. М., 2000.

4. Ковалевский М. М. Понятие генетической социологии и ее метод // Социология в России XIX — начала XX веков. Социология как наука. Тексты/под ред. В. И. Добренькова. М., 1997.
5. Голосенко И. А., Козловский В. В. История русской социологии XIX–XX вв. М., 1995.
6. Ковалевский М. М. Русская высшая школа общественных наук в Париже // Социология в России XIX — начала XX веков. История социологии. Социологическое образование. Тексты/под ред. В. И. Добренькова. М., 1997.

О. Н. Замятина (Барнаул)

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПОНЯТИЯ «СОЦИАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ»

В современных социальных науках термин «организация» широко используется, но в разных значениях и смыслах. Так, есть несколько значений этого слова [1].

Во-первых, организацией называют искусственное объединение институционального характера, занимающее определенное место в обществе и предназначенное для выполнения конкретной задачи. В таком значении организацией можно назвать предприятие, фирму, орган власти и др.

Во-вторых, термин «организация» может означать институционализированную совместную деятельность людей, распределение и налаживание устойчивых связей, координацию. В этом контексте организация выступает как процесс целенаправленного воздействия субъекта на объект, где присутствуют фигуры руководителя и подчиненных. В этом значении организация связана с понятием «управление» и представляет одну из его функций, описанную А. Файолем в его труде «Общее и промышленное управление».

В-третьих, под организацией понимается характеристика упорядоченности какого-либо объекта, его определенная структура, строение и тип связей, выступающих как способ соединения частей в целое, специфические для каждого объекта. В этом смысле организация понимается как атрибут какого-либо объекта, его свойство иметь упорядоченную структуру.

Из множества определений организации обычно выделяют концепцию организации как рациональной системы, или системы, направленной на достижение цели. Профессор В. В. Щербина указыва-

ет на определения организации, выдвинутые выдающимися теоретиками менеджмента и теории организации [2–3]:

- Определение Ч. Барнарда: организация — это такой вид кооперации людей, который отличается от других социальных групп сознательностью, предсказуемостью и целенаправленностью.
- Определение Д. Марча и Г. Саймона: организация — это сообщество взаимодействующих человеческих существ, являющееся самым распространенным в обществе и содержащим центральную координационную систему.
- В определении П. Блау и У. Скотта подчеркнута основная характеристика сложившейся организации: для достижения специфических целей она должна быть формализована, обладать формальной структурой.
- Определение А. Этциони: организация — это социальные объединения (или человеческие группы), сознательно конструируемые и реконструируемые для специфических целей.

Таким образом, основными значимыми чертами организации можно назвать следующие черты: наличие двух или более *людей*, считающих себя членами одной группы; наличие общей, *совместной деятельности* этих людей; наличие определенных механизмов или системы *координации* деятельности; наличие по крайней мере одной *общей цели*, разделяемой и принимаемой абсолютным большинством (в группе).

Следовательно, в-четвертых, под организацией понимается группа людей, деятельность которых сознательно координируется для достижения общей цели.

Таким образом, социальная организация — это совокупность социальных позиций с пронизывающей ее сетью социальных отношений, направленная на совместную реализацию какой-либо существенной социальной цели.

Основные черты социальной организации:

- ее создают сознательно на определенном этапе исторического развития ради интересов-целей, связанных с удовлетворением социальных потребностей;
- включает в себя управляющий орган, который формулирует цели, разрабатывает программы их достижения, выбирает средства, контролирует понимание целей исполнителями, а также выполнение нужных решений по всей управленческой вертикали на основе обратной связи;
- она представляет собой сложную структуру должностей, а также четкое распределение труда, выполняемого ее членами, ме-

жду которыми существует четкая субординация и координация деятельности, подчинение одних другим.

- она включает в себя не только институциональные регуляторы, придающие социальный статус и роли ее членам, но и санкции, осуществляемые управляющим органом с помощью материальных ресурсов;
- ей присущ эффект синергии, означающий прирост дополнительной энергии благодаря совместным действиям членов организации, результат от которых превышает простую сумму индивидуальных усилий членов;
- социальным организациям присуще наличие организационной культуры, которую можно определить как систему коллективных базовых представлений, приобретаемых группой при адаптации к внешней среде и внутренней интеграции.

Атрибуты организационной культуры:

1. Осознание сотрудником себя и своего места в организации (одни культуры поощряют эмоциональную сдержанность, другие — открытое проявление эмоций, в одних случаях независимость и творчество проявляются через сотрудничество, в других — через индивидуализм);

2. Коммуникационная система и язык общения (особенности использования устной, письменной, невербальной коммуникации в организации может варьироваться в зависимости от отраслевой, функциональной и территориальной принадлежности организации);

3. Требования к внешнему виду сотрудников, одежде и представлению себя в организации (использование униформы, соблюдение единого стиля в одежде, применение косметики, прически и подобное могут отражать наличие в организации множества микрокультур);

4. Пищевые традиции и привычки сотрудников (характеристики периодичности и продолжительности питания, совместное или отдельное питание сотрудников разных уровней);

5. Осознание сотрудниками организации времени, отношение к нему и его использование (степень точности и относительности времени у работников, соблюдение временного распорядка и наличие поощрений за это, монохроническое или полихроническое использование времени);

6. Особенности взаимоотношений между сотрудниками организации (характер отношений в зависимости от возраста и пола, статуса и власти, опыта и знаний, религии и гражданства и т.д.);

7. Организационные ценности (инструментальные и терминальные) и нормы (набор предположений и ожиданий в отношении определенного типа поведения) и стратегии их сохранения;

8. Вера во что-то и отношение или расположение к чему-то (вера в руководство, в успех, в свои силы, во взаимопомощь, в этическое поведение, в справедливость и т. п.; отношение к коллегам, клиентам и конкурентам, злу, насилию и т. п.)

9. Процесс развития сотрудника и его профессиональное научение (осознанное или бездумное выполнение работы, полагаются в выполнении работы на интеллект или силу, процедуры информирования сотрудников о новых технологиях работы, признание или отказ от примата логики в рассуждениях и действиях, подходы к объяснению причин);

10. Трудовая этика и мотивация (отношение к работе и ответственность, разделение должностных обязанностей и возможности замещения сотрудников, качество работы, ее оценка, уровень и характер вознаграждения, критерии продвижения по службе).

Таким образом, социальную организацию отличают способности к выявлению и удовлетворению своих потребностей, саморазвитию и самообучению индивидов — членов системы, от чего и зависит ее существование.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Социология : учебник для вузов / А. Ф. Борисов, А. В. Воронцов, И. А. Громов и др. М., 2011.
2. История и рациональность: социология Макса Вебера / П. П. Гайденоко, Ю. Н. Давыдов. М., 1991.
3. Общий менеджмент: Концепции и комментарии : учебник / А. Н. Дятлов, М. В. Плотников, И. А. Мутовин. М., 2007.

Ю. В. Каира (Орел)

СОВРЕМЕННЫЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ И МОДЕЛИ ИЗУЧЕНИЯ ТРАНСФОРМАЦИИ СОЦИАЛЬНО-СТРАТИФИКАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ

Социальная структура современного российского общества является не монолитной, а фрагментированной. Каждый отдельный фрагмент, будучи самостоятельной социальной структурой, образован под воздействием собственного уникального сочетания признаков, среди которых следует выделить образование, профессию, имущество, доход, власть, а также неформальные социальные сети.

Социальная стратификация российского общества стала предметом анализа отечественных социологов сравнительно недавно. В социальной стратификации фиксируется неравенство, которое не тождественно материальному расслоению. Это форма социальной дифференциации, при которой отдельные индивиды, социальные слои находятся на разных ступенях социальной иерархии, обладают неравными жизненными шансами и возможностями удовлетворения потребностей. А они определяются не только материальными возможностями семьи, но и другими ресурсами самого человека и его ближайшего окружения. При этом, как правило, представители одной страты имеют близкие компоненты сознания.

Изучение проблем социального неравенства и конфигурации общества в соответствии с критериями неравенства в современной России осуществляется сегодня довольно активно. Однако чувствуется определенный дефицит в эмпирическом изучении российского общества как целого, что можно объяснить прежде всего отсутствием надежной эмпирической базы, репрезентирующей все население. Хотя в последние годы наметился некоторый прогресс и были проведены исследования стратификации на представительных данных массовых опросов, репрезентативных населению России, в исследованиях используются разные подходы, что затрудняет сопоставление результатов.

Отметим ряд исследователей, которые занимались эмпирическим изучением социальной стратификации российского общества как единого целого. Каждое из рассмотренных ниже исследований отличает свой методологический и методический подход. О. И. Шкартан рассматривает социальное неравенство как обладание разных групп населения определенными реальными ресурсами (благами). В эмпирическом анализе социально-экономической стратификации он исходит из профессиональной позиции работающих респондентов, уровня образования, отношений собственности и власти [1, с. 30].

В книге Н. Е. Тихоновой представлены результаты анализа стратификации российского общества в парадигме ресурсного подхода, который рассматривается автором как наиболее эффективный в современных условиях. Для группировки данных о ресурсах, которыми обладают респонденты, использован кластерный анализ.

Выделены 10 социальных слоев по обеспеченности экономическими, властными, квалификационными, социальными и культурными ресурсами, которые затем группируются автором в класс исполнителей, класс капиталистов и средний класс.

При этом класс исполнителей состоит из двух иерархически расположенных слоев, как и класс капиталистов, включающий два слоя с разным уровнем обеспеченности ресурсами. Средний класс располагается между верхним и нижним слоем капиталистов.

На основе анализа структуры ресурсообеспеченности выделенных социальных слоев Н. Е. Тихонова делает довольно жесткий, но справедливый вывод, что различные виды капитала концентрируются, хотя и в разных комбинациях, в основном у одних и тех же людей. У них сосредоточены все значимые виды ресурсов, которые конвертируются в традиционный экономический капитал, что дает возможность занимать этому слою господствующее положение в обществе [2, с. 292].

Особое место в изучении социальной стратификации современного российского общества занимают труды Л. А. Беляевой [3]. В своих исследованиях она неоднократно использует методологический подход к анализу социальной стратификации общества, основанный на теории социальных полей Пьера Бурдьё, который утверждал, что можно сравнивать социальное пространство и географическое пространство, внутри которого выделяются области. Это пространство сконструировано таким образом, что агенты, группы или институции, размещенные в нем, имеют тем больше общих свойств, чем более близки они в этом пространстве, и тем меньше, чем более они удалены друг от друга.

Агенты из разных полей могут взаимодействовать друг с другом, но объективные связи не сводятся к взаимодействиям. Эти объективные связи представляют собой позиции, занимаемые людьми при распределении ресурсов. Эти ресурсы определяют объем социальной власти, которой располагает агент, группа, институция.

Основными видами социальной власти являются экономический капитал в его различных формах, культурный капитал, а также символический капитал — форма, которую принимают различные виды капитала, воспринимаемые и признаваемые как легитимные. «Агенты распределены в общем социальном пространстве в первом измерении по общему капиталу в его различных видах, которым они располагают, и во втором измерении — по структуре капитала, т. е. по относительному весу различных видов капитала (экономического, культурного...) в общем объеме имеющегося у них капитала».

Социальное пространство, по П. Бурдьё, состоит из реального положения (позиции) в нем индивида и его представления о своем положении (диспозиции), в соответствии с которым он организует и пре-

образует это пространство. Социальное пространство сконструировано так, что агенты, занимающие сходные или соседние позиции, находятся в сходных условиях, подчиняются сходным обстоятельствам и имеют шансы обладать сходными диспозициями и интересами, а также следовать сходным практикам

Население России демонстрирует в последние годы довольно заметную динамику в материальной дифференциации при устойчивости своей социальной стратификации. Но даже при росте материального достатка и перемещении в более высокие материальные слои социальный статус большинства населения (60–70%) остается на прежнем уровне, что говорит о слабой социальной мобильности и консервации социального расслоения.

Ресурсы большинства населения не позволяют перемещаться в более высокие слои общества. Нельзя не учитывать близкие и отдаленные последствия такого состояния социальной стратификации для общества в целом и для судеб людей из этих слоев. Перспективы России связаны с модернизацией экономики и развитием рыночных отношений при соответствующих изменениях профессиональной и образовательной структуры населения. Решению этих задач будет способствовать наращивание культурного капитала, создающее предпосылки для восходящей социальной мобильности населения.

Для системного рассмотрения социальной структуры, сформировавшейся в России, необходимо изучить существующие подходы мировой социологической науки к социальной стратификации. Исследование социальной стратификации началось вместе с зарождением социологии как науки. В этом смысле первыми исследователями являлись О. Конт, М. Вебер и К. Маркс.

Большинство современных систем стратификации основываются на теориях К. Маркса и М. Вебера. Следует выделить следующие международные системы социальной стратификации, которые получили наибольшее распространение; 1) система социальной стратификации Дж. Голдторпа; 2) международная стандартная классификации профессий; 3) шкала престижа Д. Траймана; 4) кэмбриджская шкала социального взаимодействия и стратификации; 5) система социальной стратификации Э. Райта [4].

Таким образом, в социальной стратификации российского общества следует применять целый комплекс моделей, состав которого определяется исследовательской целью и зависит от социального и территориального профиля социальных групп, изучаемых на эмпирическом уровне.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Шкаратан О. И., Ястребов Г. А. Социально-профессиональная структура населения России. Теоретические предпосылки, методы и результаты повторных опросов 1994, 2002, 2006 гг. // Мир России. 2007. № 3.
2. Тихонова Н. Е. Социальная стратификация в современной России: опыт эмпирического анализа. М., 2007.
3. Беляева Л. А. Россия и Европа: структура населения и социальное неравенство // Мониторинг общественного мнения. 2010. № 3 (97).
4. International Standard Classification of Occupations/URL: <http://www.ilo.org/public/english/bureau/stat/isco/isco88/index.htm> (дата обращения: 25.10.2011).

Н. В. Проказина (Орел)

ФОРМИРОВАНИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О СОЦИОЛОГИИ И СОЦИОЛОГАХ В ОБЩЕСТВЕННОМ МНЕНИИ

Представления о социологии, социологических исследованиях и социологах, на наш взгляд, являются составными элементами социологической культуры.

Социологическая культура — система ориентаций и установок относительно восприятия социологии, социологических исследований и социологов; совокупность социологических взглядов, знаний, убеждений и социологическое воображение, проявляющиеся в практической деятельности.

Ориентации и установки относительно восприятия социологии, социологических исследований и социологов — это «поверхностный уровень социологической культуры», который характеризует культуру восприятия социологической информации.

Характеристики «поверхностного» уровня социологической культуры позволят выявить тенденции изменения представлений о социологии и социологах в общественном мнении за последние годы.

Результаты опроса общественного мнения в России 1995 г. показывают, что 49% респондентов интересуют сообщения социологов о господствующих в обществе настроениях. Интерес к таким данным связан с уровнем образования: в группе с высшим образова-

ем доля интересующихся достигает 70% [1]. При этом те, кто «полностью» или «скорее» доверяют социологической информации, составляют примерно около трети опрошенных.

Результаты исследований показывают, что большинство граждан интересуется социологическими данными, но относится к ним с известной осторожностью, а порой и с недоверием. За 14 лет следует отметить изменение ситуации: значительно увеличилось число тех, кто доверяет результатам опросов общественного мнения — в 2009 г. 67% россиян доверяют результатам опросов, из них 49% выделяют ответ «скорее да, чем нет».

Следует отметить и такой показатель, как уровень информированности россиян об организациях, занимающихся социологическими исследованиями. Наблюдается снижение уровня информированности за последние несколько лет. В 2009 г. о них ничего не знает 61% опрошенных, в 2008 г. таковых насчитывалось 57%, в 2005 г. — 55%. Из 38% осведомленных о таких компаниях сограждан 5% знают хорошо, 33% что-то слышали. С повышением уровня образованности осведомленность граждан растет: 19% малообразованных граждан и 46% высокообразованных респондентов. Лучше всего об организациях, занимающихся исследованиями общественного мнения, информированы жители Дальнего Востока (47%). Не знают о таких компаниях по 72% жителей Северо-Западного округа и Урала [2].

Две трети и более россиян считают, что опросы общественного мнения отражают действительные мнения соотечественников: в 2009 г. об этом заявили 67% опрошенных (18% из них считают, что опросы в полной мере отражают настроения россиян, 49% — скорее отражают) [2].

Сравнивая результаты общероссийских исследований 2008–2009 гг., следует отметить, что мнений «скорее отражают» стало заметно меньше, зато выше процент доверяющих безоговорочно. В 2008 г. показатель «скорее отражают» превышал показатели 2005 г., а вот безусловного доверия было отмечено меньше.

Выросла с 2005 г. доля тех, кто не доверяет результатам опросов: если в 2005–2008 гг. их насчитывалось 14–15%, то в 2009 г. их уже 19%.

Таким образом, вторичный анализ результатов социологических исследований позволяет сформулировать два вывода. Во-первых, наблюдается относительно положительная оценка опросов общественного мнения со стороны населения. Во-вторых, прослеживается слабый уровень информированности о деятельности организаций, занимающихся социологическими исследованиями.

Анализ результатов исследований, как общероссийских [3], так и проведенных в Орле [4], подтверждает, что в целом россияне демонстрируют заинтересованное отношение к социологическим исследованиям и опросам общественного мнения. При этом общероссийский уровень существенно выше, чем заинтересованность в Орле. В целом можно констатировать достаточно благожелательное отношение к опросам, по крайней мере, на уровне заявлений в процессе анкетирования. Однако большинство граждан имеет недостаточные представления относительно того, что считать настоящим социологическим исследованием, а что относится к «псевдосоциологии».

Сравнение данных об отношении населения к опросам общественного мнения в разных городах выявило наличие определенной территориальной дифференциации, хотя вывод о том, что это отношение является позитивным, справедливым.

Рассматривая результаты, полученные в Орле, отметим следующее:

- жители Орла с меньшей заинтересованностью относятся к информации о социологических исследованиях (76% — заинтересованность в целом по России, 56% — в Орле);
- население Орла, как и России в целом, достаточно высоко оценивает результаты опросов граждан, которые, по мнению большинства, отражают их мнение (25,3% — отражают; 44,7% — частично отражают). Доля населения россиян, считающих, что опросы отражают их мнение, в отдельных городах ниже, чем в Орле. Однако позитивное отношение выражают не менее половины респондентов во всех городах;
- самым высоким общероссийским показателем является отношение к целесообразности проведения социологических исследований (84% россиян убеждены в их необходимости). Мнение жителей Орла приближается к этому показателю (69%). Эти показатели свидетельствуют о признании большинством населения (не менее трех четвертей участников опроса) целесообразности социологических исследований [3].

Таким образом, можно констатировать, что в российском обществе сложилась ситуация, когда существует *привыкание к наличию определенного социологического элемента* в общественно-политической жизни. И, что особенно важно, подчеркивается целесообразность этого социологического элемента.

Данное положение позволяет подтвердить сформулированную гипотезу. Для ее уточнения обратимся к восприятию населением целей, лежащих в основе социологических исследований.

Общероссийское исследование, проведенное Группой 7/8 [3], подтверждает, что настроения россиян в отношении опросов общественного мнения и социологических исследований окрашены в основном в позитивные тона.

Для выявления отношения россиян к опросам респондентам было предложено выразить степень своего согласия или несогласия с семью суждениями, характеризующими деятельность исследовательских организаций. При этом три суждения описывали эту деятельность в позитивных тонах, три — в негативных, одно было сформулировано нейтрально.

Наибольшее единодушие было проявлено респондентами при оценке суждения «Проведение социологических исследований помогает узнать мнение простых людей о положении в их городе, области, стране, чтобы власти могли учесть мнение народа при решении наболевших проблем». Свое согласие с этим суждением выразили 84% опрошенных [3, с. 12].

Суждение противоположного содержания, о том, что большинство опросов проводится для того, чтобы выпытывать информацию у людей об их личной жизни и имуществе, чтобы потом использовать ее в корыстных целях, вызвало отрицательную реакцию у двух третей респондентов (74%).

Более половины респондентов (59%) выразили свое согласие с суждением, что результаты опросов используются органами власти, политиками, предпринимателями для повышения эффективности своей деятельности.

Половина российских граждан (51%) не согласилась с тем, что никто не обращает внимания на опросы, а социологические исследования являются просто модой (согласие выразили 35% опрошенных).

Интересную информацию предоставляют и ответы, связанные с суждениями о том, что результаты опросов часто являются сфабрикованными и публикуются для оказания влияния на людей. Свое согласие с этой позицией высказало 28%, а несогласие — 51% опрошенных.

Таким образом, в целом социология воспринимается населением как инициатор и организатор массовых опросов общественного мнения. При этом высказывается надежда на то, что мнение простых людей власти будут использовать (на любом уровне) при решении наболевших проблем.

Следует отметить и существенное изменение в общественном мнении представлений о социологии. Так, если в 1995 г. респонденты в основном деятельность социологов связывали с изучением элек-

торального поведения, с прогнозированием результатов выборов, то в настоящее время спектр проблем, интересующих социологов, в представлениях россиян существенно расширился.

Полученные результаты свидетельствуют о том, что для массового уровня социологической культуры на региональном уровне характерны доверие к социологическим исследованиям, надежда на активное использование результатов опросов общественного мнения для повышения качества жизни. Следовательно, основными задачами социологов, связанными с развитием массового уровня социологической культуры, являются расширение информационной поддержки, активизация их деятельности по взаимодействию с властными структурами с целью включения полученных результатов в процессы принятия управленческих решений.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Задорин И. В., Щенкова Н. П. Общественное мнение об общественном мнении [Электронный ресурс]. URL: <http://www.zircon.ru> (3.03. 2010).
2. URL: http://rumetrika.rambler.ru/publ/article_show.html?article=4141 (27.01.2010).
3. Социологические исследования в России: осведомленность и отношение населения: аналитическая записка по результатам опросов общественного мнения [Электронный ресурс]. URL: <http://www.789.ru/new/projects/050315.pdf> (14.12.2009).

С. В. Кинелев (Барнаул)

ТЕКСТ В СОЦИОЛОГИИ: СУБЪЕКТИВНОЕ И ОБЪЕКТИВНОЕ ВО ВЗГЛЯДЕ НА МИР

Текст в широком и узком смыслах как первичная данность и связанный знаковый комплекс всегда является непосредственной действительностью, из которой исходит исследователь как субъект, как автор и как оппонент в научном диалоге [1, с. 281–282].

В изданном более 90 лет назад фундаментальном труде «Система социологии» известный социолог Питирим Александрович Сорокин утверждал, что, поскольку социология не свободна от влияния других наук, то существует опасность «загрязнения» ее категориального аппарата [2]. Дискуссии о качестве социологических категорий с раз-

ной степенью интенсивности, содержательности аргументов не исчезли и во втором десятилетии XXI в.

Методологической точкой отсчета для нашей позиции является мнение В. А. Ядова о постоянной угрозе проникновения, «контрабанде» по разным причинам «социологического жаргона», что понижает качество категориального аппарата социологии, т. е. текста [3].

Так, например, сегодня встречаются такие понятия, как «любовный капитал», «бизнес-ангелы», «романтическое предпринимательство», «нанотехнологическое общество», «человекий» и др. [4].

Существует неоспариваемое мнение: категориальный аппарат любой науки есть результат достаточно длительной апробации каждой категории, они должны обтачиваться «морской волной» дискуссий, диалогов, доказательств и аргументов. Иными словами, важна научно точная «паспортизация» текста или смысловых единиц анализа.

В этом контексте сравним два методологических подхода к категориальному аппарату науки «как к тексту» (семиолог Р. Барт) или как к «смысловым единицам анализа» (социолог В. Ядов).

Практически одновременно в середине XX столетия Р. Барт ввел в научный обиход понятие «текст» в границах социологии знаков, символов и изображений [5], а В. Ядов сформулировал достаточно близкое мнение о том, что наблюдение в социологии подразумевает прямую регистрацию событий очевидцем [3].

Предложив научному сообществу разные системно-структурные подходы к социальной реальности как со стороны семиолога, так и со стороны социолога, они, независимо друг от друга, высказали весьма равные значения. Оценив сложность исследования социального пространства и определив основные цели, задачи и проблемы, эти ученые отмечали: «...существуют явления, просто ускользающие от нашего наблюдения, или же просто недоступные никакому наблюдению» (Р. Барт); «...в социологическом исследовании встречаются „непросматриваемые ситуации“» (В. Ядов).

Даже процедуру исследования они начинают с близкой семантики: «С чего начинать?» (Р. Барт) и «Что наблюдать?» (В. Ядов). Появляющийся в результате категории «текст» или «смысловые единицы анализа» позволяют решить общую задачу — выявлять скрытый социальный смысл наблюдаемого. Согласие находим в анализе, оценке возможности побочного влияния субъективного, «искажений», «трансформаций». Так, Р. Барт иронично замечает: «Во чтобы такое можно превратить тюленей?» — Ответ: «...в кузнечные меха и свечи» [4, с. 109].

Сравнительный анализ данных позиций позволяет говорить о следующих взглядах на текст: текст является полем методологических

операций; текст всегда доказывается, высказывается, дискутируется в соответствии с определенными правилами; текст размещается в категориях; текст является «шлейфом» за тем, кто его написал, аргументировал и предложил; текст должен «сквозь что-то двигаться» (дискуссии, споры, доказательства, проверки степени объективности); текст может быть предметом персонального потребления, вот почему потребитель социологической информации использует ее как партию; текст предоставляет социологу удовольствие от того, что научному сообществу предложен качественный продукт исследования.

Таким образом, не претендуя на абсолютно полную картину заявленной проблемы, считаем, что для социологии описание, объяснение, понимание социальной реальности может быть качественно улучшено сравнительным анализом с иной методологической позицией.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М., 1979.
2. Сорокин П. А. Система социологии. Т. 1. Социальная аналитика. Сыктывкар, 1991.
3. Ядов В. А. Стратегии социологического исследования. Описание, объяснение, понимание социальной реальности. М., 1998.
4. Чепуренко А. Ю. Социология предпринимательства : учебное пособие. М., 2007.

Т. В. Чуканова (Барнаул)

СТРУКТУРНО-УРОВНЕВЫЙ ПОДХОД В ИЗУЧЕНИИ СОЦИАЛЬНОГО ЗДОРОВЬЯ ЧЕЛОВЕКА

Ключевыми проблемами развития современного общества становятся проблемы имущественного и социального неравенства, дифференциации различных социально-экономических групп, социального благополучия и психологического здоровья населения. Социально-экономические трансформации общества отражаются в изменении организации жизнедеятельности, мировоззрения влияют на состояние психологического здоровья и благополучия населения.

Наиболее активно изучаются проблемы благополучия и здоровья человека в целом, но незаслуженно остаются в тени вопросы, связанные с его психологическим благополучием, хотя составные элемен-

ты (психическое и психологическое здоровье) также активно исследуются. В этой связи перспективен современный структурно-уровневый анализ психической реальности [1, с. 45]. Исследование уровней структур предполагает их анализ как относительно инвариантных характеристик объекта, в которых выражается такое определенное отношение составляющих его элементов, благодаря которым объект существует и функционирует как целое по отношению к составляющим к его элементам и в то же время сам представляет элемент более сложного и доминирующего отношения.

С позиции структурно-уровневого подхода можно предположить, что психологическое здоровье является одним из уровней психологического благополучия, который отражает внутреннюю целостность, определенность человека, его согласие с самим собой.

Психологическое благополучие представляет собой системное качество человека, обретаемое им в процессе жизнедеятельности, проявляющееся в переживании содержательной наполненности и ценности жизни в целом как средства достижения внутренних, социально ориентированных целей, которое является условием реализации его потенциальных возможностей и способностей.

Основываясь на работах К. Ясперса, В. Франкла, Ф. Перлза, Е. В. Бурмистровой, А. В. Ворониной, можно выделить несколько уровней пространства бытия человека [2, с. 30–37]: биологическое; социально-педагогическое; социально-культурное; духовно-практическое. Исходя из этого возможно выделение основных уровней психологического благополучия, поскольку на разных уровнях пространства бытия в различных типах деятельности закладываются внутренние ресурсные установки человека. Так, биологическое пространство бытия формирует психосоматическое здоровье как отражение процесса взаимосвязи психической и соматической сфер. Социально-педагогическое пространство формирует социальную адаптированность как состояние уравновешенности с социальной средой. Социально-культурное пространство бытия определяет психическое здоровье. Духовно-практическое пространство бытия человека обуславливает уровень психологического здоровья как отражение способности к нахождению смысла своего существования в конечном итоге.

Очевидно, что выделенные уровни психологического благополучия человека взаимопроникаемы и поэтому лишь относительно автономны (особенно если речь идет об уровнях психического и психологического здоровья, что является следствием терминологической неоднозначности и сложности самого объекта исследования). При этом важной составляющей каждого из выделенных уровней является на-

личие субъективного компонента наряду с объективными показателями психического благополучия человека.

Выделение различных уровней психологического благополучия человека на основе структурно-уровневого подхода позволяет более детально рассматривать не только состояние психологического благополучия, но и выявлять критерии, условия и факторы его формирования, что, в свою очередь, способствует более полному изучению социального благополучия в целом.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Роговин М. С. Структурно-уровневые теории в психологии : учебное пособие для студентов психологических факультетов. Ярославль, 1979.
2. Пахальян В. Э. Развитие и психологическое здоровье. СПб., 2006.

С. А. Воронина (Барнаул)

ОТЧУЖДЕНИЕ КАК ПАРАДОКС ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

Сегодня исследователи все чаще говорят об информации как о главном отличительном признаке современного мира: «информациональное общество», «электронное общество», «виртуальная экономика», «экономика символического обмена», «цифровая революция» — эти и некоторые иные понятия не сходят со страниц современных научных журналов и интернет-сайтов. Перемены в обществе, в жизни современного человека, связанные прежде всего с ростом научных технологий обработки информации, увеличивающимся в геометрической прогрессии объемом информационных потоков, на сегодняшний день уже для многих очевидны и не нуждаются в дополнительных доказательствах.

Как отмечал Ф. Уэбстер, для одних эти социальные перемены означают становление профессионального и заботливого по отношению к своим членам общества, для других — усиление контроля над гражданами, а для третьих — появление социальной элиты нового типа, высокообразованного слоя населения, при том, что прочих захлестнет волна пустячных сообщений, сенсаций и сбивающей с толку пропаганды [1, с. 71].

Вполне естественно, что в подобных условиях доминирования информационных технологий в современном социуме возникают новые типы культурного взаимодействия, что существенно актуализирует проблему отчуждения. Процессы глобализации, возникновение и развитие новых электронных средств связи, процессы политической интеграции и дезинтеграции — все это приводит к обострению границ «своего» и «чужого» на всех уровнях социокультурного взаимодействия.

Одним из базовых понятий, вокруг которого сфокусирована данная проблема, является «информационное общество», имеющее множество трактовок. Технологические, экономические трактовки отдают «пальму первенства» экономическим детерминантам, подчеркивая при этом рост экономической ценности информационной деятельности, увеличение доли информационного бизнеса в валовом национальном продукте.

Информационное общество, считает Г. Шиллер, лишь особая «индустрия» по производству, обработке и передаче значительных объемов информационных сообщений (данных), значительная часть которых создается с целью удовлетворения потребностей гигантских транснациональных корпораций, администрации и вооруженных сил промышленно развитых стран [1, с. 77].

Еще одна трактовка информационного общества — социологическая (Д. Белл и др.), представители которой акцентируют внимание на человеческом факторе, последствиях информационных процессов [2, с. 45].

Соединение различных (прежде всего технологической и социологической) трактовок информационного общества порождает еще одну из возможных моделей — назовем ее «сетевой». Здесь акцент делается именно на информационных сетях, которые связывают ранее отдаленных друг от друга индивидов в единую макрокультурную общность, а потому могут оказать глубокое воздействие на формирование новых культурных организаций времени и пространства. Значительная роль, которую в последние годы стали играть информационные сети в социокультурной организации, делает данную концепцию особенно популярной.

Одним из наиболее известных выразителей «сетевой» концепции информационного общества можно считать М. Кастельса. При этом исследователь отказывается использовать термин «информационное общество» как «испорченный» поверхностными публикациями околонульного характера, а потому работает с понятием «информациональное» общество. Основопологающей идеей мыслителя является тезис о том, что в современную эпоху происходит развертывание се-

тей, работу которых обеспечивают новые коммуникационные технологии, а ведущее значение в этих сетях имеют информационные потоки. Появление сетей, которые позволяют эффективно на дальних расстояниях информационно связать между собой людей, институты и государства влечет за собой негативные социальные последствия: разрыв между возрастающей в глобальных масштабах деятельностью и обостряющимся социальным разделением [3].

Работы Д. Белла, Р. Райха, М. Кастельса [2] и многих других исследователей убедительно показывают, что наряду с преимуществами новых технологий, форм организации экономической, политической и социальной жизни, развитие информационной сферы несет в себе целый комплекс опасностей, способствующих росту степени напряженности и отчуждения в обществе. Процесс трансформации современного общества способен породить такие формы социокультурного отчуждения, которые если и существовали ранее, то не представляли серьезной социокультурной проблемы.

Ближе всего, как нам кажется, к раскрытию подобных новых информационных «технологий отчуждения» приблизились представители еще одной распространенной трактовки информационного общества — культурологической (Ж. Бодрийяр, М. Постер). В данном случае акцент с технологической плоскости переносится в плоскость гуманитарную, а именно речь идет об изменениях в положении человека в мире, об изменении восприятия человеком мира или, иначе говоря, об изменениях в восприятии содержания поступающей к нему информации. Сторонники данной трактовки исходят из общеизвестных фактов:

1. Обращение информации в социальной жизни к настоящему времени чрезвычайно возросло.
2. Новые технологии способствовали массовому распространению и развитию телевидения, использующего новейшие видеотехнологии.
3. Возможность получения недорогого доступа в Интернет, карманные и персональные компьютеры, значительное количество радиостанций и соответствующее этому обилие принимающих радиосигналы устройств — эти и многие другие реалии современного общества свидетельствуют о том, что оно чрезвычайно «нагружено» мультимедиа [4, с. 89].

Но информационное воздействие средств массовой информации и мультимедиа на современного человека протекает гораздо глубже, чем только на уровне возрастания количества тех или иных способов «запечатлеть» информацию при помощи того или иного «гаджета».

Парадоксальность ситуации заключается в том, что возрастание интенсивности процессов «символического обмена», взрывной рост смыслов в конечном итоге приводит к смысловому коллапсу. Замечание Ж. Бодрийяра о том, что «информации становится все больше, а смысла все меньше» [4, с. 97], характеризует подобное положение дел как нельзя лучше. Современного человека окружает «паутина» знаков, утративших для него свою знаковую силу в силу быстроты их изменения, противоречий между ними, легкости их интерпретации и преломления смысла, мешающих им что-либо означать. Ж. Бодрийяр называет такие знаки «гиперреальностью», отмечая их «симулятивность». Эффектами такого «превращения» становится возрастающее недоверие человека и отчуждение его от политики, общественных институтов и, в конечном счете, от самого себя. Социальное большинство и практически каждый из его членов не верит политикам, ведущим предвыборные кампании и рассчитывающим на соответствующий эффект, но при этом соглашается с тем, что все это, в конечном счете, вопрос информационного менеджмента, PR-технологий и манипуляций сознанием.

В результате происходит потеря аутентичности знаков, а значит, и аутентичности социального субъекта, который «теряет себя», создавая свой «имидж» из набора искусственных знаков, потерявших свой первоначальный смысл. Как отмечает М. Постером, информационное общество предоставляет человеку набор знаков, которые переданы, но не имеют значений. Это в какой-то степени объясняет наличие в современной культуре такого большого количества молодежных субкультур, компиляций, коллажей и пародий [2, с. 50].

Таким образом, сторонники «культурологической» трактовки информационного общества (данный термин используется нами здесь достаточно условно) одними из первых указали на ряд опасностей, исходящих от современного общества и требующих своего преодоления. Прежде всего это касается описанного ими феномена «виртуальной реальности», симулирующей действительность и превращающей человека в объект для дальнейших манипуляций.

Формирующееся единое информационное пространство в глобальном масштабе, с одной стороны, несет позитивные изменения, позволяя практически каждому желающему получить свободный доступ к информационным ресурсам всего человечества, а с другой стороны, порождает новые негативные тенденции, способствующие росту социокультурного отчуждения.

В связи с этим для значительной части населения большие сложности вызывает адаптация к условиям информационной среды. Но даже

в том случае, когда адаптация, казалось бы, происходит вполне успешно, этот процесс (складывания и развития информационного общества) порождает «цифровой раскол». Ибо разделение труда в сфере информационной приводит к формированию новой «информационной» элиты, состоящей в основном из тех, кто волей судьбы оказался ближе всего к производству, занятому разработкой информационных технологий. Все это также способствует росту социокультурного отчуждения, проявлением которого становятся фрагментация и дезинтеграция в культуре.

Теоретико-методологический анализ понятия «отчуждение» позволяет отметить многообразие мнений и оценок в его изучении. Но в целом все исследователи (от экономистов до социальных философов) рассматривают отчуждение как процесс социального взаимодействия, характеризуемый наличием прямых и обратных связей, основанный на оценке субъектом деятельности ее элементов и (или) результатов (восприятием их как соответственно чуждых ему или господствующих над ним) и находящийся во взаимосвязи с изменениями социальных процессов и, вследствие этого, способным к трансформациям.

Таким образом, отчуждение — информационный феномен, возникающий в ходе социального взаимодействия и характеризующийся тем, что субъектом утрачивается связь с каким-либо из производимых им явлений или механизмов, что, в свою очередь, влияет на характер их восприятия как «чужих» и/или «чуждых», и на основании которого формируются новые культурные типы отчуждения. Данные типы проявляются в контексте культурной реальности, причем сама культурная реальность может как противостоять отчуждению, так и формировать его, в этом мы видим парадокс культуры информационного общества.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Уэбстер Ф. Теории информационного общества. М., 2004.
2. Буржуазные теории журналистики: критический анализ. М., 1980.
3. Кастельс М. Информационная эпоха: Экономика, общество и культура. М., 2000.
4. Бодрийяр Ж. Реквием по масс-медиа. М.; СПб., 1999.

О. О. Казьмина (Воронеж)

ЭКОНОМИКО-РЕСУРСНЫЙ ПОДХОД К УПРАВЛЕНИЮ ОБЩЕСТВОМ КАК ИСТОЧНИК СОЦИАЛЬНОГО РИСКА

Неоднозначный характер процессов реформирования российского общества, итоги кризиса и ожидание его новой волны, несовпадение прокламируемых целей политики с их реальными результатами порождают бесчисленное количество попыток оценить, что собой представляет и куда ведет дорога, вымощенная благими намерениями — будь то намерения установления порядка и сильной власти или намерения демократизации и увеличения степени личных и гражданских свобод. В современных российских условиях выбор какого-либо из этих вариантов представляет собой ложную дилемму. Оба эти пути прокладываются посредством принципа, который можно обозначить как экономико-ресурсный подход к обществу и человеку. Этот принцип делает любой из избранных путей дорогой в никуда.

В настоящее время традиционный термин «экономизм» приобретает новое содержание — так характеризуется современное преобразовательно-потребительское отношение к миру. Перенесенное на людей, оно ведет к тому, что человек «из целей экономики превращается в ее средство» [1]. Социальное содержание экономизма как концепции и системы управления составляет замена принципа субъектности принципом ресурсности. В свете этого подхода общественная система есть объект управления, лишенный субъектности и самостоятельности, она есть ресурс самовозрастающей мощи экономики. Правами субъектности и самостоятельности здесь номинально наделяется единственный индивид.

Данная теория и практика заменяют государственный тоталитаризм идеологией тоталитарного частного интереса, не ограниченного и не согласованного с интересами другого. Принципы свободы личности не уравниваются принципами общественной солидарности, реализующимися в базовых формах социальности — семье, коллективе, территориальных общностях, важнейших социальных институтах.

Формально заявляя о поддержке институциональной сферы, современная практика управления принципиально игнорирует целостность и своеобразие различных ее составляющих. Объявляя о поддержке семьи, органы управления и власти фактически не рассматривают ее как отдельную целостность. Экономическая поддержка оказывается отдельным людям как носителям определенных статусных

характеристик, определяемых их семейным положением, но не семье в целом в определении положенных ей как социальному субъекту льгот, компенсаций, налогов и т. п. Зачастую это осуществляется под благовидным предлогом справедливого учета прав отдельного человека (оплата больничных листов в зависимости от трудового стажа приводит к тому, что значительную часть «справедливо малооплачиваемых» работников с малым стажем составляют родители малолетних детей, берущие больничный лист по уходу за ребенком. Подобная «справедливость» перевешивает все властно-управленческие потуги по повышению рождаемости).

Ресурсный подход в приложении к образованию реализуется в стратегии, по которой недостаток квалифицированных (и неквалифицированных) рабочих можно ликвидировать простым направлением имеющегося ресурса молодежи в требуемые сферы, которое станет неизбежным при сокращении избыточно увеличившейся сферы высшего образования. Дело не в том, что система высшего и среднеспециального образования хороша и не нуждается в реформировании, но в том, что задачи ее системного реформирования принципиально нерешаемы с позиций экономико-ресурсных. Если завтра закрыть три четверти имеющихся вузов, в оставшиеся из них можно набрать существенно лучший контингент, выбирая одного из ста, тогда как раньше выбирался один из десяти или пяти — вот довод о пользе подобных мер по совершенствованию использования соответствующего ресурса. Проблема не только в том, что штучные специалисты и сейчас готовятся в соответствующих учебных заведениях, которые имеют возможность такого конкурсного отбора, поскольку в них стремится поступить существенно большее количество претендентов, нежели позволяет количество имеющихся мест, но в том, что оставшиеся девяносто девять вряд ли пойдут туда, куда ресурсно-экономический подход стремится их направить. Выбираемые направления могут быть достаточно разнообразными — от массовой эмиграции из страны наиболее мобильной и молодой части ее населения — с соответствующими последствиями для экономического и демографического положения, до всевозможных социально- и национально-конфликтных и деструктивных сценариев. Произойдет так потому, что системный порок существующей в России экономической и социальной модели развития не предусматривает никаких иных решений, кроме экономико-ресурсных. Помимо того очевидного положения, при котором образование, как, впрочем, и квалификация в новом сословном порядке современного общества, не только не является полноценным каналом социальной мобильности, т. е. сферой и условием развития

и социальной активности общества и отдельной личности (что имеет в качестве объективного следствия утечку мозгов), при экономико-ресурсном подходе оно в принципе перестает быть отдельным социальным институтом со специфическими функциями. Оно становится «сферой услуг» для каждого отдельного обучающегося и в этом качестве не должно и не может генерировать никаких принципиально новых моделей развития научного или прикладного знания, обучения, не может определять их нового места в жизни человека и общества. Оно должно оказывать услуги и оно оказывает их — по отсрочке от армии, отсрочке социализации и т. п. Образование, конечно, может рассматриваться в качестве услуги — в общем перечне ресурса услуг, могущих быть предоставленных другому ресурсу — человеческому. Но если его задачи сводятся лишь к этому, то оно неизбежно перестает быть образованием, т. е. сферой поиска новых возможностей человека, новых областей его деятельности, нового образа действительности. Общество, конечно, формирует то, что ранее называлось социальным заказом в соответствии с наличными проблемами своего развития, но и этот процесс все же несводим к дурной конкретике текущего момента по типу «упразднить столько-то экономистов и насадить ровно столько же инженеров». Да, в современных условиях институт образования инерционен и недостаточно мобилен. Однако образование, оказывающее лишь требуемую конкретную услугу, специфически «перспективно» — оно напоминает персонажа русской сказки, бедой которого было то, что, стремясь оказать услугу, он все же не мог обеспечить ее адекватность меняющейся ситуации и поэтому давал конкретную рекомендацию «таскать вам не перетаскать» — ведь другой менее конкретной программы услуг у него просто не было, за что он и был справедливо бит.

Парадокс современного реформирования состоит в том, что в тех сферах, где соответствующие социальные институты отсутствуют (разрушены или не сформированы), по умолчанию производятся такие действия как если бы необходимые институты успешно существовали и бесперебойно функционировали в течение долгого времени (так, в частности, осуществлялось и осуществляется реформирование и управление ЖКХ). В тех же случаях, когда существуют и реально заявляют о себе сложившиеся формы социальности (различные формы территориальных общностей, трудовые коллективы) само их наличие игнорируется — так происходит практически всегда, когда жители какого-либо населенного пункта возражают против сооружения каких-либо объектов на своей территории, работники предприятия противятся рейдерскому захвату и т. п.

Общим местом успокоительных рассуждений об адаптации общества к реформам является утверждение о появлении нового социального типа — самостоятельно решающего свои проблемы и не надеющегося на помощь государства экономически независимого индивида. В реальности подобный социальный тип олицетворяет собой не столько экономическую независимость, сколько атомизацию общества, в котором индивид не ощущает себя ни членом общества, ни гражданином государства. Современная социология говорит о социальной эксклюзии и отсутствии социального капитала применительно к нижним стратам российского общества и возникающем в нем опасной тенденции разрушения традиционных связей и взаимопонимания [2, с. 20–21]. Представляется, что описанные процессы и тенденции свойственны всему российскому обществу, в котором вместо приращения социального капитала происходит трата его остатков. Исследователи проблемы социального капитала справедливо подчеркивают, что именно его отсутствие служит причиной многих неудач в реформировании старых и создании новых институтов [3]. Однако ресурсно-экономический подход ликвидирует даже те скромные возможности по формированию социального капитала, которыми располагало российское общество. В целом деинституционализация и деструктурирование общества являются неизбежным итогом соответствующей политики, «простота» которой якобы обращена непосредственно к такому же «простому» человеку, в реальности же полностью соответствует русской пословице о той простоте, которая хуже воровства.

Реформирование общественной системы не может не включать в себя и реформирования соответствующих социальных институтов. Однако способ реформирования, при котором селективный отбор лучших учебных или лечебных заведений напрямую увязывается с их прибыльностью, когда покупатель соответствующих образовательных или оздоровительных «услуг» голосует рублем за лучшую их часть, на практике не только не приводит к улучшению системы в целом, но способствует ее неуклонной деградации. Происходит так потому, что любой социальный институт не просто имеет свою специфику, но является системой субъектного плана. Точечные инновации в отдельные составляющие этой системы, так же, как и практика отдачи ее на откуп «частному» потребителю услуг, не могут решить проблему потому, что не учитывают логики этой сложной субъектности, в которой часть не может занять место целого. Подобно тому, как любой оптимально функционирующий орган в человеческом организме не только не может заменить иной, плохо работающий,

но и сама его работа является необходимым, но недостаточным условием общего здоровья всей системы, именуемой организмом, каждый социальный институт по определению более сложная по структуре и функциям система, нежели составляющие ее части.

Только рассматривая социальные общности и институты как субъекты социальной жизни, государство может апеллировать к человеку, влияя на формирование общественных и личных ценностей через их посредство. Общественные ценности — от ценностей семейной жизни до ценностей определенного государственного устройства, от соответствующего видения личных и общественных перспектив невозможно навязать, «снабдив» ими отдельную личность путем непосредственной индоктринации. Ценности формируются в том случае, если субъект действует в сфере специфических институциональных отношений. Именно эта сфера обеспечивает регулирование частного и общественного интереса, устанавливая между ними известное равновесие. Ресурсно-экономический подход, выводящий человека за рамки этой сферы (и следовательно, за рамки этого взаимодействия), делает проблематичными не только перспективы какой-либо модернизации общества, но и перспективы сохранения этого общества вообще.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Кутырев В. А. Духовность, экономизм и «после»: драма взаимодействия // Вопросы философии. 2001. № 8.
2. Горшков М. К. Российское общество в социологическом изменении // Социологические исследования. 2009. № 3.
3. URL: <http://www.liberal.ru/articles/5265>.

Т. В. Владимирова (Новосибирск)

ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ ОБЩЕСТВА В УСЛОВИЯХ ВОЗРАСТАНИЯ ДЕВИАЦИЙ И РИСКОВ

В социальной теории утвердилась мысль о том, что рост разнообразия социальных ситуаций ведет в том числе ко все большему обобщению социальных норм. Это, в свою очередь, предполагает, что индивиду необходимо больше свободы для создания своих собственных определений ситуации. Регуляция поведения в любом социальном образовании становится все сложнее. Растет разрегулирован-

ность социальных коммуникаций, что ведет к разладу социальной системы общества в целом. В связи с этим мы обращаемся к проблеме безопасности общества в условиях роста интенсивности социальных коммуникаций. На наш взгляд, тема безопасности представляет собой прагматический срез высоких социальных теорий и отбор, формирование тех основных понятий, которые непосредственно помогают конструировать различные аспекты видения проблемы устойчивости социума и социального.

Современное общество требует высоких темпов экономического и социального развития. В России сегодня на поверхность дискуссий и программ выходят понятия модернизации и инновации. Необходимость инновационного развития — общее место для многих текстов, посвященных анализу жизни российского общества. Социальные изменения, нововведения, скорость нововведений, формирование центров инновационного развития — ценности дня, осуществление которых требует творческого потенциала личности, реализации прав и свобод, а значит, все большей свободы от структурных ограничений социальной системы общества.

Общеизвестно, что упорядоченность социальных отношений обеспечивает стабильность и предсказуемость — условие благополучного существования общества. Обеспечение безопасности первично, оно является необходимым основанием любой социальной деятельности, творческой реализации личности. Уже при первом приближении к осмыслению феномена социальной безопасности можно утверждать, что социальная безопасность связана с устойчивостью социального порядка в обществе. Социальная деятельность «другого» является источником неопределенности ситуации для субъекта и определенной опасностью, связанной с нарушением социальных норм. Настаивая на реализации собственных интересов, индивид различным образом оказывает противодействие устоявшемуся социальному порядку общества. То, в свою очередь, вырабатывает систему социального контроля, которая в своих функциях коррелирует с работой системы обеспечения безопасности, реализуемой государством и другими социальными институтами.

Безопасность общества я рассматриваю через анализ и сопоставление понятий социального порядка и девиации [1]. Социальную безопасность можно определить как свойство социального порядка сохранять и развивать самое себя в условиях девиантного поведения социальных акторов и рисков. Риски и девиация ведут к формированию современности, где субъекты сами обеспечивают собственную безопасность, безуспешно актуализируя условие социальной упоря-

доченности. Обратим внимание на то, что социальная система общества не исключает, в принципе, девиантное поведение, а всякий раз частично адаптирует его. Связано это с тем, что различные отклонения в поведении индивидов от социальных норм, в том числе, являются источником изменения социальной системы и причиной ее развития. Сами девиации в связи с этим различаются на социально одобряемые и неодобряемые. История общества часто демонстрирует нам, как вчерашнее отклонение в поведении индивидов сегодня становится нормой. На фоне усилий предотвращения рисков последние также становятся частью социальных практик. Дж. Урри считает, исследовательские практики смещают сегодня свое внимание от «общества риска» к «культуре риска» [2].

Важно понимать проблему реализации социальной инновации, под которой мы понимаем любое нововведение в обществе. Как правило, инновация первоначально не принимается социальной системой. Обычно этому препятствуют устоявшийся порядок в профессиональной сфере деятельности общества, неформальные требования, общественная мораль, обычаи и нравы, и даже (когда мы говорим о современном обществе) сама политико-юридическая система. С другой стороны, мы декларируем важность инновационного развития для страны и критикуем косность системы, препятствующей введению инноваций. Но при этом необходимо понимать, что неконтролируемость и непрогнозируемость различных нововведений в обществе ставит серьезную проблему нарушения устойчивости и воспроизводства социального порядка. Положительная девиация, которую мы трактуем как инновацию, не всегда и не везде воспринимается системой в подобном качестве.

Многие авторы отмечают, что однозначного научного понимания «инновации» до сих пор не существует. Современную трактовку инновации дал Й. Шумпетер [3]. Он определил инновацию как средство предпринимательской деятельности для увеличения прибыльности и конкурентоспособности, главной же движущей силой экономического развития он считает предпринимателя или главного инноватора. Экономист Дж. А. Гобсон считал, что инновации позволяют открывать новые рынки, производить новые товары и находить новые способы их изготовления [4]. Подобный подход развивал П. Друкер, отмечая, что нововведения — это особый инструмент предпринимательства, средство, с помощью которого они используют изменения как шанс осуществить новый вид бизнеса или услуг [5].

С другой стороны, в известной работе Р. Мертона [6] понятие «инновация» мы встречаем в его классификации видов девиантного по-

ведения, где он определяет инновацию как социальное нововведение, нарушающее социальные нормы. Сегодня многие авторы считают, что суть инновационного развития выходит далеко за пределы узких технико-экономических параметров. Понятие эффективности инновации чрезвычайно сложно и всегда относительно. Д. Норт отмечал, что меняется эффективность не всей системы и не для всех, а лишь для тех игроков, в чью пользу сложилось соотношение сил [7, с. 33]. Одновременно нельзя отрицать и того, что инновации имеют серьезные системные последствия. Это одна из важнейших причин, которая обуславливает жесткое сопротивление при внедрении инновации. Необходимо брать во внимание, что внедрение инновации не означает автоматического улучшения большей части общества.

Процесс инноваций может быть задан «извне» или «сверху», но он ни при каких обстоятельствах не может быть формализован, а ход его развития — исчерпывающе прогнозируемым. В любом инновационном процессе участвуют различные силы, как заинтересованные в изменениях, так и не желающие их. Важно отметить, что во внедрении инновации особенности межличностной и межгрупповой коммуникации играют значительную роль наравне с содержательной стороной самого нововведения.

Специалисты в области организационного развития выделяют три типа инновации в соответствии с концепцией «созидательного разрушения» Й. Шумпетера:

- трансформационные, или революционные, инновации, отвечающие историческим и необратимым изменениям существующего порядка;
- значимые инновационные процессы, вносящие коррективы, не столь масштабные, как предыдущие, но все же вызывающие довольно серьезные изменения. Часто значимые инновационные процессы сопровождают трансформационные;
- эволюционные инновации, которые являются движущей силой ежедневных изменений большинства корпораций [8, с. 117–118].

Е. Г. Пономарева, А. Э. Никифорова отмечают, что по отношению к организационным, управленческим, политическим и бизнес-процессам уровень инновации определяется двумя факторами: степенью их новизны и масштабом изменения условий, связанных с их внедрением. Эволюционные инновации не обладают высокой степенью новизны в глазах индивидов, участвующих в процессе их внедрения. Значимые инновации воспринимаются как нечто новое и могут произвести более ощутимый экономический эффект. Трансформацион-

ные инновации приводят к появлению совершенно новых конструкций или производственных процессов и оказывают влияние на все стороны жизни [9]. Видимо, именно трансформационные инновации могут составлять угрозы упорядоченности и стабильности жизни отдельных социальных групп и даже целого общества.

На основе результатов, полученных в ходе продолжительного исследования условий рыночной эффективности крупнейших американских компаний, была выведена интересная закономерность между тремя типами инноваций. «Внедрение значимых инноваций часто вызывает изменения рыночной эффективности, примерно на порядок отличающиеся от последствий эволюционных, и приводят к соответствующим изменениям финансового состояния рынка (при десятикратном увеличении неопределенности). Кроме того, значимые инновации часто порождают новые: стоит им начаться, как вслед за ними возникают другие (иногда этот эффект называют положительной реакцией). Трансформационные инновации имеют на порядок больший масштаб, чем значимые. Эти процессы разрушают социальную ткань намного эффективнее, чем эволюционные инновации. Исходя из личного опыта и результатов анализа... мы можем сказать, что частота инновационных процессов подчиняется логарифмической закономерности. Иными словами, на каждые сто эволюционных инноваций приходится десять значимых. А на каждые десять значимых — одна трансформационная» [8].

Эффективность инновации связана также и с тем, что значимые организационные и технологические инновации ведут к перераспределению экономических и политических ресурсов в обществе, а потому чреваты не только экономическими, но и социальными и политическими проблемами, ведущими, в том числе, и к угрозам различного характера. «Те, кто выигрывает от текущего экономического и политического статус-кво, имеют рациональные основания опасаться условий, способствующих модернизации, ведущей к инновационному развитию» [10, с. 8]. И быть может в долгосрочном плане (а долгосрочное прогнозирование, как известно, вещь труднодоступная и ненадежная) общество может выигрывать от запуска инновационной модели развития, но при переходе к ней определенные социальные группы несут серьезные потери. К примеру, в современной России для многих социальных групп текущее состояние оказывается предпочтительнее рисков перехода к новым, с неизвестными последствиями, моделям политического и экономического устройства страны. Группы, опасющиеся нового, воспринимают призывы руководства страны к инновационному развитию не только как нечто чу-

ждое, как «принуждение к инновациям» (В.Л. Иноземцев), но как покушение на имеющиеся блага [9].

Итак, инновационное развитие общества ведет к росту отклонений от устоявшихся социальных ограничений или норм, что, в свою очередь увеличивает количество рисков. Развитие коммуникативного пространства связано с ростом процессов демассификации и дестандартизации социальной жизни. В этих условиях традиционная упорядоченность социальных отношений (или устоявшиеся механизмы социальных ограничений) необходимым образом отступает или видоизменяется. Можно ли утверждать, что вырабатывается иной новый социальный порядок? Возможно ли это в условиях процессов глобализации, ведущих к смешению культур и их гибридизации? Не приведет ли дестабилизация существующих структур жизни, в том числе иницилируемая программами (и не программами, а голословными заявлениями) инновационного развития, к аномии или даже к катастрофе (самоуничтожению, в частности, нашего общества)? Где те новые коммуникативные генерации, которые призваны упорядочить новое состояние общества, воспроизводить социальное в современной России? В чем их специфика? Считаю, что сегодня необходимо дальнейшее формирование социологической теории безопасности общества, в частности, более глубокий анализ видения значения инновационного развития.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Владимирова Т. В. Социальная безопасность: к обоснованию социологической перспективы // Идеи и идеалы. Научный журнал. 2011. № 1 (7). Т. 2.
2. Urry J. Global Complexities. Oxford, 2003.
3. Шумпетер Й. Теория экономического развития. М., 1982.
4. Гибсон Дж. А. Империализм. М., 2010.
5. Друкер П. Классические работы по менеджменту. М., 2008.
6. Мертон Р. К. Социальная структура и аномия // Рубеж (альманах социальных исследований). 1992. № 2.
7. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М., 1997.
8. Фостер Р., Каплан С. Созидательное разрушение М., 2005.
9. Пономарева Е. Г., Никифорова А. Э. Инновация как научная и политическая проблема // Свободная мысль. 2011. № 1.
10. Бусыгина И. М., Филиппов М. Г. Политические условия и ограничения инновационного развития России // Вестник Института Кеннана в России. 2010. Вып. 18.

О. Н. Колесникова (Барнаул)

МОНИТОРИНГ КАЧЕСТВА ОБРАЗОВАНИЯ В ВУЗЕ: ГРАНИ ПРОБЛЕМЫ

Развитие мировой цивилизации показывает, что наиболее приоритетной ценностью, обеспечивающей социальный прогресс общества, является система образования как один из важнейших социальных институтов, формирующих общественное сознание и интеллектуальный потенциал нации. Особая роль при этом принадлежит высшему образованию, которое обеспечивает подготовку специалистов-профессионалов, представляющих «интеллектуальный портрет» той или иной страны.

Академик Д. С. Лихачев говорил об ожесточенности людей и падении культуры во всем мире и о том, что выход из положения, в котором оказалась наша страна, он видит в образовании. Он отмечал, что надо сделать все, чтобы спасти молодое поколение от бездуховности и морального падения.

В современном мире увеличивается значение образования как важнейшего фактора формирования нового качества экономики и общества в целом. Хорошее образование — главная стартовая ступень в достижении жизненного благополучия. В настоящее время происходит рост престижности высшего образования, не случайно более 70% россиян в настоящее время считают необходимым дать своим детям высшее образование.

Для человеческого развития доступ к образованию является одним из основных факторов его благополучия, получение образования — одним из факторов, определяющих качество жизни. Исключение из образования усиливает социальную изоляцию, что порождает низкое качество жизни. Основные аспекты социальной изоляции значительно шире традиционных подходов к оценке бедности: это изоляция от рынка труда (безработица), изоляция от потребительского стиля жизни (бедность), изоляция от социальных отношений, изоляция от различных социальных институтов. Политика противодействия социальной изоляции должна ориентироваться на повышение социальной интеграции человека в общество. Институты образования позволяют решать вопросы социальной интеграции. В быстро изменяющемся мире стратегические преимущества будут у тех государств и обществ, которые смогут эффективно накапливать и продуктивно использовать инновационный потенциал развития, основным носителем которого является молодежь. От уровня образования на-

прямую зависит качество трудовых ресурсов и в связи с этим состояние экономики в целом. Качественное образование выгодно не только для отдельного человека, но и для всего общества. Благодаря системе образования страна получает высококвалифицированных работников, а это рост производительности труда, внедрение новых технологий, выход на передовые рубежи в социальном развитии. Мировое сообщество пришло к выводу, что образование должно иметь абсолютный приоритет в бюджетах всех государств. За счет образования развитые страны получают до 40% прироста ВВП. Образование позволяет человеку успешно работать и обеспечить себе достойное качество жизни, является качественным образованием, т. е. образованием, которое дает социальный эффект. Соответствие образования потребностям современной экономики и рынкам труда, в том числе перспективным, определяет качество образования.

Существенное значение для понимания современных подходов к изучению связи профессии и образования имеет обращение к трудам основателей и классиков социологической науки. Так, М. Вебер одним из первых обратил внимание на необходимость рассмотрения профессии и образования в качестве критериев социального статуса. «Термином «социальный статус», — писал он, — мы будем обозначать реальные притязания на позитивные или негативные привилегии в отношении социального престижа, если он основывается на одном или большем количестве следующих критериев: а) образ жизни, б) формальное образование, заключающееся в практическом или теоретическом обучении и усвоении соответствующего образа жизни, в) престиж рождения или профессии». Уже из этого определения видно, что профессия и образование определяют как содержание деятельности, так и образ жизни людей. Вебер уточняет, что формальное образование заключается не только в практическом и теоретическом обучении, но и в усвоении образа жизни. Развивая его идеи, позднее П. Сорокин следующим образом охарактеризовал социальное значение профессии для человека: «Она механически, помимо воли и желания индивида, переделывает его, творит по своему образу и подобию, определяет его интересы, убеждения, вкусы, стремления и желания, словом — всю его природу. Это значит, что индивиды, имеющие сходные профессии, при всех их различиях будут иметь ряд общих интересов и сходств, вызываемых сходством профессии. И, наоборот, сходные во многих отношениях индивиды неизбежно будут расходиться во многом, если их профессии различны» [1]. Идеи М Вебера и П. Сорокина активно использовались и развивались различными западными и отечественными социологами.

Проблемы качества образования и формирование эффективного имиджа высшего учебного заведения влияют на усиление его позиций на рынке образовательных услуг.

Качество образования — это интегральная характеристика системы образования, отражающая степень соответствия достигаемых образовательных результатов нормативным требованиям, социальным и личностным ожиданиям.

Перед поступлением в вуз абитуриенты руководствуются не только тем, какую выбрать специальность, но и в какой вуз поступают: чем он лучше других, какие позитивные составляющие присутствуют в его системе. Роль в выборе может сыграть имидж вуза, его престижность, качество образования, взаимодействие с потенциальными работодателями и многие другие факторы. В последние годы круг приоритетов выбора высшего учебного заведения расширился: помимо хорошего качества образования, учитываются и такие как широта выбора направлений подготовки, возможность хорошего трудоустройства после учебы, оплата за обучение многие другие факторы.

В связи с этим особую роль приобрела проблема мониторинга высшего образования. Мониторинговая деятельность предназначена для постоянного наблюдения за выполнением мероприятий или требований по достижению запланированных результатов. Под мониторингом качества высшего образования следует понимать комплексное функционирование специальной системы, предназначенной для наблюдения, измерения, оценки и анализа качества высшего образования. Мониторинг качества образования может включать различные аспекты, такие, например, как: основания образования (нормативно-правовая база, образовательные программы); человеческий ресурс (преподаватели, студенты, выпускники, абитуриенты); организационный ресурс (материальная база, инфраструктура вуза, инновационные технологии) и др. В связи с тем, что нет четкого понятия «качество образования», мониторинговые обследования различных вузов охватывают лишь часть аспектов, и поэтому возникают трудности в сопоставлении работы вузов.

В сентябре 2011 г. коллектив преподавателей и студентов факультета социологии провел исследование мнения студентов об имидже Алтайского государственного университета, в котором были рассмотрены отдельные моменты, связанные с качеством образования. Были опрошены методом анкетирования студенты 1 и 4 курсов всех факультетов вуза (около 80% от общего состава). Индикаторами для студен-

тов 4 курса рассматривались следующие показатели: оценка правильности выбора учебного заведения и специальности (направления); интерес к профессии; отношение к учебной и научной деятельности; отношение к прохождению практики; взаимоотношения студентов с преподавателями и друг с другом.

Важно отметить, что студенты 4 курса в целом по университету высоко оценили свой выбор вуза — Алтайского государственного университета. Так считают, что сделали правильный выбор 86% респондентов, и они повторили бы свой выбор; неправильный выбор — 14% респондентов, и сегодня они сделали бы другой выбор. Выбрали профессию правильно и повторили бы свой выбор — 77% опрошенных; неправильно выбрали и сегодня сделали бы другой выбор — 23% респондентов.

Индикаторами для студентов 1-го курса явились значимые источники информации о выбранном факультете и университете; данные о влиянии родителей и учителей при выборе факультета и вуза; географическое месторасположение школ, выпускники которых поступили на 1 курс в 2011 г.

Результаты данного исследования дают интересный материал для работы каждого факультета и университета в целом, что подтверждает важность проведения мониторинга оценки качества образования. Этот вывод особенно актуален в связи с требованиями ФГОС для бакалавров. Так, согласно п. 8.5 «обучающимся должна быть предоставлена возможность оценивания содержания, организации и качества учебного процесса в целом, а также работы отдельных преподавателей». Кроме того, документы Болонского соглашения предполагают, что в оценке качества образования особая роль отводится работодателям. Поэтому мониторинговой деятельности открыт широкий простор, в связи с чем важно, какую роль займут факультеты социологии при проведении мониторинга качества образования вуза.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Дьяконова М. В. Влияние системы образования на формирование человеческого капитала [Электронный ресурс]. URL: www.laboumarket.

Раздел II

**СОЦИАЛЬНЫЕ СМЫСЛЫ
СОВРЕМЕННОГО БЫТИЯ**

В. А. Бачинин (Санкт-Петербург)

ОТ «СОЦИОЦЕНТРИЗМА» ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ К «ЛИТЕРАТУРОЦЕНТРИЗМУ» СОЦИОЛОГИИ

По общему признанию, в XX столетии при переходе от модерна к постмодерну произошли три существенных, стратегических разворота в социогуманитарном знании. Во-первых, это *онтологический поворот* к теологии без Бога. Во-вторых, *лингвистический поворот* с характерным смещением познавательного интереса в сторону языковых форм и структур гуманитарного мышления. И, в-третьих, *иконический поворот*, опирающийся на представления о том, что образ как таковой следует рассматривать в качестве универсальной структуры мировосприятия и мышления. Он предполагает, что искусство и литература, оперирующие образами, заслуживают самого серьезного внимания со стороны гуманитариев, исследования конкретных художественных произведений, а также дескриптивно-аналитических возможностей художественного мышления являются важной магистралью гуманитарного познания. В результате третьего поворота литература оказалась едва ли не в центре социогуманитарного дискурса, что свидетельствует о появлении у него такого свойства, как «литературоцентричность».

Если говорить о социологии и об ее отношении к этим методологическим трансформациям, то можно увидеть, что она также не исключает возможности сходных метаморфоз в своих дискурсивных структурах. Социологическое сознание, неспешно движущееся собственным путем, также проходит через определенные содержательные мутации, детерминированные все тем же глобальным переходом культуры в постмодерное состояние. И на этом пути ему еще предстоит всерьез обратиться к своим онтологическим основаниям и вплотную заняться языком и образами. В последнем случае, т. е. применительно к иконическому повороту, весьма широкие перспективы открываются для развития такой области знания, как социология литературы.

Уже сегодня эта теория среднего уровня, предполагающая взаимодействие социологии и литературоведения, пребывает в средоточии двух встречных процессов, симметричных по сути, но различающихся динамикой и масштабами. Их тоже можно характеризовать в терминах *поворота*, как *социологический поворот в литературоведении* и *литературный поворот в социологии*. Первый уже вполне ощутим: достаточно лишь обратиться к проблематике статей в литературоведческих журналах последнего десятилетия.

Что же касается второго, то о нем можно говорить пока лишь в вероятностно-предположительных категориях, что объясняется целым рядом обстоятельств.

Социология на протяжении почти всего исторического периода своего развития старалась держаться на значительном расстоянии от беллетристики. Как бы интуитивно чувствуя в последней возможного конкурента, она пыталась не замечать ее незаурядных дескриптивно-аналитических возможностей. И так продолжалось практически до начала того иконического поворота, о котором речь шла выше и который ныне заставляет социологию пересмотреть свое отношение к литературе. В настоящее время социологи уже не решаются критиковать литераторов и литературу за удаленность от «истинно научных» воззрений на социум и человека, за «странности» художественного познания с его образностью, метафоричностью и прочими недискурсивными средствами. Напротив, социология обнаруживает готовность снизойти до дольного мира художественности, расклевывшегося у подножий высокой науки, и не прочь получить для себя хотя бы какую-то пользу от «прогулок по садам изящной словесности». Иными словами, сегодня она фактически готова признать в литературе эффективный инструмент анализа социальной реальности.

Если исходить из принципа универсальности социального, из признания его повсеместного присутствия в жизненном мире человека, то следует признать правомерность социологического взгляда на что угодно, в том числе и на литературу. Подобно тому, как в любом артефакте можно отыскать как философское, так и социальное содержание, вызывающее интерес у социологического сознания, непременно присутствует в каждом атоме человеческой жизни и культуры. Соответственно, каждый литературно-художественный текст, независимо от его мировоззренческих ориентаций и эстетических качеств, от первой до последней буквы погружен в социальность, пропитан ею и не в состоянии освободиться от нее, как не может живой организм освободиться от текущей внутри него крови.

Поскольку литературные тексты творятся социальными субъектами, существуют лишь в социуме и, следовательно, обладают социологическим измерением, то задача заключается только в том, чтобы обзавестись необходимым арсеналом аналитических средств по выявлению в том или ином фрагменте литературной реальности социологической информации, обладающей научной значимостью. Эту задачу и призван решать социолог литературы, располагающий обширным набором методологических подходов и способностью находить разнообразные проблемно-аналитические ракурсы.

Отечественную социологию подталкивает к переоценке своих отношений с литературой ряд примечательных обстоятельств, в том числе появление маргинальных текстов, художественных и одновременно социологических как по характеру содержащегося в них материала, так и по формам его презентаций. Произведения таких мастеров слова, как А. Платонов, А. И. Солженицын, А. Д. Синявский, А. А. Зиновьев, В. О. Пелевин и других, наделенных ярко выраженным социальным темпераментом, способных описывать и анализировать сложнейшие социальные реалии XX столетия, явно превосходят своей глубиной и проницательностью теоретические работы основной массы современных им ученых-социологов, историков, философов. Демонстрирующие действенность социально-художественной рефлексии, они являют собой образцы органичного единства образности и рационалистичности, свидетельствуют о высокой эпистемологической ценности социологического воображения литераторов. Оказалось, что их тексты, обладающие богатейшими эвристическими ресурсами, можно читать как социологические исследования, поскольку образное мышление их авторов смогло проникнуть в суть острых социальных проблем несравнимо глубже мышления профессиональных социологов. Перефразируя Ницше, утверждавшего, что самый честный философ — это писатель, можно сказать, что самыми честными, тонкими и глубокими отечественными социологами второй половины XX — начала XXI в. оказались талантливые литераторы, много сделавшие для развития совершенно особой отрасли социогуманитарного познания — художественной социологии.

Поскольку мир литературы — это совсем не поле, как утверждал П. Бурдьё, а скорее вселенная, беспредельный космос смысловых, ценностных, нормативных, образных, символических и прочих форм и структур, то по отношению к этому миру возможно большое разнообразие познавательных подходов, где социологический подход — только один из многих. Но даже если сосредоточиться только на нем, то и в этом случае обнаружится открытое множество разнообразных методологических средств, с помощью которых социологи могут продуктивно работать с литературно-художественным материалом. Кроме таких анонимных методов, как социологический историзм, институционализация, компаративистика, статистика, биографика и прочие, имеются сугубо авторские методологические конструкты, прочно привязанные к конкретным именам В. Беньямина, Ж. Батая, Ю. Кристевой, П. Бурдьё, П. де Мана, Ю. Тынянова, М. Бахтина, Ю. Лотмана и др. Их голоса перекликаются, аналитические векторы порой пересекаются. Ни один из авторских методов не универсален, не самодостато-

чен, а представляет собой нечто особенное, частное как по характеру познавательных задач, так и по роду используемых средств. Даже взятые все вместе, указанные методы не покрывают всего проблемного пространства социологии литературы, которое поистине безгранично.

Поскольку в распоряжении современного социолога имеется довольно большой набор вполне добротных аналитических инструментов, из них всегда можно выбрать тот, что в наибольшей степени отвечает его исследовательским интересам. Кроме того, если ученый достаточно талантлив, то ничто не мешает ему создать собственную, авторскую методологическую конструкцию и апробировать ее в деле.

При наличии всех этих, достаточно широких, возможностей кажется странным то обстоятельство, что отечественные социологи весьма неохотно пользуются ими. Ведь даже беглый взгляд на тематику статей российских социологических журналов последних двух десятилетий убеждает, что исследования по социологии литературы представлены в них весьма скромно. Аналогичным образом обстоит дело и с тематикой диссертаций по социологии.

Можно предположить, что одним из вероятных препятствий является то, что социология литературы — достаточно трудоемкая область знаний, имеющая междисциплинарный характер и требующая от специалистов двойной компетентности в областях как социологии, так и литературоведения, которое, в свою очередь, включает в себя теорию литературы, историю литературы, литературную критику и еще целый ряд конкретных субдисциплин. Все вместе они составляют обширнейшую информационную сферу, выступающую по отношению к социологии литературы областью предпосылочных, пропедевтических знаний.

Нынешняя система социологического образования, в которой отсутствует специализация по социологии литературы, никак не способствует освоению этой сферы. Сказывается определенный прагматизм мышления чиновных стратегов развития социологической науки, по-прежнему склонных отодвигать проблемы духовной жизни на периферию социологического познания и практически не реагирующих на присутствие в гуманитарной сфере артикулированного заказа на разработку проблем социологии литературы. В результате литературоведы, не уверенные в том, что социологи смогут им чем-то помочь, предпринимают самостоятельные попытки разрабатывать социологические проблемы литературного процесса собственными силами, используя имеющиеся у них для этого свои собственные возможности. Так возникает ситуация отнюдь не симметричного присутствия социологов и литературоведов в междисциплинарном пространстве отечественной социологии литературы.

А. А. Алексеенок (Орел)

СОВРЕМЕННЫЕ МОДЕЛИ ИЗУЧЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ ОБЩЕСТВА

Социальная структура современного российского общества является не монолитной, но фрагментированной. Каждый отдельный фрагмент, будучи самостоятельной социальной структурой, образован под воздействием собственного уникального сочетания признаков, среди которых следует выделить образование, профессию, имущество, доход, власть, а также неформальные социальные сети.

Для системного рассмотрения социальной структуры, сформировавшейся в России, необходимо изучить существующие подходы мировой социологической науки к социальной стратификации. Исследование социальной стратификации началось вместе с зарождением социологии как науки. В этом смысле первыми исследователями являлись О. Конт, М. Вебер и К. Маркс.

Большинство современных систем стратификации основывается на теориях К. Маркса и М. Вебера. Следует выделить следующие международные системы социальной стратификации, которые получили наибольшее распространение: 1) система социальной стратификации Дж. Голдторпа; 2) международная стандартная классификации профессий; 3) шкала престижа Д. Траймана; 4) кэмбриджская шкала социального взаимодействия и стратификации; 5) система социальной стратификации Э. Райта [1].

Система социальной стратификации Дж. Голдторпа появилась в конце 70-х гг. XX в. и с тех пор многократно видоизменялась, современная версия датируется 1997 г. Несмотря на критику Голдторпом неомарксистского подхода к социальной стратификации и приверженность веберизму, система впитала в себя идеи обоих подходов. В центре подхода Голдторпа находятся отношения в сфере занятости в индустриальных обществах, т. е. (согласно представлению Голдторпа и его коллег) в обществах, которые функционируют на основе принципа технической и экономической рациональности. Авторы системы утверждают, что индустриальные общества наиболее стратифицированы, так как более развитое разделение труда по сравнению с доиндустриальными обществами порождало неравенство в обучении и образовании, развитие недостающих, но необходимых технических и профессиональных навыков привело к зарождению среднего класса. Все эти тенденции наряду с повышением требований к менеджменту и административному руководству вследствие

усложнения деловых процессов и бюрократизации, свойственных индустриальным обществам, породило диверсификацию профессий, которые могут быть классифицированы в соответствии с формами их взаимоотношений.

Голдторп разделяет системы социальной стратификации на модели, фокусирующиеся либо на классовой структуре, либо на социальной иерархии. Модель классовой структуры основана на отождествлении социальной позиции индивида с его положением на рынке труда. Модель социальной иерархии, напротив, основана на самоопределении положения индивида в многомерном пространстве, каждое измерение которого образует отдельную иерархию, например, престиж, статус, экономические ресурсы и т. д. Голдторп рассматривает свою систему стратификации в категории времени и сопоставления актуальных объектов с предшествующими, поскольку в системе подразумевается вертикальное измерение по шкале убывания /возрастания, и тем самым накладывает ограничения, действующие в пределах актуальности социальной структуры. Например, он утверждает, что квалифицированные промышленные рабочие, мелкие собственники и мелкие чиновники могут занимать схожее положение в иерархии, но их положение может зависеть от совершенно различных технических или экономических факторов (инновации, политика правительства), которые распространяются в пределах актуальности каждого из положений. Индивиды, принадлежащие к одному классу, напротив, обладают относительно однородными ресурсами по виду и количеству, прошли схожие жизненные пути и, соответственно, имеют схожие интересы, свойственные их классу [2].

Система социальной стратификации Дж. Голдторпа покоится на тройственном основообразующем делении: работодатель, который покупает труд у наемных работников и тем самым обладает властью над ними; самозанятые без наемных работников, которые не продают и не покупают труд; наемные работники, которые продают свой труд работодателям и тем самым находятся под их властью. Все дальнейшие вариации и расширения системы Голдторпа отталкиваются от этого основополагающего деления. На развитие системы повлияли следующие явления: трансформация права собственности в корпоративные формы; бюрократизация труда и организаций; появление авторского права, специализированного знания и экспертизы; деление профессий по отраслям, особенно отделение сельского хозяйства от остальных отраслей; развитие системы мотивации; изменения в основах трудового контракта и условиях найма.

Международная стандартная классификация профессий (International Standard Classification of Occupations — ISCO) соответствует подходу Международной организации труда и наиболее широко применяется для классификации видов профессиональной занятости. Основаниями для классификационной шкалы данной системы являются, с одной стороны, требования к уровню должностей, а с другой — навыки, необходимые для номинального и реального соответствия отдельно взятой должности. Наиболее часто используемая версия состоит из 4 уровней навыков, каждый из которых включает в себя как полученное образование, так и опыт, приобретенный в процессе работы, что является важным критерием классификации.

Модель социальной стратификации Д. Траймана следует отнести к чикагской школе стратификации, ставящей во главу угла структурно-функциональный подход и заимствующей идеи Т. Парсонса и Э. Дюркгейма. Трайман предлагает общую стратификационную модель для современных сложных обществ, основанную на рейтинге престижности профессий, который, предположительно, не зависит от места жительства, национальности, социальных и культурных установок. Теория профессионального престижа Д. Траймана основана на шести утверждениях: 1) все сложные современные общества организованы и функционируют ради максимизации эффективности; 2) функция максимизации эффективности достигается за счет схожего разделения труда, которое воспроизводит схожие профессиональные роли; 3) разделение труда порождает социальную стратификацию на основе различий в уровне контроля над недостающими, не востребованными общественными ресурсами (знания и навыки, контроль над деятельностью других, права собственности и т. д.); 4) различия в контроле над общественными ресурсами порождают различия во властных полномочиях; 5) различия во властных полномочиях приводят к различиям в привилегиях для отдельных членов общества; 6) власть и привилегии высоко ценятся во всех обществах, следовательно, профессиональные позиции, подразумевающие большие властные полномочия и привилегии, связаны с высоким положением в рейтинге престижности, который является универсальным.

В приближении к эмпирическому уровню система Траймана основана на международной стандартной классификации профессий (ISCO). Используя представленную выше четырехуровневую шкалу профессиональных навыков, индексы престижа для каждого рода профессиональной деятельности по классификации ISCO усредняются и образуют индекс престижа группы профессий в соответствии с иерархичностью классификации ISCO.

В основе кембриджской шкалы социального взаимодействия и стратификации (Cambridge Social Interaction and Stratification Scale — CAMSIS) лежит представление об обусловленности взаимодействия индивида с обществом некими социально созданными сетями. По сути, речь идет о социальном окружении: с ближайшим социальным окружением индивид взаимодействует чаще, чем с отдаленным социальным окружением. Индивиды, вовлеченные в схожие по условиям социальные, культурные, политические и экономические взаимодействия, воспроизводят схожую социальную структуру, которая в обратном порядке воздействует на индивидуальные ценности, мнения и поведение. Кроме того, ценности, мнения и поведение способствуют позиционированию индивида в обществе и, таким образом, предопределяют взаимодействия с другими индивидами. В конечном счете, сети взаимоотношений сформированы иерархическим неравенством и воспроизводят его [3].

Теоретической квинтэссенцией данной модели является то, что ресурсы распределяются системно и неравномерно в соответствии с социально регулируемыми взаимоотношениями внутри отдельных сетей. Следовательно, социальная стратификация является функцией неравномерного и неслучайного распределения ресурсов в соответствии со сложившейся системой взаимоотношений внутри социальных, политических и экономических сетей.

Система социальной стратификации Э. Райта определенно относится к неомарксистским подходам. Марксистские и неомарксистские исследователи настойчиво пытались объяснить некоторые несоответствия в его теории: трудность в эмпирическом выявлении наличия классов и их антагонистических взаимоотношений; отказ буржуазии пойти на уступки; наличие сильного среднего класса; победа капитализма над социализмом.

В настоящее время Э. Райт исключил ключевые элементы своей первой теории классовой структуры по Марксу. На основе последних его работ можно выделить следующие положения, определяющие классовую структуру в современных сложных обществах:

- а) в соответствии с марксистскими взглядами собственники и наемные работники образуют два отдельных метакласса, причем владельцы средств производства эксплуатируют наемных работников, присваивая прибавочную стоимость, произведенную наемными работниками;
- б) в современных капиталистических обществах активы (имущество) не ограничены формами собственности на средства производства и труд, а включают профессиональные навыки

и имущество организаций, которые дифференцируют наемных работников в социальной структуре.

Собственники средств производства разделены на отдельные категории, которые отражают масштаб собственности (буржуазия, мелкие работодатели и мелкая буржуазия, выделенные в соответствии с численностью наемного персонала). Наемные работники распределяются в двух измерениях (низкий, средний и высокий уровни профессиональных навыков; низкий, средний и высокий организационный капитал).

Таким образом, в социальной стратификации российского общества следует применять целый комплекс моделей, состав которого определяется исследовательской целью и зависит от социального и территориального профиля социальных групп, изучаемых на эмпирическом уровне.

О. Н. Колесникова (Барнаул)

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ МОЛОДЕЖИ АЛТАЙСКОГО КРАЯ (по результатам исследований)

Что представляет собой молодежь в XXI в.? Какая она? Что характерно для нее? Эти вопросы сейчас интересуют многих, однако ответ найти не так-то легко. На первый взгляд кажется, что ничего сложного нет: молодежь — будущее всего человечества, но если вдуматься в суть вопросов, оказывается, что все не так-то просто. Согласно статистическим данным количество молодых людей в мире составляет более 1 млрд чел., или примерно одна пятая человечества. Кого мы можем назвать молодежью? Выделяют следующие параметры молодежной группы: возрастные границы; социально-психологические особенности; специфика социального статуса; ролевые функции; социокультурное поведение; специфика самоопределения; самоидентификация группы как молодежной.

Нынешняя молодежь живет уже в другом мире, не в том, что жила молодежь предыдущих десятилетий. Она развивалась в эпоху государственных перемен и кризисных условий и смотрит на мир другими глазами. В нестабильные кризисные периоды общественного развития молодежь попадает в самую гущу протекающих конфликтов, пытаясь не только обрести собственные более полные представления об окружающем мире, но и активно включаясь в его переустройство.

В последние годы в нашей стране на всех уровнях так или иначе обсуждается необходимость исследования молодежных настроений и выработки эффективной концепции молодежной политики. Коллектив студентов и преподавателей факультета социологии Алтайского государственного университета провел ряд исследований по проблемам молодежи. Результаты этих исследований можно представить как попытку составления социологического портрета молодежи Алтайского края. Данный портрет — это собственное представление молодежи о самой себе, о своем статусе, проблемах.

Итак, какая она, молодежь нашего региона? По результатам исследования в 2010 г. (опрошено 1200 респондентов, из них 295 чел. в возрасте от 16 до 30 лет) получены любопытные данные. Так, на вопрос «Какие чувства вы испытываете к своему региону?» мы получили интересные результаты (рис. 1). В целом довольной молодежи оказалось больше, чем населения прочих возрастных групп.

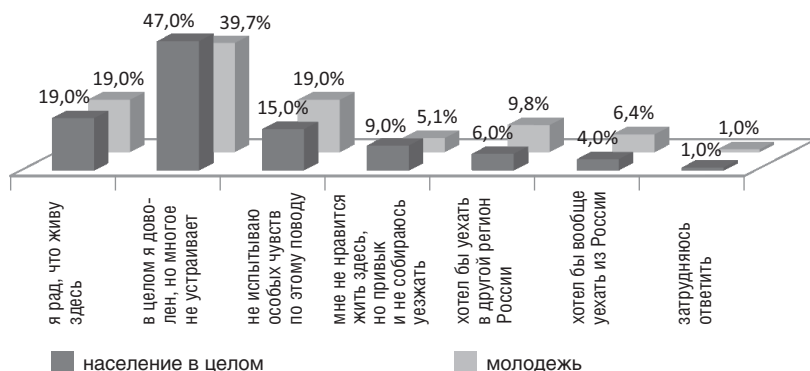

Рис. 1. Варианты ответов на вопрос «Какие чувства Вы испытываете по отношению к своему региону?»

В то же время уехать в другой регион России хотели бы 9,8% (все население — 6%), из России — 6,4%. Это и понятно, молодежь более мобильна.

Хочется отметить, что молодежь более оптимистична по сравнению со всем населением других возрастов. В ответе на вопрос об уровне жизни в нашем регионе было отмечено, что в Алтайском крае люди живут лучше, чем в соседних регионах — больше молодежи 5,4% (все — 3%), в нашем регионе хуже, чем в соседних, считает 34,6% молодежи (прочие возрастные группы — 44%).

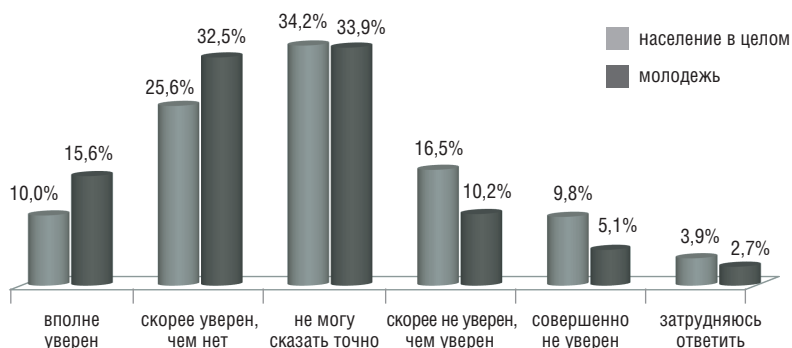

Рис. 2. Варианты ответов на вопрос «Насколько Вы сегодня уверены или не уверены в своем будущем?»

Как молодежь смотрит в будущее (рис. 2)?

15,6% вполне уверены в своем будущем; 32,9% скорее уверены, чем нет, т. е. в сумме 48,5%, а не уверенных 15,3%. В то же время население прочих возрастных групп уверено в своем будущем на 35%. (13,5% разница между молодежью и населением прочих возрастов в «пользу» молодежи).

Разница в ответах на вопрос «Участвовали ли вы в создании чего-либо нового»? небольшая, не так много участвовало примерно 17%. Радует то, что организаторов нового среди молодежи несколько больше, чем респондентов других возрастных групп.

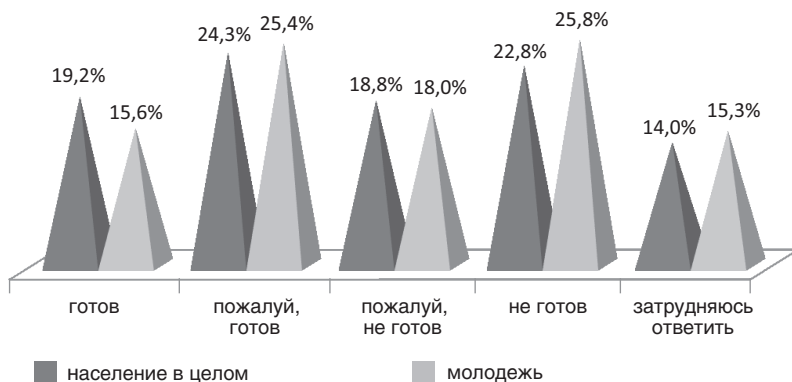

Рис. 3. Варианты ответов на вопрос «Готовы ли Вы принять участие в акциях протеста против снижения уровня и качества жизни, прав и свобод человека?»

Рассматривая протестное поведение, видим, что готовность протестовать молодежи несколько ниже, чем населения других возрастных групп. Так, готовы протестовать: молодежь — 15,6%; все — 19,2%; не готовы — молодежь — 25,8%, респонденты прочих возрастных групп — 23,8%.

Что необходимо сделать для улучшения жизни? На этот вопрос последовали разные ответы: молодежь больше волнует решение таких проблем, как образование, борьба с криминалом, развитие малого и среднего бизнеса, строительство новых дорог. Равнозначно все респонденты выделили проблему создания новых рабочих мест. Несколько ниже процентное соотношение по вопросам АПК, госконтроля, развития медицинского обслуживания.

В настоящее время Россия остро нуждается в высококвалифицированных специалистах нового типа, соответствующего условиям современного развивающегося мира, обладающих высоким профессионализмом. В составе молодежи таковым можно назвать студенчество. Занимаясь особой образовательно-интеллектуальной деятельностью, которая выражается в накоплении, усвоении знаний и овладении навыками профессии, студенчество обладает большим ресурсом адаптации к интенсивно меняющимся социально-экономическим условиям.

Развитие мировой цивилизации показывает, что наиболее приоритетной ценностью, обеспечивающей социальный прогресс общества, является система образования как один из важнейших социальных институтов, формирующих общественное сознание и интеллектуальный потенциал нации. Особая роль при этом принадлежит высшему образованию, которое обеспечивает подготовку специалистов-профессионалов, представляющих «интеллектуальный портрет» той или иной страны. Таким образом, конкурентоспособным будет человек, освоивший основы наук, владеющий новейшими способами восприятия и передачи информации, образованный и практически подготовленный, прежде всего в профессиональном и мировоззренческом контекстах.

С целью выяснения гражданского самоопределения, отношения к своей стране и к государственной молодежной политике на факультете социологии в 2009 г. было проведено социологическое исследование. Опрошены студенты 1–4 курсов (260 чел.).

Так, у основной части респондентов наблюдается позитивное восприятие современной России. Студенческая молодежь адекватно оценивает свою страну. В своем большинстве она патриотична и при этом не «слепа» и не безразлична к тому, что происходит в стране. Лишь 6,4% из них считают, что «Россия — страна без будущего», в то время как 66% считают, что «Россия — мощное государ-

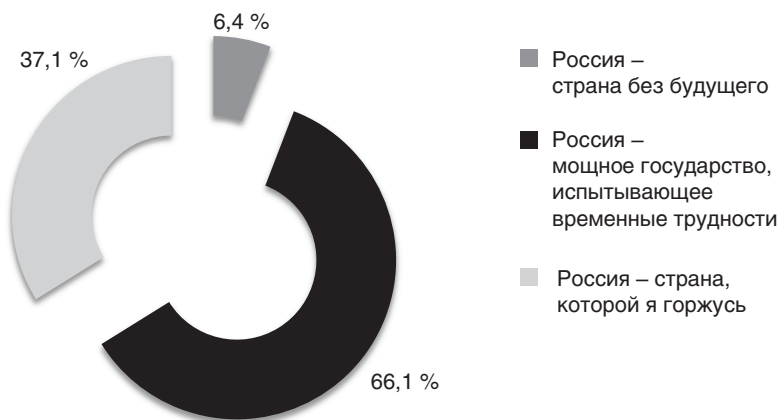

Рис. 4. Процентное отношение ответов

ство, испытывающее временные трудности»; «Россия — страна, которой я горжусь» ответили 37% опрошенных.

Характерной чертой современной студенческой молодежи является стремление к свободе и независимости. Готовность самому делать свою судьбу, не надеясь на государство, — новая черта современного студента. Так, 2/3 (72,6%) опрошенных согласны с высказыванием «Я сам готов принимать решения и нести за них ответственность»; на помощь семьи рассчитывают 27,4%. В то же время роль семьи и родителей высоко оценили при ответе на вопрос «Кто влияет на ваш процесс социализации?»: родители — 79%, друзья — 74%, СМИ — 61,2%, преподаватели — 43,5%.

Хорошее образование — главная стартовая ступень в достижении жизненного благополучия. Академик Д. С. Лихачев говорил об ожесточенности людей и падении культуры во всем мире и о том, что выход из положения, в котором оказалась наша страна, он видит в образовании. «Надо сделать все, чтобы спасти молодое поколение от бездуховности и морального падения. Самое главное, что я хочу сказать молодому поколению, — спешите учиться, спешите получить образование».

Надо отметить, что наши студенты понимают значимость в своей жизни образования и, отвечая на вопрос «Зачем вам необходимо образование?», нашли следующие аргументы: «высшее образование дает возможность найти работу» — 48,3%; «хочу стать образованным, культурным человеком» — 45,1%; «высшее образование для меня — ключ к жизненному успеху» — 38,7%; «иметь высшее образование

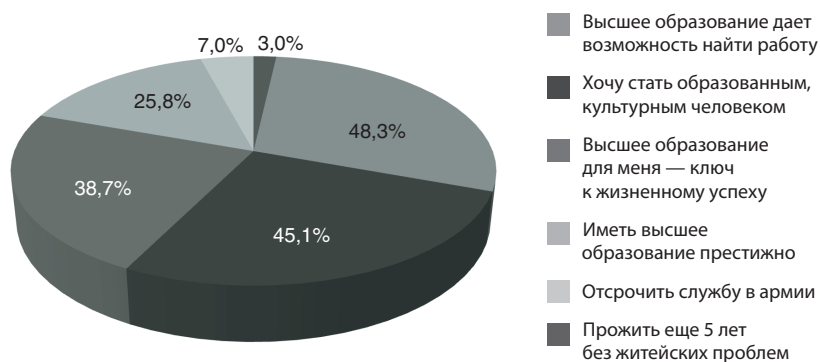

Рис. 5. Варианты ответов на вопрос «Зачем вам необходимо образование?»

престижно» — 25,8%; «отсрочить службу в армии» — 7%; «прожить еще 5 лет без житейских проблем» — 3%.

Студенты АлтГУ высоко оценивают имидж своего университета. Так, по результатам исследования 2011 г. студенты 4-го курса всех факультетов отметили, что выбрали профессию правильно и повторили бы свой выбор (77% опрошенных), неправильно выбрали и сегодня сделали бы другой выбор — 23% респондентов. Высоко оценили свой выбор вуза — Алтайского государственного университета. Сделали правильный выбор — так считают 86% респондентов, и они повторили бы его, неправильный — 14% респондентов, и сегодня они сделали бы другой выбор.

Подводя итог, надо отметить, что государство при реализации государственной молодежной политики может рассматривать студентов как значимую социальную группу российского общества и своего стратегического партнера в дальнейшем преобразовании России.

Практика последних десятилетий убедительно доказывает, что в быстро изменяющемся мире стратегические преимущества будут у тех государств и обществ, которые смогут эффективно накапливать и продуктивно использовать человеческий капитал, а также инновационный потенциал развития, основным носителем которого является молодежь.

В. В. Нагайцев (Барнаул)

СОЦИАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ УЧАСТНИКОВ КОНФЛИКТА

Конфликт — постоянный спутник человека. Как известно, под социальным конфликтом в литературе понимается процесс негативно-го взаимодействия двух или более социальных субъектов, проявляющийся в их противодействии, направленном на разрешение возникшего противоречия в интересах данных субъектов. Можно выделить два обязательных элемента любого социального конфликта:

- наличие двух или более социальных субъектов — сторон конфликта;
- осуществление сторонами конфликта противодействия.

Каждая сторона (конфликтант) обладает в конфликте определенным потенциалом, т. е. возможностью использовать разнообразные ресурсы для достижения поставленной в конфликте цели, вопреки противодействию оппонента. В дословном переводе с французского языка термин «ресурсы» означает «вспомогательные средства». Ресурсы участников конфликта — это совокупность их реальных или потенциальных сил и средств, которые они применяют или могли бы применить в конкретном конфликте. Обычно к ресурсам участников конфликта относят физическую мощь, материальную обеспеченность, финансовые возможности, ум, должность, авторитет, объем информации, образование, жизненный опыт, различные знания, умения, навыки и др.

Совокупный потенциал участника конфликта, который может быть им использован в конфликте, представляет собой своеобразный «капитал» конфликтанта. Наряду с финансовым (деньги), физическим (оборудование, здания, сооружения, запасы сырья, оружие и т. д.) и человеческим (умственные и физические способности человека, образование, знания, умения, навыки) капиталами, конфликтант обладает и определенным социальным капиталом, означающим наличие у него сети социальных связей в обществе (длительность и постоянство взаимоотношений с другими людьми).

Термин «капитал» используется здесь потому, поскольку социальные связи (их сила и форма) являются достаточно медленно меняющейся характеристикой социального субъекта, которая может сохраняться и накапливаться годами. Индивид не способен существовать без социальных взаимодействий с другими людьми. Особую роль играют взаимодействия, обеспечивающие удовлетворение самых важ-

ных потребностей индивида. Эти взаимодействия носят устойчивый и возобновляющийся характер. Можно сказать, что социальные связи представляют собой совокупность всех отношений, в которые вступают между собой индивиды и их социальные группы по поводу экономических, политических, духовных и иных условий их жизнедеятельности. Они складываются между субъектами по поводу удовлетворения их потребностей в соответствующих условиях труда, материальных благах, улучшении быта и досуга, получении образования и доступа к предметам духовной культуры, а также в медицинском обслуживании и социальном обеспечении. Процессы, связанные с использованием личных связей для получения доступа к дефицитным ресурсам, присутствуют практически во всех обществах.

На основе изучения существующих в научной литературе подходов к анализу и диагностике социального конфликта нами сделан вывод о больших эвристических возможностях современной концепции социального капитала человека для изучения вопросов, связанных с социальным конфликтом в целом, так и одним из его элементов — ресурсами участников конфликта. Социальный капитал, на наш взгляд, можно рассматривать как один из достаточно важных ресурсов конфликтанта.

Методологический потенциал понятия «социальный капитал» для современной социологии конфликта заключается, на наш взгляд, в двух моментах. Во-первых, это понятие (при наиболее широком его понимании) позволяет сократить дистанцию между социологической, психологической, политологической и экономической традициями в схеме анализа социального конфликта. Во-вторых, в современных конфликтах все большее значение для сторон приобретают ресурсы нематериального характера (типа информации, авторитета, известности и др.).

Термин «социальный капитал» не является по своей сути новым в социологии. Данное понятие было введено в научный оборот еще в 1983 г. французским социальным мыслителем Пьером Бурдьё в работе «Формы капитала» для обозначения социальных связей личности, которые могут выступать для нее определенным ресурсом в различных жизненных ситуациях [1]. Однако в современной социологической литературе понятием «социальный капитал» зачастую охватывают достаточно широкий круг социальных феноменов, различных по своему содержанию и форме. Термины «социальный капитал», «человеческий капитал», «социальный потенциал», «социальные сети» используются разными авторами как близкие по значению, а то и синонимы [2–6]. Кроме того, существует множество сход-

ных понятий (например «культурный капитал»), которые объединяет общая идея важности социума при анализе ресурсов человека.

Сложность определения понятия «социальный капитал» очевидна. В формальной логике есть термин «размытое понятие», к числу которых, видимо, можно отнести и названный термин. Поэтому в начале необходимо сделать ряд замечаний, касающихся интерпретации нами самого понятия «социальный капитал».

Истоки данного понятия можно найти в идеях Алексиса Токвиля, Карла Маркса, Георга Зиммеля, Эмиля Дюркгейма, Макса Вебера и др. Например, положение о том, что вхождение индивида в определенные социальные группы имеет позитивные последствия для него, встречается как у Дюркгейма, так и у Маркса. В процессе анализа особенностей формирования классов Маркс отмечает, что рабочие постепенно учатся идентифицировать себя с другими и поддерживать их действия. Эта новая солидарность не является результатом усвоенных ими в детстве норм. Установка на солидарность приводит к тому, что пролетариат принимает участие в акциях протеста или забастовках в поддержку своих товарищей.

По Бурдьё, социальный капитал также является продуктом классовых практик и средством достижения групповой солидарности. В таком понимании социальный капитал выступает не только и не столько причиной экономических выгод для человека, сколько проявлением социально-экономических условий его жизнедеятельности. С точки зрения Бурдьё, социальный капитал является групповым ресурсом и не может быть измерен на индивидуальном уровне. Последователи Пьера Бурдьё используют в основном этнографические и качественные методы социологии для оценки социального капитала конкретных социальных групп и общностей. Иная концепция понятия «социальный капитал» была предложена Джоном Коулманом в 1988 г. в его работе «Социальный капитал в производстве человеческого капитала» [7]. Занимаясь социологическим анализом коллективного действия, Коулман основывал свое понимание социального капитала человека на эмпирической традиции в американской социологии (Ллойд Уорнер, Роберт Парк, Эрнст Берджесс и др.). Согласно Коулману, социальный капитал является общественным благом, но создается свободным и рациональным индивидом для достижения собственных выгод. Этот процесс предполагает социальный контракт, набор социальных обменов и некоторый уровень доверия. Последователи Дж. Коулмана рассматривают социальный капитал как некий атрибут индивида, дающий ему определенные преимущества в достижении конкретных жизненных целей: формировании

карьеру, защите своих прав, доступе к закрытой информации и др. Социальный капитал человека рассматривается авторами как основа современного либерального общества.

Значительный вклад в развитие концепции социального капитала человека внес американский социолог Глен Лори [8]. С его точки зрения, уместно говорить о наследовании человеком определенного объема социального капитала. В качестве примера Лори приводит ситуацию непреходящего расового неравенства на рынке труда США, выделяя две его причины. Первая — наследование детьми от черных родителей бедности, т. е. скудных материальных ресурсов и низких образовательных возможностей. Вторая — отсутствие у молодых черных работников связей на рынке труда и как следствие — недостаток информации о потенциальных возможностях лучшего трудоустройства. Глен Лори подчеркивал, что человеческий и социальный капиталы способны влиять друг на друга. Так, вложения в человеческий капитал позволяют скорректировать состояние социального капитала. Например, более образованный и более молодой работник вполне может получать зарплату наравне с более опытным работником той же организации.

Переходом от теоретического обсуждения важности понятия «социальный капитал» к эмпирическому его изучению стала работа американского социолога Роберта Патнэма «Заставляя демократию работать: гражданские традиции в современной Италии» [9]. Сравнивая результаты реформы по децентрализации власти в Италии в 1960-х гг., Патнэм обратил внимание на то, что северные регионы страны, где люди более социально активны (по показателям явки на выборах, участию в общественных организациях и в местных делах), лучше воспользовались переданными центром полномочиями, чем в «пассивных» южных регионах Италии, где, наоборот, качество социального управления упало. Такие различия в результатах реформ имеют исторические корни: юг Италии до второй половины XIX в. оставался колонией иностранных метрополий, тогда как север был представлен созвездием городов-республик. В результате усиление региональной автономии стало благом для северных провинций, а на юге новыми ресурсами и полномочиями в значительной мере завладели мафиозные структуры.

Вслед за Патнэмом за эмпирическое изучение социального капитала человека принялись другие исследователи. С этого момента число научных статей, посвященных социальному капиталу человека, неуклонно растет. Появились убедительные свидетельства вклада социального капитала в эффективность системы образования, охраны общественного порядка, физическое и психическое здоровье личности, удовлетворенность человеком своей жизнью и многое другое [10].

Таким образом, социальный капитал — это ресурс, который может быть использован людьми для реализации самых различных потребностей и защиты своих интересов. Социальные связи человека обеспечивают ему и доступ к другим ресурсам. Например, через социальный капитал социальные субъекты могут получать прямой доступ к экономическим ресурсам (получать субсидии, скидки и т. д.), увеличивать свой культурный капитал (через контакты с индивидами, его воплощающими). Становится возможным интегрирование человека в определенные социальные институты посредством получения дипломов и сертификатов. Социальный капитал позволяет различным индивидам внутри неоднородного сообщества объединяться друг с другом, чтобы защищать свои интересы, координировать стратегию поведения. Идентификация со своей социальной группой или сообществом может быть вызвана стремлением индивида усилить свои личные позиции.

На индивидуальном уровне к результатам использования социального капитала относятся повышение возможностей образования детей, поиска работы, пользованием медицинскими услугами, отсутствие необходимости самостоятельно решать все свои жизненные проблемы. Значение социального капитала для индивида заключается в том, что он уменьшает издержки на координацию совместной деятельности, заменяя соглашения, контракты, формальные правила и бюрократические процедуры отношениями взаимного доверия и неформальными нормами, которые передаются культурными традициями, образованием и воспитанием. Как и другие формы капитала, социальный капитал дает определенные результаты лишь в случае его активного использования индивидом. Обладание социальным капиталом связано с более высоким социально-экономическим статусом, влиянием на других людей, информированностью, финансовым благополучием.

По сравнению с другими формами капитала социальный капитал, воплощенный в отношениях между людьми, характеризуется меньшей осязаемостью, прозрачностью и большей неопределенностью. Социальные связи личности, составляющие основу ее социального капитала, можно охарактеризовать неопределенными обязательствами, нечеткой временной продолжительностью и возможным нарушением взаимных ожиданий. Остаются неясными мотивы приостановки человеком в определенные периоды жизни процессов расширения своих социальных связей. Хотя в принципе концепция социального капитала позволяет подсчитать социальные связи на уровне индивидуальных субъектов и одновременно осуществить определенную детализацию

структуры их социальных сетей. Однако, если бы социальный капитал был бы еще более четким и фиксируемым феноменом, то речь велась бы скорее об экономических ресурсах социального субъекта. Кроме того, к настоящему времени не сформирована общая методика исследования основных показателей социального капитала.

Современные исследователи рассматривают социальный капитал преимущественно как накопление чужих обязательств. Такая аккумуляция «социальных расписок» отличается от простого экономического обмена в двух аспектах. Во-первых, исполнение обязательств находит свое выражение в виде, например, преданности и почтения конкретному лицу. Во-вторых, время исполнения обязательств обычно четко не установлено.

После того, как мы рассмотрели содержание понятия «социальный капитал», нам необходимо разобраться в том, какие же его составляющие задействуются социальными субъектами в различных конфликтах.

В ситуации конфликта, как правило, выигрывает та его сторона, у которой больше ресурсов. Распространено мнение, что такие ресурсы, как богатство и высокая должность, автоматически обеспечивают непреодолимое превосходство в конфликте. Однако это не всегда так. Одним из эффективных средств, с помощью которых можно противостоять данным силам, является, например, информация.

Имеющаяся информация позволяет социальному субъекту получать конкретные преимущества в конфликтном противоборстве: составить более детальный образ оппонента, идентифицировать проблему, точнее сформулировать свою позицию, сфокусировать внимание на самых существенных интересах, эффективнее спланировать и организовать собственное поведение, контролировать действия оппонента, управлять динамикой конфликта, следить за состоянием внешней среды, избегать ошибок, снизить риски финансовых потерь, быстро решить вопрос поиска необходимой помощи и многое другое. Информация позволяет конфликтанту действовать первым, дает ему более высокий, по сравнению с оппонентом, шанс завоевать инициативу в конфликте. Полученная компрометирующая информация об оппоненте позволяет сделать заключение об использовании им каких-либо незаконных средств и может быть передана другим конфликтантам и третьим лицам (например СМИ).

Обмен информацией с другими социальными субъектами — важнейшее проявление социального капитала индивида, который активизируется в конфликте через его социальные связи в форме особого ресурса. Роль социальных связей как ресурса в условиях конфликта вполне очевидна. Несмотря на то, что полезные знакомства в пост-

советском обществе утратили былую значимость, в настоящее время использование личных контактов и неформальных связей продолжает быть весьма распространенным и эффективным в российском обществе способом решения различных проблем и конфликтов. Социальные связи могут быть востребованы участниками в самых различных конфликтах — производственных, трудовых, бытовых, экономических, юридических, педагогических и др.

Социальные связи неотделимы от раздела ограниченных ресурсов и по-прежнему необходимы в распределении бюджетов, дотаций, субсидий, в решении конфликтов с государственными контрольными органами, будь то таможенная служба или налоговая инспекция. Социальные связи нужны там, где деньги не являются главным средством решения конфликтной ситуации, когда конфликтом деньги не могут быть задействованы в конфликте напрямую.

Опрос россиян, проведенный ВЦИОМ в апреле 2011 г., показал: четверть респондентов (25% опрошенных) уверены, что любую серьезную проблему не решить без нужных связей. По мнению россиян, в первую очередь социальный капитал необходим в сферах бытовых услуг, юриспруденции, образовании и здравоохранении. В большинстве случаев с помощью социальных связей люди находят хорошую работу, получают кредиты, идут на повышение, избегают увольнения и т. д. 25% опрошенных уверены, что им так проще живется и незачем тратить собственные силы, если тебе могут помочь другие. И только почти пятая часть жителей страны (18% опрошенных) никогда не прибегала к связям для своего личного блага из-за уверенности в собственных силах [11].

Таким образом, использование социального капитала участником конфликта — это подключение им сети своих социальных связей в качестве основного ресурса для достижения намеченных в конфликте целей и защиты своих интересов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бурдые П. Формы капитала // Западная экономическая социология: хрестоматия современной классики. М., 2004.
2. Нестик Т. Труд, капитал, энергия: культурный, социальный и символический капиталы (обзорный материал) // Восток: альманах. 2004. № 2 (14).
3. Стрельникова Л. В. Социальный капитал: типология зарубежных подходов // Общественные науки и современность. 2003. № 2.

4. Бюссе С. Социальный капитал и неформальная экономика в России // Мир России. 2002. № 2.
5. Тихонова Н. Е. Социальный капитал как фактор неравенства // Общественные науки и современность. 2004. № 4.
6. Шихирев П. Н. Природа социального капитала: социально-психологический подход // Общественные науки и современность. 2003. № 2.
7. Коулман Дж. Капитал социальный и человеческий // Общественные науки и современность. 2001. № 3.
8. Градосельская Г. В. Сетевые измерения в социологии. М., 2004.
9. Патнэм Р. Чтобы демократия сработала: гражданские традиции в современной Италии. М., 1996.
10. Сидорина Т. Ю. Социальный капитал организации и социальная политика российского предприятия // Журнал исследований социальной политики. 2007. № 3.
11. URL: http://www.dp.ru/a/2011/04/14/VCIOM_svjazi_s_nuzhnimi_lju/.

Е. В. Пустовалова (Барнаул)

КОММУНИКАТИВНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ ЧЕЛОВЕКА

Коммуникативные отношения являются неотъемлемой частью жизни людей. Развитие общества, ориентированное на информационное пространство, усиливает их роль в современной системе социальных взаимодействий.

Коммуникативные отношения — субъективная составляющая коммуникативных процессов. В их основе лежат «отношения между субъектами по поводу передачи ими друг другу соответствующих текстов» [1].

Г. В. Сорина классифицирует коммуникативные отношения, используя в качестве основания понятие «критика», выделяет критические и некритические отношения. Критические коммуникативные отношения приводят к расширению и углублению наличного пространства знания, социокультурных норм и формированию собственных оценок. Такие отношения являются основанием и условием развития современного общества [1]. Нужно отметить, что постижение социокультурных норм, определение личностных ценностей и оценок происходит в процессе социального взаимодействия.

«Некритические коммуникативные отношения предполагают... застой во всех сферах жизнедеятельности человека, включая все множество сфер социальных, политических и экономических отношений, науки, культуры в целом» [1], так как исключают самостоятельный анализ и оценку создаваемых субъектами коммуникации текстов.

Коммуникативные отношения возникают на всех уровнях социального взаимодействия и являются неотъемлемой частью социальных сетей человека (в контексте теории социального капитала). Концепция социальных сетей предполагает необходимость организации коллективных взаимодействий для достижения собственных интересов с целью создания социального капитала.

Основными мотивами создания социальной сети человека являются: ценностная интеграция, ограниченная солидарность с группой, взаимный обмен социальными ресурсами на основе устойчивого доверия. Основной целью создания социальной сети является социальный капитал как «продукт объективации социальных отношений, позволяющих агентам в процессе их взаимодействия вступать в противоборство или же сотрудничать с целью завоевания доминирующих позиций в социальном поле (пространстве)» [2, с. 56]. Достижение цели через членство в социальных группах и других структурах невозможно без возникновения коммуникативных отношений.

Очевидно, что формирование социальных сетей человека происходит с помощью *критических коммуникативных отношений*. Эти отношения являются механизмом, обеспечивающим социальные взаимодействия, которые используются как источник ресурсов. Они, во-первых, позволяют институционализировать групповые взаимодействия; во-вторых, открывают человеку доступ к ресурсам группы.

Коммуникативные отношения возникают прежде всего посредством межличностной коммуникации. Межличностная коммуникация понимается как «...процесс одновременного речевого взаимодействия коммуникантов и их воздействия друг на друга» [3, с. 94]. Межличностная коммуникация осуществляется путем тесных контактов между субъектами общения. Ее ключевая роль в возникновении коммуникативных отношений определяется спецификой данного вида коммуникации. Прежде всего это *неизбежность* межличностной коммуникации. Человек как существо социальное постоянно находится в состоянии коммуникативного взаимодействия. Любое его поведение несет информацию. Его речевая активность, пассивность, а также молчание так или иначе информируют о чем-либо окружающих.

Еще одной специфической чертой межличностной коммуникации является ее *необратимость* как невозможность уничтожить сказанное.

Наличие обратной связи как неотъемлемой черты данного вида коммуникации обеспечивает возможность достижения понимания целей и интересов коммуникантов.

Многообразие возможностей межличностной коммуникации способствует ее *многоканальности*. «Именно при межличностной коммуникации возможно одновременное использование нескольких каналов передачи и восприятия информации — можно не только слышать и видеть собеседника, но и дотронуться до него рукой, уловить запах, который может сообщать дополнительную информацию о партнере, оценить дистанцию между собой и партнером...» [3, с. 98].

Необходимым условием общения является *установление контакта*. Оно гарантирует возможность возникновения коммуникативных отношений и формирования социальных сетей человека.

Значительную роль в установлении контакта играет *самопрезентация*. «Социальный акт самопрезентации как начальный и неизбежный этап осуществления контакта происходит ненамеренно, особенно когда он повторяется многократно и становится автоматическим навыком, не контролируемым рефлексией... В отдельных ситуациях самопрезентация является тщательно планируемым социальным актом, где все компоненты используются намеренно...» [3, с. 101].

И. П. Яковлев отмечает, что самопрезентация — это «...любая благоприятная информация о самом себе, которая сообщается собеседнику вербальными и невербальными средствами» [4, с. 95]. Она позволяет коммуникантам взаимодействовать и воздействовать друг на друга.

Взаимодействие достигается посредством межличностной адаптации. Межличностная адаптация коммуникантов проявляется в необходимости соотносить средства коммуникации со спецификой речи, кинесическими особенностями и др. Адаптация включает в себя конвергенцию как усиление схождения, доверия друг к другу и дивергенцию как стремление усилить различия. Конвергенция важна для усиления единства и общности, а дивергенция — для сохранения или увеличения дистанции. Успешность реализации коммуникативных намерений при конвергентной адаптации значительно выше [4, с. 97].

Достижение взаимодействия помогает заручиться поддержкой и доверием социальной группы, вводит человека в систему групповых привилегий, способствует ценностной интеграции.

Воздействие как социально значимая функция коммуникации актуализируется на всех ее уровнях. Как правило, основным средством воздействия считается убеждение. «Убеждение является наиболее сложным способом речевого воздействия на сознание индивида че-

рез обращение к его собственному критическому осмыслению информации и стимулированию рефлексии... Убеждение — сложный процесс, обремененный этическими нормами, объективностью оценки социальных реалий, факторами достоверности и доверия, сопереживания и, безусловно, умением эффективно пользоваться коммуникативным кодом» [3, с. 104].

Для успешности убеждения в межличностной коммуникации этический аспект приобретает особую важность. К наиболее существенным особенностям этого аспекта относят: искренность, социальную совместимость, точность выражений, исключаящую обман или искажение информации, согласованность слов и поступков, доверие, недопустимость прерывания коммуникации. Убеждение, таким образом, не средство манипуляции, а способ оценки различных мнений, дающий возможность сделать осознанный выбор.

Воздействие и взаимодействие, таким образом, обеспечивают человеку доступ к социальным ресурсам группы и позволяют производить обмен этими ресурсами.

Кроме того, именно межличностная коммуникация может способствовать изменению мнений и социальных установок индивидов, участвующих в обмене информационными ресурсами. Получив какую-либо значимую для них информацию, некоторые люди проверяют ее восприятие в межличностном общении, в результате чего могут укрепиться в своем мнении или в корне изменить отношение к ней [5, с. 78].

Таким образом, можно отметить, что коммуникативные отношения в социальных сетях человека играют значительную роль. Они обеспечивают членство в социальных группах, позволяют пользоваться их социальными ресурсами и накапливать свой социальный капитал.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Сорина Г. В. Коммуникация в системе социальных связей // Медиаскоп. Электронный научный журнал факультета журналистики МГУ. 2009. Вып. № 2.
2. Гугнин Э., Черпак В. Феномен социального капитала // Социология: теория, метод, маркетинг. 2001. Вып. № 1.
3. Конечкая В. П. Социология коммуникации. М., 1997.
4. Яковлев И. П. Ключи к общению. Основы теории коммуникаций. СПб., 2006.
5. Шарков Ф. И. Основы теории коммуникации. М., 2002.

М. Н. Савостова (Челябинск)

ВЛИЯНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ НА ГРАЖДАНСКО-ПАТРИОТИЧЕСКУЮ СОЦИАЛИЗАЦИЮ ЛИЧНОСТИ

Проблема социализации личности, специфика непрерывного образования, вопросы подготовки кадров постоянно находятся в центре внимания многих исследователей.

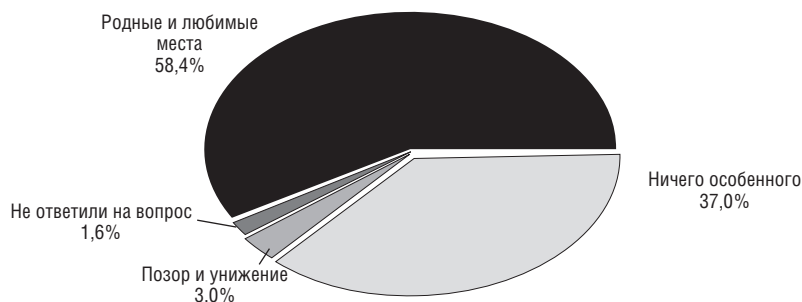
Традиционным для социологии является выделение институтов социализации. Это направление в большой степени совпадает с отраслями социологической науки: социология семьи, образования, СМИ, труда, политическая и т. д. Какой бы аспект социализации мы ни взяли, всюду мы сталкиваемся с необходимостью вхождения личности в систему социальных институциональных отношений.

Одним из самых важных институтов социализации сегодня является образование, хотя и его роль в формировании личности существенно трансформируется. Однако сегодня отмечается «падение социального престижа образования, рост недовольства по поводу его неэффективности, развенчание надежд на его способность разрешить многие социальные проблемы» [1, с. 31].

В течение длительного времени при рассмотрении процессов социализации факторы только назывались, а в лучшем случае моделировалось их влияние на человека, а в настоящее время говорится о том, что «факторы социализации — это развивающая среда, которая не является чем-то спонтанным и случайным. Она должна быть спроектирована, хорошо организована и даже построена. Основным требованием к развивающей среде является создание атмосферы, в которой будут господствовать гуманные отношения, доверие, безопасность, возможность личностного роста. В ней должны быть заложены возможности для самореализации свободы творчества, эстетического и нравственного развития, получения наслаждения от совместных действий и общения, от жизнедеятельности в целом. Факторы социализации являются одновременно и средовыми факторами формирования личности. Характер развития каждой личности, широта, глубина этого развития при одинаковых условиях обучения и воспитания зависят главным образом от ее собственных усилий, от той энергии и работоспособности, которые она проявляет в различных видах деятельности, разумеется, с соответствующей поправкой на природные задатки. Именно этим во многих случаях объясняются различия в развитии отдельных людей, которые живут и воспитываются в одних и тех же средовых условиях и испытывают примерно одни и те же воздействия» [2, с. 342].

При всей значимости профессионально-трудовой и семейной социализации для успешного функционирования общества все же наиболее важным и комплексным показателем уровня социализации (и результатом трудовой и семейной социализации) является отношение человека к своей малой Родине. Если это отношение положительное — человек сотрудничает с обществом и местным самоуправлением, помогает им; добросовестно платит налоги, участвует в благотворительности, политических и социальных мероприятиях. Если это отношение отрицательное — человек, в лучшем случае, просто игнорирует все формы сотрудничества; а в худшем — идет на правонарушения и преступления.

В результате анкетного опроса вот что мы имеем по данному параметру (восприятие респондентом своей малой Родины):

Итак, уровень гражданской («общей», «патриотической») социализации по возрастной группе 21–40 лет составил 58,4%; это те, для кого их «маленькая Россия» (муниципальное образование «Саткинское городское поселение») — «родные и любимые места».

В зависимости от образования результаты здесь такие:

Место, где Вы живете, для вас	Ваше образование		
	<i>Н/среднее, среднее, %</i>	<i>среднее специальное, %</i>	<i>Н/высшее, высшее, %</i>
Всего ответили респондентов	59	217	284
— Родные и любимые места	49,2	54,8	63,0
— Ничего особенного	42,4	39,2	34,2
— Позор и унижение	8,5	4,6	0,7
— Не ответили	0,0	1,4	2,1

Данные опроса говорят о том, что уровень гражданско-патриотической социализации повышается с ростом уровня образования и уменьшается с его снижением.

Итак, результаты опроса убедительно показывают, что повышение уровня образования ведет к повышению уровня социализации.

В сфере гражданско-патриотической социализации рост уровня образования ведет к росту положительного отношения респондентов к своей малой Родине (от 49,2% среди имеющих среднее образование до 54,8% у имеющих средне-специальное образование и до 63,0% у имеющих высшее образование).

Рассмотрим теперь отношение личности к окружающему обществу, к своей малой Родине («гражданско-патриотическая социализация»). Таких респондентов, которые отметили, что их малая родина для них «родные и любимые места», в составе выборочной совокупности оказалось более половины (58,4%).

Всего факторов влияния на гражданско-патриотическую социализацию в ходе анализа выявилось 148; в том числе выявилось 62 фактора положительного влияния; негативного влияния — 86 факторов.

Рейтинг интенсивности влияния (ИВ) первых десяти (наиболее влиятельных) из числа положительных факторов (условия, параметры и показатели) выглядит следующим:

1 место: Индивидуальный предприниматель, фермер — респондент по роду деятельности	59,3%
2 место: Муниципальный (гос.) служащий — респондент по роду деятельности	58,6%
3 место: 20000–25000 рублей месячная заработная плата респондента.....	53,0%
4 место: Нравится, интересная работа	44,2%
5 место: Здесь (в Сатке) родились	40,3%
6 место: Респондент всегда думает над тем, как повысить эффективность работы своего подразделения	39,4%
7 место: Респондент считает, что добиться чего-то в жизни можно только с помощью интеллекта	36,9%
8 место: Самообразование для роста профессиональной переподготовки нужно респонденту прежде всего	35,2%
9 место: Респондент доволен сделанным за день.....	35,1%
10 место: Респондент считает, что труд — наибольшая ценность	34,5%

Приходится констатировать, что «организованная», «формальная» образовательная составляющая в сфере гражданско-патриотической

социализации уступает по интенсивности влияния другим факторам, а в первую десятку наиболее значимых факторов указанная образовательная составляющая входит лишь непосредственно личностно реализуемыми образовательными процессами и явлениями. К ним мы отнесем: 6-е место той личностной позиции, при которой респондент всегда думает над тем, как повысить эффективность работы своего подразделения (ИВ 39,4%); 7-е место той личностной позиции, что добиться чего-то в жизни можно только с помощью интеллекта (ИВ 36,9%) и 8-е место той личностной позиции, что «для роста профессиональной переподготовки респонденту прежде всего нужно самобразование» (ИВ 35,2%).

Следовательно, полученный результат позволяет сделать обоснованный вывод о том, что в сфере становления гражданско-патриотической социализации создание условий для реализации творческих потенций личности гораздо более эффективно, чем создание условий формальной доступности профессионального образования.

Факторов негативного влияния на гражданско-патриотическую социализацию в результате расчета сформировалось 86. Рейтинг интенсивности влияния (ИВ) первых десяти (наиболее влиятельных) из числа отрицательно действующих факторов выстроился следующим образом:

1 место:	Недавно приехали на жительство в МО СГП.....	78,7%
2 место:	Конфликтные отношения в семье респондента	76,5%
3 место:	Со страхом и отчаянием смотрит в будущее.....	76,4%
4 место:	«Свободные профессии» — респондент по роду деятельности	73,1%
5 место:	Наконец-то этот кошмар закончился! (о прошедшем дне)	70,0%
6 место:	Военный, сотрудник органов правопорядка — респондент по роду деятельности.....	69,3%
7 место:	«Прохладные» отношения в семье, где рос респондент	67,2%
8 место:	Четверо и больше было детей в семье, где рос респондент	65,3%
9 место:	Нет времени на повышение уровня профобразования	61,4%
10 место:	Стало очень плохо в жизни респондента в кризис...	61,0%

В качестве положительного момента отметим, что в составе наиболее негативных факторов не оказалось ни одного, связанного с функционированием в обществе образовательных явлений и про-

цессов. Даже наоборот, на социализацию негативно влияет отсутствие у респондента времени на повышение уровня профессионального образования (9-е место, ИВ 61,4%).

Самым влиятельным фактором, негативно воздействующим на гражданско-патриотическую социализацию, оказался фактор «дезадаптация мигрантов»: респонденты, которые недавно приехали на жительство в МО СГП, не стали его «соратниками» (интенсивность негативного влияния 78,7%).

А вот сразу следом на практически таком же уровне «негатива» идет блок семейных проблем респондента. Это 2-е место фактора «конфликтные отношения в собственной семье респондента» (интенсивность негативного влияния 76,5%); 7-е место фактора «прохладные» отношения в семье, где рос респондент (интенсивность негативного влияния 67,2%); 8-е место фактора «четверо и больше было детей в семье, где рос респондент» (интенсивность негативного влияния 65,3%).

Третьим по значению среди негативных факторов гражданско-патриотической социализации стал фактор низкого уровня социальных гарантий, при котором респондент «смотрит в будущее со страхом и отчаянием» (ИВ 76,4%). А вот на 4-м месте оказалась принадлежность к «свободной профессии» (ИВ 73,1%).

Затем идут большие жизненные трудности вообще: 5-е место — оценка прошедшего дня «наконец-то этот кошмар закончился!» (ИВ 70,0%); 10-е место «стало очень плохо в жизни респондента из-за кризиса» (ИВ 61,0%).

И то, что 6-е место занял фактор «военный, сотрудник органов правопорядка — респондент по роду деятельности» (ИВ 69,3%), тоже не стало большой неожиданностью: целый ряд исследований в Челябинской области последнего времени указывает на серьезные проблемы в сфере гражданско-патриотической социализации работников силовых структур.

Образовательных факторов гражданско-патриотической социализации всего сформировалось 42. Из них положительно влияющих — 20; негативно — 22.

Первую тройку положительных образовательных факторов влияния на гражданско-патриотическую социализацию личности составили «общекультурно-гуманитарные» (интеллект и самообразование) и «частно-прикладные» («переподготовки без отрыва от производства») факторы; факторы же «формально-образовательные» начинаются лишь далее, с 4-го места. Различия в значениях ИВ между первыми и вторыми не принципиальны, но важен сам факт. По большому же счету данная ситуация говорит о необходимости переориен-

тации профессионального образования от «научительства» и когнитивности (знаменитые ЗУН) к компетенциям и креативности.

Наиболее влиятельным негативным фактором с ИВ 65,0% стал фактор «удовлетворительное, ниже среднего» качество преподавания в том учебном заведении, где обучается респондент.

На 2-м месте с ИВ 60,5% — установка, что «образование сегодня не имеет значения, важны деньги». Затем с ИВ 58,6% идет фактор «заставили учиться родители». За ним с ИВ 56,6% следует фактор обучения респондента в учреждении профтехобразования.

Еще раз подтверждается непрестижность среднего профессионального и специального образования.

Данные о том, что группу наиболее влиятельных положительных образовательных факторов гражданско-патриотической социализации взрослых составили «общекультурно-гуманитарные» (интеллект и самообразование) и «частно-прикладные» («переподготовки без отрыва от производства») факторы, говорят о необходимости переориентации профессионального образования от «когнитивных» ЗУН («знания, умения, навыки») к «креативным» МУП («мотивация, удобство, практическая потребность»).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Социология образования: учебное пособие / под ред. Д. В. Зайцева. Саратов. 2004.
2. Слостенин В. А., Исаев И. Ф., Щиянов Е. Н. Педагогика: учебное пособие. М., 2002.

Н. Ю. Храпова (Барнаул)

РОЛЬ АЛТАЙСКОЙ ДУХОВНОЙ МИССИИ В ФОРМИРОВАНИИ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА В ГОРНОМ АЛТАЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX — НАЧАЛЕ XX в.

Миссионерская деятельность РПЦ на Алтае в течение второй половины XIX — начала XX в. способствовала формированию единого социокультурного пространства и единой социокультурной идейно-нравственной нормы. На территории Горного Алтая православие выполняло консолидирующую роль, что, в конечном итоге, способство-

вало объединению представителей разных народов в один социальный организм. Взаимодействие и взаимопроникновение элементов духовной культуры сформировало многоуровневую структуру сознания с преобладанием в ней культурно-религиозных ценностей, знаний и уважения к традициям русского и других сопредельных народов, что привело к появлению в зачаточной форме межнационального взаимопонимания и постепенному становлению национального самосознания алтайского народа.

Строительство церквей и культурное просветительство на основе утверждения христианской морали при сохранении языковой самобытности определило специфику миссионерской деятельности на Алтае, а также способы взаимодействия с полиэтническим сообществом данного региона. Деятельность миссионеров носила культурно-просветительский характер. На основе русской графики была создана алтайская письменность, население обучали грамоте, открывались школы, в традиционное хозяйство было введено земледелие, овощеводство, огородничество, а в бытовую жизнь санитарно-гигиенические навыки.

Письменность явилась главным средством просветительской деятельности, что способствовало распространению религиозной литературы. С. Ландышев задумал и приступил к созданию грамматики алтайского языка. Позже эта работа перешла в руки талантливого и наиболее просвещенного миссионера и исследователя В. Вербицкого, который продолжил и довел до конца эту большую, серьезную работу, имеющую научное значение до наших дней. К работе по усовершенствованию и редактированию ее был привлечен Н. И. Ильминский. Кроме грамматики Вербицкий написал второй солидный труд по филологии алтайцев — «Словарь алтайского и аладагского наречий», занимающий и поныне почетное место в тюркологической литературе.

Большое внимание уделялось школьному образованию, которое способствовало просвещению коренного населения, а образованный слой алтайцев должен был стать социальной опорой христианизации. Трудami и заботами энергичного и просвещенного Макария (М. Я. Глухарева) впервые на Алтае в Улале и Майме были открыты школы для мальчиков, число учащихся в которых доходило до 20 человек в каждой, и одновременно параллельно школа для девочек, в которой ежегодно обучалось от 7 до 12 учениц. На некоторое время эти школы являлись образцом для будущих миссионерских школ. В школах преподавались славянская и русская грамота, закон Божий, элементарные правила арифметики. Обучение в школах велось в религиозном духе, так как миссия прежде всего должна была прививать осно-

вы православно-христианского вероучения. Это были одни из первых «инородческих» школ в Сибири вообще, обучение в которых было бесплатным. Таким образом, еще за 50 лет до появления церковно-приходских школ, правила о которых были утверждены Александром III в 1884 г., Макарий (М. Я. Глухарев) учредил такие школы на Алтае.

Из инструкции для учителей миссионерских школ следовало: «обучение грамоте инородческих детей должно происходить на алтайском языке, а потом на русском. Лишь только дети-инородцы освоятся с русским языком, их нужно учить чтению самостоятельному и сознательному, как по-русски, так и по-алтайски, чтобы они, по выходе из школы, могли сами продолжать свое самообразование» [1, л. 9].

Основной заслугой Макария (М. Я. Глухарева) было то, что при нем церковное направление школ выработалось в определенный и устойчивый тип церковной миссионерской школы. С этой целью особое внимание обращалось на изучение Закона Божьего, чтению молитв перед иконой в течение 10 минут на каждом уроке и дополнению утренней и вечерней молитвы. «Характер преподавания во всех школах миссионерских церковно-воспитательный» [2, л. 3].

Нравственные беседы и поучения осуществлялись миссионерами не только в школах и молитвенных домах, но также и дома у новокрещенных: «Для утверждения в вере и благочестии паствы христианской членами Миссии в 34 церквях и молитвенных домах совершены были богослужения, во время которых всегда предлагались поучения на русском и алтайском языках. В воскресные и праздничные дни в большей части станов бывали послеобеденные религиозно-нравственные беседы, которые посещались жителями усердно и приносят нравственную пользу. В тех улусах, деревнях и аилах, в которых нет ни церкви, ни молитвенного дома, богослужение для говевших совершалось на местах их жительства» [2, л. 2об.]. Из записок Киргизской миссии: «С появлением в моем стане новокрещенных, мои заботы сосредоточились на религиозно-нравственном воспитании их. Поэтому, я стараюсь по возможности при всяком удобном случае учить их молитвам и беседовать о законе Божьем, особенно в праздники, когда все новокрещенные бывали дома, собирались или в квартире толмача, или у меня или в здании училища» [3, л. 18об.].

В 1886 г. в Улалу приехал новый начальник миссии архимандрит Владимир (Казанский). В школьном деле на Алтае наступил новый период. Миссия начала применять к условиям Алтая систему миссионерских школ, разработанную знаменитым русификатором Н. Ильминским. При архимандрите Владимире миссия стала посылать в Казань для подготовки квалифицированных работников юношей из сре-

ды алтайцев. В 1882 г. на Алтай вернулись из Казани окончившие ино-родческую семинарию стипендиаты миссии алтайцы М. Ташкинов и Стефан Тодошев (впоследствии Борисов), из которого получился позднее прекрасный переводчик и активный миссионер-священник.

Осуществление процесса аккультурации коренного населения Алтая по системе Ильминского требовало развития и особой постановки школьного дела. В школах алтайцев стали активно учить чтению и письму по-алтайски, что весьма ускоряло процесс обучения грамоте. Расширение школьно-миссионерского дела остро поставило перед миссией вопрос о подготовке кадров. В 1883 г. был создан центр для формирования своеобразной алтайской интеллигенции, священников, диаконов, псаломщиков, учителей, переводчиков, необходимых миссии. В Бийске при архиерейском доме под личным наблюдением начальника миссии было открыто катехизаторское училище, в которое принимали подростков 15–16 лет из среды алтайцев, а также русских, но только при свободном знании алтайского языка. Вскоре воспитанникам училища было разрешено поступать в духовные семинарии, причем алтайцам разрешалось проходить курс семинарии без изучения древних языков.

«Катехизаторское училище помогло Алтайской Миссии вынести свою деятельность за пределы Алтая, распространив свою деятельность на Минусинский и Нарымский край. Так осуществлялось практически учение Н. Ильминского: „Алтай есть пуп земли, отсюда во все стороны можно действовать и с него как с опорного пункта расставлять разные отрасли миссии“. Кадры, вышедшие из стен этого училища, вполне отвечали задачам Миссии и составили первую алтайскую интеллигенцию, воспитанную в реакционном духе. В этой среде оказался самородок Михаил Чевалков» [4, с. 368].

Главными идеологическими и культурными центрами распространения христианства стали храмы и монастыри, которые выполняли религиозно-просветительскую, филантропическую (благотворительную) функции. Кроме принятия нового образа и уклада жизни, участие коренного населения в строительстве церквей способствовало освоению ими особенностей храмового строительства, а также знакомило их с различными видами искусства (иконопись). Итак, церкви становились школой познания новой религии.

Миссионеры одни из первых стали заниматься научной деятельностью. Это проявилось в этнографических исследованиях, изучении традиционных верований, уклада и образа жизни коренного населения Алтая (например, деятельность В. И. Вербицкого и П. Макушина). Через научную деятельность миссия знакомилась с нравами, бытом,

историей, верованиями и языком инородцев, что приводило к взаимовлиянию двух культур. Из отчета миссии: «Цель поездки — наблюдение и знакомство с жизнью киргизов со всех ее сторон. Беседовали о вере христианской только тогда, когда вполне благоприятствовали обстоятельства, а когда находились внимательные охотники послушать нас, хотя иногда внимание свое маскировали, что не допускали никакого подозрения в скрытности истинной цели внимания — цели совершенно противоположной той, которая воодушевляла нас в беседах о христианской вере» [4, л. 7об.–8].

О значительном влиянии православия на коренное население свидетельствует факт создания слоя национальной интеллигенции, проявившей себя в миссионерской, творческой или иной деятельности. Первые представители коренной алтайской интеллигенции были неразрывно связаны с Алтайской духовной миссией, будучи ее сотрудниками, воспитанниками миссионерских школ либо членами семей миссионеров-алтайцев. Среди выдающихся деятелей алтайской «иностранческой элиты» талантливые и самобытные художники Г. И. Чорос-Гуркин, Н. И. Чевалков. Макарий (М. Я. Глухарев) воспитал и обучил грамоте и переводческому делу алтайца Михаила Чевалкова, из которого впоследствии вышел деятель миссии и первый писатель-алтаец.

О положительном влиянии христианства на население Алтая В. Радлов писал следующее: «Миссия в Улале — огромная деревня с большими аккуратными домами; ее алтайские и телеутские жители находятся совершенно на том же уровне цивилизации, что и русские крестьяне, но очень привержены к своей национальности. Здесь можно явственно увидеть благотворное влияние Архимандрита Макария (М. Я. Глухарева) — он не просто формально окрестил туземцев, но и превратил очень многих из них в истинных христиан. Я обнаружил у здешних телеутов такое знание религии, какое мы напрасно бы стали искать в русских деревнях, а кроме того, весьма твердые моральные устои, что уже не раз здесь проявлялось.

Все дети умеют читать по-русски, так как теперь уже здесь есть русская школа. Самый образованный из местных жителей — телеут Чевалков, который шесть лет был переводчиком у отца Макария (М. Я. Глухарева) и приобрел за это время немало знаний.

Христианская религия пустила здесь на самом деле глубокие корни. И все-таки не забыты полностью прежние суеверия, они вошли в идейный круг новой религии. Повсюду можно услышать истории о чудесах, явления святых местным татарам — дело здесь совершенно обычное. Мистические образы христианства — излюбленный предмет вечерних бесед» [6, с. 181–182].

Будучи мировой религией, христианство «имело наднациональный характер», и это качество делало его вполне адекватным для локальных полиэтнических сообществ. «Соединяя всех в единое стадо», нивелируя этнические различия, православная церковь обеспечивала стабилизацию этносоциальной ситуации и объективно решала задачи имперской политики в пограничных районах. Ситуация межэтнического взаимодействия упрощалась, так как в официальной риторике и в массовом сознании XIX в. собственно этническая идентификация часто подменялась конфессиональной.

Но, с другой стороны, знакомство алтайцев с христианским мировоззрением повлекло за собой процессы актуализации этнического самосознания. Как отмечает Л. П. Потапов, «шаманизм оставался притягательным для рядовых алтайцев, живших изолированно от трудового русского населения и подвергавшихся грубому воздействию представителей Алтайской Духовной Миссии и местной царской администрации, желавших русифицировать алтайцев, искоренить их религию, обряды и обычаи. Рядовые алтайцы стремились к шаманизму, держались за него вовсе не потому, что верили в избавление от колониальной политики царизма при помощи камланий духам и божествам. Боявшиеся и сопротивлявшиеся (хотя и пассивно, переключиваясь в глухие места) насильственной русификации, они не хотели расставаться с многовековыми традиционными верованиями и обычаями. Они стали по существу отождествлять с шаманизмом свою национальную самобытность» [4, с. 91–92].

То же у В. Радлова: «У калмыков, как и у всякого угнетенного народа, выработалось отталкивание от господствующей нации. Алтаец боится утратить свою национальность, сблизившись с русскими, поэтому отдаляется от них... Алтаец-кочевник рассматривает любую Миссию как учреждение, наносящее вред его социальному положению. Он по возможности избегает ее, цепко держится своих старых нравов и обычаев и считает предателем каждого, перешедшего в христианство» [6, с. 184].

«В результате присоединения Горного Алтая к России столкнулись два народа — русские и алтайцы, разные по происхождению: один европейский, другой азиатский, два различных языка — славянский и тюркский, две диаметрально противоположные культуры — земледельческая и скотоводческая, два образа жизни — оседлый и полукочевой, две религии — православная и традиционные алтайские верования. Отсюда неизбежно возникало непонимание друг друга и отрицание в форме противопоставления „своего“ и „чужого“, „былого“ и „нового“» [4, с. 59].

Деятельность Алтайской духовной миссии можно оценивать по-разному. В определенных ограниченных сферах миссия содействовала приобщению коренного населения к достижениям русской культуры, а через нее и мировой, в области архитектуры, образования, хозяйственной деятельности и т. д. Культурная деятельность миссии расширила возможности алтайцев, приобщив их к русско-православной культуре, и в целом сыграла позитивную роль в развитии коренного населения.

О значении Русской православной церкви протоиерей Б. Пивоваров писал: «Опыт Русской Православной церкви плодотворной деятельностью ее духовных миссий, славными апостольскими подвигами русских миссионеров, духовно-просветительскими трудами русских монастырей, масштабами переводческой и книгоиздательской деятельности миссий на языках тех народов, которые до прихода русских благовестников не имели письменности, патриотическими заслугами русских миссионеров перед государством, является убедительным свидетельством высокого апостольского достоинства Русской Православной Церкви и позволяет говорить о непреходящем культурно-историческом значении духовных миссий Русской Церкви» [7, с. 10].

Но реальные процессы культурного взаимодействия оказались сложными. Процесс утверждения русско-православной культуры в новых полиэтнических условиях носил противоречивый характер. Принятие православия и русского уклада жизни частью горноалтайского населения способствовало экономической независимости коренного населения, но при этом шаманизм настолько прочно закрепился в их традиционном и религиозном сознании, что православие с большими трудностями внедрялось в их среду. Алтайцы зачастую копировали традиционные формы культуры и быта русских переселенцев, однако их мировоззрение подверглись влиянию православия лишь частично, что в дальнейшем позволило им вернуться к своим языческим представлениям.

В ходе реализации внутренней политики государства иного пути развития у алтайцев не было. В лице Российского государства были осуществлены неизбежные изменения алтайского общества, оказавшегося вовлеченным в мировой социальный процесс. Весь комплекс социально-экономических, политических и культурных изменений означал усовершенствование уклада жизни алтайцев для последующего развития.

При этом христианизация повлекла за собой значительные социокультурные изменения. Практика существования по чужому этниче-

скому образцу сопровождалась внедрением нетрадиционных форм культуры, что вело к утрате своих этнических традиций и возникновению чувства неполноценности и социального отчуждения. В сознании переселенцев укоренилось чувство некоего культурно-цивилизационного превосходства. В целом русская культура, улучшая материальный быт алтайца, прививает в нем навыки земледельца-домохозяина, делает его физически чистоплотным.

К рубежу XIX–XX вв. обнажились две противоположные, хотя и взаимозависимые тенденции развития: с одной стороны, знакомство с русской культурой и традициями, европеизация, усвоение этнически нейтральных ценностей и стандартов поведения, а с другой — становление самосознания и, как следствие, стремление сохранить основы традиционной культуры. Вторжение «чужой» культуры привело в движение местные силы, провоцируя их на борьбу за духовную и социально-экономическую независимость. Результатом этих процессов стало зарождение бурханизма.

В целом деятельность Алтайской духовной миссии на территории Горного Алтая, населенного различными народностями, приверженцами различных конфессий, была достаточно прогрессивной и своевременной, так как способствовала культурному, религиозно-нравственному и цивилизационному развитию коренного населения Горного Алтая. Взаимодействие и взаимопроникновение элементов духовной культуры формировало в среде алтайцев многоуровневую структуру сознания, в которой преобладали культурно-религиозные ценности, знание и уважение к традициям русского и других сопредельных народов, что привело к появлению в зачаточной форме межнационального взаимопонимания и постепенному становлению национального самосознания алтайского народа.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Центр хранения архивного фонда Алтайского края (ЦХАФАК). Ф. 164. Оп. 2. Д. 4.
2. ЦХАФАК. Ф. 164. Оп. 1. Д. 43.
3. ЦХАФАК. Ф. 164. Оп. 1. Д. 47.
4. Потапов Л. П. Очерки по истории алтайцев. М. ; Л., 1953.
5. ЦХАФАК. Ф. 164. Оп. 1. Д. 13.
6. Радлов В. В. Сибирские древности. Из путевых записок по Сибири // Записки Императорского Русского Археологического Общества. СПб., 1896. Т. VII.
7. Миссионерское обозрение. 1996. № 1.

А. Н. Домашев (Барнаул)

КУРАТОРСТВО КАК ФАКТОР АДАПТАЦИИ СТУДЕНТА-СОЦИОЛОГА ПЕРВОГО КУРСА

В современной социологии и психологии понятие «адаптация» рассматривается как процесс и результат установления гармоничных взаимоотношений между личностью и социальной средой.

Как известно, 17–18 лет — очень сложный возраст, а именно такой возраст у большинства первокурсников факультета социологии Алтайского государственного университета. Это годы, когда за молодым человеком нужен особый контроль. Вчерашние школьники переходят на новый этап, вступая во взрослую жизнь. Именно в этот период формируется жизненная позиция, общественная и гражданская ответственность. В это время очень важно их чем-то заинтересовать, помочь развить все творческие и общественные начинания. В этом возрасте молодые люди ищут чего-то нового, и крайне необходимо, чтобы это новое не оказалось вредными привычками, что очень часто можно наблюдать в молодежной среде.

Новоиспеченным студентам сложно адаптироваться и попасть в нужное русло, чтобы прожить настоящей студенческой жизнью. Зачастую основная проблема в том, что даже активная молодежь не знает, какие студенческие организации действуют в вузе, а если даже информация имеется, то некому познакомиться с их деятельностью ближе.

Разобщенность и неслаженность коллективов студенческих групп приводит к снижению уровня успеваемости и задействованности студентов в научном направлении. С целью решения этих проблем было бы желательно изменить систему кураторства, разведя компетенцию ответственности кураторов-преподавателей и тьюторов — кураторов из числа студентов старших курсов. За кураторами-преподавателями желательно сохранить следующие функции:

- куратор направляет свою деятельность на формирование в группе самостоятельного коллектива, создает в нем атмосферу доброжелательности, взаимопомощи, взаимной ответственности, атмосферу творчества, увлеченности, общественной активности;
- куратор работает в тесном контакте с преподавателями, ведущими занятия в группе, способствует созданию деловых доброжелательных взаимоотношений;
- куратор обеспечивает единство требований к студентам всех преподавателей, работающих в группе, устанавливает контакт

с деканатом, общественными организациями, а в случае необходимости — с родителями студентов.

Кроме того, за каждой академической группой может быть закреплен студенческий куратор (тьютор) — студент старшего курса по рекомендации САФС. В функции тьютора может входить:

- 1) информирование студентов группы о мероприятиях, проводимых в вузе;
- 2) организация внутригрупповых мероприятий (дни рождения, посещение театра, выезд на турбазу и т. п.);
- 3) отслеживание психологической ситуации внутри группы, взаимоотношения между студентами;
- 4) способствование разрешению конфликтов;
- 5) выявление фактов нарушения учебной дисциплины, проведение беседы с нарушителями. В крайних случаях (систематические опоздания, прогулы, пьянство и т. д.) информирование в письменном виде деканат или на заседаниях САФС;
- 6) организация студентов группы на участие в мероприятиях САФС;
- 7) отслеживание ситуации о материальном положении каждого студента для своевременного оказания социальной поддержки;
- 8) консультирование студентов группы по вопросам обучения и другим вопросам;
- 9) организация и проведение мастер-классов как средства развития внутренних (личных) качеств студента;
- 10) служить примером для студентов группы.

Совместными усилиями куратор-преподаватель и тьютор-студент должны помочь студентам первого курса в социальной, дидактической, психологической и профессиональной адаптации в вузе. С этой целью считаю возможным разделить процесс адаптации первокурсников под руководством куратора и тьютора на несколько последовательных и взаимосвязанных этапов:

1. Адаптация в студенческой группе — ТРЕНИНГ (сплочение группы, появление дружеских связей);
2. Адаптация к пространству вуза — КВЕСТ (освоение пространства основных корпусов АлтГУ);
3. Приобщение к социальному пространству вуза — ПРЕЗЕНТАЦИИ (нахождение собственного места в социальном пространстве);
4. Адаптация к пространству города — КВЕСТ (ориентация в городской среде, информированность о деятельности учреждений).

Как показал опыт IV Всероссийского студенческого форума, использование такого механизма взаимодействия в процессе адаптации студента первого курса позволяет значительно сократить адаптивный промежуток времени студентов младших курсов и снизить социальные риски. Весь богатый и позитивный опыт по данной проблеме говорит о том, что многое можно решить совместными усилиями деканата, профилирующих кафедр и органов студенческого самоуправления. Хочется верить, что данная идея найдет свое применение в стенах не только нашего факультета, но и всего университета в целом.

С. Я. Ковганов (Новосибирск)

ДЕЯТЕЛЬНОСТНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ СОЦИАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

В современных условиях глобальных структурных изменений и ростом угроз различного характера обеспечение безопасности является актуальной задачей социальной жизни. Важной частью этой проблемы становится определение содержания безопасности как явления. В данной статье предпринимается попытка взглянуть на содержание безопасности с позиций культурологии и в частности с позиции деятельностного подхода к содержанию культуры.

В существующих дефинициях безопасность очень часто определяется как состояние защищенности каких-либо социальных субъектов от угроз и опасностей [1–2]. Такой подход условно можно назвать «охранительной» моделью безопасности, и это нашло отражение в Федеральном законе «О безопасности». Однако опыт исторического развития различных социальных системах, в том числе и советский, завершившийся распадом СССР, свидетельствует о неэффективности «охранительной» модели в обеспечении безопасности [3–5].

Определение безопасности как состояние защищенности имеет достаточно давнюю традицию и уходит своими корнями в традиционное общество, когда социальные субъекты были объективно «закрыты» кровно-родственными и сословными ограничениями. В период ранних традиционных обществ жизнь людей протекала в локальных мирах, где вся система общения замыкалась на ограниченном количестве людей, которым общество могло представляться как тождественное их жизни в локальном мире, со всех сторон окруженное противоположностью их жизни, т. е. разрушением, смертью, злом [6, с. 22]. Экономическую основу подобных систем составляло нату-

ральное хозяйство, а одной из важных задач государства становилось распределение прибавочного продукта, чем была обусловлена авторитарная организация социального управления.

С началом индустриальной эпохи начала формироваться, а в последующем получила дальнейшее развитие другая модель организации безопасности, которую можно определить как свойство социального субъекта к конкуренции в процессе повседневной жизни. Социальным основанием данной модели может случить активная дифференциация социальных субъектов в рамках индустриального общества, в том числе рост ее рыночной составляющей. Как показывает социальная практика, способность к конкуренции, обладание необходимыми для этого ресурсами, прежде всего интеллектуальным, оказывается определяющим фактором успешного обеспечения социальной безопасности и опыт наиболее развитых стран, успешно конкурирующих в условиях современных мировой экономики достаточное тому подтверждение. Можно согласиться с А. П. Назаретяном в том, что «качественные инновации возникали не там и тогда, где и когда климат становился суровее, но, напротив, в климатически благоприятных зонах, где концентрировались стада гоминид и обострялась конкуренция, успешные конкуренты приобретали такой опыт там, где происходила концентрация стад, сопоставимых по интеллектуальным и операционным возможностям» [7, с. 141–142].

Однако сегодня обращает на себя внимание то, что в условиях глобальных структурных изменений, вызывающих жесткие социальные столкновения различного уровня, в условиях нарастающей нестабильности и хаоса оказывается востребованной «охранительная» модель безопасности, применение которой может привести к негативным последствиям. В этих условиях важное значение имеют определения содержания безопасности и выбор наиболее оптимальной модели ее обеспечения.

«Охранительная» модель ограничивает использование широкого спектра социальных ресурсов в процессе обеспечения безопасности, в рамках этой модели искусственно сужается число субъектов обеспечения безопасности, участие широких слоев населения оказывается невостребованным в вопросах определения содержания безопасности, форм ее реализации, целей, задач и путей ее достижения. В рамках «охранительной» модели часто выступает один субъект ее реализации — государство, что может привести к излишней этатизации социальной жизни, а это само по себе оказывается социально опасным. Но самое главное в том, что «охранительство» сокращает методологический ресурс, необходимый для решения проблем безопасно-

сти, часто ограничиваясь изоляционизмом, ссылками на непреодолимость объективных факторов чаще всего природного характера.

Такая обусловленность организации безопасности сугубо природными процессами, декларированные организаторами этой модели идеи о непреодолимости природных опасностей позволяет назвать «охранительную» модель «натуралистической» [8, с. 12].

В противоположность «натуралистической» модели, содержательно менее активной, исключающей инновации, «конкурентная» модель безопасности предполагает активную деятельность для достижения целей социального развития. «Деятельностный подход в отличие от натуралистического (...) рассматривает все обстоятельства, связанные с человеческой активностью, как важнейшие, наиболее существенные и предлагает рассматривать не человека внутри природной или технической системы, а природную или техническую систему, изначально встроенную в деятельность и живущую по „закономерностям“ деятельности (с присутствием мышления, целеполагания и т. д.)» [8, с. 16]. Подобный подход позволяет изменить взгляд на социальную безопасность и рассматривать ее достижение не в логике причин и следствий, а в логике целей и результатов нашей жизнедеятельности [8, с. 19].

Таким образом, методологическая ограниченность «охранительного» подхода в обеспечении безопасности может быть успешно преодолена при решении не только этой проблемы с позиции деятельности в рамках «конкурентного» подхода, но и построения теории безопасности в целом.

В процессе отыскания методологического ресурса для построения теории безопасности следует обратиться к культурологии и в частности такого направления ее исследования содержания культуры, как деятельностный подход. «Изучение истории общества сквозь призму понятия „способ деятельности“, позволяет абстрагировать вполне определенный культурный срез, элементами которого выступает комплекс вне биологически выработанных средств; благодаря им действия людей особым образом стимулируются, программируются, воспроизводятся. Этнические культуры представляют собой исторически выработанные способы деятельности, благодаря которым обеспечивалась и обеспечивается адаптация различных народов к условиям окружающей их природной и социальной среды» [9, с. 8–9].

Как видно, деятельность социальных субъектов не только часть содержания такого универсального феномена социальной сферы, как культура, но и содержательная составляющая такого социального феномена, как безопасность.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Степашин С. В. Безопасность человека и общества. СПб., 1994.
2. Пилипенко В. Ф. Безопасность: теория, парадигма, концепция культура. М., 2005.
3. Косолапов Н. Национальная безопасность в меняющемся мире // Мировая экономика и международные отношения. 1992. № 10.
4. Павленко С. З. Новая концепция социальной безопасности. Материалы научно-практической конференции. М., 1995.
5. Ларин В. А. Безопасность развития и развитие безопасности // Свободная мысль. 1996. № 7.
6. Ахиезер А. С. Что такое общество? // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 1996. № 4.
7. Назаретан А. П. Цивилизационные кризисы в контексте универсальной истории. М., 2005.
8. Рац М. В. и др. Концепция обеспечения безопасности Касталь М., 1995.
9. Маркарян Э. С. Об исходных методологических предпосылках исследования этнических культур // Методологические проблемы этнических культур. Ереван, 1978.

В. А. Троцковская (Барнаул)

ЮРИДИЧЕСКИЙ АЛГОРИТМ СОЦИАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ БИЗНЕСА

В соответствии с Конституцией РФ 1993 г. (ч. 1 ст. 7) Российская Федерация является социальным государством, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека.

В Основном законе глубоко укоренена идея гуманитарно-правовой стратегии развития нашей страны, предполагающая разработку и реализацию системы долговременных целей по постоянному повышению уровня гарантий человека и гражданина и представляющая собой ценностный компонент общей стратегии развития. Именно эта стратегия задает систему базовых критериев, которым должна соответствовать любая общественно значимая деятельность, в том числе и субъектов экономических отношений.

Сегодня в России идет постоянный поиск равновесия между эффективной экономикой, для которой самые благоприятные условия создают свободная конкуренция, свободная предпринимательская деятельность и другие формы осуществления принципа формального правового равенства, и социальной защищенностью профессиональных, территориальных, демографических и иных групп, между необходимостью инвестирования экономической активности и направлением средств на выравнивание конечного потребления. Устойчивость и эффективность всей системы прав человека и зависит от того, насколько государство преуспеет в своем движении к условной точке оптимального баланса между этими тенденциями.

Игнорировать это объективно существующее противоречие невозможно. Однако, на наш взгляд, в рамках современного российского права можно и нужно ставить вопросы о минимизации негативных последствий этого противоречия, о недопустимости реализации прав одной группы за счет потерь и ограничений в другой.

Между тем на фоне массового распространения неправовых практик в трудовых отношениях — нарушении работодателями условий трудовых договоров, не фиксирующих существенные условия найма, искусственной задержки выплат зарплат в целях финансовой «прокрутки» и присвоения процентов, отказе от оплаты больничных листов и предоставления работникам других узаконенных льгот под угрозой увольнения, нарушении правовых норм, фиксирующих условия увольнения работников со стороны государства, проводится политика своеобразного «заигрывания» с бизнесом.

Социальная ответственность бизнеса пока больше позиционируется как моральная, не связанная какими-либо правовыми нормами. Свидетельством тому является проведение, в том числе и в Алтайском крае, мероприятий, стимулирующих социальную ответственность работодателей. Сами по себе такие организационные меры не вызывают возражений. Однако, по нашему мнению, они являются факультативными в системе защиты социально-экономических прав работника.

В судебной практике ряда стран социально-экономические права рассматриваются и уже защищаются как права собственности, реализуется цивилистический принцип возмещения ущерба, который распространяется на всю область социально-экономических отношений.

В период первоначального накопления капитала моральные интенции бизнеса, как показывает история и наша современная практика, стремятся к нулю.

Развитие социальной ответственности бизнеса необходимо связывать с тем этическим механизмом, который заложен прежде всего

в действующем законодательстве от Конституции до законов и других нормативно-правовых актов, регулирующих предпринимательскую деятельность. Структурно социальную ответственность необходимо представлять как минимум сочетания ответственности политической, экономической, моральной (нравственной) и юридической. При этом юридическая ответственность тесно связана и практически пронизывает другие виды социальной ответственности, является частью социальной ответственности. Соотношение социальной и юридической ответственности — это соотношение общего и особенного.

Представляется, что в бизнес-сообществе необходимо культивировать так называемую позитивную ответственность как требование (долг) к будущей активности, инициативной, сознательной правомерной деятельности.

Позитивная ответственность означает понимание субъектом того груза, который он несет на своих плечах, и понимание того, что придется нести определенные лишения, если он не справится с возложенной задачей. На наш взгляд, именно позитивная ответственность и является ядром ответственности социальной.

Сегодня признается, что в числе базисных механизмов реализации и функционирования социального государства, в том числе формирования социальной ответственности, было и остается право. Разделяя Концепцию социального государства, разработанную на базе Академии труда и социальных отношений (Москва), считаем, что предстоит разработать перечень правовых актов и самих актов, необходимых для создания и успешного функционирования социального государства, который должен постоянно пополняться по мере поэтапного его развития. В качестве первоочередных правовых актов необходимо с учетом модельных законов ЕврАзЭС принять федеральные законы «Об основах социальной политики» и «О государственных социальных стандартах». Первый из них определит права и обязанности всех субъектов регулирования социальной политики: 1) государственных органов; 2) органов местного самоуправления; 3) бизнеса и 4) общественных объединений в части осуществления ими деятельности в области социальной политики.

Второй закон должен установить систему государственных социальных стандартов, охватывающую такие основные сферы социальных отношений: оплата труда и трудовые отношения; обеспечение занятости и помощи безработным; пенсионное обеспечение; обеспечение населения жильем, коммунальными и бытовыми услугами, а также товарами массового спроса; образование; здравоохранение

и обеспечение лекарственными средствами; наука; культура; социальное страхование; социальная помощь и социальное обслуживание населения; обеспечение экологической безопасности; защита социальных прав граждан.

Необходимо дальнейшее развитие нормативной базы социально-го партнерства, обеспечивающей законодательное определение порядка взаимодействия и взаимной ответственности основных участников переговорного процесса — профсоюзов, работодателей и органов власти. В развитие действующего Трудового кодекса РФ представляется целесообразным принятие закона «О социальном партнерстве» на федеральном уровне, который придаст бы необходимую правовую силу и обязанность коллективным соглашениям и договорам. Кроме этого, требуется:

- повысить статус Российской трехсторонней комиссии по регулированию социально-трудовых отношений и ответственность сторон за выполнение мероприятий Генерального соглашения. Генеральное соглашение следует рассматривать в качестве конкретной программы согласованных действий Правительства, объединений профсоюзов и предпринимателей в социально-трудовой сфере. Эта программа не должна быть соглашением о намерениях сторон, как это чаще всего и бывает на практике. Генеральное соглашение должно быть нацелено на решение определенного круга социально-трудовых проблем, для осуществления соответствующих задач, должно быть предусмотрено необходимое финансирование, а роль и ответственность каждого партнера должны быть зафиксированы;
- ужесточить нормы законодательства (на определенное время) за нарушение, несоблюдение, невыполнение принятых коллективных договоров и соглашений;
- реформировать законодательство в сфере оплаты труда. В том числе: установить минимальную заработную плату на уровне не ниже прожиточного минимума трудоспособного человека, а сам прожиточный уровень — на уровне благосостояния, достойного для современного человека; стимулировать в первую очередь занятых в материальном производстве, особенно в машиностроении, приборостроении, нефтедобывающей и горнодобывающей промышленности, а также в других отраслях, обеспечивающих научно-технический прогресс. Особое внимание должно быть уделено повышению реальной заработной платы работникам отраслей бюджетной сферы и сельского хозяйства. Нужны новые современные формы органи-

зации заработной платы, способные заинтересовать работников в полной реализации на производстве своих способностей и возможностей;

- реформировать законодательство в области социального страхования, на основе которого социальными партнерами могли бы быть разработаны новые механизмы страхования, действенные в рыночных условиях;
- разработать и принять закон «О трудовом арбитраже», на основе которого социальные партнеры могли бы находить комплексные решения спорных вопросов в сложных социально-экономических ситуациях;
- разработать и принять Закон о социальном заказе, который создал бы правовую основу (на конкурсной основе) доступа к бюджетному финансированию для учреждений, оказывающих социальные услуги, независимо от формы их собственности.

Наряду с принятием новых законов представляется целесообразным внесение необходимых изменений и дополнений в действующее законодательство, приведение его в соответствие с положениями и принципами социального государства с социальным рыночным хозяйством.

Не вызывает сомнения, что политическая воля государственной власти постепенно, но направляется сегодня на реализацию конституционной цели по созданию правового социального государства, среди которых немаловажное значение имеет социальная ответственность российского бизнес-сообщества.

С. Г. Чудова (Барнаул)

ИННОВАЦИОННЫЕ МОДЕЛИ ПРОФИЛАКТИКИ СОЦИАЛЬНОГО СИРОТСТВА: ОПЫТ АЛТАЙСКОГО КРАЯ

Одним из приоритетных объектов современной теории и практики социальной работы является семья, а одно из актуальных направлений — социальная защита семьи и детства РФ. В настоящее время в России осуществляется модернизация системы социальной защиты детства. Оптимизация деятельности системы направлена на снижение уровня социального сиротства, профилактику семейного неблагополучия и жестокого обращения с детьми, развитие услуг для семьи и детей. Проблема жестокого обращения в семье как существен-

ный фактор риска социального сиротства, являясь нарушением прав ребенка, выступает мощным дестабилизирующим фактором, подрывающим основы функционирования семьи, а значит, и нарушает безопасность общества в целом.

В настоящее время на федеральном уровне четко определены задачи государственной социальной политики в этом отношении. В своем выступлении на Всероссийском совещании 5 июня 2007 г. «О работе органов государственной власти в сфере социального развития» Д. А. Медведев подчеркнул необходимость создания инфраструктуры профилактической работы, комплексной системы реабилитации детей, находящихся в социально опасном положении, для того, чтобы своевременно выявлять неблагополучные семьи, корректировать их проблемы на как можно более ранней стадии, везде, где это еще возможно, стремиться сохранить ребенка его родную семью.

В решении этих задач регионы имеют огромные, еще не везде раскрытые возможности, которые при определенных условиях реализуются и дают значимые результаты.

Инновационным механизмом в профилактике социального сиротства, который в последние годы стал активно внедряться в практику во многих регионах России, стала модель раннего выявления семейного неблагополучия и межведомственного ведения случая. В Алтайском крае при активном организационном и методическом сотрудничестве с национальным Фондом защиты детей от жестокого обращения данная модель стала внедряться с 2008 г., а в 2009 г. краевая целевая программа «Раннее выявление социального неблагополучия и работа с семьями группы риска в Алтайском крае „Свет в родном окне“ на 2009–2011 годы» получила поддержку Фонда поддержки детей, находящихся в трудной жизненной ситуации. Программой предусмотрено поэтапное внедрение модели: 2009 г. две пилотные территории Алтайского края, 2010 г. — 12 муниципальных образований, в 2011 г. данная модель должна быть тиражирована во всех 76 муниципальных образования края.

Модель раннего выявления социального неблагополучия и межведомственного ведения случая концептуально отличается от традиционных подходов при решении проблем превенции социального сиротства. Она включает следующие области изменений: внедрение новых механизмов управления и их нормативно-правовое закрепление, изменение идеологии работы с семьей (переход от карательной позиции к безоценочной, поддерживающей, семейно-ориентированной), разработку стандартов профилактических услуг как процесса реабилитации семьи, организацию супервизорского сопровождения

технологии работы со случаем, обновление методического инструментария специалистов.

В рамках функционирования модели принципиально меняются полномочия и задачи структур и учреждений на каждом этапе работы с кризисными семьями (выявление, где ключевую роль играют учреждения образования и здравоохранения, оценка безопасности ребенка, оценка риска жестокого обращения с ребенком, разработка плана безопасности, разработка и реализация реабилитационного плана). Этапы регламентированы новыми первичными учетными и отчетными документами, вводится новый функционал специалистов — «куратор случая», новые организационные образования: «рабочая группа», «межведомственный консилиум»; в телефон доверия для подростков включается звено выявления жестокого обращения с детьми, формируется командный стиль работы на межведомственной основе, внедряются инновационные семейно-ориентированные формы работы (социальная гостиная в учреждениях образования, низкопороговые клубы, средовая реабилитация, группы само- и взаимопомощи, группы поддержки и т. п.).

Все это требует прежде всего создания системы подготовки специалистов для принятия новой философии помощи, понимания всего алгоритма помощи семье и своих задач, полномочий и обязанностей в этой цепочке, освоение новых компетенций, знаний, умений и навыков.

Интерес кафедры социальной работы к изучению данной инновационной модели обусловлен следующими факторами:

- 1) научно-исследовательским интересом с целью ее теоретико-методологического обоснования;
- 2) изучением особенностей и трудностей при ее внедрении, разработке индикаторов и критериев их эффективности;
- 3) необходимостью подготовки конкурентоспособных специалистов по социальной работе, владеющих новыми компетенциями, необходимыми для реализации данной модели.

В 2011 г. кафедрой социальной работы АлтГУ при финансовой поддержке Администрации Алтайского края и РГНФ было проведено социологическое исследование специфики внедрения модели раннего выявления семейного неблагополучия и межведомственного ведения случая с целью выявления управленческих, организационных, технологических и профессиональных трудностей, а также выработки способов их преодоления. Исследование включало в себя количественную и качественную составляющие. Количественное исследование проводилось с использованием метода экспертного опроса.

Качественное исследование включало в себя контент-анализ региональных СМИ и проведение фокус-групп среди различных типов специалистов, задействованных в реализации данной модели на 12 пилотных территориях.

В ходе исследования были выявлены основные трудности на каждом этапе реализации инновационной социальной практики.

1. Этап выявления жестокого обращения и сообщения о нем.

Профессиональные трудности связаны с недостатком знаний у специалистов о ранних признаках жестокого обращения с ребенком и их последствий.

Организационные трудности связаны с отсутствием ответственности за несообщение о случаях жестокого обращения, опасением быть обвиненными членами семьи за переданный сигнал.

2. Проведение расследования. Выезд рабочей группы.

Профессиональные трудности связаны с низкой компетентностью специалистов при оценке факторов риска жестокого обращения с ребенком и разработке плана его безопасности.

Организационные трудности связаны с отсутствием специально закрепленного транспорта за рабочей группой и дефицитом ГСМ.

3. Открытие случая, назначение куратора и диагностика проблем семьи.

Профессиональные трудности связаны с недостаточной компетентностью специалистов по установлению контакта с семьей, формированию мотивации на сотрудничество; неумением выделять и анализировать проблемы, которые привели к жестокому обращению с ребенком; неспособностью отделять личное отношение от профессиональной позиции.

Организационные трудности связаны с недостаточным количеством обученных кураторов, высокой текучестью кадров в социальной сфере.

4. Разработка реабилитационного плана и организация работы межведомственного консилиума.

Профессиональные трудности связаны с недостаточной компетентностью специалистов по разработке четких, конкретных мероприятий, ориентированных на решение проблем семьи; неумением привлекать семью для составления и реализации плана, отсутствием навыков работы в команде (неумение распределять функции, конкуренция).

Организационные трудности зависят от того, что роль консилиума сводится не к совместной разработке плана, а к контролю за куратором.

5. Реализации реабилитационных планов и отслеживание результатов.

Профессиональные трудности связаны с непоследовательностью и фрагментарностью работы, недооценкой сроков, необходимых для изменений и ресурсов семьи, возникновением проблем созависимости, последствиями профессионального выгорания.

Организационные трудности связаны с неразвитой системой супервизорской поддержки.

М. И. Черепанова (Барнаул)

СОЦИАЛЬНЫЕ РИСКИ КАК ФАКТОРЫ, ФОРМИРУЮЩИЕ ПОВЕДЕНЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО МОЛОДЕЖИ АЛТАЙСКОГО КРАЯ (на примере социологического исследования)

Изучение рисков в современном обществе, по мнению ученых, стало насущной потребностью. Во многом социальную реальность допустимо интерпретировать как производство рисков, производство, осуществляемое во всех основных сферах жизни общества. Понятие «общество риска» означает, что господствовавшая в индустриальном обществе «логика позитива» перекрывается и вытесняется «логикой негатива» [1]. Эту парадигму уже предлагалось применить к осмыслению современной ситуации в нашей стране [2], так как риск наиболее применим к исследованию переходных кризисных обществ, к каким принадлежит Российская Федерация.

Современные представления о риске многообразны. Согласно данным опроса, проведенного В. И. Зубковым, в обывденном сознании это слово ассоциируется с вероятностью благоприятного или неблагоприятного исхода действия, неопределенностью, опасностью (неудачей), выбором альтернатив и т. д. [3].

Многообразие трактовок понятия риска в отечественных и зарубежных работах можно свести в следующие три группы. В первой риск понимается как специфический процесс выбора вариантов действия: выбор альтернатив в ситуации неопределенности; выбор действия, исход которого определяется случаем; единство обстоятельств и индивидуально-групповых предпочтений (критериев оценки ситуации), на основе которых принимается оперативное решение. Во второй группе риск раскрывается через непосредствен-

ное действие субъекта: действие наудачу в надежде на счастливый исход; образ действий в неясной, неопределенной обстановке; поведение при наличии опасности, угрозы. В третьей группе трактовок акцент делается на вероятности отрицательного характера последствий: ошибки или неуспеха в ситуации с несколькими альтернативами; ущерб, связанный с реализацией решения или вызванный неблагоприятными факторами среды; возможность наступления нежелательных последствий (их мера) в результате действия случайных факторов; событие, наступление которого содержит возможность каких-либо потерь [3].

Повседневная жизнь людей нередко подвергается риску. Особенно это касается молодежи. Ей присуще стремление к новому, неизведанному, а риск предоставляет шанс добиться успеха. Молодежь меньше рефлексирует по поводу возможных последствий риска, но и часто проигрывает. Полагаясь на случай, молодые рискуют оказаться без желаемого образования, не найти работы, не создать семьи, не выдержать конкуренции в бизнесе и остаться не у дел. С другой стороны, сущность молодежи как социальной группы раскрывается в процессе реализации ею функции воспроизводства социальной структуры. Наследуя и воспроизводя сложившиеся общественные отношения, каждое новое поколение обеспечивает сохранение целостности общества и участвует в его совершенствовании и преобразовании на основе своего инновационного потенциала [4–5]. Потенциал больше соответствует и ситуации риска в молодежной среде, так как учитывает переходное состояние молодости от относительной определенности, обеспечиваемой родителями, к неопределенности самостоятельной жизни. Тем самым осуществляется как развитие молодежи, так и общества в целом.

Активность молодежи как субъектов риска целесообразно выражать через категорию «поведение». Например, в одних и тех же условиях (ситуациях) молодые люди способны выбирать различные линии поведения, а значит и по-разному рисковать. Их деятельность может ситуативно включать в себя элементы неопределенности, проблемности, опасности. Но риск появляется лишь в поведении субъекта, реагирующего на конкретную ситуацию. Отказ от действия также является риском. Правда, не всякое поведение может включать элементы риска. Применить понятие риска можно, по мнению ученых, только к осознанному поведению субъекта, включающему творческий акт выбора целей, средств и способов их достижения [6]. Принимая во внимание сознательный характер такого поведения, его называют социальным.

И самое главное: молодежь вынуждена оценивать ситуацию и делать выбор всегда, даже в условиях полной неопределенности, опираясь на собственный опыт, чутье и интуицию, а значит, рисковать. При этом особенно важно, на каком основании осуществляется выбор молодежью вектора поведения. Особое значение для анализа риска в молодежной среде имеют его социокультурные основания. В них отражаются готовность к риску и его неприятие как специфические социокультурные характеристики индивидов и групп, а также морально-нравственные последствия рискованных действий. Поэтому в определении риска применительно к исследуемой проблеме, видимо, следует отразить нравственные аспекты выбора и оценку выигрыша (либо проигрыша) на основе принятых в данном обществе ценностей и моральных норм.

Эмпирическую базу представленного нами в статье исследования составили материалы социологического исследования, проведенного в апреле-октябре 2010 г. по теме «Социальные риски воспроизводства девиаций и социальная безопасность населения России: проблемы взаимообусловленности и трансформации в современных условиях кризисного состояния общества». Для анализа нами использованы результаты опроса молодежи Алтайского края в количестве 295 чел. (18–30 лет). Как было выявлено в процессе исследования, 51% опрошенной молодежи достаточно уверены в безопасности окружающего их современного социума. Чуть меньше половины опрошенных респондентов в разной степени оценивает свое социальное пространство как небезопасное, 6,1% молодежи испытывают достаточный дискомфорт в плане своей уязвимости и опасности. Для данных групп молодежи характерно субъективное ощущение нестабильности, опасности и угрозы. Среди причин таких тенденций в молодежной среде можно выделить факторы, влияющие на уровень социальной определенности: степень стабильности общества; состояние социальных институтов как механизмов социальной регуляции (экономических, правовых, политических, институтов гражданского общества и т.д.) и эффективность их функционирования; определенность целей и задач, стоящих перед обществом в ближайшей и долгосрочной перспективе и выступающих ориентиром требований, предъявляемых обществом к молодежи [7].

Гармоничная совокупность внутренних и внешних факторов обеспечивает необходимые и достаточные условия для развития молодежи, а в конечном счете и развития всего общества. Напротив, если не складываются достаточные условия для доступа молодежи к обра-

зованию, к труду, ограничиваются возможности ее социально-профессионального роста, социального участия, защиты прав, то процесс развития становится все более случайным, спонтанным и непредсказуемым, значительно повышая уровень социальной неопределенности не только в среде молодежи, но и во всем обществе.

Актуализация опасностей и угроз современного социума, представленная в оценках молодежи, выявила, что молодежь с разным уровнем ощущения личной безопасности одинаково ощущает актуальность проблем экологии, моральных угроз, ложной информации. Большинство опасностей, среди которых физическая угроза, конфликты, бедность, инфекционные заболевания, преступность, наркомания, значительно усиливаются в группе молодежи с низким уровнем ощущения безопасности. Кроме того, различен и рейтинг значимости угроз. Так, молодежь с низким уровнем безопасности больше всего пугают физические угрозы (в 4 раза больше, чем в другой группе), наркомания, инфекционные болезни, нарушение прав человека, конфликты, бедность. Данные виды угроз можно объединить тем, что они в той или иной мере связаны с самой социальной активностью личности, ее активной позицией в случае избегания или предотвращения данных рисков и угроз.

По нашему мнению, у данной группы снижена уверенность в себе как субъекте социальной деятельности, ощущение себя хозяином собственной жизни. Для группы с высоким уровнем ощущения безопасности наиболее актуальны риски, такие как плохая экология, получение ложной информации, нарушение прав человека, т. е. те угрозы, которые зависят в большей степени от внешнего социального окружения, а не от внутренней позиции личности.

Актуальность некоторых угроз (экология, моральные угрозы, ложная информация) не различается в обеих группах, что подчеркивает их объективный характер. Таким образом, субъективное ощущение безопасности может существенно снижать уровень социальной активности и ответственности молодежи, парализовать их жизненные проявления и силы. Несмотря на то, что статистическая значимость различий самооценок молодежи невысока, необходимо отметить, что наблюдается тенденция снижения самооценок своего материального положения, правового статуса вместе со снижением субъективного ощущения безопасности. Самооценка своего уважения в обществе менее связана с чувством безопасности, вероятно, она больше зависит от внутренних позиций личности.

На основе анализа данных социологического исследования можно сделать вывод, что 31% опрошенных молодых людей готовы при-

нять рискованные жизненные стратегии для реализации жизненных целей. Та молодежь, которая склонна к риску, значительно меньше удовлетворена своими возможностями, возможно, это и побуждает ее рисковать, повышая свои шансы на успех. Готовность к риску у молодежи провоцирует толерантное отношение к девиациям и таким формам поведения, как сексуальные девиации, суицидальное поведение, аутоагрессия. Сопоставив результаты анализа низкой удовлетворенности разными аспектами своей жизни и толерантностью к девиациям у молодежи с рискованным поведением, можно предположить формирование дезадаптивных стратегий у молодежи, которые она может ложно предполагать и использовать как шанс на успех. Среди молодежи, склонной к риску, значительно меньше представителей, имеющих ответственное поведение в социально-значимых ситуациях. Для них характерен рискованный инфантилизм. Молодежь, не склонная к риску, актуализирует все виды угроз, считает их более значимыми для безопасности России, т. е. она больше рефлексировала относительно российской действительности. Возможно, для этой части молодежи будущее России более значимо.

Таким образом, резюмируя вышесказанное, необходимо отметить, что современное общество риска создает социальные контуры, определяющие актуальные поведенческие особенности современной молодежи в Алтайском крае.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну / пер. с нем. В. Седельникова. М., 2000.
2. Феофанов К. А. Российская социология риска: состояние и перспективы // Социологические исследования. 2007. № 4.
3. Зубков В. И. Риск как предмет социологического анализа. М., 1999.
4. Чупров В. И., Зубок Ю. А., Уильямс К. Молодежь в обществе риска. М., 2001.
5. Зубок Ю. А. Общество риска — молодежная составляющая социальной интеграции // Безопасность Евразии. 2001. № 1.
6. Красиков С. А. Исследование рисков в западной социологии. // Социологические исследования. 2008. № 9.
7. Зубок Ю. А. Феномен риска в социологии. Опыт исследования молодежи. М., 2007.

Н. А. Стерляева (Барнаул)

ЮВЕНАЛЬНАЯ ЮСТИЦИЯ В СИСТЕМЕ ЗАЩИТЫ ПРАВ РЕБЕНКА

На современном этапе развития общества в России отсутствует целостная система защиты прав детей. В той связи вопрос о целесообразности создания ювенальной юстиции в РФ на протяжении длительного времени обсуждается в научных кругах и на государственном уровне. С 2000 г. процесс внедрения в российскую судебную систему принципов ювенальной юстиции получил активное продолжение и встретил существенное сопротивление со стороны общественности.

Ювенальная юстиция традиционно оценивается с двух позиций: как инструмент борьбы с преступностью молодежи и подростков и как средство охраны прав и законных интересов несовершеннолетних, защиты их от неблагоприятных условий жизни и воспитания. Помимо правовой ориентации, создание правовых актов, направленных на защиту прав несовершеннолетних и регламентирующих деятельность ювенальных судов, ювенальной юстиции присущ и социальный аспект — воспитание и социальная защита несовершеннолетних, сокращение вредного влияния на детей и подростков судебного рассмотрения дел.

Осуществление правосудия в отношении несовершеннолетних тесно связано с деятельностью специализированных органов и вспомогательных социально-психологических служб ювенального профиля. Правовые нормы, касающиеся несовершеннолетних, устанавливаются исходя из особенностей личности несовершеннолетнего. В этой связи правовые и социальные аспекты ювенальной юстиции должны находиться в постоянном взаимодействии, которое составляет механизм защиты прав ребенка. В судебном процессе по делам несовершеннолетних должны использоваться специальные знания из области социологии и психологии, касающиеся социально-психологических признаков и особенностей личности.

В нынешних условиях нарушение прав детей становится нормой. Дети в силу своего возраста и связанных с ним особенностей психического, физического и интеллектуального развития, в силу своей ограниченной дееспособности, не могут в большинстве случаев самостоятельно обращаться за защитой своих прав и законных интересов. От их лица действуют законные представители ребенка. В случае нарушения прав ребенка самими законными представителями,

а также в случае, когда они не отстаивают нарушенные права ребенка, он остается беззащитным. Необходимость усиленной заботы о несовершеннолетнем определяется рядом характерных для него специфических особенностей: беззащитностью, беспомощностью, недостаточностью жизненного опыта, податливостью и склонностью к подражанию, повышенной эмоциональностью, неуравновешенностью, импульсивностью [1].

Ребенок обладает правами с самого рождения, а по достижении совершеннолетия приобретает весь перечень прав и обязанностей гражданина своей страны. В настоящее время в России права детей регулируются Конституцией РФ, Семейным кодексом РФ, основами законодательства РФ об охране здоровья граждан, Федеральным законом об образовании, Законом об основных гарантиях прав ребенка в РФ и др. Кроме того, существуют федеральные целевые программы, целью которых является создание благоприятных условий для развития детей, обеспечение защиты их прав.

Жестокое обращение с детьми и несоблюдение прав ребенка приводят к необходимости создания инструментов защиты прав и свобод детей. Социальное насилие и беспризорность становятся главными проблемами в социальной среде. Также одной из серьезных проблем в России является сиротство. Сотни тысяч детей лишены родительского тепла и ухода. Многие из них находятся в детских домах и интернатах. Параллельно отмечается и рост социального сиротства, когда дети воспитываются в государственных учреждениях, несмотря на то, что имеют родителей. Появилось новое явление — так называемое скрытое социальное сиротство — безнадзорные дети при живых родителях. Хотя такие дети и живут в семьях, но родители не занимаются их воспитанием. Фактически нарушаются их права на нормальные жизненные условия, достоинство личности, образование, должный медицинский уход. Права детей нарушаются не только определенными действиями, но и бездействием государственных органов, призванных оказывать помощь ребенку или семье, которые оказались в трудной жизненной ситуации. В этой связи проблема защиты прав детей имеет огромное значение для нашей страны. Вопросы внедрения ювенальной юстиции, привлечения гражданского общества к решению проблем детства в настоящее время горячо обсуждается на различных конференциях, в средствах массовой информации. Но единой точки зрения по данному вопросу не существует.

Ряд сторонников ювенальной юстиции предлагают внедрять ее в таком виде, как она представлена на Западе. Вместе с тем пред-

лагается немедленно отказаться от существующей системы исполнения наказаний несовершеннолетних, разрушить ее до основания, а затем строить совершенно новую правовую конструкцию [2]. Наряду с этим существует мнение, что внедрение ювенальной юстиции должно проходить постепенно с учетом российской действительности. Поскольку перспектива простого заимствования системы ювенальной юстиции западной модели неоправданна, необходим поиск синтеза методов ресоциализации, оказавшихся эффективными в российских условиях, и подходов, характерных для европейской системы восстановительного правосудия.

По мнению противников ювенальной юстиции, ее нормы вступают в противоречие с национальной российской ментальностью, духовностью и традиционной культурой, так как уравнивание в правах родителей и детей, предлагаемое ювенальной юстицией, ведет к дестабилизации не только семьи и школы, но и всей системы общественных отношений. Отказаться от внедрения ювенальной юстиции следует и потому, что она является избыточной системой мер. Органы опеки, суды и другие структуры, действующие на территории РФ, вполне эффективны для разрешения конфликтов с участием несовершеннолетних и без системы ювенальной юстиции. Необходимо приложить усилия для совершенствования существующей системы детских исправительных учреждений [3].

Учитывая разрыв между менталитетом нашей страны и существующей в ней социальной действительностью, нужно отметить, что для России было бы куда уместней не перенимать европейский опыт, а привести в должный вид собственные, уже существующие органы по защите прав и возродить былую целостность и основательность института семьи.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Беличева С. А. Основы превентивной психологии. М., 1994.
2. Давлетшин И. Н., Малышева Ю. Ю. Теоретические проблемы определения понятия ювенальной юстиции и ее перспективные элементы // Вестник ТИСБИ. 2008. № 2.
3. Воронова Е. Л. Семь вопросов о ювенальной юстиции // Ювенальная юстиция в России. М., 2009.

А. М. Сергиенко (Барнаул)

ДИНАМИКА МАТЕРИАЛЬНОГО ПОЛОЖЕНИЯ И СОЦИАЛЬНОЕ НАСТРОЕНИЕ СЕЛЬСКИХ БЕДНЫХ

Годы экономического роста в 2000-х гг. изменили тренд бедности россиян, наблюдалось значительно сокращение ее масштабов и глубины. Глобальный финансовый кризис лишь на один 2009 г. развернул кривую бедности вверх, а затем последняя вернулась к позитивной динамике падения. Коснулось ли это в равной степени всех территориальных общностей, в том числе сел как очагов концентрации бедности, или в более благоприятной ситуации оказались лишь города? Для ответа на данный вопрос обратимся к результатам исследования, проведенного в 2011 г. НП «Центр социально-экономических исследований и региональной политики» и ИЭОПП СОРАН. Работа выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (грант № 11-03-0667а). При реализации проекта использовались также средства государственной поддержки, выделенные Институтом общественного проектирования в качестве гранта в соответствии с распоряжением Президента Российской Федерации от 8 мая 2010 г. № 300-рп (договор № 001 /К от 11.01.2011).

Для анализа масштабов, глубины и динамики сельской бедности в регионах аграрной специализации (Алтайском крае и Республике Алтай) проведен квотный выборочный опрос 500 сельских бедных и экспертный опрос методом полуструктурированного интервью 74 руководителей и специалистов органов государственного и сельского муниципального управления, директоров сельских предприятий и руководителей сельских общественных организаций. Кроме того, воспользуемся результатами ранее проведенных исследований.

По оценке сельскими бедными жителями материального положения своих семей в 2011 г. и десять лет назад, наблюдаются рост масштабов обездоленности и сокращение относительного материального благополучия среди бедных. Если в 2001 г. среди опрошенных бедных к обездоленным (которым денег иногда не хватает даже на питание) себя отнесли 9,8%, то в настоящее время таковыми являются 13,2%, что соответствует 35% роста масштабов обездоленности. Практически не изменилась доля средней группы бедных (кому «хватает средств на скромное питание и оплату коммунальных услуг, а на приобретение недорогой одежды и других крайне необходимых вещей денег нет»): она (доля) увеличилась лишь с 38,2 до 39,6%. Вместе с тем за этот период произошло сокращение доли относительно

бедных (наиболее благополучной среди трех выделенных групп, кому «денег хватает на питание, оплату коммунальных услуг, одежду и другие необходимые вещи, но покупка вещей длительного пользования является проблемой») на 9,2%: с 52 до 47,2%.

В годы экономического роста, как показали данные опроса всех категорий сельских жителей в 2008 г., наблюдалось массовое сокращение бедности и рост материального благополучия (более подробно результаты исследования 2008 и 2002 гг. см.: [1–4]). В 2008 г. к бедным (им средств хватает только на скромное питание и оплату коммунальных услуг) и обездоленным себя отнесли только 16,9% (в том числе к последним, которым денег иногда не хватает даже на питание, только 1,9%). По оценкам этих же респондентов, 8 лет назад доля бедных составляла 23%.

По оценкам сельскими жителями трудоспособного возраста материального положения своих семей по результатам исследований 2008 и 2002 гг., значительно (в 2,7 раза) сократилась доля бедных и очень бедных. Для сравнения, в 1990-х гг. наблюдалось массовое обнищание сельских жителей. За 1992–2002 гг. уровень сельской бедности вырос более чем два раза. По оценкам экспертов — руководителей и специалистов региональных и муниципальных органов управления, бедность тогда охватила половину сельских жителей. По данным опроса населения в 2002 г., с 18 до 41% увеличилась доля бедных семей, материальное положение которых таково, что им «средств хватает только на питание» или они «еле сводят концы с концами, семья практически голодает». Причем доля последней, наиболее неблагоприятной группы выросла в три раза (с 2 до 6%).

Данные опроса свидетельствуют об ухудшении материального положения сельских бедных семей за более короткий период, совпадающий с глобальным экономическим кризисом. Около половины считают, что положение их семей не изменилось за последние три года; каждый пятый отмечает улучшение материального положения своей семьи, а ухудшилось оно по мнению 29,2% (причем о значительном ухудшении говорят более половины из них). Интересно, что аналогичные оценки мы получили в начале десятилетия для всего сельского населения.

Основными причинами улучшения материального положения за 2008–2011 гг. сельские бедные считают прежде всего то, что кто-либо из членов семьи стал больше зарабатывать, появилась дополнительная работа (40,4% ответивших) или вышел на работу (закончившие обучение, безработные и т. п.) — 20,2%. В каждом третьем случае (31,7%) «сработал» и фактор адаптации к меняющимся условиям

(«научились жить по средствам, приспособились к новым условиям»). Несмотря на кризисные годы, почти на каждом пятом сказалось улучшение конкретной социально-экономической ситуации, в том числе на предприятии («выплатили задолженность, более регулярно выплачивают зарплату, пенсию и т. п.»). Более частными случаями, которые коснулись 11,5% ответивших респондентов, являются получение (увеличение размера) помощи от государства, предприятия и т. п. Редкими являются такие причины, как получение (увеличение) помощи от родственников, знакомых, а также доходов с семейного подворья и персональных услуг («шили сами одежду, ремонтировали и т. п.»).

К главным причинам ухудшения материального положения две трети ответивших сельских бедных (65,1%) относят инфляцию («цены росли быстрее, чем семейные доходы»). Кризисные годы в экономике коснулись большинства опрошенных: каждый третий ответивший отмечает потерю работы или выход на пенсию кого-либо из членов семьи, а также 22,6% — сокращение заработков по основному месту работы, потеря дополнительных приработков. Каждый четвертый респондент связывает ухудшение материального положения с ростом семейных расходов в связи с ремонтом, лечением, получением образования, выплатой долгов. Более редкими причинами (5–8% случаев) являются сокращение продукции личного подсобного хозяйства, доходов от персональных услуг, а также помощи от родственников и знакомых, исчерпание такого источника, как личные накопления. Только 6,8% не смогли, по их словам, приспособиться к новым условиям.

Важнейшими показателями уровня и динамики социально-экономического положения населения являются оценки социального настроения и перспектив материального положения семьи. Оценки бедными сельскими жителями ближайших перспектив, данные ими весной 2011 г., в целом скорее оптимистичны. В ближайший год семьи респондентов будут жить, по их предположению, в основном также (49,4%) или лучше, чем сегодня (15,4%). Ухудшения ожидает лишь каждый десятый, а каждый четвертый не представляет, что ожидает их семью в будущем.

Оценки трех групп респондентов, различающихся материальным положением семьи, существенно разнятся. Среди обездоленных, как следовало ожидать, пессимистичные оценки значительно (в 1,6 раза) перевешивают позитивные (16,7 против 10,6%), чуть меньше разница между крайними оценками у представителей средней группы бедных (15,2 против 11,1%) и, напротив, оценки относительно бедных отличаются «завидным» оптимизмом: каждый пятый будет жить лучше и только 3,4% ожидают ухудшения.

Молодые сельские жители намного более оптимистичны в своих оценках ближайшего будущего: более трети респондентов уверены в том, что в ближайший год будут жить лучше, чем сегодня (против 13,9 в средней и старшей группе трудоспособного возраста и 4,2% пенсионеров), и только 4,7% молодежи считают, что будут жить хуже (против 9,2 и 14,8% представителей двух других возрастных групп соответственно).

Глубина и динамика бедности отражается на социально-психологическом состоянии бедных селян, что позволяет оценить характеристики их социального настроения, удовлетворенности своим положением. Оценка бедным сельским населением своего настроения довольно пессимистична в сравнении с полученными нами результатами в 2008 г. для всего сельского населения. Сегодня среди бедных на селе только 15,4% «уверенных оптимистов» («уверен в настоящем, с оптимизмом смотрю в будущее»). Самую большую группу опрошенных (52%) составляют те, кто испытывают некоторое беспокойство, неуверенность в своем будущем и будущем своих детей. Ощущали на момент опроса сильное напряжение, отсутствие какой-либо перспективы, находились «на грани нервного срыва» 14,4% респондентов, чуть больше (17,8%) среди бедных селян равнодушных, испытывающих апатию ко всему.

По опросу 2008 г., «уверенных оптимистов» среди сельских жителей было около четверти (в начале десятилетия — менее 20%), заметно меньше было «обеспокоенных» (около 40%, в начале десятилетия — 57%) и «напряженных» (почти каждый десятый, 12,5% в начале 2000 гг.). Доля «равнодушных» была существенно меньше (каждый десятый) и практически не изменилась с начала десятилетия.

Выявлена существенная прямая зависимость социального настроения бедных селян от материального положения их семей. Среди сельских жителей, различающихся материальным положением семьи, наиболее благополучные оценки социального настроения наблюдаются среди относительно бедных: здесь «уверенных оптимистов» в 2,3 раза больше (17,8% против 7,6), а «напряженных» — почти в 4 раза меньше (9,3% против 36,4). Обеспокоенность более характерна для двух относительно благополучных групп, а равнодушие — для средней группы бедных.

Таким образом, в целом анализ динамики материального положения сельских бедных позволяет сделать вывод о своеобразии проявления российских трендов бедности в сельских сообществах. С одной стороны, наблюдалось значительное сокращение масштабов сельской бедности в годы экономического роста и ухудшение ситуации в пери-

од глобального финансового кризиса. С другой стороны, в 2000-х гг. наблюдаются процессы углубления бедности среди сельских жителей с неблагополучным материальным положением, выраженные в значительном росте масштабов обездоленности. Несмотря на то, что оценки своих ближайших перспектив, данные бедными сельскими жителями, в целом скорее оптимистичны, их социально-психологическое самочувствие неблагополучно: напряженность и равнодушные превалируют над «уверенным оптимизмом», причем естественно, что глубина бедности напрямую коррелирует с настроением. Пугающий пессимизм и бесперспективный взгляд в будущее обездоленных, среди которых немало молодежи, свидетельствуют о необходимости коренных изменений в системе социальной поддержки сельских жителей и социального развития села в целом, создании эффективных «социальных лифтов».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Алтайское село: тенденции и механизмы социального развития: монография / Л. В. Родионова, А. М. Сергиенко, А. Я. Троцкий и др. ; под ред. А. Я. Троцкого. Барнаул, 2011.
2. Сергиенко А. М. Положение и поведение сельских бедных на рынке труда // Регион: экономика и социология. 2005. № 4.
3. Сергиенко А. М., Родионова Л. В., Иванова О. А. Современные процессы и механизмы развития социальной сферы села в условиях муниципальных реформ // Вестник РГНФ. 2010. № 4.

*Н. П. Гончарова, Г. С. Авдеева, С. Г. Максимова,
О. Е. Ноянзина, Д. А. Омельченко (Барнаул)*

РИСКИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ НЕТЕРПИМОСТИ В ПРИГРАНИЧНЫХ ТЕРРИТОРИЯХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Экстремизм является одной из актуальных проблем современного мира. Поскольку он может находить выражение в самых различных сферах общественной жизни, ни одно определение данного явления не является в настоящий момент исчерпывающим [1, с. 5–11; 2; 3]. Согласно определению понятия «экстремизм», приведенному в тексте Закона РФ «О противодействии экстремистской деятельности», в качестве экстремистских практик должны быть признаны та-

кие негативные явления, как терроризм, национализм, расизм, отличительными чертами которых выступают наличие определенной идеологии и использование насилия. Вместе с тем очевидно, что полное отождествление этих терминов неправомерно, кроме того, сами названные понятия являются сложными по своему содержанию и нуждаются в уточнении.

Так, в частности, национализм предполагает веру в исключительность, превосходство «своего» народа над другими, нетерпимость по отношению к ним, нежелание смешиваться с другими народами (эксклюзивизм), а также действия, направленные на их дискриминацию [4]. Таким образом, национализм смыкается с экстремизмом в случае, когда насилие или дискриминация по расовым, национальным, религиозным основаниям выступают не просто формой «преступлений ненависти», но также преследуют цели политической легитимации националистической идеологии.

Согласно результатам всероссийского социологического исследования «Социальные риски воспроизводства девиаций и социальная безопасность населения России: проблемы взаимообусловленности и трансформации в современных условиях кризисного состояния общества» (n = 4200), проведенного в 2009–2011 гг. в шести субъектах Российской Федерации, проблема межнациональных отношений является актуальной для всех рассматриваемых регионов. Дальнейший анализ рисков возникновения межнациональных конфликтов и социальной нетерпимости представлен на основе показателей отношения населения к представителям других национальностей и лицам, осуществляющим деятельность экстремистской направленности.

Чаще всего говорили о своих положительных чувствах к представителям других национальностей жители Республики Бурятия (56,3% от всех респондентов в выборке по данному региону). Напротив, жители Калининградской и Новосибирской областей реже выбирали данный вариант ответа (в 19 и 18% случаев соответственно). Жители указанных областей, а также Алтайского края наиболее часто определяли свои чувства как нейтральные. Следует учесть, что данный вариант ответа может использоваться респондентами для уклонения от выбора однозначно негативного в смысле социальной оценки ответа. Таким образом, высокий процент ответов такого рода свидетельствует о негативных чувствах, которые респонденты не хотят демонстрировать исследователям. Прямая оценка своего отношения к представителям другой национальности как негативного характерна для Ставропольского (24,3% от всех респондентов в выборке по данному региону) и Красноярского (15,1%) краев. Мини-

мальная доля ответов такого рода отмечается в выборке по Республике Бурятия (2,6%).

Стать жертвой нападения на почве национальной неприязни чаще жителей других регионов опасаются респонденты из Бурятии (43,3%) и Ставропольского края (49,8%). Отмечено различие этих данных в следующем ключе: в Ставропольском крае достоверно чаще опасаются стать жертвой нападения русские (78,1%), а в Бурятии — буряты (52,3%). Меньше всего опрошенных опасаются стать жертвой нападения на почве национальной неприязни жители Алтайского края (21,7% от всех ответов в данной подвыборке).

Во всех регионах достоверно чаще боялись стать жертвой нападения те, кто считает себя незащищенным от физических угроз. Интересно, что страх стать жертвой нападения националистов оказался не связанным с ответами респондентов на вопрос, какие проблемы в большей степени актуальны для его региона. Те, кто отметил в качестве значимых проблем региона межнациональные и этнические конфликты, терроризм, ухудшение отношений между людьми разных национальностей, рост преступности, падение нравственности, вовсе не оказался в большей мере подверженным страху нападения. Таким образом, можно увидеть, что страх стать жертвой нападения на почве национальной неприязни имеет региональную специфику.

В Калининградской области, Алтайском и Красноярском краях большая часть респондентов, отвечая на вопрос «Чувствуете ли Вы в настоящее время враждебность к себе со стороны людей других национальностей?», выбирала ответ «никогда». Напротив, в Ставропольском крае и Республике Бурятии большая часть опрошенных отметили то, что ощущает данную враждебность с различной частотой. По Новосибирской области различия между респондентами, давшими отрицательный и положительный ответ на данный вопрос, не были достоверными.

Сопоставление ответов на вопросы «Чувствуете ли Вы в настоящее время враждебность к себе со стороны людей других национальностей?» и «Какие чувства Вы испытываете к представителям другой национальности?» показало, что в Алтайском крае, Калининградской области, Новосибирской области среди ощущающих на себе враждебность представителей других национальностей достоверно преобладают те, кто отвечал, что испытывает положительные чувства к ним. Выявленная установка довольно парадоксальна: сложно относиться к кому-то хорошо, ощущая с его стороны враждебность. Таким образом, можно предположить, что часть респондентов, которые в действительности негативно относятся к представи-

телям другой национальности, давала социально желательные ответы на вопрос «Какие чувства Вы испытываете к представителям другой национальности?» — «положительные».

С другой стороны, жители Красноярского и Ставропольского краев, среди которых наиболее часты были ответы о негативных чувствах к лицам другой национальности, преобладали среди тех, кто ощущал на себе их враждебность, что выглядит вполне логично. Это говорит о том, что негативное отношение и восприятие враждебности тесно связаны. Таким образом, даже возможно ничем не обоснованное негативное отношение к другим может формировать ожидание враждебности с их стороны, проекция собственных негативных чувств на представителей другой национальности может, в свою очередь, провоцировать реальную враждебность тех, к кому проявляют плохое отношение.

Подводя итог рассмотрению ответов респондентов на вопрос «Чувствуете ли Вы в настоящее время враждебность к себе со стороны людей других национальностей?», следует отметить такие особенности, как зависимость ожидания враждебности со стороны других от типа поселения, пола респондентов, уровня образования, национальности, неудовлетворенность своим социальным положением, страх бедности, самооценка своего дохода как более низкого, чем у большинства. Наконец, существует прямая взаимосвязь между негативным отношением к представителям другой национальности и восприятием враждебности с их стороны.

При ответе на вопрос «Как Вы считаете, кто чаще виноват в возникновении противоречий, конфликтов между местными жителями и приезжими других национальностей в Вашем населенном пункте?» наиболее часто говорили об отсутствии таких конфликтов жители Калининградской области (31,2% от всех опрошенных в регионе), Алтайского края (24,7%), Республики Бурятии (24,5%). Напротив, реже всего говорили об отсутствии таких конфликтов респонденты в Ставрополье (7,5%).

В существующих конфликтах приезжих винили чаще жители Ставропольского края (37,7%) и Новосибирской области (21,4%) и реже всего — в Бурятии (6,8%). В Бурятии и Алтайском крае опрошенные чаще были склонны обвинять в возникновении конфликтов на межнациональной почве местных жителей (10,7 и 8%).

Итак, наиболее часто отмечали наличие конфликтов на межнациональной почве в их населенном пункте жители Ставропольского края (81,8% от всех опрошенных в регионе). Об отсутствии подобных конфликтов чаще говорили жители Калининградской области,

Бурятии и Алтайского края. Жители Ставропольского края и Новосибирской области в большинстве случаев обвиняли в возникновении данных конфликтов приезжих, напротив, местных жителей в эскалации конфликтности обвиняли чаще респонденты в Алтайском крае и Бурятии.

В полном соответствии с изложенными выше данными жители Алтайского края и Республики Бурятия чаще отвечали, что за последний год в их населенном пункте количество конфликтов на межнациональной почве снизилось (так считали 15,4 и 14,9% респондентов в данных регионах). Напротив, по мнению более чем трети жителей Ставропольского края число данных конфликтов в их населенном пункте увеличилось за последний год (36%), реже всего рост числа указанных конфликтов отмечали в Алтайском крае (8,9% опрошенных) и Бурятии (8,9%).

Практически равные доли опрошенных во всех регионах (27,9–32%) ответили, что количество таких конфликтов в их населенном пункте не изменилось. Характерно, что во всех регионах, за исключением Ставропольского края, абсолютное большинство респондентов затруднилось дать ответ на вопрос «Как Вы считаете, изменилось ли количество столкновений, конфликтов между местными жителями и приезжими других национальностей в Вашем населенном пункте за последний год?»

На наш взгляд, это свидетельствует об отсутствии, во-первых, у респондентов доступной и достоверной информации о статистике подобных конфликтов в регионе, а во-вторых, непосредственного опыта столкновения с конфликтами такого рода. В данных условиях действительно сложно дать хотя бы относительно точный ответ о масштабах конфликтности на межнациональной почве в регионе.

Итак, рост числа конфликтов между представителями разных национальностей чаще констатировали жители Ставропольского края, а наиболее редко — жители Бурятии и Алтайского края. Вместе с тем подавляющее большинство респондентов не смогли дать какой-либо определенный ответ на данный вопрос. В Алтайском крае чаще отмечали увеличение числа данных конфликтов респонденты с высшим образованием, а среди тех, кто считал, что подобных конфликтных ситуация стало меньше, преобладали положительно относящиеся к представителям других национальностей. В Калининградской области рост числа межнациональной конфликтности чаще отмечали опрошенные с высшим образованием, а также те, кто указал на ухудшение материального положения своей семьи за последний год.

Таким образом, в результате сравнительного исследования статистических показателей социологического опроса населения по шести регионам России (Алтайский край, Красноярский край, Калининградская область, Новосибирская область, Республика Бурятия, Ставропольский край) была выявлена региональная специфика проявления экстремизма в приграничных территориях РФ.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бааль Н. Б. Политический экстремизм как социальный феномен и теоретическая проблема // Вестник Московского государственного областного университета. Вып. 6. Серия «Философские науки». 2007. № 1.
2. Зайналабидов А. С., Черноус В. В. Политический экстремизм и его профилактика у студенческой молодежи Дона // Приложение к «Южнороссийскому обозрению». 2003. № 2.
3. Романов Н. А. Политический экстремизм как угроза безопасности страны : автореф. дис. ... д-ра полит. наук. М., 1997.
4. Арутюнян Ю. В., Дробижева Л. М., Сусоколов А. А. Этносоциология. М., 1999.

А. Ю. Домбровская (Орел)

ВЛИЯНИЕ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ НА СОЦИАЛЬНОЕ САМОЧУВСТВИЕ ИНВАЛИДОВ (по материалам социологического исследования в Орле)

Довольно часто современные исследователи деятельности средств массовой информации изучают данный предмет с точки зрения определения сущности неких социальных и социально-культурных функций массмедиа, а также анализа их выполнения или невыполнения. Однако такой функциональный подход для современных российских средств массовой информации, очевидно, не применим. Причина в том, что сегодня не существует официальных, предписанных функций средств массовой информации (Закон РФ «О средствах массовой информации» от 27.12.91 трактует массмедиа как коммерческие предприятия, осуществляющие распростра-

нение информации, таким образом, их социальные функции законом не обозначены).

Вместе с тем совершенно очевидно, что средства массовой информации, являясь все усиливающим свое влияние на сознание и поведение людей фактором, оказывают весьма значительное воздействие на такую социальную группу, как люди с ограниченными возможностями здоровья. Инвалиды в силу определенных ограничений в передвижении испытывают наибольшее влияние массмедиа как одного из их основных источников информации о мире. Поэтому, если не говорить о социальных функциях средств массовой информации, то можно констатировать существование их социальных эффектов и важность их эмпирического анализа.

Логика нашего исследования предполагает вначале определение понятия «социально-культурная деятельность» и собственно «социально-культурная деятельность средств массовой информации». Наиболее распространенным и легитимным является такое понимание социально-культурной деятельности, которое связано с сохранением, трансляцией, освоением и развитием традиций и духовно-нравственных ценностей и норм. Таким образом, социально-культурная деятельность средств массовой информации будет пониматься как разработка и трансляция ими образовательных, просветительских, художественно-зрелищных, развлекательно-игровых, реабилитационных и других технологий, обеспечивающих рекреационные, информационные, интеллектуальные и духовные потребности людей. По сути, социально-культурная деятельность массмедиа очень близка по значению к понятию «медиадосуг».

Анализ структуры понятия социально-культурной деятельности средств массовой информации позволил нам выделить четыре направления осуществления массмедиа данного вида деятельности:

- 1) информационно-новостная деятельность (создание и трансляция программ, информирующих аудиторию о событиях в сфере политики, экономики и социально-культурной сфере);
- 2) образовательно-просветительская деятельность (создание и трансляция образовательных и просветительских программ и материалов, способствующих повышению информированности людей в сфере мировой и национальной политики, культуры, искусства, истории);
- 3) рекреационная деятельность (создание и трансляция зрелищных, игровых программ, художественных фильмов и иных развлекательных материалов, удовлетворяющих рекреационные потребности аудитории);

- 4) реабилитационная деятельность (создание и трансляция программ и материалов по информированию населения о возможностях получения социальной поддержки, оказанию помощи в самовыражении, самоутверждении и саморазвитии личности, формирующих ценностные ориентации, свободные от негативных стереотипов в самоидентификации отдельных социальных групп (инвалидов, мигрантов и т. д.) и способствующих социальной интеграции, осознании себя частью социальной группы, общества).

С целью анализа социально-культурной деятельности современных российских средств массовой информации мы провели контент-аналитическое исследование содержания программ и материалов массмедиа. В результате была выявлена количественная и качественная специфика представленности продуктов социально-культурной деятельности средств массовой информации в современных российских условиях.

Описывая методику предпринятого исследования, отметим, что объектом анализа выступило содержание материалов четырех средств массовой информации, пользующихся наибольшей популярностью среди российского населения, в том числе имеющего ограниченные возможности здоровья, следовательно, оказывающих наибольшее воздействие на их сознание и поведение (телевизионные каналы «Россия-1» и «Первый канал», издания «Аргументы и факты» и «Российская газета»). Было проанализировано содержание программ и материалов данных массмедиа за один год (с 03.02.10 по 03.02.11). За 100% мы принимали общую численность программ или публикаций каждого из анализируемых массмедиа за год соответственно. Помимо количественного распределения материалов, отнесенных нами к одному из видов социально-культурной деятельности, мы осуществили дискурсивный анализ отобранных программ и публикаций с целью выявления специфики воздействия социально-культурной деятельности средств массовой информации на социальное самочувствие людей с ограниченными возможностями.

Доминирующим видом социально-культурной деятельности массмедиа является рекреационная (развлекательная) деятельность. Это характерно для всех исследуемых телевизионных каналов и газеты «Аргументы и факты». Исключением является лишь «Российская газета», имеющая явно выраженную ориентацию на объективное информирование населения о событиях в мире политики, экономики и социально-культурной сфере. Такое доминирование развлекательных программ и материалов в деятельности массмедиа объясняется

их коммерческой направленностью и установкой на удовлетворение рекреационных потребностей аудитории. Весьма сложным было отнести материалы изучаемых периодических изданий к числу информационно-новостного или рекреационного разделов. Однако в силу явного тяготения «Аргументов и фактов» к сенсационности и скандальности транслируемого материала мы считаем большую долю статей этой газеты развлекательными публикациями.

Данные таблицы также указывают на довольно низкую представленность такого вида социально-культурной деятельности средств массовой информации, как образовательно-просветительская деятельность. Относительно выгодные позиции в данном аспекте демонстрирует газета «Аргументы и факты», в которой сравнительно часто находят отражение материалы, поднимающие вопросы исторического и культурного наследия, размышления ученых и экспертов в различных областях естественно-научного и общественно-научного знания.

Наиболее значимым видом социально-культурной деятельности для нашего предмета исследования является реабилитационная деятельность массмедиа. Она реализуется через программы и материалы, оказывающие информационную и статусную поддержку различным социальным категориям, в том числе инвалидам. Наиболее представлен данный вид социально-культурной деятельности в работе газеты «Аргументы и факты» и Первого телеканала.

Согласно данным социологических опросов, наибольшим интересом пользуются средства массовой информации, учитывающие специфику национальной ментальности, социально-психологические особенности аудитории; удовлетворяющие потребность людей в формировании представления о стратегии своей жизни; осуществляющие помощь в самовыражении, самоутверждении и саморазвитии личности; способствующие раскрытию способностей и приобретению людьми полезных для жизни умений и навыков; стимулирующих творческую инициативу; формирующих ценностные ориентации, свободные от негативных стереотипов в самоидентификации отдельных социальных групп (инвалидов, мигрантов и т. д.); содействующих в просвещении и наделении широкими знаниями в различных областях науки и искусства, в том числе, практически полезными сведениями; оказывающих помощь в социальной интеграции, осознании себя частью социальной группы, общества.

По сути реализация средствами массовой информации социально-культурной деятельности напрямую коррелирует с удовлетворением ими основных медиадосуговых потребностей.

Подводя итоги исследования, отметим, что сегодня несомненным является существование определенного воздействия социально-культурной деятельности средств массовой информации на социальное самочувствие населения в целом и людей с ограниченными возможностями, в частности. В связи с ограничениями в передвижении инвалиды в еще большей степени, чем остальные, подвержены влиянию массмедиа. Это воздействие может быть как позитивным, так и негативным в зависимости от содержания материалов средств массовой информации. Позитивные эффекты в отношении социального самочувствия людей с ограниченными возможностями здоровья имеют место в тех случаях, когда массмедийные сообщения:

- удовлетворяют информационные потребности инвалидов;
- оказывают людям с ограничениями здоровья статусную поддержку, транслируя информацию о им подобных;
- содержат материалы, в которых инвалиды выступают от первого лица;
- учитывают необходимость рассказывать о людях с ограниченными возможностями здоровья с позиций выполняемых ими социальных ролей, личностных и творческих достижений.

*Е. Н. Дронова, М. В. Плеханова,
Т. В. Санарова (Барнаул)*

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ И ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ ПРИ ОКАЗАНИИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ И ЮРИДИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ ЛИЦАМ ПОЖИЛОГО ВОЗРАСТА

(на примере Ленинского района Барнаула)

Сегодня в Ленинском районе Барнаула проживает более 44 тысяч граждан пожилого возраста. На учете в Территориальном центре социальной помощи семье и детям Ленинского района Барнаула (далее Центр) состоят различные категории из этой социальной группы: пенсионеры по возрасту, ветераны и участники Великой Отечественной войны, инвалиды.

Одной из определяющих задач в работе Центра является обеспечение социального благополучия граждан пожилого возраста, содействие им в получении социальных услуг по месту жительства. Реше-

ние поставленной задачи основывается на Федеральном законе № 122 «О социальном обслуживании граждан пожилого возраста и инвалидов», Федеральном законе № 5 «О ветеранах», Постановлении Правительства РФ № 1151 «О федеральном перечне гарантированных государством социальных услуг, предоставляемых гражданам пожилого возраста и инвалидам», постановлении администрации Алтайского края № 99 «Об утверждении краевой целевой программы „О мерах по улучшению качества жизни граждан пожилого возраста в Алтайском крае“ на 2011–2013 гг.».

Для определения потребностей граждан пожилого возраста, находящихся на социальном обслуживании в Центре, в психологической и юридической помощи ежегодно проводится мониторинг запросов данной целевой группы.

Анализ данных, полученных в процессе мониторинговых исследований, показывает, что пожилым необходима психологическая поддержка в адаптации к социальной роли «пенсионер», в налаживании социально-психологического климата в межпоколенных семьях, в разрешении конфликтных ситуаций, возникающих в процессе лечения, обусловленных возрастными особенностями клиентов. Юридическая помощь актуальна по вопросам получения мер социальной поддержки, наследования, а также при оформлении документов, обращений. Как показывает опыт работы, психологическая и юридическая помощь результативна, если оказывается в социальном партнерстве с государственными и общественными организациями.

Субъектами первичной психологической помощи являются общественные организации — социальные партнеры Центра: Алтайская краевая общественная организация Всероссийского общества инвалидов, общество инвалидов по зрению Ленинского района, Алтайская краевая общественная организация инвалидов «Преодоление», общественная организация инвалидов Ленинского района «Возрождение», общественная организация «Вместе против рака», общественная организация «Ал-Анон» и клуб «Перспектива». Они оказывают помощь по принципу «равный равному», направляют в Центр пожилых лиц для получения психологических услуг в комнате психологической разгрузки, сенсорной комнате в режиме индивидуальной и групповой психологической работы. В свою очередь психологи Центра активно сотрудничают со специалистами данных организаций, психологическое сопровождение клиента осуществляют совместно. Кроме того, субъектами психологической помощи выступают подростки — члены существующего в Центре (более 5 лет) добровольческого движения «Дорогами добра». Общение с детьми и подростками способствует выравнива-

нию у лиц пожилого возраста психоэмоционального состояния, а также профилактике одиночества. В секторе государственных учреждений Центр сотрудничает с Алтайской краевой клинической психиатрической больницей им. Ю. К. Эрдмана. Здесь в течение ряда лет нуждающимся гражданам пожилого возраста оказывается медико-психологическая помощь на базе психотерапевтического центра, а также по телефону доверия. Ежегодно только в центре оказывается порядка 10 тысяч психологических услуг лицам пожилого возраста.

Правовая помощь пожилым лицам более востребована. Необходимость населения в получении правовой помощи за последнее время возросла. Так, по сравнению с 2010 г. в 2011 г. количество обратившихся возросло на 131 чел. Волнующие население вопросы разнообразны. В спектр входят вопросы гражданского, гражданско-процессуального, административного, трудового, налогового, семейного, уголовного права. Часто задаваемые вопросы касаются наследования, опеки, защиты прав потребителей, трудовых споров, кредитных операций, оплаты коммунальных услуг, получения социальных услуг, бесплатной правовой помощи в других организациях. В летний сезон большое количество граждан волнуют «дачные вопросы». Формы оказания правовой помощи в Центре адаптированы к возможностям ее получения целевой группой. Проводятся устные юридические консультации, консультации на дому, телефонное консультирование, социально-правовой патронаж семей. Для оказания правовой помощи, как и психологической, привлекается общественно-государственный ресурс. Юрист Центра содействует гражданам в получении бесплатной правовой помощи в других организациях, таких как общественные приемные депутатов, общественное объединение юристов Алтайского края, Алтайский краевой центр защиты прав потребителей, Общественная приемная при Управлении Министерства юстиции РФ по Алтайскому краю, Общественная приемная председателя Правительства РФ В. В. Путина, Адвокатская палата Алтайского края, Государственная инспекция труда по Алтайскому краю, Краевой центр психолого-педагогического сопровождения «Семья+». С 2007 г. Центр находится под юридической защитой Алтайской краевой общественной организации «Русский сокол».

Обратная связь с клиентами, в частности, представленная в журнале отзывов, показывает, что в целом граждане пожилого возраста удовлетворены психологической и юридической помощью и поддержкой, выражают благодарность специалистам «за своевременность и оперативность разрешения кризисных ситуаций», «за индивидуальный подход», «внимательное и доброжелательное отношение».

Осознавая значимость психологической и юридической помощи гражданам пожилого возраста, в Центре активно осуществляют поиск резервов и ресурсов сотрудничества. Перспективы взаимодействия с государственными и общественными организациями связаны с усилением адресности социальных услуг через комплексное изучение причин проблемных ситуаций граждан пожилого возраста, с развитием волонтерского движения через привлечение к благотворительным акциям подрастающее поколение и трудоспособное население, с повышением профессиональных компетенций специалистов как в сфере психологической и юридической поддержки граждан пожилого возраста, так и в реализации профессионального межсекторального взаимодействия.

Л. В. Родионова (Барнаул)

БЕЗРАБОТИЦА КАК ФАКТОР СЕЛЬСКОЙ БЕДНОСТИ И НЕУСТОЙЧИВОСТИ СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ

Безработица выступает одним из рисков, способствующих росту бедности и препятствующих устойчивому развитию сельских территорий. Под устойчивым развитием сельских территорий мы понимаем такое их развитие, которое дает возможность поддерживать количественные и качественные характеристики сельского сообщества и условий его жизнедеятельности на уровне, позволяющем решать ключевые проблемы внутреннего развития этих территорий и обеспечивать наиболее полное выполнение ими основных функций в условиях изменяющейся внешней среды (Троцкий А. Я. Устойчивое развитие сельских территорий в контексте социальных проблем развития Алтайского края // Известия Алтайского государственного университета. 2010. № 2/1).

Наиболее тяжелым социальным последствием безработицы является бедность. Сельская бедность отличается массовым характером и особой глубиной. В отдельных поселениях, по оценкам экспертов, ее уровень превышает 80%. А бедное население не в состоянии решать базовые задачи развития аграрной экономики и социальной сферы села, а также в полной мере выполнять внешние функции, возлагаемые на сельское сообщество.

В силу сказанного обеспечение достойной занятости сельских бедных является, с одной стороны, ключевым механизмом преодоления нищеты, а, с другой, — необходимым условием перехода аг-

рарных территорий на устойчивый путь развития. Для осуществления эффективной и дифференцированной политики занятости сельских бедных важно изучить положение и поведение их различных групп на рынке труда.

По данным социологического опроса, проведенного в 2011 г., уровень безработицы среди сельских бедных составил почти 25% (это в 2,5 раза выше по сравнению со среднероссийским показателем на сельском рынке труда), а темп его роста за последние 10 лет превысил 200%. При этом рост безработицы только на четыре пятых компенсировал абсолютное сокращение занятости, значительная часть бывших занятых выбыла с рынка труда, пополнив «армию» экономически неактивного населения.

Примерно 90% бедных безработных ранее имели оплачиваемую работу. Подавляющее их большинство было занято на частных предприятиях в сельском хозяйстве, строительстве и торговле. Почти половина безработных были уволены с последнего места работы по экономическим причинам, т. е. в связи с сокращением штата, ликвидацией предприятия, закрытием собственного дела или завершением работы по срочному трудовому договору. При этом значительная часть респондентов (52%) лишились работы по причине закрытия предприятия, примерно четверть считали, что их увольнение обусловлено небольшим трудовым стажем и низкой квалификацией, а каждая седьмая была уверена в том, что ее уволили по гендерному признаку, потому что она женщина и имеет детей. В то же время около 28% опрошенных уволились с работы по собственному желанию, их не устраивали низкий уровень зарплаты и задержки по ее выплате, вредные условия и высокая интенсивность труда, частые простои и ненормированный рабочий день, часть опрошенных покинули работу по семейным обстоятельствам.

Сельским бедным свойствен ряд черт, ограничивающих их активность в сфере занятости. Это пессимизм, неверие в справедливость, низкая самооценка, ориентация на выживание, а не на преодоление бедности.

Стратегии поведения бедных безработных на рынке труда весьма разнообразны: одни из них искали любую подходящую работу, другие — работу по специальности, третьи — в поисках работы уезжали в другие села и города, и лишь незначительная их часть пыталась открыть собственное дело. Наиболее массовой была первая стратегия, ее осуществляли примерно 40% опрошенных, а наименее — последняя (1%). Две другие стратегии поведения были распространены в равной мере и характерны для 24% безработных.

Эффективному поиску работы, по мнению респондентов, мешали прежде всего дефицит на селе рабочих мест по специальности, с нормальным уровнем оплаты труда и регулярной ее выплатой, отсутствие профессионального опыта и недостаточный уровень образования и квалификации самих безработных, неблагоприятная экономическая обстановка в стране и регионе, а также трудности в организации собственного дела, состояние здоровья и возраст опрошенных. Во время поиска работы безработные чаще всего обращались в государственную службу занятости, непосредственно на предприятия, к родным и близким. Ответы на вопрос о перечисленных выше каналах поиска нового рабочего места распределились примерно поровну. Вместе с тем значимая часть безработных респондентов (примерно треть) вели себя пассивно и работу не искали.

Для большинства опрошенных характерна долговременная безработица, более 70% из них не имели работы более одного года. Заметим, что в 2011 г. в ситуации хронической безработицы находилось лишь 35% «мотовских» сельских безработных и 14,0% официально зарегистрированных безработных в сельской местности.

Долговременная безработица является острой социальной проблемой современного рынка труда. Она ведет к декапитализации рабочей силы и ускоренному обесцениванию человеческого капитала, росту бедности и усилению экономического неравенства, ослаблению мотивации к поиску работы. Кроме того, хроническая безработица не выполняет функций антиинфляционного сдерживания и согласования спроса и предложения на рынке труда. Многочисленные исследования показывают, что вероятность выхода из безработицы снижается по мере роста ее продолжительности. Масштабы экономических лишений, испытываемых хроническими безработными, во многом зависят от размера пособия по безработице и условий его назначения. При регламентации последних важно найти компромисс между необходимостью сохранения у неработающих лиц стимулов к поиску работы и стремлением помочь им в решении насущных материальных проблем.

В центрах занятости были зарегистрированы порядка 40% бедных безработных. В качестве господдержки они получали пособие по безработице, часть из них прошли профессиональное обучение и получили разовую материальную помощь. Около 60% безработных респондентов не состояли на учете в государственной службе занятости. Более половины опрошенных из последней категории не желали получать статус безработного, 17% не регистрировались из-за мизерного размера пособия, по 11% — из-за удаленности центров за-

нятости (их транспортной недоступности) и отсутствия основания для получения статуса безработного, от 2 до 6% — по причине плохого здоровья, трудностей с оформлением документов, отсутствия российского гражданства.

В распределении безработных по полу преобладали мужчины, их доля составляла 55% от всех безработных респондентов. В возрастной структуре этой категории бедных наиболее многочисленными являлись группы населения от 30 до 45 лет и от 46 до 59 лет включительно, т. е. в среднем и старшем трудоспособном возрасте, а наименее — от 18 до 24 лет и от 25 до 29 лет, т. е. молодежь. В составе безработных по семейному положению 57% приходилось на лиц, состоящих в браке, и, соответственно, 43% — на одиноких. Самую массовую образовательную группу среди безработных представляли лица со средним (полным) общим и начальным профессиональным образованием, а самую малочисленную — лица с высшим профессиональным образованием. В распределении безработных по степени бедности преобладали обездоленные (те, кому денег не хватало даже на питание) и бедные (те, кому средств на скромное питание и оплату коммунальных услуг хватало, а на приобретение недорогой одежды и обуви — нет).

Бедные сельские безработные практически мало отличаются по возрасту и семейному положению от сельского населения России в целом, но имеют выраженную специфику распределения по полу, образованию, материальному положению — среди них больше мужчин, лиц с начальным образованием и обездоленных.

Безработица негативно сказывается на психическом и физическом здоровье сельских бедных. По данным социологического опроса, от 40 до 75% различных категорий безработных испытывали чувства разочарования, одиночества, обиды, ненужности, беспокойства, неуверенности, отчаяния. У них появляются бессонница, депрессия, раздражительность, снижение жизненного тонуса, нервное перенапряжение. В этих условиях, наряду с поддержкой доходов безработных, необходимо более активно осуществлять меры, направленные на улучшение их физического и психического самочувствия, устранение социальной изоляции.

Таким образом, безработные сельские бедные представляют собой особую социальную группу и требуют адекватного к себе отношения со стороны государственных и местных органов власти, общественных организаций, предпринимателей. Их трудоустройство на достойные рабочие места — наиболее эффективный путь преодоления бедности и важнейшая предпосылка перехода сельских территорий к устойчивому развитию.

Н. А. Стерляева (Барнаул)

ОСОБЕННОСТИ АГРЕССИИ КАК ФОРМЫ ПРОТЕСТНОГО ПОВЕДЕНИЯ ПОДРОСТКОВ

Подростковый возраст — один из наиболее сложных периодов развития человека. Несмотря на относительную кратковременность, он во многом определяет всю дальнейшую жизнь индивидуума. Именно в подростковом возрасте в основном происходит формирование характера и других основ личности. Для этого периода характерны как содержательно-негативные характеристики — трудновоспитуемость, конфликтность, эмоциональная неустойчивость, так и позитивные, например, приобретение чувства индивидуальности [1]. Подростковый возраст как переходный считается кризисным, поскольку характеризуется притязаниями на взрослость и самостоятельность, тогда как при физическом созревании зрелость личности еще не формируется. Подросток уже не хочет принадлежать к детской культуре, но еще не может войти в сообщество взрослых, встречая сопротивление со стороны реальной действительности, что вызывает неопределенность ориентиров, планов и целей [1].

Проблемы возрастного кризиса усугубляются социальной и экономической нестабильностью в стране. Подростки потеряли ориентацию в ценностях, не доверяют старшему поколению, не обеспечивают им те материальные стандарты, которые они воспринимают из Интернета, с экранов телевизоров, страниц журналов.

Особое место среди социальных факторов протестного поведения подростков занимает проблема воспитания в семье, которая зачастую не выполняет таких важнейших функций, как формирование у детей чувства защищенности, психологического комфорта. Кроме того, достаточно распространены случаи грубого, жестокого обращения с детьми, особенно в неблагополучных семьях. Все это при неразвитости нравственных представлений приводит к агрессивным формам самоутверждения подростков, ориентации их на группы асоциальной направленности, где применение силы, жестокость воспринимаются как доказательство «мужественности».

Анализ агрессивного поведения требует учета факторов, провоцирующих появление агрессивных действий, и условий, при которых они закрепляются.

Агрессивное поведение в подростковом возрасте — это проблема социальная и психологическая, так как, с одной стороны, агрес-

сия может привести к асоциальному поведению и правонарушениям, а с другой стороны, в каждом конкретном случае требуются адекватные меры воспитательного и психокоррекционного воздействия с учетом причин возникновения агрессии.

В подростковом возрасте наряду с адаптацией осуществляется активная индивидуализация и интеграция подростка в группу сверстников. Индивидуализация подростка может проявляться в форме самоутверждения, которое имеет положительное влияние на процесс и результаты общественной и учебной деятельности, если его мотивом является стремление к лидерству и престижности [2, с. 95–98]. В то же время самоутверждение может проявляться в отклоняющихся формах поведения, таких как употребление наркотических веществ, алкоголя, различного рода правонарушения. Несовершеннолетние правонарушители характеризуются искаженной, сильно и преждевременно развитой потребностью в свободе и самостоятельности.

Таким образом, стремление к новизне, оригинальности поведения, лидерству и престижности, желание бороться являются типичными чертами подростка. Следует заметить, что стремление подростка к необычным ситуациям, приключениям, завоеванию признания, испытанию границ дозволенного, рассматриваемое взрослыми как протестное поведение, с точки зрения самого подростка может считаться «нормальным», отражая его поисковую активность и стремление к расширению границ индивидуального опыта.

Подростковый возраст считается периодом противоречий, притязаний на взрослость и признание, углубления самоанализа, развития самосознания, это возраст социализации и индивидуализации, т. е. открытия и утверждения своего уникального и неповторимого «Я» [3, с. 18–19].

Подростковый протест, искаженные формы самоутверждения, негативизм могут возникнуть в том случае, если взрослые относятся к подростку как к ребенку. Данный возраст является периодом, когда появляется потребность в самовоспитании. Это возраст становления самостоятельности, формирования чувства собственного достоинства, выражающего потребность в самоопределении и самоутверждении подростка в мире взрослых. Для подростка очень важны складывающиеся в этот период отношения со сверстниками. Многие действия подростка в ситуации общения можно оценить как поисковые, направленные на удовлетворение потребности в получении новой информации, новых переживаний, расширении своего опы-

та. Зачастую подросток чувствует себя одиноким, чужим и непонятым в окружающей его жизни взрослых и сверстников, стремится найти уважение и признание своей независимости в уличной компании, которая часто представляет собой микросреду, отрицательно влияющую на него. В этом случае формируются социально-отрицательные интересы, стремление к взрослым формам поведения: ранний сексуальный опыт, групповое употребление наркотиков, алкоголизация. Членство в подобных подростковых группах становится залогом девиантного поведения подростка. Принадлежность к девиантной группе дает подростку новые способы самоутверждения, позволяет максимизировать свое Я» за счет социально-отрицательных черт и действий [4, с. 3–18].

На отклонения в поведении подростка могут оказать влияние особенности взаимоотношений с одноклассниками и конфликтные отношения с учителями, а также ярлык девианта в школе. Невозможность интегрироваться в классе, неудовлетворенная потребность самоутвердиться в школе ведут к тому, что подросток начинает активный поиск других сообществ, где он мог бы компенсировать личностные неудачи.

Следует отметить огромное влияние на формирование протестного поведения детей и подростков и семейных отношений. Безнадзорность, попустительство со стороны родителей, ослабление социального контроля являются внешними условиями, допускающими возможность бесконтрольного поведения, которое переходит во внутреннюю неспособность личности к самоограничению. Возникает отчуждение между подростком и родителями, которое выражается в ссорах, дефиците общения, отдалении подростка от семьи. Протестные формы поведения возникают у подростков в ответ на обиду, ущемленное самолюбие, недовольство требованиями или отношениями с близкими. Причиной протеста могут быть конфликты между родителями или их равнодушное отношение к подростку, несправедливое или болезненное для его самолюбия наказание, запрещение чего-либо, что значимо для подростка.

Таким образом, рост агрессивных тенденций в подростковой среде отражает одну из острейших социальных проблем современного общества, где растет молодежная преступность, особенность преступность подростков. Социальное, экономическое развитие общества во многом определяют особенности взросления и поведения подростка. Агрессия является одной из форм проявления протестного поведения и требует к себе пристального внимания.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Кондрашенко В. Т. Девиантное поведение у подростков. Минск, 1998.
2. Дроздов А. Ю. Агрессивное поведение в контексте социальной ситуации // Социологические исследования. 2003. № 4.
3. Журавлев В. С. Почему агрессивны подростки // Социологические исследования. 2001. № 2.
4. Реан А. А. Агрессия и агрессивность личности // Психологический журнал. 1996. № 5.

А. М. Сергиенко, Н. П. Гончарова (Барнаул)

БЕДНОСТЬ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ КАК ИНДИКАТОР СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ УГРОЗ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗМЕРЕНИЯ

В современных условиях динамичных изменений в социальном пространстве на глобальном, региональном и локальном уровнях происходит резкое увеличение социально-экономических угроз его развития, возникновение мультипликативного эффекта их воздействия.

Под социально-экономическими угрозами нами понимаются явления и процессы, возникновение и развитие которых приводит к качественно негативным изменениям социально-экономической структуры, социально-экономического положения людей, социально-экономических институтов и потенциала общества [1]. Отсутствие социально-экономических угроз, оцененных на основе системы объективных показателей с учетом субъективной оценки их восприятия, является сущностной характеристикой социально-экономической безопасности, т. е. безопасности в социально-экономической сфере общества, другими словами, в сфере социальных отношений по поводу производства, распределения, обмена и потребления. Индикаторами оценки социально-экономических угроз являются, в частности:

- индикаторы угроз в сфере распределения и потребления, в сферах доходов и расходов, собственности и материального положения (бедность, социальное расслоение, динамика и структура доходов и расходов, потребления; нарушения прав собственности, потребителей и др.);

- индикаторы угроз в сфере занятости и социально-трудовой сфере (безработица, нарушение социально-трудовых прав и др.);
- индикаторы угроз в сфере предпринимательства, производства благ и услуг (нарушение прав субъектов предпринимательства, угрозы продовольственной безопасности и др.) и т. д.

Масштабы и характер социально-экономических угроз можно измерить с помощью индикаторов: 1) состояния и динамики социально-экономического благополучия населения, в том числе оценки удовлетворенности населения своим социально-экономическим положением; 2) оценки политики преодоления социально-экономических угроз, созданных органами власти, бизнес-структурами и третьим сектором условий социально-экономической безопасности, отношения населения к таким условиям, действиям органов управления по преодолению угроз; 3) оценки конструктивных форм социально-экономической активности населения, отдельных социальных групп, способствующих преодолению социально-экономических угроз [1].

Основными методиками выявления социально-экономических угроз являются, во-первых, методики социологической оценки. Например, для этого может быть использован рейтинг важнейших социально-экономических проблем населения и экспертов. Во-вторых, таковыми являются методики статистической оценки. Сюда можно отнести нормативный и оптимизационный подход, где угрозы определяются по значимым отклонениям от социальных нормативов и целевых показателей устойчивого развития, которые приняты на глобальном, национальном и региональном уровнях и отражены в стратегиях, долгосрочных и среднесрочных программах социально-экономического развития страны, региона, муниципалитета. Например, к таким отклонениям относится превышение пороговых значений по бедности, безработице, социально-экономическому расслоению, а также деформация структурных пропорций общества, выраженная в низкой доле среднего класса. К методикам статистической оценки также можно отнести сравнительно-сопоставительный анализ, обращающий внимание на существенные отклонения от средних значений ключевых социально-экономических показателей (доходов, занятости, уровня жизни населения) территориальных сообществ (территории — соседи, центр — периферия).

В России период реформ привел к трансформациям социально-экономических институтов и структуры общества, это проявилось в изменении социально-экономического положения людей и уровня их социального благополучия. Указанные трансформации привели к структурным и институциональным деформациям, отклонениям

от социальных нормативов, настолько сильным, что это стало представлять угрозу существованию российского общества, определило повестку дня национальных социально-экономических вызовов. Эти вызовы проявляются неравномерно: есть территориальные сообщества, которые привлекают наибольшее внимание, где проблемы социально-экономических угроз выходят на первый план.

В настоящее время в России территориальными очагами социально-экономических угроз являются сельские сообщества. На основе концепции устойчивого развития общества и социально-воспроизводственного подхода можно выделить критерии оценки социально-экономических угроз развития сельских социумов. Основными из них являются, на наш взгляд, следующие: 1) снижение реальных доходов и располагаемых ресурсов, в том числе вследствие роста цен на потребительском рынке, существенное отставание по среднедушевым доходам от города; 2) рост бедности, превышение нормативного уровня масштабов бедности (10%), наличие голодающих; 3) рост и масштабы социальных различий (децильного коэффициента — выше 10 раз); 4) низкая доля и сокращение среднего класса (существенно меньше 50%); 5) несправедливо оцениваемый уровень оплаты труда, масштабные задержки по выплате заработной платы; 6) сокращение и деформация структуры потребительских расходов домашних хозяйств (повышение доли расходов на питание выше 15–20% при снижении качества потребления); 7) рост и высокий уровень безработицы: общей (более 10%) и регистрируемой (более 2%); 8) значительное сокращение численности трудоспособного населения; 9) негативная оценка последних изменений и ближайших перспектив роста доходов и материального положения; 10) снижение социального настроения, уверенности населения в своем будущем и будущем своих детей, приводящие к росту миграционных настроений (потенциала миграции); 11) повышение качества и уровня экономической доступности социальных услуг; 12) рост масштабов девиаций, связанных с социально-экономическим положением (алкоголизации и наркотизации, преступности) [2].

В частности, как отмечено, одним из проявлений социально-экономических угроз является чрезмерное социально-экономическое неравенство, поляризация, выраженные, как правило, в богатстве крайне ограниченного круга людей и значительных масштабах бедности. В этом отношении оценка бедности сельского населения, его масштабов, глубины, динамики, основных форм проявления является одним из важнейших индикаторов угроз воспроизводства и развития села. В условиях отсутствия статистической информации такого

рода оценку сельской бедности можно получить, привлекая данные социологических исследований, результаты опросов сельского населения, его бедных групп, а также экспертного сообщества, к которому относятся как представители государственных (федеральных, региональных) и муниципальных органов управления, занимающихся проблемами социального развития села, так и сельского бизнеса и общественных организаций.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Сергиенко А. М. Социальная безопасность населения: динамика угроз в Алтайском крае и других регионах Сибири // Социально-экономическое развитие региона: методика и результаты исследования: монография/под ред. А. Я. Троцкого. Барнаул, 2008.
2. Троцкий А. Я., Родионова Л. В., Сергиенко А. М. Устойчивое развитие сельских территорий в контексте социальных проблем развития Алтайского края // Известия Алтайского государственного университета. 2010. № 2/1.

Н. В. Варакина (Барнаул)

СОЦИАЛЬНЫЙ МАРКЕТИНГ КАК ИНСТРУМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ ЗДОРОВОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ

Здоровье населения является основным показателем социального благополучия общества, а здоровый образ жизни считается залогом процветания нации. В связи с этим право на охрану здоровья записано в Конституции Российской Федерации, а борьба за его формирование идет во всем мире.

Здоровый образ жизни направлен не только на охрану и укрепление здоровья, но и на гармоничное развитие личности, оптимальное сочетание физических и духовных интересов, возможностей человека, рачительное использование его резервов. Пропаганда здорового образа жизни как стиля поведения современного, преуспевающего гражданина представляет собой основополагающую идею развития гражданского общества страны и должна осуществляться современными средствами и технологиями. При этом особое место занимает социальный маркетинг — важнейший инструмент формирования здорового образа жизни. Бесспорна его роль в формировании

нового мировоззрения, нового мышления, нового стиля поведения, что крайне важно в утверждении здорового образа жизни в обществе.

Здравоохранение изначально представляло собой одну из сфер деятельности, наиболее жестко регулируемых государством. Это связано с тем, что услуги и программы, реализуемые в системе здравоохранения, напрямую связаны со здоровьем и жизнью человека. Жесткое государственное регулирование деятельности учреждений здравоохранения, включая вопросы управления и ценообразования, попытки, предпринимавшиеся в том числе в развитых странах, полностью финансировать здравоохранение посредством государственного бюджета обусловили более позднее и неполное внедрение современных методов и способов управления, в том числе маркетинга.

К XXI в. произошли значительные изменения в мировоззрении людей, в их отношении к своему здоровью, а также к организации здравоохранения в целом. Анализ отечественных и зарубежных научных исследований в области развития здравоохранения и отношения людей к здоровью, здоровому образу жизни позволяет выделить несколько основных этапов:

1. До 1960-х гг. пациенты полностью полагались на советы и рецепты врача, обращаясь к нему по любому поводу, в том числе по легким заболеваниям или в случае незначительных травм. Такой подход был обусловлен стремлением избежать сложного и дорогостоящего лечения в будущем в случае развития какого-либо более тяжелого заболевания. Возможность улучшения состояния здоровья рассматривалась только при условии достижения новых успехов в медицине и фармацевтике. Информация о способах лечения, лекарствах, процедурах и подобном была ограничена, ею располагали только врачи.

2. В 1970-е гг., с развитием медицинской науки и фармакологии, появлением новых лекарств, внимание людей сфокусировалось на стремлении избежать ухудшения здоровья в повседневной жизни. Данному обстоятельству способствовала «мода» на здоровый образ жизни, возникшая в результате программ правительств развитых государств, направленных на оздоровление населения.

В результате человек стал сам пытаться влиять на состояние своего здоровья. Началось активное распространение практики здорового питания, лечебной физкультуры, появилась тенденция избегать того, что могло причинить вред здоровью: курения, употребления алкоголя, сахара, жира и т. д.

3. К 1980-м гг. появилась склонность людей влиять на улучшение своего здоровья. Повзрослел спрос на экологически чистые продукты, активные добавки к питанию, в частности витамины и мине-

ралы. Упоминание экологической чистоты и наличия биологически активных компонентов стало одним из главных факторов конкуренции на товарном рынке, в том числе и на рынке продуктов питания.

4. К концу XX в. потребители научились активно воздействовать на свое здоровье, используя компьютерные программы для самолечения и самодиагностики, широкую информационную базу по медицинским услугам и лекарственным средствам.

Таким образом, актуальным на сегодняшний день является поиск эффективных инструментов и каналов коммуникации для формирования социальных установок населения по поддержанию здорового образа жизни, ведь важнейшей потребностью человека и общества в целом является укрепление и надежное сохранение здоровья, хорошего самочувствия и настроения, высокой работоспособности.

Еще в глубокой древности здоровье являлось одной из главных ценностей. Гиппократ говорил: какова деятельность человека, его привычки, условия жизни, таково и его здоровье. Античный ученый так сформулировал основные правила здорового образа жизни: умеренность в еде и половой жизни, ежедневные физические упражнения, ежедневные умственные нагрузки, воздержание от употребления алкоголя и наркотикизирующих веществ, веселые ежедневные танцы [1].

Устав Всемирной организации здравоохранения определяет, что здоровье — это такое состояние человека, которому свойственно не только отсутствие болезней или физической дефектов, но и полное физическое, душевное и социальное благополучие [2].

Н. Н. Мохнач [3] выделяет ряд факторов, влияющих на здоровье и формирование здорового образа жизни:

1. *Факторы нездорового образа жизни.* Укрепление физического здоровья можно осуществлять с двух сторон: через сокращение его потерь (устранение причин чрезмерного расходования здоровья) и путем накопления резервов (активизация механизмов адаптации). Ведущими причинами чрезмерного расходования здоровья являются факторы нездорового образа жизни (материальное неблагополучие; плохие жилищные условия; слабая социальная поддержка; вредные привычки: курение, пьянство, гиподинамия и т.д.);
2. *Экологический фактор.* Здоровье человека следует рассматривать как комплексный результат его сложного взаимодействия с природой и обществом. В свете этого можно рассматривать общественное здоровье как процесс, обеспечивающий прогрессивное изменение, эволюцию человека в новых экологических условиях.

3. *Социальный фактор*. Уровень материального благополучия, несомненно, оказывает значительное влияние на образ жизни. Простой здравый смысл и результаты исследований свидетельствуют о том, что сохранение и укрепление здоровья возможно только при условии удовлетворения базовых жизненных потребностей. Однако по достижении определенного материального благополучия на здоровье населения в целом и каждого конкретного человека начинают влиять не столько сами материальные возможности, сколько характер их использования в интересах здоровья. Последнее в значительной степени зависит от уровня образования.
4. *Педагогический фактор*. Проблемы здоровья и здорового образа жизни изучают многие научные дисциплины. В первую очередь это валеология (от латинского «здравствовать», «быть здоровым») — наука о здоровье. Впервые термин был предложен профессором И. И. Брехманом в 1980 г., а сегодня этот термин именует целую фундаментальную науку [4]. Но структуры, ответственные за здоровье человека, не должны ограничиваться «чистой» медициной, или физической культурой, или одним только преподаванием валеологии. Ведь социальное благополучие также принято рассматривать в аспекте приспособления к условиям общественной жизни [3].
5. *Медицинский фактор*. От уровня медицинского обслуживания зависит уровень здоровья каждого человека и общества в целом. В массовом сознании медицина ассоциируется с понятием «лечение». Сегодня нашему обществу предстоит переход от санологического мышления (лечение, профилактика, реабилитация, гигиена) к валеологическому (целевая функция человека и общества, соответствие занимаемой общественной ниши природному потенциалу индивидуума, исторических традиций и этносов, производственно-трудовой и социальной деятельности).

Социальный маркетинг является сейчас одним из самых эффективных инструментов, трансляторов основных норм, ценностей, стилей жизни, т. е. выполняет социальную функцию. Разрабатывая комплекс социального маркетинга, необходимо понимать, что основным его коммуникативным инструментом служит социальная реклама, поэтому необходимо использовать ее ресурсы и возможности в качестве средства по пропаганде «правильных» ценностей, в том числе здорового образа жизни.

В качестве основных целей продвижения здорового образа жизни можно выделить следующие: 1) установление двустороннего обще-

ния для выявления общности представлений и интересов; 2) достижение понимания информации о здоровом образе жизни, представленной в рекламе, общественностью; 3) формирование доверительного отношения населения к информации о здоровом образе жизни; 4) популяризация здорового образа жизни, принятие его не только на сознательном, но и поведенческом уровнях; 5) опровержение искаженной и (или) неблагоприятной информации; 6) обеспечение поддержки со стороны различных целевых аудиторий.

Социальный маркетинг и рекламу можно эффективно применять в целях формирования здорового образа жизни по следующим направлениям:

1. Использование рекреационных ресурсов и формирование здорового образа жизни сегодня уже просто невозможно представить без средств продвижения, ведь именно они несут в себе необходимый объем информации в сжатой, образной, художественной форме, информацию, эмоционально окрашенную и доводящую до внимания потенциальных потребителей наиболее важные сведения о здоровом образе жизни: спорте, правильном питании и натуральных, полезных продуктах, негативных последствиях вредных привычек и т. д.
2. Реклама играет важнейшую роль в реализации маркетинговой стратегии здорового образа жизни. Она оказывает социально-культурное и психологическое воздействие на общество. Цивилизованная реклама — это не манипулирование общественным сознанием, а формирование актуальных, направленных на саморазвитие потребностей человека.
3. Особое значение реклама приобретает в условиях развития информационного общества. Она становится уникальным инструментом маркетинга, устанавливающим, поддерживающим и развивающим коммуникации, предметом которой является здоровый образ жизни, между потребителями, посредниками, производителями услуг, контактными аудиториями, государственными организациями. Это позволяет контролировать продвижение и внедрение здорового образа жизни, создавать и закреплять у потребителей устойчивую систему ценностей и предпочтений к «здоровым» продуктам, вносить коррективы в бытовую деятельность.
4. Действенность рекламы в значительной степени зависит от правильного применения соответствующих форм и средств воздействия на потребителя. А это, в свою очередь, требует от специалистов в области здорового образа жизни и организа-

ций глубоких знаний, касающихся сущности современной рекламы, ее особенностей в индустрии здравоохранения, планирования рекламной деятельности, разработки рекламных обращений, выбора средств распространения рекламы, формирования бюджета и оценки эффективности рекламы.

5. Особую актуальность в настоящее время приобретает применение передового зарубежного и отечественного опыта в плане стратегического управления развитием направления по пропаганде здорового образа жизни, перестройки учебных программ, адаптированных к будущей работе студентов с электронными СМИ.

Трудно выделить ведущее среди всех направлений по формированию здорового образа жизни, необходимо использовать все возможности и средства по борьбе за здоровье нации. Как отмечалось ранее, одно из таких направлений — это популяризация здорового образа жизни через средства социального маркетинга. Для того чтобы социальный маркетинг стал действительно эффективным инструментом по продвижению здорового образа жизни, начал играть положительную роль в сохранении и развитии здоровья людей, необходимо принять ряд мер: организовать разработку эффективной рекламы здорового образа жизни, изучить влияние образов, идей и других составляющих социального маркетинга на формирование здорового образа жизни.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Черносвитов Е. В. Лекции по социальной медицине. М., 2001.
2. Стратегия ВОЗ «Здоровье для всех в 21 веке» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gov.sar.ru>
3. Мохнач Н. Н. Валеология: конспект лекций. Ростов н/Д., 2004.
4. Брехман И. И. Валеология — наука о здоровье. М., 1990.

С. А. Воронина (Барнаул)

ФОРМЫ И УРОВНИ ОТЧУЖДЕНИЯ В МОЛОДЕЖНОЙ КУЛЬТУРЕ

Развитие культуры в информационном обществе открывает новые перспективы для существования человека во всей своей неповторимости и значимости. Но с устремленностью к прогрессу усиливается напряженность в культуре, нарастает негативное отчуждение чело-

века. Описал эту зависимость Н. А. Бердяев: «Происходит страшное ускорение времени, быстрота, за которой человек не может угнаться, ни одно мгновение не самоценно, оно есть лишь средство для последующего мгновения» [1, с. 249].

Теоретическое осмысление проблемы отчуждения началось в связи с развертыванием процессов гуманизации общества. Все крупные мыслители в той или иной мере подходили к анализу отчуждения, и на сегодняшний день в понимании данной проблемы определился поворот от конкретно-исторического анализа этого явления к определению его глобального универсального, характера. Кроме того, изменилось понимание роли субъекта отчуждения: на смену социально-классовым субъектам отчуждения пришел человек, рассматриваемый не только как объект отчуждения, но и как его носитель.

По мнению Ю. А. Прокурова, отчуждение вырастает как результат накопления и интеграции всех негативных связей и отношений противоположных сторон социального противоречия в процессе их развития. Основанием отчуждения исследователь считает «накопившиеся и неснятые противоречия, в превращенной форме присутствующие в сознании» [2, с. 12]. Это значит, что отчуждение — социокультурный процесс, связанный с определенными мыслительными, психическими процессами деятельности субъекта.

Идея о различных типах отчуждения достаточно полно разработана современными исследователями. Так, например, Ф. И. Минюшев выделяет нейтральное и враждебное отчуждение [3, с. 58], кроме того, выделяются социальный, политический и духовный типы отчуждения, рассматриваемые как результат власти общества над человеком. На наш взгляд, отчуждение — это тип социального взаимодействия человека с культурой, который в ходе социокультурной эволюции трансформируется, выступая не просто проявлением автономии человека от культуры и общества, но и неспособностью человека соотноситься с ценностями и идеалами культуры. В этом взаимодействии можно выделить три аспекта: онтологический, функциональный и социальный. Так, онтологический аспект проявляется в необходимости творчества, функциональный аспект — в опредмечивании продуктов культурного творчества, наконец, социальный аспект выражается в замкнутости, отстраненности, во враждебности культуре. Для нас важен социально-онтологический аспект отчуждения от культуры, который является показателем способа и меры инкультурации индивида.

Несмотря на то, что зачастую отчуждение прямо связывается с чуждостью, с противопоставлением индивида всеобщему целому и вы-

ражается в отказе, презрении к ценностям, забвении бытия, нельзя не учитывать тот факт, что отчуждение — это и созерцательность, и духовное творчество, где человек, противопоставляя себя всеобщему, является в то же время и активным созидателем.

Главным принципом любой новой культуры всегда считается принцип разрушения. Но это разрушение, несмотря на его перманентный характер, носит, по выражению Й. Шумпетера, творческий характер, не случайно он назвал этот процесс «творческим разрушением» [4, с. 133]. И, как полагает У. Эко, подлинная культура — это всегда контркультура, т. е. активная критика и преобразование существующей социальной, научной и эстетической парадигмы, отсюда вытекают, на наш взгляд, новые формы и уровни проявления социокультурного отчуждения в современном обществе.

Формы проявления отчуждения можно свести к двум уровням — коллективному и индивидуальному, реализующихся на иррациональном и рациональном уровнях, т. е. отчуждение прослеживается в сфере всеобщего (на политико-институциональном уровне) и в сфере личностного (на духовном уровне). Иррациональная форма отчуждения в политико-институциональной сфере оказывает дестабилизирующее влияние на общественные институты (мораль, право, государство), так как посягает на всеобщее в целях его разрушения и простой замены субъектов властных отношений.

Отчуждение на духовном уровне (или рациональное отчуждение) является детищем информационного общества, сформировавшего новый культурный индивидуалистический архетип, который приводит к культурному или творческому разрушению. В этом мы видим новую форму отчуждения в культуре, которая проявляется в творческом разрушении установленных культурных стереотипов.

Социологи Центра передовой коммуникации во Франции, изучая социально-психологический портрет современного общества, выдвинули гипотезу о рождении социокультурной ситуации, в которой процесс социальной диверсификации сопровождается появлением большого количества некоординируемых микрокультур. Атомизация ценностей коллективных принципов ведет к ослаблению чувства принадлежности к сообществу, ослаблению его целей, ценностей, формирует феномен «культурной черной дыры», в которую «втягиваются» все проявления культуры — и особенно молодежной: от анархонигилистических, до гедонистически-развлекательных.

Говоря о рациональной форме отчуждения в молодежной культуре, необходимо отметить две ее ценностно-ориентационные модели [5, с. 77–78], мировоззренческими основаниями которых выступа-

ют массовая культура и «узурпированный» технократией рационализм [6, с. 127].

Первая (анархо-нигилистическая) выступает альтернативой «технократическому мышлению» типу мышления, экспансия которого связана с эпохой информационного прогресса, стимулировавшего развитие массовой культуры и сформировавшего мировоззрение технократического рационализма как доминирующую ценностную основу бытия. Именно на базе успехов в научно-технической жизни возникли так называемые мировые стандарты уровня жизни и соответствующие им структуры потребления (в том числе и духовного).

Вторая ценностная модель (гедонистически-развлекательная) характеризуется утверждением в качестве высшего принципа удовольствия, иррационализма, гедонизма как ведущих доминант человеческого поведения, морали, вседозволенности и сиюминутности как основного модуса человеческого бытия. Отождествление с подобной культурной моделью требует сознательного отказа от системы традиционных ценностей и замены их контрценностями — свободой самовыражения, отрицанием возможности социального контроля, спонтанным проявлением чувств, предпочтением невербальных способов консолидации. Личность, «проектируемая» молодежной культурой, действует в ситуации дефицита социального опыта, что препятствует формированию механизмов и способностей адекватной нравственно-духовной ориентации в человеческом мире. В итоге это приводит к отрицанию моральных авторитетов и делает ее враждебно настроенной по отношению к любому нравственному запрету, порождая тотальную аполитичность. «Политически значимым социогруппам досуг противопоставляет отчуждение „социогруппы“ — временные, спонтанные сообщества неформального типа, аккумулирующие антропоцентричную информацию, относящуюся к самоутверждению индивидуальности и реабилитации чувственности» [7, с. 95].

Особенной чертой культурного поведения молодежи может выступать деструктивность, проявляемая как в активной форме отчуждения человека от культуры, социума, в стремлении его разрушить и тем самым предупредить разрушение собственной индивидуальности, как «извращенная форма стремления к жизни» [9, с. 87], так и в пассивной форме отчужденности, равнодушии, уходе — состояний, блокирующих продуктивную активность личности.

Усвоение ценностей представляет собой постоянную конфронтацию, борьбу, и в этой борьбе культуре принадлежит регулирующая роль, ибо она представляет собой содержание высшего в человеке. «Термин культура, — писал З. Фрейд, — обозначает всю сум-

му достижений и институций, отличающих нашу жизнь от жизни наших предков из животного мира и служащих двум целям: защите человека от природы и урегулированию отношений между людьми» [9, с. 280]. Становясь частью культурной реальности, человек приращивается к человечности, принимает определенный способ социально-детерминированного деятельного существования. Деятельно-практическое единство с культурой выступает не просто связью с культурной реальностью, а социально-активным способом освоения мира, превращения объективного богатства мира во внутреннее богатство личности. Гуманистический смысл такой связи состоит в том, что вырабатывается целостное культурное ощущение, интерес к жизни, потребность думать, созидать, творить, наслаждаться жизнью.

Необходимость исследования проявлений отчуждения в молодежной культуре обусловлена тем, что именно в них заключены все основы культурной реализации молодежи: стремясь войти в культуру, молодой человек пытается найти те формы инкультурации, позволяющие познать окружающий его мир во всех его противоречиях, среди которых противоречия между личностью и обществом выступают одними из основных. Эти противоречия обусловлены изменениями в самой структуре общественного бытия, нарушающими привычные связи между людьми, меняющими экономические основы жизнедеятельности, социальный статус, социальные ориентации, культурные ценности. Это, в свою очередь, влияет на общее состояние морали в обществе, сущности отношения к самой жизни. В этом кроется самая большая опасность проявления в современном обществе негативных сторон процессов отчуждения, негативных в том смысле, что сами процессы отчуждения многообразны настолько, насколько и результаты, к которым они могут приводить.

Новая культурная реальность настаивает на развитии индивидуальности, предоставляет человеку шанс ворваться в культуру, сделаться ее частью. Полнота самоосуществления связана с независимостью от общества, претензия на самовыражение, самоосуществление способствует тому, что развитая индивидуальность ведет самую настоящую борьбу, причем в двух направлениях: как с миром абсолютного, так и против анонимной неопределенности. Как подчеркивал М. Хайдеггер, это «способ быть». Однако, предоставив индивиду возможность самоосуществления, общество не всегда отвечает его притязаниям, человек остается наедине с самим собой. Отчуждение становится добровольной ролью, противостоящей линейной рациональности. Результат может быть как позитивным, так и негативным.

Негативность выражается в конфликтизации с обществом, утверждении идеи о свободной воле, преступлении ради преступления, праве самому создавать для себя нравственные законы.

Позитивный результат индивидуализма и анархизма заключается в том, что они могут быть рассмотрены в качестве символов свободы человека против авторитета, против власти конечного, за освобождение личности от насилия, угнетения, эксплуатации, против тотальности культурной власти. Все это перекликается с ницшеанским тезисом о том, что «не заключается ли решительная ценность поступка как раз во всем том, что непреднамеренно в нем [10, с. 141].

Анализ процессов, происходящих в молодежной культуре, дает основание утверждать, что для современной молодежи характерно исключительное разнообразие духовных миров, специфика которых определяется сложными комбинациями внешних и внутренних факторов: демографических, профессиональных, этнических, социокультурных, экосоциальных и политических. Ориентируясь преимущественно на материальное благосостояние и на карьерный рост, молодые люди связывают возможность их достижения с получением хорошего профессионального образования (иногда и не одного) и наличием условий для самореализации. Утверждение этих ценностей делает молодых людей более независимыми, свободными и самостоятельными в своем профессиональном, общественно-политическом и духовно-нравственном выборе.

Наряду с новаторскими среди молодежи достаточно распространены консервативные группы, продолжающие хранить традиционные ценности и обычаи. Для них характерны стремление сохранить опыт старших поколений, вернуться к традиционно-патриархальным и религиозным ценностям.

Одни становятся конформистами, другие обращаются к фундаментальным идеям, примыкают к тоталитарным сектам, третьи включаются в радикальные расистские и профашистские движения.

Таким образом, анализ форм и уровней отчуждения показывает, что оно имеет как положительную, так и отрицательную стороны. Традиционная негативная точка зрения на отчуждение постепенно вытесняется позитивной, так как отчуждение по-своему интегрирует людей в общности, группы, поскольку то, что противостоит им, выступает в общем для них значении и воздействии, и одновременно разделяет их по определенным, уже индивидуально-неповторимым признакам. Силы отчужденные противостоят человеку, оказывают воздействие на отделение его от внешнего, а это уже шаг в направлении становления самосознания личности, восприятие ею себя

как самооценности, осознание своей самодостаточности в данной социальной и культурной среде.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Бердяев Н. А. Судьба России. М., 1990.
2. Прозоров Ю. А. Феномен отчуждения как объект социологического исследования : автореф. дис. ... канд. соц. наук. М., 1991.
3. Минюшев Ф. И. Феномен социалистической личности. М., 1985.
4. Вопросы философии. 1982. № 1.
5. Громова И. Б. Контркультура как адаптивный механизм трансляции социального опыта // Социологические исследования. 1991. № 10.
6. Запесоцкий А. С. Молодежь в современном мире: Проблемы индивидуализации и социально-культурной интеграции. М., 1988.
7. Ильин В. В., Панарин А. С. Философия политики: учебное пособие. М., 1994.
8. Фромм Э. Человеческая ситуация. М., 1995.
9. Фрейд З. Неудовлетворенность культурой. М., 1982.
10. Ницше Ф. По ту сторону добра и зла // Вопросы философии. 1989. № 5.

Е. Г. Леонидова, С. В. Миронова (Барнаул)

РОЛЬ НЕГОСУДАРСТВЕННЫХ ПЕНСИОННЫХ ФОНДОВ В НАКОПИТЕЛЬНОМ КОМПОНЕНТЕ ПЕНСИОННОЙ СИСТЕМЫ РОССИИ

Негосударственные пенсионные фонды (НПФ) — это один из самых интересных и вместе с тем малоизвестных для широкой аудитории участников пенсионной системы России. Первые НПФ в нашей стране создаются в 1990-е гг. на основании президентского указа от 16 сентября 1992 г. «О негосударственных пенсионных фондах».

НПФ изначально стали функционировать независимо от системы государственного пенсионного обеспечения. Процесс их становления включает в себя 3 этапа:

1. Активное создание НПФ для крупных отраслей (нефтегазовая, железнодорожная, агропромышленность). На этом этапе (1993–1994 гг.) формирование НПФ осуществлялось вокруг

финансово-промышленных групп по отраслевому или региональному принципу. Они создавались в форме некоммерческой организации для осуществления исключительно пенсионной деятельности: сбора пенсионных взносов, вложения собранных средств с целью их прироста, а главное — выплаты пенсий. Особенность НПФ заключается в том, что они одновременно являются и экономическими и социальными институтами. В 1994 г. была создана инспекция НПФ при Министерстве социальной защиты населения для осуществления контроля за их деятельностью.

2. Принятие специального закона о НПФ, а также широкого ряда подзаконных нормативных актов. В 1998 г. появляется закон № 75-ФЗ «О негосударственных пенсионных фондах», в котором детально регулируются основные вопросы и механизмы негосударственного пенсионного обеспечения.
3. Включение НПФ в систему обязательного пенсионного страхования на основании Закона № 167-ФЗ от 15 декабря 2001 г. В 2003 г. первые «пенсионные выборы» прошли без негосударственных пенсионных фондов. С одной стороны, это обусловлено слишком поздними поправками в Закон «О негосударственных пенсионных фондах» и невозможностью за оставшееся время сформировать необходимую нормативную базу. С другой — разработчики пенсионной реформы вначале хотели «отработать» технологии на примере управляющих компаний. В результате НПФ подключились к системе формирования накопительной части трудовой пенсии с 2004 г. С этого времени начинается деятельность НПФ по обязательному пенсионному страхованию.

Сегодня негосударственные пенсионные фонды в России имеют право работать по двум направлениям:

Во-первых, негосударственное пенсионное обеспечение граждан. Это традиционная деятельность НПФ: предприятия (вкладчики) заключают договоры с фондами, уплачивают взносы в добровольном режиме, а при достижении работником (участником) пенсионного возраста он начинает получать дополнительную пенсию. Обычно вкладчиком выступает работодатель, а участниками — работники. Но существует и относительно немногочисленная категория граждан, платящих за себя взносы из собственных средств («вкладчики в свою пользу»).

Во-вторых, обязательное пенсионное страхование граждан. К этому виду деятельности НПФ допущены только с 2004 г. По сути, НПФ подключается к государственной пенсионной системе: гражданин

(застрахованное лицо) сможет заключить договор с НПФ, согласно которому его пенсионные накопления из ПФР РФ будут переданы в НПФ для формирования накопительной части трудовой пенсии. В данном случае работодатель не участвует в отношениях работника с НПФ.

В перспективе предполагается участие НПФ и в третьем виде пенсионного обеспечения — профессиональных пенсионных системах. Они должны быть созданы взамен системы льготных (досрочных) пенсий для работников предприятий с тяжелыми или опасными условиями труда.

Контроль и регулирование деятельности НПФ в системе обязательного пенсионного страхования осуществляется Пенсионным фондом РФ, а также целым рядом государственных органов:

- органы законодательной власти (Государственная Дума, Совет Федерации). Они отвечают за принятие всех законов, через которые регулируются все основные пенсионные нововведения;
- Министерство труда и Инспекция негосударственных пенсионных фондов. Регулируют деятельность НПФ как в части добровольного пенсионного обеспечения, так и в части обязательного пенсионного страхования;
- Федеральная комиссия по рынку ценных бумаг (ФКЦБ России). Регулирует деятельность управляющих компаний по вопросам, не отнесенным к компетенции Министерства финансов.

Административная реформа 2004 г. привела к появлению нового ведомства — Федеральной службы по финансовым рынкам. Она стала правопреемницей ФКЦБ по вопросам регулирования рынка ценных бумаг, а также получила полномочия Министерства труда по регулированию НПФ и полномочия Минфина по контролю за инвестированием средств пенсионных накоплений управляющими компаниями.

Инвестиционная деятельность НПФ жестко регламентируется и контролируется. В отличие от ВЭБ у НПФ более широкий спектр инвестирования, но в такие рискованные позиции, как валютный рынок, рынок фьючерсов и опционов денежные средства накопительной части пенсии со стороны государства размещать запрещено. Благодаря диверсификации инвестиционных портфелей НПФ показывает более привлекательную доходность для клиентов, что позволяет не только защитить накопления от инфляции, но и приумножить. Средняя доходность НПФ составляет от 10 до 15% годовых.

Прежняя пенсионная система (распределительного типа), существовавшая в нашей стране до 2002 г., оказалась несостоятельной в силу все увеличивающейся (с 1990-х гг.) диспропорции между количеством работающих граждан и количеством пенсионеров. Канц-

лер Германии Бисмарк говорил о пенсии как о солидарности поколений. И пенсионная система без накопительной части работает только в том случае, когда на трех работающих приходится один пенсионер. Если в 1960 г. эта пропорция составляла 10:1, то в настоящее время — 2:1, а к 2020 г. прогнозируется 1:1. Причины этому следующие: снижение рождаемости, старение нации, экономические причины, огромное количество льготных пенсий.

С введением в структуру пенсии накопительного компонента гражданин получает шанс на более высокий доход, а значит, и на больший размер пенсии. До 2002 г. у граждан в России не было такой свободы в распоряжении своими пенсионными накоплениями. Но оборотной стороной этой свободы является повышение собственной ответственности. Государству выгодно, чтобы забота о пенсиях и ответственность за них хотя бы частично была снята с него и переложена на самих граждан и экономические институты.

В долгосрочном плане от введения накопительной части пенсии можно ожидать следующих благоприятных изменений:

- 1) повысится благосостояние будущих пенсионеров за счет длительного срока накопления средств для финансирования пенсий;
- 2) привлечение пенсионных «длинных денег» в качестве инвестиций в экономику страны обеспечит более высокие темпы экономического роста;
- 3) снизится нагрузка на государственную пенсионную систему;
- 4) увеличится доля официальных («белых») зарплат, как следствие, активнее будет развиваться рынок труда;
- 5) появятся возможности для развития фондового рынка и финансовой инфраструктуры.

Перечисленные сдвиги касаются практически всех сфер экономической и социальной жизни, поэтому сегодня пенсионная реформа относится к одним из самых значимых преобразований в России.

Пенсионный рынок в 2009–2010 гг. в значительной мере оправился от последствий кризиса, восстановив доходность и темпы роста активов. Итоги работы за эти годы свидетельствуют о том, что экономический кризис затронул пенсионный рынок лишь по касательной. НПФ ярко продемонстрировали свою способность обеспечивать сохранность пенсионных накоплений граждан и быстро вернулись в докризисный уровень по размеру основных показателей деятельности. Эксперты утверждают, что система НПФ пережила кризис успешнее, чем банковский и страховой секторы. При этом, в отличие от банковской сферы, на поддержку пенсионной системы государство не выделяло никаких дотаций.

На протяжении 2009 г. в результате усиления регулирующих функций ФСФР многие мелкие фонды вынуждены были объединяться с более крупными. В результате процессов слияния и поглощения в 2009 г. общее количество НПФ сократилось на 21% — до 165, а к 2010 г. — до 151 НПФ. Однако несмотря на сокращение числа НПФ, их вес на российском финансовом рынке существенно вырос. Объем пенсионных накоплений, сосредоточенных в НПФ, за 2009 г. вырос в 2,5 раза — до 77,2 млрд руб. Подано 2,67 млн заявлений о переводе накопительной части трудовой пенсии в НПФ. Это на 12% заявлений больше, чем в 2008 г. В 2010 г. объем пенсионных накоплений и пенсионных резервов, сосредоточенных в НПФ, впервые превысил отметку в 1 трлн руб. Всего клиентами НПФ являются 11 млн чел.

Несмотря на динамику роста и показатели деятельности НПФ, следует признать, что уровень готовности всех основных субъектов (государства, частного бизнеса, населения) данного процесса к участию в реформе далек от идеального.

Пока, к сожалению, лишь очень небольшая часть населения осознает, что в настоящее время инвестиции в будущее, формирование пенсионных накоплений — это не роскошь, а жизненная необходимость. Причины этому следующие:

- 1) отсутствие сформированной культуры накопления;
- 2) финансовая безграмотность;
- 3) особенности менталитета (забота о будущей пенсии — «головная боль» государства);
- 4) недоверие к негосударственным пенсионным фондам;
- 5) нет результатов по накопительной части, так как первые пенсионеры с накопительной частью в пенсии появятся в 2020 г.

Выход из сложившейся ситуации один — повышать финансовую грамотность граждан и формировать культуру пенсионных накоплений. Колоссальная работа в этом направлении проводится как со стороны ПФР России, так и со стороны НПФ:

- совместные «круглые столы» по решению актуальных вопросов, в которых принимают активное участие пресса, сотрудники и специалисты ПФР и НПФ;
- организация встреч с коллективами предприятий и организаций;
- консультирование и информационная поддержка (буклеты, плакаты, рекламный материал).

Однако есть один очень важный момент, который тормозит процесс реформирования пенсионной системы в России — идентификация самого института страхования. Если пенсионное страхование будет развиваться как сугубо экономический институт, то недоове-

рие со стороны граждан еще долго не позволит нам стать свидетелями высокого уровня его развития. И в этом процессе большая доля ответственности принадлежит НПФ.

Я. Э. Меженин (Барнаул)

ОБРАЩЕНИЯ ГРАЖДАН К ОРГАНАМ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ КАК ЛЕГАЛЬНЫЙ СПОСОБ ПОЛИТИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Проявление гражданской активности может носить разнообразный характер. Условно такую активность можно разделить на два типа: легальный и нелегальный. Недавние политические реформы, проведенные в России, сократили легальные способы проявления гражданской активности и расширили нелегальные. Прежде всего это касается сокращения списка выборных должностей, например, губернаторские выборы заменены назначениями на должность. Право проводить митинги и демонстрации также становится нелегальным способом волеизъявления, поскольку необходимо получить соответствующее разрешение. Данная тенденция приводит к тому, что граждане, не имеющие возможности выразить свою позицию, накапливают определенного рода энергию, которая затем превращается в протестную. Накопление протестной энергии приводит к нелегальным способам ее проявления.

Однако существует вполне легальный канал политического взаимодействия. Этот канал заключается в обращениях граждан напрямую к органам государственной власти. В частности, ставшие уже традиционными ответы Президента России на вопросы, задаваемые в прямом эфире. Для граждан открываются новые возможности взаимодействия с высшим руководством страны через сеть Интернет. Это взаимодействие приобретает систематический характер, развиваются нормы и правила такого взаимодействия. В различных городах появляются общественные приемные, которые представляются как посредники между «гласом народа» и «ухом президента» [1, с. 23].

Открытость и доступность информации о политических деятелях и их мнениях через социальные сети и средства массовой коммуникации позволяют задавать вопросы и высказывать мнения всем заинтересованным пользователям, имеющим Интернет. Обратная связь зачастую отсутствует, что отрицательно влияет на доверие граждан к власти.

История такого рода коммуникации насчитывает несколько веков. На протяжении всей истории государств этот род взаимодействия присутствовал в той или иной форме: челобитные, доносы, рекомендации советников. Постепенно обрастая правилами, нормами, учреждениями, это общение граждан и представителей власти обретает форму социального института [2, с. 16].

Специфичным в институте обращений граждан к власти является то, что граждане перестают пользоваться институтами, в компетенции которых непосредственно входит решение заявленных проблем. Минувя такие учреждения и их руководство, гражданин считает эффективным направлять свою жалобу или обращение сразу президенту, или как минимум, премьер-министру. Обращения такого рода могут быть действительно эффективными, поскольку решение по любому вопросу принимается оперативно, контролируется жестче, что гарантирует быстрый и качественный результат. Однако, с другой стороны, решение каждой гражданской проблемы подобным образом свидетельствует о неэффективности всей бюрократической системы в целом и каждого учреждения в отдельности [3, с. 76].

Институт обращений граждан к власти решает ряд важнейших задач:

Во-первых, представители властных структур имеют возможность напрямую видеть проблемы граждан.

Во-вторых, они могут заработать огромный кредит доверия при успешном решении проблемы, что влияет на их переизбрание.

В-третьих, существует возможность более подробного анализа существующих социальных проблем с целью выработки универсальных способов решения, что в целом может привести к тому, что люди будут пользоваться этими механизмами самостоятельно.

Однако это все становится возможным только в том случае, если в политических институтах преобладает функциональная эффективность и практически отсутствуют дисфункции.

Гражданское общество является одним из важных и мощных рычагов в системе «сдержек и противовесов», стремления политической власти к абсолютному господству. Оно защищает граждан и их объединения от незаконного вмешательства в их деятельность государственной власти и тем самым способствует формированию и упрочению демократических органов государства, всей его политической системы. Для выполнения этой функции у него есть немало средств: активное участие в избирательных кампаниях и референдумах, акциях протестов или поддержки тех или иных требований, большие

возможности в формировании общественного мнения, в частности, с помощью независимых средств массовой информации.

Институты и организации гражданского общества призваны обеспечивать реальные гарантии прав и свобод человека, равный доступ к участию в государственных и общественных делах.

Идеалы гражданского общества и эффективное функционирование института гражданских обращений как канала развития такого общества способствуют политической самоорганизации и могут стать основой для развития качественно нового государства [4, с. 28].

Идеальный тип процедуры взаимодействия государственной власти и граждан требует подробной разработки, однако общие положения можно выразить следующим образом:

На основе открытой информации о программах всех кандидатов избиратели принимают свое решение и выбирают депутата [5, с. 34]. Если выбранный депутат не следует своей программе или же не соблюдает поставленные сроки без уважительной причины, то избиратель также путем голосования (возможно, первично электронного, а при необходимости и общепринятого) может его отозвать. Этот процесс можно свести к аналогии устройства депутата на работу и процедуре его увольнения. В этом случае работодателем будет являться народ.

Политическая сфера будет готова поделиться полномочиями с гражданами в том случае, если общество будет достаточно образовано и готово взять ответственность на себя. Сегодня об этой готовности говорить рано. Для этого как минимум необходимо, чтобы большинство граждан несло ответственность за свою жизнь и территорию, где они живут.

Необходимо понимать, что преобладание гедонистических настроений в обществе ведет к саморазрушению личности, семьи или рода. Таким образом, люди, не намеренные оставить после себя гениальную идею, художественное произведение или же воспитать человека, способного на такое, приведут свой род к тупику. Но у всех людей должна быть возможность развиваться и самосовершенствоваться в рамках своих возможностей, а также иметь шанс реабилитироваться за нарушение общественных норм и правил.

Необходимо отметить, что в институционализации гражданских обращений существуют определенные риски [6, с. 46]. Основной риск — это подмена демократического способа взаимодействия граждан и власти тоталитарным механизмом доносов. При этом гражданская активность может заканчиваться на передаче информации о проблеме в органы власти. Идеальным типом взаимодействия гра-

ждан и власти в рамках института гражданских обращений является такой тип взаимодействия, при котором граждане сами предлагают варианты решения социальных проблем и после государственной экспертизы и одобрения формируют механизм (алгоритм) решения данного вида вопросов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Соловьев А. И. Политология: политическая теория, политические технологии. М., 2001.
2. Ситников А. П., Огарь И. В., Бахвалова Н. С. Политический консалтинг. М., 2004.
3. Деркачев Г. Сущность и механизмы легитимации власти в современном обществе // Власть. 2010. № 11.
4. Коэн Д. Л., Арато Э. Гражданское общество и политическая теория. М., 2003.
5. Вялова Л. М. Порядок работы с обращениями граждан. М., 2004.
6. Подъячев К. В. К вопросу о классификации обращений граждан в органы государственной власти и местного самоуправления // Вопросы гуманитарных наук. 2004. № 3.

А. А. Калуцкий (Барнаул)

ВАРНАШРАМА–ДХАРМА КАК ОБЩЕСТВЕННАЯ СИСТЕМА ДРЕВНЕЙ ИНДИИ

В данной статье мне хотелось бы затронуть некоторые вопросы, касающиеся системы варнашрама. Данное общественное устройство, характерное для традиционной индийской культуры, многие последователи индийских религиозно-философских учений называют совершенным. Почему? На этот вопрос мы и попытаемся ответить (хотя бы частично) в данной работе. Кроме всего прочего, рассматриваться будет именно система, причем именно так, как она подается в традиционной культуре Индии, особенно в Махабхарате.

Существовавшая система общественного устройства имела название «варнашрама-дхарма» и состояла из четырех варн (сословий) и четырех ашрамов (укладов жизни). Почему именно из четырех? Для ведической культурной традиции это число имеет особое значение (хотя для нее характерна также и триадичность). Существуют четыре Веды, каждая из которых делится на четыре подраздела. Соглас-

но традиции, эти Веды изошли из четырех уст Брахмы (у него четыре лица). В санхье упоминаются четыре функции сознания. В традиционной индийской культуре существуют четыре пути достижения совершенства: карма-марга, джнана-марга, дхьяна-марга и бхакти-марга (путь жертвенной деятельности, путь познания, путь медитативного сосредоточения и путь любви и преданности Божеству).

Нельзя не упомянуть в данном контексте и аксиологию системы варнашрама, которая базировалась на четырех «столпах»: дхарма (долг), артха (богатство), кама (чувственные стремления), мокша (освобождение). Согласно этим представлениям человек должен был реализовать себя, во-первых, на уровне социального долга и нравственных обязательств; во-вторых, на уровне накопления материальных благ и реализации себя в социуме; в третьих, на эмоциональном уровне; ну и, наконец, на четвертом уровне высшего просветления и трансценденции, царящих за пределами материального мира.

Эта мультизадачность культуры вполне гармонично сочетается с идеей [духовного] совершенства, так как цель (артха), объединяющая все эти задачи, заключается в том, чтобы, пройдя все эти этапы, человек снижал настоящие ценности (артха), внутренние качества и раскрыл свой духовный потенциал, необходимый для выхода за пределы ограниченного земного мира.

Многие, священные для рассматриваемой традиции, числа кратны четырем (16, 32, 108, 16108 и т.д.). 64-клеточная шахматная доска произошла от четырехкратной (8 на 8) мандалы Шивы. В старинной индийской версии шахмат играющих было четверо — по количеству сторон доски (четуранга). Игроки использовали четыре типа фигур, что соответствовало количеству типов войск в Древней Индии. Это были наездники на слонах, воины на колесницах, конные кавалеристы и пешие воины. Стоит также упомянуть четыре руки Вишну, и, соответственно, четыре его атрибута. Если продолжать говорить о Вишну, то существует четыре его первичных духовных экспансии: Васудэва, Санкаршана, Прадьюмна и Анирудда. Энергия Высшего Существа делится на четыре части: три части этой энергии составляют духовное бытие и одна часть — материальное.

В результате сам собой напрашивается вывод: четверка не только является социальным числом для ведической традиции, но и числом бытийным, т.е. универсальным, представляющим бытие в различных его проявлениях. Действительно, мы имеем четыре стороны света, четыре времени года, четыре времени суток, 4 первоэлемента в западной традиции (земля, вода, огонь и воздух). Правда, в ведической концепции к уже перечисленным добавляются эфир и три

тонких элемента (subtle elements [1, p. 646]), относящихся к сфере сознания.

Несмотря на некоторые отличия значений, даваемых относительно числа четыре, мы без труда можем выделить основные значения четверки. Устойчивое, конечное число [2, с. 351], целостность, число организации, порядка, всеобъемлющий характер, справедливость [3, с. 412], ключ к Земле и Небу, открывающий духовное и материальное совершенство [4, с. 489]. Тетрада рассматривалась пифагорейцами как изначальное, всему предшествующее число. Квадрат был символом самого устойчивого элемента — земли в Индии и Китае. А самой устойчивой фигурой является пирамида, в основании которой лежит квадрат. Четвертая карта Таро (древнеегипетская традиция) — Император — несет значение устойчивости порядка.

Для священнослужения в Китае использовались четыре животных. Тетраморфы шумеров — лев, орел и павлин, сидящий на спине быка. До позднего Средневековья использовался в христианском искусстве образ тетраморфа для обозначения четырех херувимов и четырех евангелистов, каждый имел четыре лица и четыре крыла. О значимости этого числа для христианской традиции говорит ее главный символ — четырехконечный крест. Можно упомянуть также и четырех всадников Апокалипсиса. Священное имя Единого Бога евреев в оригинальном написании имеет четыре буквы. Также в еврейской традиции мы имеем дело с четырьмя тетраграмматонами — неизреченными именами Бога, состоящими из четырех букв.

Видимо, создатели ведийского общества пытались создать его по образу и подобию вселенной и сообщить ему такие свойства числа четыре, как устойчивость, справедливость, совершенство. Само общество копирует Пурушу — существо, олицетворяющее вселенную. Можно также соотнести три высших сословия с духовной энергией бытия, составляющей три четверти от всего объема энергии, а шудр — с материальной. Высшие сословия — дважды рожденные, назывались так потому, что получали посвящение, духовное рождение и во многом ориентировались на трансцендентное. Шудры — материально ориентированные люди, и это было одной из причин их низкого статуса.

Это общество опирается на определенные принципы, которые, как считалось, также даны человеку Богом. Четыре ашрама, т. е. духовных уклада жизни, позволяют человеку духовно продвигаться на протяжении всей своей жизни. Это следующие ашрамы: брахмачари — ученичества; грихастхи — семейной жизни; ванапрастхи — удаления от дел; санньяси — полное отречение. Четыре варны, т. е.

социальные группы людей, позволяют быть занятыми каждому члену общества согласно его качествам и наклонностям. Это следующие варны: брахманы — интеллектуальный слой людей, обладающих безупречным поведением и подлинным духовным знанием; кшатрии — правители, руководители, воины, обладающие силой, могуществом, великодушием; вайшьи — земледельцы, торговцы, банкиры; шудры — рабочие, т. е. люди, не обладающие какими-то выдающимися качествами, и поэтому их развитие и существование в полной мере зависит от служения другим классам общества.

Система варн и ашрамов предназначена для политической, экономической и социальной стабильности общества, так как это общество, в котором каждый выполняет свои обязанности. Однако сама ведическая традиция считает, что высшим назначением системы варн и ашрамов является создание условий, благоприятных для постепенного духовного развития личности.

Поскольку разделение на варны и ашрамы опирается на гуна (качества, определяемые влиянием 3-х гун материальной природы) и карму (деятельность, к которой склонен человек в зависимости от своих качеств). Среди качеств брахманов, находящихся преимущественно под влиянием гуны благости, шастры упоминают: аскетизм, терпение, спокойствие, чистоту, знание, честность, религиозность и веру в ведическую мудрость.

При этом брахманы имеют 6 видов обязанностей: они изучают Веда; преподают все разделы ведического знания; совершают ведические обряды и ритуалы и обучают им других; принимают пожертвования и раздают пожертвования.

Семь качеств отличают кшатрия (воина и руководителя): героизм, сила, решимость, находчивость, отвага в бою, благородство, умение руководить.

Кшатрии защищают своих подданных и занимаются поддержанием установленного порядка в обществе. Основная гуна, влияющая на кшатрия, — страсть.

Вайшьи обладают следующими качествами: стремление к прогрессу в сферах религии, экономики и чувственных наслаждений, постоянные усилия и ухищрения в зарабатывании денег, преданность полубогам и старшим. Они находятся под смешанным влиянием гун страсти и невежества и занимаются разными видами деятельности, среди которых земледелие, банковское дело, торговля, защита коров и т. д.

Шудры, находящиеся под влиянием гуны невежества и не обладающие качествами предыдущих варн, не способны самостоятельно вести какие-либо дела. Их предназначение — служить другим, зани-

маясь работой по найму. Обладая не слишком развитым в материальном отношении разумом, шудры были лишены права изучать Веды. Однако есть определенные качества и эталоны, предназначенные для культивирования шудрами. Это выражение почтения высшим слоям общества, чистоплотность, свобода от лицемерия, служение своему хозяину, совершение жертвоприношений без произнесения мантр. Они всегда должны говорить правду, не воровать и всячески защищать брахманов и коров. Им не предписывалось проходить все ашрамы (духовные уклады жизни), они должны были быть способны честно вести благочестивую жизнь домохозяина.

Однако каждый может, независимо от своей варны, достичь духовного совершенства. В любом случае, в совершенстве следуя предписаниям своей варны и ашрама, человек очищается, и его положение возвышается от жизни к жизни.

Эта система четырех сословий и четырех укладов жизни, по утверждению «Бхагавад-гиты», задуманная самим Богом [5, с. 233], призвана развить в индивидууме трансцендентные качества, чтобы он мог постепенно осознать свое духовное «я», действовать в соответствии с ним и таким образом освободиться от материального рабства, т. е. обусловленной жизни. Причем система задумывалась так, чтобы действовать как одно целое, как единый организм, что решительно необходимо для совершенного функционирования. Кроме того, все составляющие варнашрама-дхармы покоятся на едином основании — дхарме. Как материальный мир поддерживается Брахманом, так и ведическое общество поддерживается дхармой. И именно четкое следование дхарме способно удерживать систему варнашрама в гармоничном, совершенном состоянии.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. A. C. Bhaktivedanta Swami Prabhupada Bhagavat Gita as it is. — Los Angeles, 1986.
2. Шейнина Е. Я. Четыре // Энциклопедия символов. М., 2002.
3. Тресиддер Д. Четыре // Словарь символов. М., 2001.
4. Жульен Н. Число // Словарь символов. Челябинск, 1999.
5. Иванов В. Г. История этики древнего мира. Л., 1980.

Раздел III

**СОЦИАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ
В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ МОЛОДЫХ
ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ**

Е. Н. Адамович (Барнаул)

СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОХРАНЫ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

В последнее время чрезвычайно остро стоят вопросы охраны и использования памятников истории и культуры. Отношение к культурному наследию приобретает все более идеологический, общественно-политический характер. Острота постановки проблемы обусловлена тем, что развитие культуры рассматривается в контексте тех изменений, которые происходят в политической жизни государства. В России накоплен существенный опыт по возрождению и сохранению культурно-исторического наследия, расширен диапазон работ различных учреждений и организаций по выявлению, восстановлению и использованию памятников истории и культуры. Все большее значение приобретает включение в эту деятельность широких слоев населения.

Памятники — ориентиры нашей исторической памяти. Особенно велика их роль в формировании и сохранении наших ценностных представлений о прошлом. Память — основа не только культуры, но и мировосприятия. Сбереженная социальная память обеспечивает культурную преемственность поколений. Исторический опыт всегда интегрирует в современность, в современную живую культуру как ее составная сфера, обуславливающая общие представления о связи времен, настоящего с прошлым и будущим. Отношение к реликтам прошлого — всегда показатель уровня современной культуры. Каково общество, таковы и его памятники, т. е. то, что признается достойным сохранения в памяти, а также защиты и охраны государством [1].

Понятие о культурном наследи, о памятниках — категория историческая, ценностная шкала ее подвижна. Лишь в сравнительно недавнее время стали акцентировать внимание и на научной ценности памятников, т. е. значении их для развития научных исследований и распространения научных знаний. Это существенно расширило само представление о круге памятников и об охранительных функциях общества и государства. Памятники воспринимаются и как исторические источники, т. е. содержащие информацию исторического характера, нужную для познания прошлого.

Большинство же источников информации о прошлом, как отмечает С. О. Шмидт [2], возникло в силу необходимости естественно-го функционирования общества и развития личностных отношений в условиях повседневной жизни. О возможности сохранения их на долго, для удовлетворения познавательных, в том числе научных, по-

требностей никто не думал. Они стали восприниматься как исторические источники и памятники, подлежащие охране, по мере развития научных, исторических, искусствоведческих знаний, усложнения структуры «информационного поля» науки, повышения информационной отдачи исторических источников.

С осознанием того, что все происходящее завтра тоже станет историей, оформляются и новые критерии оценки культурного наследия: ценным кажется уже не только созданное в более или менее далеком прошлом, но и следы совсем недавней жизни.

Представления о том, что достойно сохранять в памяти и следует сберечь для потомков, о памятниках как источниках исторической информации или эстетического воздействия, не оставались неизменными. С углублением исторических, социологических, искусствоведческих, филологических знаний, совершенствованием исследовательской методики изменялись и представления об источниковой базе и возможностях науки, объектах их изучения, порядке выявления и хранения источников, способах их использования.

Сохраненные памятники обеспечивают культурную преемственность, дают возможность, опираясь на непреходящие ценности прошлого, их творческое освоение, лучше понять современность. В переломные моменты обостряется не только интерес к культурно-историческому наследию, но и переживание за те ошибки, которые привели к невозможным потерям национальных ценностей.

Сегодняшнее отношение людей к вопросам сохранения национальных ценностей есть признак обновления общественного сознания, глубоких изменений, происходящих во всей социокультурной ситуации. В то же время следует отметить, что процесс формирования ценностного отношения к памятникам истории и культуры нельзя считать завершенным; предпринимаемые усилия далеко не в полной мере соответствуют масштабам существующих в этой сфере разрушительных тенденций. Как писал Д. С. Лихачев: «Преднамеренное уничтожение памятников, их физическое разрушение из-за отсутствия элементарного ухода или вследствие недопустимого использования, и деградация, и утрата веками складывавшегося своеобразия исторических городов, селений в результате современной градостроительной и хозяйственной деятельности — знаки явного неблагополучия в этой области, ставшего общенациональной болью, до сих пор не отошли в прошлое» [3]. Во многом причина такого положения зависела от характера применения законодательства. Юридическая безнаказанность виновников разрушения культурного наследия приводит к безнравственности, к потере исторической памяти, к забвению традиций, культуры.

Сохраняется также принципиальное несоответствие масштабам проблемы тех средств и рычагов воздействия, которые имеются в распоряжении организаций и учреждений, занимающихся вопросами охраны и реставрации памятников истории и культуры.

Памятники истории и культуры подвержены многим опасностям, и самые долговечные из них те, которые труднее изменить или уничтожить — разговорная речь, обычаи, традиции народного искусства. Большинство же памятников сравнительно недолговечно; многие подновляются, т. е. претерпевают более или менее существенные изменения по сравнению с первоначальным их образом. Прогресс науки не только в открытии, включении в научный обиход новых памятников, но не в меньшей мере и в том, что постепенно приобретаются навыки более глубокого прочтения и ранее уже известных источников и умения по фрагментам восстанавливать образ целого.

Культурному наследию угрожают силы природы и поведение человека. Бедствие для памятников — пожары. Они — спутники разрушительных войн и народных волнений, но возникают и в обычных условиях жизни. Гибель многим памятникам несут войны.

Памятники утрачиваются и искажаются по воле людей и при казалось бы обычном течении жизни. При этом следует иметь в виду и особенности подхода к ценностной категории «памятник». Зачастую статус «памятника», интересного и ценного для историка или историка культуры, то или иное явление обретает тогда, когда утрачиваются его первоначальные утилитарные функции. Постоянно заменяются предметы бытового обихода; памятники архитектурной старины уничтожаются ради нового строительства; некоторые здания, фрески и иконы, миниатюры рукописей подновляются, первоначальный облик их существенно меняется, даже искажается. Вредной для памятников оказывается и неквалифицированная реставрация.

Неизбежно приходится исходить из того непреложного факта, что ничто, ни один предмет не может существовать вечно. Поэтому часть культурных ценностей постепенно исчезает в силу разных причин: естественного срока их существования, из-за очень плохих материалов и способов изготовления: неблагоприятных условий хранения и пользования; разрушения в аварийных ситуациях; непригодных или неправильно примененных способов консервации.

Особенно много памятников истории и культуры погибает из-за пренебрежения официальных представителей власти, не уделяющих должного внимания их охране и воспитанию у населения уважения к культурному наследию, а также вследствие невежества и непонимания их ценности и места в нашей жизни.

Постепенно в обществе вызревает уважительное отношение к культурному наследию, потребность сохранения и реставрации, использования в современных условиях памятников прошлого. Утверждается представление о том, что памятник — объект, охраняемый законом. «Любой памятник — архитектуры, живописи, литературы, прикладного искусства, садово-паркового и т. д. — есть памятник культуры, прежде всего» [4, с. 7].

Памятником считается всякий остаток прошлого, все, что напоминает о прошлом, по научной терминологии — всякий источник исторического происхождения (памятники материальной и духовной культуры), в правовом аспекте — это те культурные ценности, которые признаны достойными государственной охраны, т. е. хранения в государственных хранилищах или учета государственными органами охраны памятников. Степень понимания того, какое место занимает культура в нашем бытии, а культурное наследие в нашей современной жизни, является показателем развития общественного сознания в целом.

Правовое регулирование отношений в области сохранения, использования, популяризации и государственной охраны объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) основывается на положениях Конституции Российской Федерации, Гражданского кодекса Российской Федерации, Основ законодательства Российской Федерации о культуре и осуществляется в соответствии с Федеральным законом «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» [5] и принимаемыми в соответствии с ним другими федеральными законами, а также, в свою очередь, принимаемыми в соответствии с ними, в пределах компетенции субъектов Российской Федерации, законами этих субъектов в области государственной охраны объектов культурного наследия.

Федеральный закон «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» регулирует отношения в области сохранения, использования, популяризации и государственной охраны объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) и направлен на реализацию конституционного права каждого на доступ к культурным ценностям и конституционной обязанности каждого заботиться о сохранении исторического и культурного наследия, беречь памятники истории и культуры, а также на реализацию прав народов и иных этнических общностей в Российской Федерации на сохранение и развитие своей культурно-национальной самобытности, защиту, восстановление и сохранение историко-культурной среды обитания, защиту и сохранение источников информации о зарождении и развитии культуры.

Принятие этого документа стало большим событием в сфере охраны культурного наследия. Закон создан с учетом новейшего европейского опыта и реальной экономической и социокультурной ситуации в стране. В нем подчеркивается ценность объектов культурного наследия России как символа национально-культурной самобытности, важнейших элементов историко-культурной среды обитания и информативных исторических источников.

Объекты культурного наследия (памятники истории и культуры) народов Российской Федерации представляют собой уникальную ценность для всего многонационального народа РФ и являются неотъемлемой частью всемирного культурного наследия.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Вахитов А. К. Административно-правовой режим объектов культурного наследия // Вестник Московского университета МВД России. 2007. № 1.
2. Шмидт С. О. Памятники в системе развития науки и общественного сознания // Музееведение. Музеи мира / отв. ред. Н. Н. Кузьмина. М., 1991.
3. Лихачев Д., Платонов Ю., Васнецов А. Памятникам — свой хозяин // Советская культура. 1988. 17 нояб.
4. Музейное дело и охрана памятников. Музеефикация памятников архитектуры: теория и практика (80-е годы). М., 1989.
5. Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации: Федеральный закон // Наследие народов Российской Федерации. 2002. № 1.

М. М. Анисимова (Новосибирск)

РОЛЬ СЕЛЬСКОГО БИЗНЕСА В ПРЕОДОЛЕНИИ БЕДНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ РЕГИОНА АГРАРНОЙ СПЕЦИАЛИЗАЦИИ

**(по результатам социологических исследований,
проведенных в Алтайском крае)**

В результате проведения экономических реформ в России проблема бедности стала актуальной для жителей всех регионов страны, особенно остро она проявилась в регионах аграрной специализации. Алтайский край не стал исключением. Целью исследования

является выявление роли сельских предприятий в социальном развитии села, поддержке социальной инфраструктуры, преодолении сельской бедности и помощи беднякам, проживающим на селе. Анализ специфики участия сельского бизнеса в решении проблем села осуществлен на основе данных социологического исследования «Сельская бедность в новой России: механизмы формирования и преодоления», проведенного в Алтайском крае в 2011 г. НП «Центр социально-экономических исследований и региональной политики» под руководством А. М. Сергиенко и при участии автора. Информационной базой исследования являются результаты опроса 440 бедных сельских жителей, данные полустандартизированных опросов экспертов — 38 руководителей и специалистов муниципальных органов управления, 19 руководителей сельских предприятий, а также глубинного интервью с 8 руководителями региональных органов власти. Кроме того, осуществлен вторичный анализ результатов ранее проведенных данным Центром выборочных опросов экспертов: в 2008 г. опрошено 59 представителей органов местного самоуправления Алтайского края по проекту «Проблемы и перспективы развития социальной сферы села», в 2004 г. — 24 представителя органов местного самоуправления Алтайского края в рамках проекта «Экономические поведение сельского населения как механизм формирования и преодоления бедности».

Результаты исследования показали следующее. Большинство руководителей старается что-либо предпринять для улучшения материального положения своих работников. В 2011 г. доля руководителей, не оказывающих помощь своим работникам, практически не изменилась в сравнении с 2008 г. и составила 10% (против 13% в 2008 г.). В основном (так же, как и в 2008 г.) отличившимся работникам выплачивают денежные премии (редко — премии в натуральном виде). Широко применяется предоставление работникам льгот на приобретение скота, кормов, семян, твердого топлива, сена, некоторых продуктов питания (мука, масло подсолнечника) в отличие от 2008 г., когда такие виды помощи оказывались редко. Также встречается довольно часто такой способ помощи, как предоставление служебного транспорта. В 2008 г. эта мера была распространена реже: средний уровень распространенности.

Средне распространена среди руководителей предприятий реализация продукции организации по более низким ценам. Причем в 2008 г. эта мера применялась чаще. Традиционными (распространенными как в 2011 г., так и в 2008 г.), но имеющими средний уровень распространения, являются такие способы помощи, как ма-

териальная помощь нуждающимся работникам, льготное питание, вложение средств в развитие персонала, повышение профессионально-квалификационного уровня работников. Реализуется и такая мера, как помощь в организации медицинского обслуживания: диспансеризация, дополнительное медстрахование, что в 2008 г. встречалось редко.

Реже, чем в 2008 г., применяется такая мера, как строительство или предоставление жилья для работников и приглашенных специалистов. Как в настоящее время, так и в 2008 г., редко встречаются премирование отличившихся работников, помощь ветеранам предприятия, поддержка молодежи, помощь оплаты расходов на обучение в вузах детей работников, предоставление путевок (погашение расходов) работникам и их семьям в дома отдыха, санатории, профилактории, курорты, летние лагеря и др. Раньше редко применялись такие меры помощи, как оплата полностью или частично расходов на содержание детей в детских садах и других дошкольных учреждениях, назначение стипендий для работников, их детей, обучающихся в вузах, сейчас они не применяются вовсе.

Более четверти руководителей предприятий не оказывают помощи не являющимся их работниками малообеспеченным односельчанам. Остальные в основном помогают бедным в приобретении скота, кормов, семян, дров, реже реализуют продукцию предприятий по более низким ценам, оказывают материальную помощь нуждающимся (пенсионерам, инвалидам, бедным семьям и др.), предоставляют служебный транспорт для оказания медицинской помощи. Помогают участием в содержании объектов жилищно-коммунального хозяйства, в жилищном строительстве, организуют бесплатное или льготное питание, помогают оплачивать расходы на обучение детей, их содержание в детских садах и других дошкольных учреждениях, оказывают помощь школе, медицинским учреждениям (например предоставление молока в детское отделение районной больницы).

Более половины экспертов считают, что самую важную роль в решении проблемы сельской бедности играют государственная служба занятости, центры занятости, государственные органы социальной поддержки населения. Тем не менее отмечена высокая роль фермерских хозяйств, частных предпринимателей (без образования юридического лица): наряду с органами местного самоуправления они занимают третье место в рейтинге. Сельские предприятия, учреждения заняли четвертое место. Роль сельского бизнеса эксперты отмечали и ранее: по данным опроса 2004 г., примерно треть респондентов отметила, что наиболее значимую роль в сельской местности в их регио-

не в поддержке бедных, в решении проблем бедности играли частные предприятия (первое место в рейтинге хозяйствующих субъектов, решающих проблему бедности на селе). Также были отмечены фермерские хозяйства (второе место в рейтинге наряду с муниципальными предприятиями, учреждениями), частные предприниматели без образования юридического лица (третье место в рейтинге). Указывая на примеры сокращения сельской бедности, эксперты в первую очередь говорили о развитии предпринимательства, создании рабочих мест. Роль сельского бизнеса в поддержке бедных, по мнению экспертов, в 2004 г. была больше, чем в настоящее время.

В рейтинге организаций, играющих наиболее значимую роль в решении проблемы сельской бедности, сельский бизнес, по мнению руководителей предприятий, лидирующую позицию не занимает, но все-таки играет важную роль. В 2008 г. эксперты — руководители предприятий — фермерским хозяйствам давали самый высокий рейтинг организаций, играющих наиболее значимую роль в развитии социальной сферы села, второе место было у частных предприятий, а частным предпринимателям без образования юридического лица оставляли четвертое место. Представители муниципальных органов власти видят значимую роль фермерских хозяйств, частных предпринимателей (без образования юридического лица), сельских предприятий, учреждений (в основном частных) в преодолении бедности. В рейтинге организаций, играющих наиболее значимую роль в решении проблемы сельской бедности, фермерские хозяйства и частные предприниматели (без образования юридического лица) эксперты — представители власти поставили на третье место, сельские предприятия (государственные, муниципальные, частные) — на пятое место из девяти возможных. Руководители общественных организаций отмечают, что фермерские хозяйства, частные предприятия (без образования юридического лица) играют значимую роль в решении проблемы сельской бедности (четвертое место из семи). Роль сельских предприятий и учреждений в борьбе с бедностью, по их мнению, невысока — шестое место из семи, причем отмечена роль государственных и муниципальных, но не частных предприятий.

По сравнению с 2004 г., в 2011 г., по мнению экспертов, среди организаций, поддерживающих бедных, высокой была и остается роль фермерских хозяйств, частных предпринимателей (без образования юридического лица), а муниципальным предприятиям эксперты дают низкий рейтинг. Рейтинг государственных предприятий упал со второго на третье место, а частных предприятий — поднялся с третьего на второе место.

Из глубинного интервью с руководителями региональных органов власти следует, что роль сельского бизнеса в решении проблемы сельской бедности достаточно высока: *«сельские предприниматели — очень отзывчивые, отзываются на всевозможные предложения, и на создание в социальных учреждениях попечительских советов. И больше в попечительских советах находится сельских предпринимателей»* (слова заместителя руководителя регионального органа социальной защиты населения). Несмотря на то, что *«первая забота — это все-таки выжимание прибыли и удовлетворение своих потребностей»* (уполномоченный по правам человека в регионе), предприятия все же готовы оказывать помощь своим односельчанам: *«некоторые руководители работают и на социальную сферу и стараются помочь и решать проблемы сельян — есть такие руководители, но их, к сожалению, не так много, очень мало. Постепенно придут к этому»* (депутат законодательного органа региона, председатель региональной общественной организации). Руководители региональных органов власти отметили отсутствие эффективного механизма участия бизнеса в решении социальных проблем села.

Бедное сельское население, в отличие экспертов, в значительно меньшей степени признает роль сельского бизнеса в решении разнообразных жизненных проблем, которые прямо или косвенно связаны с бедностью. Крайне редко малообеспеченные сельяне обращаются за помощью к начальству по месту работы, еще реже — в частные организации, фермерские хозяйства, к предпринимателям. Также ничтожно мала доля респондентов, отметивших, что им оказали помощь вышеназванные организации. Среди видов оказанной помощи основными являются материальная помощь, предоставление кредитов, ссуд, займов.

Таким образом, эксперты — представители бизнеса — как в настоящее время, так и 2008 г., отмечают, что принимают непосредственное участие в решении социальных проблем села в целом, и в частности, в решении проблемы бедности. Помогают они как своим работникам, так и бедным односельчанам, на предприятиях не работающим. Представители региональной власти и органов местного самоуправления отмечают значимую, но недостаточную роль сельского бизнеса в решении проблемы бедности. По мнению руководителей общественных организаций, роль предпринимателей в решении проблемы бедности невысока. Малообеспеченное сельское население склонно не обращаться с проблемами к представителям сельского бизнеса, но те респонденты, кто предпринял эти действия, в основном отмечали, что помощь они получали.

Основной традиционной мерой улучшения материального положения работников, используемой руководителями предприятий села, является выплата денежных премий. Реже применяются такие традиционные способы улучшения их материального положения, как материальная помощь нуждающимся работникам, льготное питание, вложение средств в развитие персонала, повышение его профессионально-квалификационного уровня. Руководители предприятий стали реже строить и предоставлять жилье работникам. В настоящее время не применяется вовсе такая мера, как частичная или полная оплата расходов на содержание детей в детских дошкольных учреждениях, что осуществлялось ранее, но достаточно редко. Руководители предприятий стали больше времени уделять организации медицинского обслуживания в своих организациях.

В. А. Бараночников (Орел)

ИЗУЧЕНИЕ ОСОБЕННОСТЕЙ СОЦИАЛЬНОЙ НАПРЯЖЕННОСТИ В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ ОБЩЕСТВА

Активизация процесса социальной трансформации, наблюдаемая как на глобальном, так и на региональном уровнях, позволяет говорить о вступлении современного общества в стадию глобальной турбулентности. Массовые продолжительные социальные волнения в Северной Африке и Европе можно рассматривать как явный признак достижения социальной системой критической точки напряжения.

В этих условиях основным вопросом становится способность элит спрогнозировать направление вектора нынешнего этапа социальной эволюции и адаптировать к происходящим изменениям имеющиеся и/или выработать принципиально новые механизмы экономического и политического регулирования. При этом своевременность и эффективность реакции на возникающие угрозы будут непосредственно определять глубину и продолжительность кризисных явлений.

Для России все сказанное приобретает особую актуальность. Процесс трансформации социальной структуры российского общества сопровождается негативными моментами, оказывающими значительное влияние на всю социальную жизнь общества. В настоящее время все более реально осознается угроза прогрессирующего кризиса социума и деградации социальных структур, в особенности на уровне регионов, где кризисные явления приняли наиболее опасные формы.

Трансформационные процессы привели не только к возникновению новых социальных общностей, их взаимосвязей, иерархии, затронули отношения собственности, распределения, направления социальной мобильности, но и крайне обострили имущественную дифференциацию, поляризовали интересы и политические предпочтения социальных групп. Кроме того, изменения в социальной структуре поставили перед традиционными общностями вопрос осознания индивидуальной и групповой социальной идентичности, интеграции и дезинтеграции, месте в социальной иерархии, солидарности, уровне сплоченности, системе ценностей.

В течение последнего времени в нашей стране фиксируется устойчивая тенденция к нарастанию социальной напряженности и снижению уровня доверия государственным институтам. Данное обстоятельство, с учетом интегрированности в мировое политико-экономическое и информационное пространство, позволяет предположить, что в случае дальнейшего сохранения или обострения нестабильности за рубежом негативные процессы внутри России будут только ускоряться. Подобный сценарий развития событий исключает возможность нивелирования проявлений социального недовольства только тактическими мерами и не позволяет рассчитывать на относительно безболезненное преодоление кризисных явлений.

Таким образом, анализ современного этапа развития ситуации в России, как с точки зрения динамики происходящих трансформационных процессов, так и масштабов преобразований во всех сферах общественной жизни, свидетельствует о том, что одним из основных сдерживающих факторов дальнейшего развития является сохранение достаточно высокого уровня социальной напряженности. Результаты социологических исследований, а также мониторинг протестных выступлений последнего времени позволяют говорить о том, что социальная напряженность из объекта исследований соответствующих дисциплин стала фактически ключевой составляющей наблюдаемых в российском социуме изменений.

Оставляя за рамками данной статьи многообразие конкретных причин данной тенденции, следует, тем не менее, признать потенциальную угрозу ее дальнейшего усиления. Вышеизложенное актуализирует задачу изучения проблемы социальной напряженности, несмотря на наличие целого ряда исследований, посвященных теоретико-методологическим аспектам данной проблемы. При всей на первый взгляд глубине проработанности темы, множестве авторских методик анализа, прогнозирования и регулирования социальной напряженности, динамика происходящих в обществе трансфор-

мационных процессов диктует необходимость адаптации имеющихся знаний к современным реалиям. В данном контексте представляется целесообразным рассмотреть существующие теоретико-методологические подходы к понятию социальной напряженности.

В современной российской социологии термин «социальная напряженность» стал активно использоваться в начале 90-х гг. XX в., что было обусловлено необходимостью адаптации имеющегося понятийного аппарата и выработке новых подходов к изучению происходящих в тот период радикальных изменений в государстве и социуме — трансформации системы управления, демонтажу экономической модели, утрате сложившихся ценностных ориентаций, появлению новых политических и общественных институтов. Указанные процессы имели глубоко конфликтный характер и сопровождались резким обострением противоречий во всех сферах жизни общества.

Анализ работ российских исследователей позволяет говорить о том, что общим для всех определений социальной напряженности, независимо от подходов авторов, является постулат о наличии в обществе противоречий, конфликтов интересов, неудовлетворенности существующим положением, способных на определенном уровне привести к деструктивным изменениям, нарушить целостность социальной системы.

При более детальном изучении вопроса можно выделить следующие основные подходы.

Социальную напряженность как особое состояние общественной жизни рассматривают В. О. Рукавишников, в трактовке которого социальная напряженность — это понятие, характеризующее особое состояние общественной жизни, отличающееся обострением внутренних противоречий объективного и субъективного характера [1], И. В. Пирогов, определяющий социальную напряженность как «специфическое состояние общественных отношений, основанное на неудовлетворенных потребностях индивидов и характеризующее нестабильность социальной системы» [2, с. 24], Н. С. Данакин — «такое состояние социальной системы, содержание которой составляет процесс возникновения и развития противоречивости отношений, интересов, действий людей, социальных групп и институтов, общества в целом» [3, с. 315].

Социальную напряженность как «интегральный социальный феномен, формирующийся на основе высокой неудовлетворенности людей своим социальным, экономическим и политическим положением, характеризующий динамику особого социального состояния части общества и функционирующий под воздействием как доминирующих тенденций развития общества, так и особых условий и обстоятельств» интерпретирует Е. В. Тучков [4, с. 24].

Социальная напряженность как изначально присущее обществу объективное явление, существующее независимо от форм проявления, своего рода «постоянная» характеристика социума, анализируется Г. В. Барановой [5, с. 24].

В конфликтологии социальная напряженность рассматривается в качестве «диагностического средства в анализе социально-психологических проблем конфликтов» и определяется как «массовый адаптационный синдром, который отражает степень физиологической, психофизиологической и социально-психологической адаптации, а во многих случаях — дезадаптации различных категорий населения к хронической фрустрации, трудностям (понижению уровня жизни и социальным изменениям); проявляется в резком росте недовольства, недоверия к властям, конфликтности в обществе, тревожности, как экономической, так и психической депрессии, в ажиотажном спросе, ухудшении демографической ситуации, компенсаторных реакциях (агрессии, поиске врагов, надежде на чудо), стрессогенности отношений; определяется состоянием экономики, эффективностью власти, влиянием средств массовой информации, оппозиции и криминальных структур» [6, с. 89].

В этом же ряду следует привести определение, согласно которому социальная напряженность представляет собой «эмоциональное состояние (свойственный конфликту и сопровождающее его) в группе или обществе в целом, вызванное давлением со стороны природной или социальной среды, продолжающееся, как правило, в течение более или менее длительного времени».

Все вышеизложенное позволяет сделать вывод, что социальная напряженность является одной из основных характеристик стабильности общества (особенно в переходный период), своевременность мониторинга и определения критериев которой позволит оказать необходимое управляющее воздействие и нивелировать остроту накопившихся противоречий.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Рукавишников В. О. Социально-политическая ситуация и общественное мнение // Социологические исследования. 1992. № 11.
2. Пирогов И. В. Социальная напряженность: теория, методология и методы измерения : автореф. дис. ... канд. соц., наук. М., 2002.
3. Данакин Н. С. Конфликты и технология их предупреждения. Белгород, 1995.

4. Тучков Е. В. Социальная напряженность в регионах центра России: механизмы диагностики и регулирования : автореф. дис. ... канд. соц. наук. М., 2001.
5. Баранова Г. В. Социальная напряженность: особенности методологии и методики ее анализа прогнозирования в регионах Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. соц. наук. М., 2009.
6. Зеленков М. Ю. Социально-психологические проблемы конфликтов. М., 2005.

О. В. Бобровский (Орел)

ОСНОВНЫЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ СОЦИАЛЬНО-СТРАТИФИКАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ

Актуальность изучения социальной стратификации обусловлена необходимостью выявления трансформации социальной структуры российского общества в результате реформационных процессов последних десятилетий XX в., приведших к изменениям в социокультурной среде и духовной жизни, формированию в обществе новых социальных слоев. Без анализа социальной структуры общества невозможно понять подлинной сущности общественных отношений и процессов, их последствий в целом и конкретных групп населения в особенности.

Достаточно большое количество научных исследований, в которых с определенных сторон дается описание трансформационных процессов, свидетельствует как о наличии разброса в методологических подходах и технологиях описания социальной дифференциации и социальной структуры, так и о необходимости системного анализа и определения интегративных тенденций развития дальнейшего исследования.

Впервые вопросы социального расслоения были затронуты в работах античных философов — Гесиода, Гераклита, Платона и Аристотеля, а также великих философов Нового времени — И. Канта и Г. В. Ф. Гегеля. В их трудах заложены основы трансформационного видения движения вообще и социальных изменений в частности и в границах возможностей своего исторического времени сформулированы принципы и механизмы описания процесса трансформации социальной структуры общества.

Ко второму направлению можно отнести труды, выводы которых представляются основополагающими для социальной философии и социологии. Речь идет о работах К. Маркса, О. Конта, М. Вебера,

Г. Спенсера, Г. Зиммеля. Для выбранной нами проблематики важны те идеально-типические конструкции, которые с разных сторон отражают онтологию и генезис социальных систем.

Достаточно большое количество научных исследований, в которых с определенных сторон дается описание трансформационных процессов, свидетельствует как о наличии разброса в методологических подходах и технологиях описания социальной дифференциации и социальной структуры, так и о необходимости системного анализа и определения интегративных тенденций развития дальнейшего исследования.

Для понимания социальных процессов наряду с работами крупнейших европейских и американских социологов и антропологов М. Вебера, Г. Зиммеля, Р. Парка, Э. Стоунквиста, П. Штомпки важное значение имеют работы отечественных авторов — Н. Ионина, Ю. Плюснина, З. Голенковой, В. Радаева, Б. Шапталова, О. Шкаратан и др.

В работах отечественных ученых рассматриваются вопросы социальной стратификации социологического характера (Т. Заславская, Ю. Левада, В. Радаев, О. Шкаратан), подробно исследуются отдельные социальные слои (Е. Игитханян, П. Козырева) и формирующие элитарные группы (О. Крыштановская, Л. Бабаева).

Стратификация — изначально термин геологический. Он служит для обозначения расположения пластов Земли по вертикальной линии. Социология унаследовала данную схему и создала строение общества наподобие строения Земли, размещая социальные слои общества тоже по вертикали. Основанием для данной схемы строения служит так называемая лестница доходов, где бедняки занимают самую низшую ступеньку, средний класс населения — среднюю, а богатый слой — верхнюю.

Социальная стратификация российского общества стала предметом анализа отечественных социологов сравнительно недавно. В социальной стратификации фиксируется неравенство, которое не тождественно материальному расслоению. Стратификация проходит по ряду критериев, одними из которых выступают социально-экономические показатели положения населения. Для их изучения используются следующие нормативные показатели: пороги бедности, нищеты, среднего достатка, обеспеченности.

Порог бедности определяется бюджетом прожиточного минимума (стоимостной оценкой набора прожиточного минимума, включая расходы на налоги и другие обязательные платежи). Порогом нищеты признан доход семьи, при котором возможно лишь приобретение минимальной продовольственной корзины. Порог среднего до-

статка высчитывается как стоимостное выражение потребительской корзины из более широкого набора продуктов питания и расходов на приобретение непродовольственных товаров, услуг, удовлетворения культурно-духовных потребностей. Порог обеспеченности определяется умножением стоимостного выражения бюджета прожиточного минимума в несколько раз.

Рационально использовать относительные коэффициенты превышения показателей реальных доходов населения (среднедушевые денежные доходы, средний размер пенсии, среднемесячная заработная плата) над прожиточным минимумом. Высчитывается этот показатель как процент отношения разницы между показателем реальных доходов и прожиточным минимумом к прожиточному минимуму:

$$K = [(\text{реал. доход} - \text{прож. минимум}) / \text{прож. минимум}] \times 100\%.$$

Такой относительный показатель наиболее точно позволяет оценить, как реальные доходы соотносятся с порогом бедности. Аналогичным образом можно рассчитать и относительные коэффициенты, позволяющие оценить соотношение уровня реальных доходов и порогов нищеты, среднего достатка, обеспеченности. Для оценки уровня социальной дифференциации и материального неравенства населения осуществляется расчет соотношения доходов 10% наиболее и 10% наименее обеспеченного населения (так называемый децильный коэффициент) [2, с. 27].

Еще одна важная процедура диагностического исследования — анализ социально-экономического статуса семей. Семьям со среднедушевыми денежными доходами ниже прожиточного минимума присваивается статус бедных, со среднедушевыми денежными доходами ниже прожиточного минимума в два и более раза — крайне бедных. Постоянно бедными считаются те семьи, где среднедушевые денежные доходы ниже прожиточного минимума в течение года и более.

В настоящее время в изучении социальных процессов, к сожалению, пока еще не нашли достаточно широкого распространения и применения методы математической статистики. Социальная информация, собранная в системе мониторинга, способна давать исходный материал для глубокого и разностороннего автоматизированного анализа, моделирования и прогнозирования динамики социальных процессов. Последующая визуализация полученных результатов в форме табличных распределений, графиков и диаграмм позволяет наиболее четко увидеть изучаемый процесс.

Таким же образом решается задача и при прогнозировании социальных отношений и процессов. Информационно-прогнозная технология включает следующие методы математической статистики: ис-

следование суммарных статистик, корреляционный, дисперсионный и регрессионный методы анализа. Поскольку методы математической статистики предполагают достаточно трудоемкие математические расчеты, формирование математических моделей, прогнозов и их графическую интерпретацию рекомендуется осуществлять на персональном компьютере с использованием статистических пакетов прикладных программ, таких как Statgraphics, SPSS, STADIA [2, с. 234].

Первый блок служит для определения показателей, подлежащих дальнейшему исследованию методами математической статистики. Отбор таких показателей осуществляется в соответствии с целью проводимого прогнозного исследования.

Второй блок решает проблему выборки динамического ряда показателей из баз данных. В данном блоке формируется исходная информационная модель объекта исследования.

Третий блок нужен для анализа разброса данных с помощью расчета суммарных статистик для каждого показателя.

В четвертом блоке осуществляется разветвление технологического цикла в соответствии с результатами исследования математических статистик. Если имеется приблизительное равенство средней арифметической, моды и медианы, а асимметрия и эксцесс по абсолютной величине не превышают 2, то исследование продолжается.

Пятый блок применяется для исследования зависимостей между показателями с использованием методов корреляционного анализа: простого — для обнаружения связи между двумя переменными и канонического — для анализа многих переменных.

В шестом блоке осуществляется анализ результатов корреляционного анализа. Если связь между показателями значительна, то исследование продолжается. Связь между показателями считается значительной, если коэффициент корреляции по абсолютной величине больше или равен 0.5. Связь будет прямой при положительном коэффициенте корреляции и обратной — при отрицательном.

В седьмом блоке на основе методов регрессионного анализа формируются математическая модель и ее графический образ.

В восьмом блоке проводится оценка построенной модели. Рассчитываются коэффициент детерминации, уровень значимости и критерий Фишера.

В девятом блоке осуществляется анализ подсчитанных в предыдущем блоке оценочных величин, и если модель информационно валидна и значима, то исследования продолжают.

Десятый блок необходим для выстраивания прогноза. Прогноз строится как проекция в будущее на основе сформированной мате-

матической модели. Причем прогнозный период не должен превышать четвертой части от размера динамического ряда наблюдений.

В одиннадцатом блоке осуществляется оценка достоверности прогноза. Для этого используются показатели относительной ошибки прогноза и среднеабсолютной процентной ошибки. Если точность прогноза хорошая, то осуществляется переход к двенадцатому блоку, в котором интерпретируются полученные результаты [3, с. 223].

В каждое исследование необходимо включать сравнение результатов прогнозирования за прошедший прогнозный период с полученными реальными данными. Если будет обнаружено большое отклонение исследуемого социального показателя от прогноза, то это значит, что необходимо провести дополнительное аналитическое исследование с привлечением экспертов с целью обнаружения и анализа факторов, оказавших столь сильное влияние на стабильность социальных процессов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Татарова Г. Г. Методология эмпирической социологии как предмет анализа // Россия: общество, власть, государство. Вторые казанские чтения : материалы Всероссийской научной конференции. Казань, 2008.
2. Сухорослов О. В. Обучение современным технологиям обработки больших массивов данных на кластерных системах. М., 2009.
3. Шляпентох В. Э. Проблемы качества социологической информации: достоверность, репрезентативность, прогностический потенциал. М., 2006.

С. А. Власова, В. И. Козачок (Москва)

СОЦИАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ: УПРАВЛЕНИЕ ИНФОРМАЦИЕЙ И ЗНАНИЯМИ

Английский политик и премьер министр Великобритании Уинстон Черчилль (1874–1965) сказал: «Кто владеет информацией, тот владеет миром». И по сей день в современном мире информация и знания занимают ведущие позиции во всех сферах деятельности.

Под информацией понимаются сведения, полученные в результате переработки данных, представляющих собой сигналы, из которых извлекается информация. С точки зрения классической теории ин-

формации понятие «информация» определяется через меру уменьшения неопределенности знания о каком-либо событии. Это научное понятие впервые было дано в 50-е гг. XX в. в трудах К. Шеннона и Н. Винера по теории информации в связи с развитием нового научного направления — кибернетики [1, с. 71].

Информация особо значима в управлении общественными делами, социальными процессами.

Согласно формулировке, предложенной А. А. Снытниковым и Л. В. Тумановой, «информация как благо нематериальное имеет множество разнообразных смысловых оттенков. В зависимости от тех или иных обстоятельств в повседневной жизни информация может быть актуальной и устаревшей, объективной и субъективной, точной и ложной, основательной и безосновательной, многоплановой и однобокой, обличающей и оправдывающей, укрепляющей и компрометирующей, „хорошей“ и „плохой“ и т. д.» [2, с. 20].

Субъект управления должен быть своевременно ознакомлен с вновь поступившей информацией (знаниями) во избежание негативных последствий. Можно выделить основные составляющие управленческой деятельности, которые влияют на эффективность всего управленческого процесса. Первой ступенью управления является анализ, где производится сбор, обработка, систематизация, хранение и выявление аспектов, касающихся управления. Также в ходе этого этапа перед субъектом управления возникает проблема обработки большого массива информации, где и появляются персональные компьютеры, которые в наши дни необходимы для результативной работы. Грамотный анализ является своего рода прогнозированием управленческого процесса. Второй ступенью является планирование, его назначение заключается в умении заблаговременно учесть и выявить все факторы, обеспечивающие благоприятные условия для объектов управления. Таким образом, от информации может зависеть правильность организованной деятельности, организации, корпорации и государства в целом. Поэтому сбор и переработка информации, ее эффективное использование — необходимый компонент управления. Информация, используемая в управлении обществом, по самой своей природе социальная. Отражая общественные отношения (в широком смысле), отношения и процессы любого типа и уровня, она является высшим, наиболее сложным и многообразным типом информации [3, с. 246].

С внедрением информационных технологий в общество актуальной проблемой явилась потребность общества в расширении свободного обмена информацией и необходимостью сохранения отдельных регламентных ограничений на ее распространение (безопасности)

как для государства в целом, так и для отдельных корпораций, организаций и личностей. Впервые анализ безопасности не как физического, а как социального явления был проведен английским философом XVII в. Томасом Гоббсом, который указал на взаимосвязь и взаимообусловленность безопасности человека, общества и безопасности государства. Рассматривая безопасность как социальное явление, Гоббс установил ее социальную природу, связал эффективность обеспечения безопасности с вырабатываемыми обществом нормами поведения. В свою очередь, для обеспечения безопасности любого рода деятельности необходимо компетентное, гармоничное управление, будь то организация, корпорация или государство.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Гладышев А. Г., Иванов В. Н., Патрушев В. И. и др. Основы социального управления : учебное пособие. М., 2001.
2. Снытников А. А., Туманова Л. В. Обеспечение и защита прав на информацию. М., 2001.
3. Афанасьев В. Г. Научное управление обществом. М., 2000.

М. А. Гохгалтер (Барнаул)

ТЕНДЕНЦИИ ИЗМЕНЕНИЯ ВОСПРОИЗВОДСТВА ЦЕННОСТЕЙ ЧЕРЕЗ СИСТЕМУ ОБРАЗОВАНИЯ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ В ПРОЦЕССЕ ЕЕ РЕФОРМИРОВАНИЯ

(по результатам лонгитюдного исследования 2005–2010 гг.)

Идея исследования проблем культурного воспроизводства в системе высшего образования возникла в связи с вступлением нашего образования в эпоху перемен. Управленцы от образования разработали новую его концепцию в духе времени, а именно в духе Болонских соглашений. Главной парадигмой реформирования стали унификация и универсализация нашей системы образования, приведение ее в соответствие с европейской системой с целью создания единого образовательного пространства. Это, по мнению авторов реформы, должно сделать ликвидными документы об окончании российских учебных заведений на международном рынке труда. В адрес реформы звучал ряд критических замечаний со стороны ученых и учите-

лей. Многие заявляли о напрасном разрушении системы российского образования, говорили о том, что данная реформа повлечет за собой удорожание образования, снижение его качества, нивелирование образования до возвращения функционеров.

В 2005 г. нами был проведен первый этап социологического исследования культурного воспроизводства через систему высшего образования. Целью исследования было выявление особенностей трансляции и воспроизводства ценностей и норм мировой, советской, русской и глобальной культуры посредством системы высшего образования в России. Полевой этап исследования был проведен на базе Алтайского государственного университета. Выбор данного высшего учебного заведения обусловлен тем, что Алтайский государственный университет (АлтГУ) является единственным в крае классическим университетом, т.е. подготовка студентов здесь ведется с ориентацией не только на прикладные знания, но и глубокую теоретическую научную подготовку.

Основными методами исследования были экспертный опрос, включенное наблюдение, контен-анализ документов, тестирование студентов, теоретический анализ документов.

В 2010–2011 гг. был проведен второй этап исследования, в ходе которого был расширен список вузов, включенных в выборочную совокупность при проведении наблюдения и тестирования студентов. В выборочную совокупность с АлтГУ вошли такие вузы, как Алтайская государственная академия культуры и искусств, Алтайская государственная педагогическая академия, Алтайский государственный медицинский университет и Алтайский государственный технический университет. В результате был проведен сравнительный анализ данных, который позволил проследить тенденции культурного воспроизводства в период реформирования современного высшего образования с 2005 по 2010 г. не только во временной перспективе, но и с точки зрения различных направлений высшего профессионального образования.

Результаты исследования свидетельствуют об обоснованности деления ценностей и норм культуры на мировые, глобальные, русские и советские, что подтверждается не только выявленными фактами трансляции культурных ценностей и норм данных типов культур посредством института высшего образования, но и существенными различиями в степени их трансляции.

Данные, полученные в результате проведенного в 2005 г. эмпирического исследования, свидетельствуют о том, что система высшего образования плохо справляется с функцией трансляции ценностей и норм всех типов. К 2010 г. значение функции трансляции культурных ценностей снизилось еще больше.

В 2005 г. наиболее активно транслировались ценности и нормы мировой культуры (0,41)*. В тот период российское высшее образование находилось на переходном этапе от старой системы к новой, поэтому под сомнение было поставлено все, и только значимость мировой культуры не оспаривалась, поэтому-то, скорей всего, они имели наиболее высокий показатель.

На втором месте стояли глобальные ценности, трансляция которых — дань времени и сложившейся ситуации (0,36). «По объективным причинам система высшего образования в нашей стране будет транслировать ценности и нормы данного типа культуры, так как оно видоизменяется под действием процессов глобализации и на их основе» — эта прогностическая формулировка описывала коэффициент трансляции глобальных ценностей в 2005 г.

Ценности и нормы русской культуры по степени трансляции стояли на третьем месте (0,1), но при этом существенно отставали от первых двух и были ближе по значению к советским. Близость значений коэффициентов трансляции можно объяснить тем, что данные типы ценностей тесно переплетены друг с другом. Так, соборность и коллективизм, мессианство и интернационализм трудно разделимы в сознании россиян. Низкий показатель трансляции данных типов ценностей объясняется тем, что проблемы ценностей русского народа принято было замалчивать и отводить на задний план. Данный факт еще раз подчеркивает актуальность вопроса о необходимости поиска методов усиления трансляции именно русской культуры, в том числе в системе высшего образования.

Ценности советской культуры транслируются с такой же интенсивностью, что и русские (0,1). Они старательно придаются забвению, и их трансляцию не предполагается осуществлять через институт образования.

В 2010 г. структура распределения доли трансляции ценностей несколько изменилась. На фоне общего снижения трансляции ценностей возрос уровень трансляции ценностей глобальной культуры с 0,36 до 0,39, в то время как снизился уровень трансляции ценностей мировой культуры с 0,41 до 0,33. Уровень воспроизводства советских и русских ценностей остался на прежнем уровне. Таким образом, можно сказать, что вектор, заданный реформой образования на европейскую и западную систему образования, в течение пяти лет дал свои плоды. В настоящее время система образования переориентирована на инструментализм и прикладной характер.

* Коэффициент трансляции ценностей отражает интенсивность трансляции ценностей в долях от единицы.

Следствием слабой трансляции ценностей и норм в вузе является то, что система высшего образования плохо справляется с функцией воспроизводства ценностей и норм.

Ценности и нормы студентов, обучающиеся в вузе, слабо связаны со степенью их трансляции учебным заведением, в котором они обучаются.

Лишь ценности и нормы мировой культуры, транслируемые посредством содержания высшего образования, имеют связь с ценностями мировой культуры, интериоризованными студентами. Коэффициент r — Пирсона равен 0,4. Регрессионный анализ подтвердил линейный характер данной связи.

Из проведенного анализа данных, полученных в ходе лонгитюдного исследования, можно выделить ряд тенденций, заложенных в процессе реформирования системы современного российского образования с точки зрения культурного воспроизводства.

1. Уровень трансляции всех типов ценностей и норм в системе образования в 2010 г. снизился в сравнении с 2005 г.
2. Изменилась структура соотношения трансляции всех типов ценностей и норм культуры в системе образования. Одним из основных изменений является возрастание интенсивности трансляции ценностей и норм глобальной культуры, что связано, с одной стороны, со снижением интенсивности трансляции ценностей и норм мировой культуры, а с другой — с длительным отказом от традиционных национальных ценностей.
3. Следствием слабой трансляции ценностей и норм в вузе является то, что система высшего образования плохо справляется с функцией культурного воспроизводства.

Н. В. Заживихина (Барнаул)

ТРАНСЛЯЦИЯ ОБРАЗА МАРГИНАЛА В СМИ (на примере еженедельного периодического издания «Аргументы и факты»)

В век динамичных изменений человеку сложно оставаться самим собой, в стремительном темпе смен статусов и социальных ситуаций он вынужден приспосабливаться, становиться более мобильным и конформным, способным одновременно быть «между», принадлежать порой к противоположным и даже взаимоисключающим сторонам.

Такие пограничные состояния принято соотносить с понятием «маргинальность», поэтому данный вопрос привлекает внимание социологов, философов, психологов, а возникновение подобных ситуаций в повседневной жизни обычных людей также не оставляет их равнодушными к данному явлению.

Несмотря на зыбкое состояние современного общества, что изначально подразумевает существование феномена маргинальности, до сих пор не дано однозначного определения понятию «маргинальность», оно негласно ассоциируется с чем-то отличным от нормы, выпавшим из привычных параметров социума, с чем-то непонятным, находящимся за гранью привычных рамок.

Чтобы более конкретно определить термин «маргинальность», предварительно выясним, какой же образ маргинала формируется в представлении простого человека, условно возьмем читателя одного из самых популярных еженедельных российских изданий. Выяснение образа маргинала представляется более конкретным и потому более возможным, так как упоминание таких общих, абстрактных и, в некотором смысле, узкоспециализированных понятий, как маргинальность, не свойственно газетам. А термин «маргинал» в последнее время так или иначе «проскальзывает» в информационных блоках газет, на экранах телевизоров, звучит на радиоволнах и в Интернете, что, в свою очередь, дает повод для того, чтобы признать существование такой проблемы, как маргинальность, в современном обществе.

Кто же такой маргинал? Попытаемся сформировать образ маргинала, транслируемый средствами массовой информации. Для характеристики образа маргинала, создаваемого современными средствами массовой информации, была выбрана газета «Аргументы и Факты», потому что сегодня по результатам рейтинга еженедельных периодических изданий среди газет она остается лидирующим по объему тиража еженедельным периодическим изданием России (тираж 2,997 млн экз.) [1]. Количество читателей газеты составляет около 8 млн чел. [2].

Нами были отобраны и проанализированы статьи с 2000 по 2005 г. включительно. Характерно, что упоминание понятия «маргинал» встречается только в 20 статьях, в процентном соотношении к общему количеству статей за анализируемый период количество статей с упоминанием слов с корнем «маргинал» составило 0,1942%*.

* «Аргументы и факты» — еженедельная газета, в одном выпуске в среднем содержит 33 статьи (год выходит 52 номера с 1716-ю статьями. За анализируемый период было опубликовано 312 номеров газеты, общее количество статей составило 10296.

Таким образом, уже простой подсчет общего количества статей, содержащих однокоренные слова к «маргинал», показывает ничтожно малое упоминание данной категории в обыденной печатной практике, а если учесть, что интерес к проблеме маргинальности возрастает, о чем свидетельствует постоянное упоминание данных терминов на телевидении, по радиовещанию, в СМИ, то невольно приходит мысль об умышленном утаивании или сдерживании информации данного плана*.

При анализе отобранных статей были выделены категории слов и словосочетаний, в которых упоминается слово «маргинал» или однокоренные ему слова. Всего получилось 19 категорий. Далее рассчитывалась частота встречаемости каждой категории во всех статьях, содержащих слово «маргинал» или однокоренные ему слова, определялась абсолютная и относительная частота встречаемости каждой категории.

Если исходить из анализируемых материалов, то маргиналов чаще всего позиционируют как людей, находящихся вне или на краю общества (по 5,2% соответственно) [3, с. 10; 4, с. 4]. При этом характерно, что в средствах массовой информации нет какого-то единого мнения по вопросу о том, каким образом они там оказались: их не признает большинство либо они не стремятся войти в какие-то общественные структуры, варианты причин маргинальности, как и последствий пребывания в маргинальном статусе, также не предоставляются читателям.

Характерно, что какого-то четкого представления о том, кого можно назвать маргиналом, на страницах АиФ также не отмечается. К маргиналам относят как бедных (5,2% от общего количества статей) [5, с. 6], так и асоциальные элементы общества (10,4%) [6, с. 10; 7, с. 26].

В отдельных статьях категория «маргинал» используется настолько поверхностно, что даже непонятно, что же подразумевает под этим понятием сам автор. Например, маргинальная диета [8, с. 8–9], когда можно одно и нельзя другое, маргинальный электорат [9, с. 4] (без указания на то, какие социальные слои его составляют и каким образом вообще можно классифицировать электорат на маргинальный и не маргинальный).

Пожалуй, только в двух случаях маргиналы рассматриваются не в негативном контексте. К примеру, когда утверждается, что мар-

* В текущем году количество упоминаний термина «маргинал» и однокоренных ему слов в статьях анализируемой газеты составило 23. За анализируемый период (2000–2005 гг.) среднее упоминание указанных слов составляет 3 статьи в год.

гинал — человек, отстаивающий принципиальные для него вопросы и позиционирование маргинала как альтернативщика (по 5,2%) [10; 11, с. 9].

В целом можно отметить, что в 17 статьях (89,5% от общего количества статей, содержащих упоминание о маргиналах) образ маргинала предстает в негативном свете. При этом четкого определения данного понятия ни в одной статье не встречается. Общая картина образа маргинала сильно размыта, и не задано даже направления в понимании и определении данного понятия. Это позволяет говорить о размытости границ рассматриваемой категории в печатных средствах массовой информации, а, следовательно, и о том, что нет какого-то определенного образа маргинала, который СМИ создает у населения. Хотя в то же время негативная окраска данного понятия значительно преобладает над положительной.

Таким образом, гипотеза о формировании СМИ определенного образа маргинала в представлениях населения не подтвердилась, более того, СМИ не дают читателям четкого представления о феномене маргинальности, но, тем не менее, термин этот используется неточно, хаотично и с преобладанием негативной эмоциональной окраски, что в свою очередь может влиять на формирование у населения негативных эмоций в отношении к маргиналам.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Рейтинг еженедельных газет, рекламный сайт рекламодателей www.advesti.ru, 2005 [Электронный ресурс]: URL: <http://www.advesti.ru/rating/press/20080622-009/>; Рекламный центр Брэнд медиа, Рейтинг газет [Электронный ресурс]: URL: http://www.brand-ressa.ru/serv__idP_53_idP1_3043_idP2_290_idP3_3052.html; Рейтинг популярности российских СМИ, Exlibris <http://www.exlibris.ru/rejting-izdaniy/>.
2. Аргументы и Факты [Электронный ресурс]. URL: <http://www.aif.ru>. Аргументы и факты: еженедельная газета. М., 2000–2005.
3. Семенова Е. Анджелина Джоли: падший ангел // Аргументы и факты. 2003. № 35.
4. Костиков В. Лица бритоголовой национальности // Аргументы и факты. 2002. № 17.
5. Образцова И. Нищие не устраивают революций // Аргументы и факты. 2004. № 29.
6. Зятьков Н., Кожемякин В. Валаам — это «проповедь в камне» // Аргументы и факты. 2003. № 18.

7. Кожемякин В. Обитель на троих // Аргументы и факты. 2003. № 51.
8. Дюбанкова О., Калинина Т. Тайны долгой жизни. Как избежать ранней смерти и немощной старости // Аргументы и факты. 2005. № 22.
9. Колесниченко А. Железный Василий // Аргументы и факты. 2001. № 2.
10. Колесниченко А. Театр страстей Алексея Пушкиова // Аргументы и факты. 2003. № 30 [Электронный ресурс]. URL: http://gazeta.aif.ru/_/online/aif/1187/23_01.
11. Полупанов В. Ф. Киркоров: от «Зайки» до «Мамайки» // Аргументы и факты. 2001. № 5.

Т. А. Павлова (Барнаул)

БЕДНОСТЬ КАК СОЦИАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА

Проблема бедности — одна из острейших социальных проблем современной России. Именно бедность, ограниченность доступа значительной части населения нашей страны к высокооплачиваемой работе, качественным услугам образования и здравоохранения, возможности успешной социализации детей и молодежи. Низкий уровень доходов значительной части населения вызывает социальную напряженность, препятствует развитию страны, определяет кризисные процессы в семье и обществе. Этой проблеме посвящают свои труды представители различных наук, в том числе и философии.

Ф. Бродель приводит такую запись о порядках в европейских городах: «В 16 веке чужака-нищего лечат или кормят перед тем, как выгнать. В начале 17 века ему обрезают голову. Позднее его бьют кнутом, а в конце века последним словом подавления стала ссылка его в каторжные работы» [1, с. 92].

А. Смит писал: «Мы с презрением относимся к нищему, и, хотя своей докучливостью он вымаливает себе подаяние, он редко бывает предметом глубокого сострадания. А вот перемена судьбы, ниспровергающая человека с высоты величайшего благоденствия в крайнюю нищету, обыкновенно возбуждает глубокое к себе сочувствие» [12, с. 47].

Ф. Хайек считал, что бедность — закономерное явление в человеческом обществе и необходима для общественного блага. Он призывал ограничить государственное участие в сокращении бедности

и возложить ответственность за свою бедность на индивида [3, с. 12].

В советское время люди исходили из того, что бедность есть порождение несправедливости и потому она — зло [4, с. 128].

Насколько поверхностно наше обыденное знание о бедности, говорит такой факт, широко освещенный в литературе. Попытки оказания помощи голодающим в разных районах «третьего мира» путем посылки и раздачи продовольствия очень часто кончались неудачей просто потому, что организм долго голодавших людей «не принимал» пищи — их или рвало, или начиналось тяжелое расстройство желудка. Люди, пораженные желудочно-кишечными заболеваниями и гельминтозами, умирали от голода при избытке пищи — она ими не усваивалась. Этим людей надо было лечить, а не просто кормить. Значительной части страдающих от бедности людей не поможет формальное увеличение их доходов: у кого-то деньги отнимут окружающие, кто-то их пропьет, кто-то из иррационального страха перед «черным днем» спрячет деньги в тайник. Чтобы эти дополнительные деньги «усваивались», нужно лечить весь социум, в котором обитают бедные.

Английские социологи, изучавшие обедневших жителей рабочих районов с длительной застойной безработицей, отметили у них такое явление, как «потерю рациональности» в обращении с деньгами. Эти люди разучились считать и разумно тратить деньги! Получив сумму денег, позволяющую сносно жить, они тратили ее на совершенно ненужные, ненужные вещи или лакомства и снова впадали в нужду. Такое поведение в прошлом наблюдалось при первых контактах европейцев с жителями колоний, когда последние начинали привыкать к деньгам. Но те «дикари» не обладали навыками логического мышления, установления причинно-следственных связей, расчетливостью — у них был иной тип мышления. Их обращение с деньгами с интересом изучали, но оно не вызывало удивления. Однако оказалось, что и бедные англичане впадают в такое же состояние. Чтобы вновь превратить их в «рациональных потребителей», необходимы усилия по их реабилитации [5, с. 215].

Бедность — это общемировой процесс, российская бедность имеет свои особенности. Значительная часть бедных — это те, кто прямо работает на государство и получает от него зарплату. В России обеднели целые категории работающих людей, причем людей квалифицированных, выполняющих сложную работу. Застойная бедность изменила поведение и структуру потребностей по меньшей мере половины населения Российской Федерации, что предопределило новое состояние общества. Меняется сам тип жизни полови-

ны общества. Резко повысилась доля расходов людей на питание – первый признак обеднения. Согласно докладом о здоровье населения положение с питанием в бедной части населения не улучшилось. Другим следствием перестройки структуры расходов людей при обеднении стало резкое сокращение покупок современных предметов длительного пользования, характерных для быта «среднего» класса. Сократился объем предоставляемых населению платных услуг. Сегодня население Российской Федерации потребляет в 2 раза меньше платных услуг, нежели в 1980 г. В быте большинства населения произошел огромный регресс.

В сознании массы людей целенаправленно создается «синдром бедняка», в том числе с помощью множества мелких подачек-льгот, а параллельно так же целенаправленно разрушаются все сложившиеся в советское время «структуры солидарности», чтобы люди не могли опереться друг на друга [5, с. 282].

Социолог Т. И. Заславская пишет: «Процесс ускоренного социального расслоения охватывает российское общество не равномерно, подобно растягиваемой гармонике, а односторонне, — все резче отделяя верхние страты от массовых слоев, концентрирующихся на полюсе бедности». Пребывание в состоянии бедности уже оказало сильное влияние на экономическое поведение. Например, бедность порождает теневую экономику и придает ей высокую устойчивость тем, что она выгодна и работникам, и работодателям. Но теневая экономика в свою очередь воспроизводит бедность, в результате чего замыкается порочный круг. Вот как обстоит дело на селе: «Неформальная занятость позволяет селянам выживать, но совершенно не решает проблему бедности... — не получить ни медицинской помощи, ни образования... «Черный» рынок наемного труда выгоден работодателям — фермерам и предпринимателям, так как позволяет экономить на социальных отчислениях; использовать дешевый труд на сельскохозяйственных работах, что выгоднее, чем применение дорогостоящих гербицидов и техники» [6, с. 10].

Представляется, что бедность — сложная система процессов, приводящая к глубокой перестройке материальной и духовной культуры всего общества. Если состояние бедности продолжается достаточно долго, то складывается и воспроизводится устойчивый социальный тип и образ жизни бедняка. Бедность, по мнению С. Г. Кара-Мурзы, «ловушка, то есть система порочных кругов, из которых очень трудно вырваться» [5, с. 310].

В России происходит ликвидация рабочих мест вследствие длительного паралича промышленного и сельскохозяйственного произ-

водства, распродажи, а также физического и морального износа всей производственной базы страны. Следствием этого процесса и стало резкое обеднение не только массы безработных, но и тех, кто продолжает занимать рабочие места в состоянии их качественного регресса. По масштабам своего влияния на благосостояние населения этот процесс просто несоизмерим с «социальной помощью» и «размазанными» льготами. Возникают целые регионы с застойной бедностью, в которых не возникает рабочих мест для квалифицированных и образованных людей, тем более молодежи [5, с. 422].

Депутат Государственной Думы Российской Федерации П. Б. Шелищ говорил: «Наступает естественное расслоение бедных и богатых. К тому же, если у человека не хватает денег на хлеб и лекарства, зато от советской власти осталась дорогая квартира, почему не поменять ее на другую, чуть проще, меньше и дальше?» [7, с. 8].

Наша страна сегодня переживает кризис в системе здравоохранения, повысилась смертность населения. Причины этих бед известны всем гражданам: высокий уровень стресса, неудовлетворительное состояние социальной сферы и базовой медицины, недоступность высокоэффективных средств лечения для части населения, криминализация общества и рост преступности [5, с. 488].

По мнению В. Н. Шубкина, «обеднение большей части трудящихся и ликвидация права на равный доступ к образованию независимо от доходов родителей создали порочный круг, резко сокративший возможность молодежи вырваться из бедности. Этому в немалой степени способствует и дифференциация в системе образования, ибо плюрализм образования ведет к тому, что в наших условиях лишь богатые получают право на качественное образование. Бедные сегодня уже такого права не имеют» [8, с. 56–59].

Люди, впавшие в крайнюю бедность, разрушают окружающую их среду обитания. Сильнее всего обеднели семьи с детьми, и большая масса подростков стала вливаться в преступный мир. В среде подростков широко распространились пьянство и наркомания, ухудшилось их физическое и психическое здоровье [9, с. 20].

Для преодоления бедности требуется большая программа восстановления всех главных систем жизнеустройства. Беда в том, что отвергнув советскую и светскую рациональность, наши реформаторы не могут опереться в понимании бедности и на православие. Поддержав эту власть, иерархи церкви не в состоянии оправдать ее действия исходя из православия. И лучше в такой ситуации помолчать, ибо иначе пришлось бы признать, что эта власть — источник зла [5, с. 580].

Мы полагаем, что для борьбы с бедностью необходимо объединение усилий не только со стороны власти, но и каждого человека в нашем обществе. Считаю, когда люди поймут, что кому-то нужны, почувствуют заботу о себе со стороны власти, близких им людей, коллег по работе, друзей, проблему бедности можно будет решить, пусть не полностью, но хотя бы частично.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бродель Ф. Структура повседневности. М., 1992.
2. Смит А. Теория нравственных чувств. М., 1997.
3. Сычева В. С. Измерение уровня бедности: история вопроса // Социологические исследования. 1996. № 3.
4. Салин Ю. С. Россия и русские. Хабаровск, 2002.
5. Кара-Мурза С. Г. Потерянный разум. М., 2001.
6. Заславская Т. И. Новые данные о доходах россиян // Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. 1995. № 4.
7. Интервью с П. Б. Шелищем // Дело. 2004. № 5.
8. Шубкин В. Н. Молодое поколение в кризисном обществе // Куда идет Россия? Альтернативы общественного развития. М., 1995.
9. Зинчук Е. Г., Карпухин Ю. Г. Корыстные преступления несовершеннолетних // Социологические исследования. 1994. № 8–9.

С. А. Решетникова (Барнаул)

РЕПРОДУКТИВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ СЕЛЬСКИХ МОЛОДЫХ СЕМЕЙ АЛТАЙСКОГО КРАЯ

Актуальность исследования репродуктивного поведения сельских молодых семей обусловлена в первую очередь необходимостью решения проблемы повышения уровня рождаемости в России в целом и Алтайском крае в частности. По мнению Т. Гурко, ожидать повышения рождаемости в крупных городах вряд ли возможно [1, с. 14]. Как показывают статистические данные, сельское население более восприимчиво к мерам, направленным на повышение уровня рождаемости, которые в настоящее время принимаются государственными и муниципальными органами. Так, в Алтайском крае уровень рождаемости за 2005–2009 гг. вырос на 20,4%, в том числе в городской местности — на 17,6%, в сельской — на 22,9% [2, с. 9].

Под сельской молодой семьей нами понимается семья, проживающая в сельской местности, возраст каждого из супругов в которой не превышает 30 лет, либо неполная семья, состоящая из одного молодого родителя, возраст которого не превышает 30 лет, и одного и более детей. Репродуктивное поведение рассматривается как система действий, направленных на рождение определенного числа детей или на отказ от рождения.

Целью нашего исследования является анализ репродуктивного поведения сельских молодых семей Алтайского края, выявление факторов, влияющих на его формирование, и оценка роли реализуемых мер социальной поддержки.

Информационной базой исследования являются данные социологических опросов, проведенных с участием автора в 2011 г. по следующим проектам: «Социальная поддержка сельских молодых семей» (в опросе населения приняли участие 274 представителя сельских молодых семей, проживающих в 19 районах Алтайского края, в экспертном опросе — 52 руководителя (специалиста) органов местного самоуправления, социальной защиты населения), «Сельская бедность в новой России: механизмы формирования и преодоления».

В социологии семьи для исследования репродуктивного поведения создано множество технических приемов и средств. Одним из способов является анализ таких показателей, как «идеальное», «желаемое» и «ожидаемое» число детей в семье. «Идеальное число» трактуется как отражение социальной нормы детности, «желаемое число» как индикатор потребности в детях, «ожидаемое число» как установочные ориентации, репродуктивные установки, прогнозирующие тенденции рождаемости. Предполагается, что норма должна быть выше реального числа детей, т. е. жизненные трудности и помехи не позволяют людям полностью реализовать принимаемую ими «максимальную норму». Разность между желаемым и фактическим числом детей призвана продемонстрировать негативное влияние жизненных помех и трудностей на сокращение детности. Индекс ожидаемого числа трактуется как установка реального поведения, реальная готовность осуществить намерение в привычных условиях. Ожидаемое число всегда скорректировано на реальные условия жизни семьи [3, с. 260–262].

Анализ результатов проведенного исследования показал, что подавляющее большинство сельских молодых семей считают идеальным наличие двух детей в семье (69%), наличие трех детей считают идеальным 23%. Ориентированы на наличие одного ребенка и, наоборот, более трех детей только единицы, 5,8 и 2,2% соответственно. Таким образом, для села не характерна ориентация на малодетность.

На вопрос «Намерены ли Вы (еще) иметь детей?» подавляющее большинство опрошенных дали положительный ответ (60,2%), в то же время отрицательно ответили почти треть респондентов (27%), еще 12,8% затруднились ответить. Еще одного ребенка планируют иметь 56,5% респондентов, двух детей — 37,5%, трех — 6%. Репродуктивные планы во многом обусловлены числом уже имеющихся в семье детей (коэффициент Крамера — 0,39). Подавляющее большинство бездетных семей (90,5%) планируют иметь (еще) детей, среди семей, в которых уже есть один ребенок, этот показатель несколько ниже — 63,4%, еще ниже он в семьях, имеющих двух детей (17,9%). Треть же многодетных семей затруднилась определить свои репродуктивные планы.

Респонденты, в чьи репродуктивные планы не входит рождение очередного ребенка, так объясняют сложившиеся намерения. *Надо вырастить тех, кто уже есть* (61,2%), *низкий уровень дохода* в семье является барьером к рождению детей для 45,6% опрошенных, *плохие жилищные условия* — 23,3%, *опасения потерять работу* — 6,8%, *проблемы со здоровьем* — 4,9%. Каждая десятая семья *не готова морально к рождению ребенка* (11,7%). Скорее исключением является *желание респондентов пожить для себя* (1%), а также такая причина, как *нежелание другого супруга иметь детей* (1,9%).

Довольно значимая связь выявлена между репродуктивными планами респондентов и уровнем их образования (коэффициент Крамера — 0,23) и дохода (коэффициент Крамера — 0,2). Более позитивны репродуктивные планы респондентов с более высоким уровнем образования, связь же с уровнем дохода несколько иная: чем выше уровень дохода, тем более благоприятны репродуктивные планы, и пик этот достигается при среднедушевом доходе от 6001 до 9000 руб., затем наблюдается спад. Существенной связи репродуктивных планов респондентов с их жилищными условиями не выявлено. Однако подавляющее большинство семей, проживающих в жилье, взятом в ипотеку, планируют иметь детей. В большинстве случаев это семьи, которые уже имеют одного ребенка, что позволяет сделать вывод о том, что рождение второго ребенка и материнский (семейный) капитал рассматриваются как вариант решения жилищной проблемы. Помимо описанных факторов, на репродуктивное поведение оказывают влияние также возраст супругов и стаж семейной жизни, семейное положение и уровень занятости супругов.

В качестве важнейших регуляторов репродуктивного поведения нами рассматриваются ценности. В целом для сельских молодых семей особое значение имеют семейные ценности, что также способствует реализации эффективной демографической политики

на селе. Так, подавляющее большинство опрошенных (86,1%) отметили, что самое главное в жизни — семья и воспитание детей. На втором месте в иерархии ценностей сельских молодых семей — здоровье (56,8%), на третьем — материальное благополучие (50,9%). Далее по значимости следует такая ценность, как любовь (38,8%), замыкает пятерку лидеров желание иметь интересную работу (19,4%). Обращает на себя внимание и то, что такие индивидуалистские ценности, как стремление к успеху, желание сделать карьеру, независимость, предприимчивость, на шкале жизненных ценностей сельских молодых семей занимают незначительное место.

Особое место среди факторов, формирующих репродуктивное поведение сельских молодых семей, по нашему мнению, принадлежит мероприятиям муниципальной, региональной, федеральной социальной и демографической политики.

По мнению сельских молодых семей, рейтинг мер социальной поддержки выглядит следующим образом. Наибольшее влияние на повышение уровня рождаемости может оказать введение материнского (семейного) капитала, так считают 83,9% опрошенных. Далее по эффективности с небольшим отрывом идут такие меры, как реализация программ по улучшению жилищных условий молодых семей (77,4%) и увеличение размера пособия по уходу за ребенком до полутора лет, расширение круга его получателей (76,7%), замыкает круг лидеров мер — предоставление земельных участков (65,3%). И напротив, менее действенными являются, по мнению сельских молодых семей, такие меры, как предоставление ежемесячного пособия на ребенка военнослужащего, проходящего военную службу по призыву (32,5%), возможно, поскольку затрагивают ограниченное число лиц, введение родового сертификата (27,8%) и компенсационных выплат родителям за содержание детей в детских дошкольных учреждениях (27%). Причем именно о данных мерах сельские молодые семьи наименее информированы.

Мнения экспертов — руководителей (специалистов) органов местного самоуправления — несколько различаются. Если тройка наиболее эффективных мер выглядит так же, то предоставление земельных участков является, по их мнению, наименее эффективной мерой, возможность положительного ее влияния отмечают менее половины экспертов. И наоборот, эксперты значительно выше оценивают влияние ежемесячного пособия на ребенка военнослужащего, проходящего военную службу по призыву.

Несмотря на столь позитивные оценки принимаемых государством мер, направленных на стимулирование рождаемости, для по-

давляющего большинства сельских молодых семей (82,8%) они никакого влияния на репродуктивные планы не оказали. Только 5,8% сельских молодых семей отметили, что *возможно заведут больше детей, чем планировали*, еще 8,4% *заведут столько детей, сколько и хотели, но раньше, чем планировали*, 2,9% выбрали вариант *другое*, не отметив, что именно.

Социальный портрет респондентов, которым государству удалось изменить их репродуктивные планы («заведут больше детей, чем планировали»), выглядит следующим образом. Демографические характеристики: *по полу* — 56,3% женщины, 43,7% мужчины; *по возрасту* — 12,5% респондентов в возрасте от 17 до 20 лет, 56,3% — от 21 до 25 лет, 31,3% — от 26 до 30 лет. Социально-экономические характеристики: *по семейному положению* — 56,3% состоят в официально зарегистрированном браке, 31,3% — в гражданском браке, 12,5% воспитывают ребенка одни; *по количеству детей*: 25% не имеют детей, 50% имеют одного ребенка, 18,8% — двух детей, 6,3% — трех и более детей; *по образованию*: 12,5% имеют среднее общее образование, 18,8% — начальное профессиональное, 25% — среднее профессиональное, 12,5% — неполное высшее, 31,3% — высшее профессиональное; *по уровню дохода*: 68,8% имеют среднедушевой доход до 6000 руб., ниже установленного прожиточного минимума в регионе, 25% имеют среднедушевой доход до двух величин прожиточного минимума (до 12000 руб.); *по жилищным условиям*: 31,3% проживают в собственном доме, 18,8% — в доме родителей (но без родителей), 37,5% живут совместно с родителями, 12,5% имеют иные жилищные условия, более четверти респондентов (26,7%) имеют площадь на одного члена семьи ниже установленной нормы жилья.

Бесспорным лидером среди мер социальной поддержки, которые оказали влияние на изменение репродуктивных планов сельских молодых семей, является материнский (семейный) капитал. На втором месте — реализация программ по улучшению жилищных условий молодых семей, на третьем — увеличение ежемесячного пособия по уходу за ребенком до достижения им возраста полутора лет. Ряд сельских молодых семей указали, что на их репродуктивные планы повлияло предоставление земельного участка при рождении третьего ребенка.

Таким образом, проведенный анализ показал, что в сельской местности есть благоприятная основа для решения проблемы повышения уровня рождаемости: подавляющее большинство семей ориентированы на двух- и многодетную семью, почти две трети сельских молодых семей планируют еще иметь детей. Наибольшее влияние на ре-

продуктивное поведение оказывают демографические и социально-экономические факторы: возраст супругов, стаж совместной жизни, семейное положение, образование, материальные и жилищные условия, занятость супругов, а также ценности молодых людей как важнейшие регуляторы поведения. Особая роль в формировании репродуктивных планов принадлежит мероприятиям муниципальной, региональной, федеральной социальной и демографической политики, что подтверждается статистическими данными, увеличение рождаемости в селах за последние два–три года отметили более половины опрошенных экспертов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Гурко Т. Россия: социальная политика в отношении молодых родителей // Власть. 2008. № 6.
2. Алтайское село: тенденции и механизмы социального развития: колл: монография/ науч. ред. А. Я. Троцкий. Барнаул, 2011.
3. Антонов А. И. Микросоциология семьи (методология исследования структур и процессов) : учебное пособие. М., 1998.

Д. М. Титов (Барнаул)

ИДЕИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЕМЕЙНОЙ ПОЛИТИКИ В КОНТЕКСТЕ ВЫБОРОВ В ГОСУДАРСТВЕННУЮ ДУМУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ в 2011 г.

На современном этапе развития семейной политики, согласно определенной практике и накопленному опыту, существует несколько *подходов* (другими словами, идеологий или моделей) к проведению государственной семейной политики. Классической типологией режимов семейной политики является типология Г. Эспин-Андерсена [1], который выделял такие модели:

- 1) либеральная, характеризующаяся такой идеологической направленностью, как политика невмешательства государства; жизнь семьи и ее благополучие как частное дело граждан; поддержка традиционной модели семьи как стратегия уменьшения социального напряжения; основной мерой данной политики являются налоговые льготы;
- 2) консервативная, идеологическая направленность которой: про-семейная ориентация; поддержка традиционной модели се-

мы с мужчиной-кормильцем и женщиной-домохозяйкой. Основной мерой реализуемой политики являются семейные пособия и отпуск по уходу за ребенком;

- 3) социально-демократическая модель. Принципами данной модели выступают: гендерное равенство; эффективное совмещение профессиональных и семейных ролей для мужчин и женщин. Основной мерой реализуемой политики являются семейные пособия, декретный отпуск, услуги по уходу за ребенком.

В данной статье мы попробуем соотнести государственную семейную политику различных политических партий Российской Федерации с перечисленными моделями.

В России существует ряд проблем: демографическая, бедности, обеспеченности жильем, проблема здравоохранения и др. Все эти проблемы напрямую влияют на состояние семьи, ее социальное, экономическое положение. Семейные проблемы — это часть социальных проблем. Во всех сферах семья должна чувствовать себя комфортно. Поэтому семейная политика остается наиважнейшим показателем развития страны. При проведении семейной политики необходим комплексный характер, так как семейная политика — часть социальной политики, а социальная политика неразрывно связана с политической во всех других сферах, таких как демографическая, экономическая, жилищно-коммунальная, образовательная и др.

Так как многие проблемы в нашей стране, связанные с положением и состоянием семьи в обществе, не решены или не сформулированы, то вопросы семейной политики становятся предметом для дискуссий и дебатов среди различных политических сил, особенно в предвыборный период. Поэтому при анализе проводимой государством семейной политики важным моментом является рассмотрение основных мер государственной семейной политики, предлагаемых различными политическими партиями. Приоритеты и основную направленность взглядов той или иной партии мы можем проследить в опубликованных официальных программах, манифестах партии, а также в предлагаемых партией законодательных инициативах.

Итак, рассмотрим направленность основных политических партий в области семейной политики.

В своей предвыборной программе 2011 г. партия «Справедливая Россия» наибольшее внимание уделяет разработке конкретных мер помощи современной российской семье.

Выделения государственных беспроцентных кредитов молодым семьям на покупку квартиры или дома. При рождении первого ребенка планируется списывать 25 % кредита, при рождении второ-

го — 50%, третьего — кредит будет погашен. Увеличение всех единовременных и ежемесячных детских пособий в три раза, а также введения единовременного пособия при поступлении ребенка в школу. «Справедливая Россия» добивается выплаты «семейной зарплаты» одному из супругов, занятому воспитанием троих и более детей, в размере не ниже социального стандарта потребления. Если ребенку, достигшему возраста трех лет, не предоставлено место в детском саду, то родителям будет выплачиваться компенсация в размере 5 тысяч рублей в месяц на одного ребенка. В России не должно быть детских домов. «Каждый ребенок должен жить в семье!» [<http://www.spravedlivo.ru>].

Таким образом, в предложениях партии «Справедливая Россия», помимо конкретики, прослеживается реальность поставленных задач.

Одна из основных задач Либерально-демократической партии России (ЛДПР) — сделать Россию не только правовым, но и социальным государством.

ЛДПР предлагает: 1) законодательно закрепить альтернативу аборту — рождение ребенка для государства; 2) принять закон о государственной поддержке репродуктивной медицины; 3) принять государственную программу по лечению бесплодия. Производить лечение бездетных семейных пар за счет государства; 4) выплачивать каждой матери, которой отказали в предоставлении места для ребенка в детском садике по причине их нехватки, 20 тыс. руб. ежемесячно [<http://www.ldpr.ru>].

ЛДПР делает очень серьезные заявления, но в них отражаются реальные меры, которые направлены на улучшение демографического положения в нашей стране. Что интересно, ЛДПР предлагает выплачивать каждой матери, которой отказали в предоставлении места для ребенка в детском садике, в 4 раза больше, чем «Справедливая Россия».

КПРФ формулирует в качестве стратегической цели партии «построение в России обновленного социализма, социализма XXI века». Что касается семейной политики, предлагаемой данной партией, то здесь можно привести некоторые пункты из «программы-минимум», которая предусматривает первоочередные меры по реализации стратегических целей партии. В современных условиях КПРФ *считает необходимым*: 1) остановить вымирание страны, восстановить льготы для многодетных семей, воссоздать сеть общедоступных детских садов, обеспечить жильем молодые семьи; 2) осуществить срочную программу мер по борьбе с бедностью, ввести государственный контроль над ценами на товары первой необходимости; 3) восстано-

вить ответственность власти за жилищно-коммунальное хозяйство, установить плату за жилищно-коммунальные услуги в размере не более 10% дохода семьи, прекратить выселение людей на улицу, расширить государственное жилищное строительство».

«Единая Россия» — ключевая партия в рассмотрении вопроса государственной семейной политики в Российской Федерации, так как именно она имеет реальную власть, поэтому может не только предлагать определенные меры, но и исполнять их.

Д. А. Медведев определил семь стратегических приоритетов политики правительства, одним из которых было выполнение социальных обязательств. В. В. Путин, в свою очередь, поставил цель по выходу России в число пяти крупнейших экономик мира, предложил повысить с 10 октября зарплаты работникам бюджетной сферы на 6,5% [<http://er.ru>].

Партия неоднократно подвергалась критике за отсутствие реальной программы. Известный российский политолог и политтехнолог Глеб Павловский 8 апреля 2011 г. в интервью, в частности, сказал: «Мы видим хаос, где никто ни в чем не уверен: правящая партия за полгода до выборов не знает, в чем ее программа и чьи интересы ей представлять».

Итак, очевидным становится факт, что основные политические силы страны принимают активное участие в борьбе за власть, предлагая различные меры в области семейной политики. Особенно ярко этот факт прослеживается в предвыборный период. Государственная семейная политика «Справедливой России» характеризуется конкретикой и реальностью выполнения поставленных задач. ЛДПР весь акцент ставит на повышении роста рождаемости в стране. КПРФ в государственной семейной политике фокусируется на борьбе с бедностью и вымиранием страны. На «Единую Россию» возлагается вся ответственность проводимой в стране политики. Именно она является главным инициатором и исполнителем основного политического курса в области государственной семейной политики страны. В связи с большой ответственностью «Единая Россия» в первую очередь старается стабилизировать развитие страны в целом, а также социальную обстановку внутри страны, чтобы создать благоприятные и комфортные условия для семейной жизни в целом. Таким образом, государственная семейная политика партии «Единая Россия» носит комплексный характер, основными направлениями которой являются улучшение жилищных условий семей, повышение уровня их материального благосостояния, повышение рождаемости, а также защита и поддержка материнства, отцовства и детства в Российской Федерации.

Таким образом, всем названным выше политическим партиям в наибольшей степени соответствует социально-демографическая модель государственной семейной политики, так как данным политическим партиям присущи такие ключевые меры политики, как семейные пособия, защита материнства и детства, отпуска по уходу за ребенком. Идеологическая направленность данных партий в основе имеет гендерное равенство; эффективное совмещение профессиональных и семейных ролей для мужчин и женщин.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Esping-Andersen G. The Three Worlds of Welfare Capitalism. Cambridge, 1990.

Е. А. Шаталова (Барнаул)

ПРОФИЛАКТИКА АЛКОГОЛЬНОЙ ЗАВИСИМОСТИ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ

В настоящее время алкогольная зависимость достаточно широко распространена в молодежной среде, что представляет собой проблему глобального масштаба. Изучение ранней алкоголизации отмечено многочисленными попытками более глубоко раскрыть причины злоупотребления спиртных напитков. Выделяют ряд основных причин развития алкоголизма молодежи: физиологические причины (генетическая предрасположенность), социальные (питейные традиции, обычаи, привычки и предрассудки; отсутствие интереса к работе, неверно выбранная профессия; одиночество, конфликты в семье), психологические (неуверенность в себе, комплексы неполноценности, низкая самооценка, депрессии и др.) [1]. Ранняя алкоголизация авторами рассматривается как нарушение поведения, требующее скорее психолого-педагогической, а не медицинской коррекции, и формируется в подростковом возрасте, характеризуясь появлением индивидуальной психической зависимости и повышением толерантности к спиртному [2].

Решить проблему алкоголизации молодежи только с помощью медицинских, юридических и запретительных ограничений невозможно. Основное сосредоточение усилий должно быть связано с воспитанием личностной устойчивости к алкогольному соблазну [3]. Неконтролируемый рост употребления алкогольных напитков обуслов-

лен прежде всего отсутствием системы пропагандистской деятельности со стороны государства против употребления спиртных напитков. Это вызывает необходимость применения социально-педагогических подходов в профилактике алкоголизма, которая во многом зависит от форм и методов ее проведения. На первый план выдвигается проблема профилактики алкоголизма среди учащейся молодежи в образовательных и внешкольных учреждениях.

Разрабатывая профилактические программы злоупотребления спиртными напитками, необходимо учитывать, что они должны отвечать определенным требованиям, а именно: осуществляться не только в виде отдельных лекций, семинаров, тренингов, курсов, акций и опросов, а также в форме постановки и решения конкретных, последовательных экономических, финансовых, медицинских, образовательных, психологических и иных целостных взаимосвязанных задач. Программы профилактики злоупотребления алкоголем должны быть направлены на формирование у личности навыков сопротивления алкогольному соблазну, на увеличение социально-психологической компетентности личности в межличностных отношениях, формирование самодостаточности, самоактуализации и твердости в сопротивлении давлению окружающих по употреблению спиртных напитков. Параллельно с этим расширяются знания о последствиях употребления алкоголя с укреплением в сознании личности негативного отношения к нему. На этапе ранней алкоголизации при ее переходе в алкоголизм у подростков отмечается феномен групповой психической зависимости, когда тяга к спиртному возникает исключительно в своей, хорошо знакомой компании. Наличие групповой психической зависимости не свидетельствует о наличии хронического алкоголизма, а лишь является угрожающим предвестником его. С точки зрения А. Е. Личко, групповая зависимость является проявлением аддиктивного поведения подростков [3].

Результаты проведенного нами опроса студентов 3–4 курсов специальности «Социальная педагогика» Алтайской государственной педагогической академии показали, что наиболее устоявшимися формами профилактики алкогольной зависимости являются: распространение наглядной агитации (55%), брошюр (30%), проведение групповых занятий (15%). Такие технологии, как проведение индивидуальных занятий, организация встреч с бывшими наркоманами и алкоголиками, не отмечены. Не указывалось привлечение врачей и наркологов к проведению профилактических консультаций в учебных заведениях.

Полученные результаты нашего опроса об отношении учащейся молодежи к профилактике алкоголизма позволяют сделать ряд выводов и рекомендаций.

1. Осознавая опасность алкоголизма для здоровья людей, будущие социальные педагоги выступают за систематическое проведение бесед и консультаций по данной проблеме со всеми категориями учащейся молодежи.
2. Молодые люди испытывают потребность в профессиональных консультациях о причинах и социальных последствиях потребления алкоголя.
3. Особо значимым являются организация и проведение постоянно действующего мониторинга по оценке эффективности разрабатываемых и действующих программ по профилактике молодежной и подростковой наркотической и алкогольной зависимости.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. URL: <http://childpsy.ru/lib/articles/id/10292.php>.
2. Личко А. Е., Битенский В. С. Подростковая наркология: руководство для врачей. Л., 1991.
3. Вишневский Ю. Р., Шанко В. Т. Социология молодежи. СПб., 2005.

А. Н. Шрайбер (Барнаул)

ПРОЕКТЫ РЕШЕНИЯ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ ПОЛИТИЧЕСКИМИ ПАРТИЯМИ

Наша страна за последние два десятилетия столкнулась с различными политическими, социальными, экономическими проблемами. Особо актуально сегодня обсуждать демографическую проблему и предлагать пути ее решения. Ее актуальность очередной раз подтвердилась результатами Всероссийской переписи населения 2010 г., свидетельствующей о том, что Россия находится в глубоком демографическом кризисе. Но под широким понятием «демографический кризис» часто понимают ограниченный круг проблем, касающихся рождаемости и численности населения. Но при анализе выявляются и другие проблемы, связанные не только с демографией, но и с поли-

тикой, экономикой нашей страны. Это, во-первых, уменьшение численности трудоспособного населения. Скоро на одного работающего гражданина будет приходиться два пенсионера. Уже сейчас увеличилась налоговая база для работников и работодателей. А это означает выплату заработной платы «в конвертах», неоплачиваемые больничные, пособия и отпуска. Все это не способствует работающей женщине уходить в декретный отпуск. Во-вторых, малое количество детей, школьников, студентов лишает тысячи педагогов и преподавателей работы. В-третьих, низкая конкуренция среди абитуриентов и соискателей снижает качество знаний и профессиональных навыков. Следовательно, наши интеллектуальные ресурсы уменьшаются. В-четвертых, это вырождение славянских наций. Перепись показала увеличение рождаемости в регионах с мусульманским населением, когда в регионах со славянским этносом показатели рождаемости на низком уровне. По данным Института демографии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», за январь-июнь 2011 г. регионами с самым высоким общим коэффициентом рождаемости являются Чеченская Республика, Республика Ингушетия, Республика Тыва. А регионами с самым низким коэффициентом — Ленинградская, Тамбовская, Тульская области [1]. В-пятых, приток мигрантов из бывших советских республик составляет основную костяк рабочего слоя, находит социальные лифты для перехода к руководящим должностям. Также мусульманские диаспоры присутствуют в правящей элите. И это далеко не все проблемы, которые скрываются за понятием «демографический кризис».

О каких демографических проблемах задумываются политические лидеры и включают их в предвыборные программы? В первую очередь депопуляция, снижение численности трудоспособных кадров, низкая рождаемость, кризис семьи.

При анализе партийных программ мы выделили общие для всех партий положения и специфические моменты. Общими направлениями демографических программ являются: ориентир на семью с несколькими детьми; повышение качества медицинского обслуживания; лечение бесплодия; бесплатное лечение детей; профессиональная переподготовка или обучение женщин после декретного отпуска; ориентация при социально-экономическом расчете на всю семью, а не на работника; обеспечение местами в яслях и детских садах; привлечение молодежи в села; пропаганда рождаемости, брака, семьи; борьба с алкоголизмом и наркоманией.

В предвыборной программе партии «Единая Россия» семейно-демографическая тематика представлена в гораздо меньшем объеме,

чем в материалах ее политических конкурентов. Однако этой краткой информации вполне достаточно, чтобы составить четкое представление о партийной позиции по этому вопросу. Наряду с общими положениями предвыборной программы выделяются специфические: постройка новых школ и капитальный ремонт аварийных; возрождение медицинской промышленности и фарминдустрии; поддержка сельской медицины; социальная ипотека для молодых семей; передача свободных земель под кооперативную жилищную стройку. Ну и конечно, общероссийская демографическая программа «Материнский капитал» [2].

После изучения перечня предлагаемых «Единой Россией» мер социальной и семейно-демографической политики видится общность взглядов с Президентом РФ на решение данных проблем. Такая близость взглядов вполне закономерна и объясняется тесным сотрудничеством и взаимоподдержкой этих политических субъектов.

В предвыборной программе партии «Справедливая Россия» говорится об активной социально-демографической и просемейной политике, обеспечивающей переориентацию всего строя жизни нашего общества на интересы семьи с несколькими детьми. Также, помимо вышесказанного, программа включает: рост совокупного дохода с появлением каждого следующего ребенка; продление оплачиваемого отпуска до трех лет; демографическая надбавка к пенсии за ответственное родительство (воспитание трех и более детей). К приоритетным направлениям относятся: профилактические-восстановительная работа с семьями риска; принятие рекомендаций Комитета ООН по правам ребенка, а именно создание действующего механизма рассмотрения жалоб детей, учреждение института уполномоченного по правам детей, принятие законодательных норм, направленных на защиту духовной и информационной безопасности [3].

ЛДПР предлагает создание министерства по демографической политике, переименование Материнского капитала на Семейный капитал и увеличение его размера до пятисот тысяч рублей, законодательно закрепить альтернативу аборту — рождение ребенка для государства, вознаграждение за отказ от аборта в размере ста тысяч рублей, выплаты компенсаций за отсутствие мест в детских садах, прекращение вывоза детей за границу под предлогом усыновления, создание молодежных семейных кооперативов, отмену взыскания алиментов с мужчин-отцов под лозунгом: «Алименты должно платить государство!».

Особо важным для представителей ЛДПР в демографической политике является национальный вопрос. Для решения данной пробле-

мы необходима разработка теоретической базы новой национальной политики, основанной на признании русского народа в качестве государствообразующего [4].

Специфическими особенностями программы КПРФ являются: улучшение качества жизни за счет контроля над качеством продуктов, доступности спорта и санаторно-курортного отдыха для трудящихся; восстановление звания «Мать-героиня»; погашение государством кредитов при рождении детей [5].

Интересен тот факт, что в предвыборных программах партии «Единая Россия» и КПРФ упущен момент, касающийся миграционной политики. Следовательно, можно сделать вывод о внутригосударственной направленности планируемых демографических программ.

В отличие от «Единой России» и КПРФ, проблеме миграции ЛДПР уделяет значительное внимание. ЛДПР выступает за рациональную миграционную политику в интересах Российской Федерации. Необходимо провести упрощение процедуры получения гражданства для русских и русскоязычных граждан бывших советских республик.

В партийной программе КПРФ присутствует тезис о том, что миграция не должна разрушать сложившегося этнического равновесия и культурных традиций. Государственное регулирование процессов, согласно программе, должно быть ориентировано в первую очередь на бывших соотечественников. Для остальных категорий мигрантов предполагается принятие специальных программ по эффективной социализации, облегчающих их этнокультурную и языковую адаптацию к российским условиям.

На наш взгляд, одной из острых проблем, которой уделяется не так много внимания нашими политическими партиями, это вырождение славянского народа. Почему славянский этнос перестал самовоспроизводиться? Лишь в партийной программе ЛДПР затрагивается данная проблема.

Можно и дальше перечислять упущения и комментировать предложения. Но что в них общего? Популизм, поверхностность, безответственность и безавторность. Кто написал? Один эксперт или вся партия? Никто не спросит. Нет ответственности, а избиратели не интересуются. Есть исключения, когда лидеры партии берут ответственность на себя. В. В. Путин не отказывается, что инициатор Материнского капитала — это он.

Подводя итоги, можно сказать, что не все проблемы, связанные с демографическим кризисом, затрагиваются в партийных программах. В некоторых предложениях наблюдается слишком сильный акцент на материальном аспекте жизнедеятельности российских семей.

Не отрицая социальную важность экономических мер, мы полагаем, что такой подход вместо ожидаемого демографического эффекта может привести к росту иждивенческих настроений.

Демографическая проблема — это прежде всего проблема устройства отношений между людьми, отношения к своему Отечеству. Патриотизм приобретает сегодня ярко выраженную демографическую окраску: укрепление семьи, воспитание детей, забота о старших, духовное и физическое здоровье — его неотъемлемые черты. Важно сохранять оптимизм, веру в победу русского народа, русского духа в демографической войне, ведущейся против России.

Что может дать социолог в ситуации разрозненности политических программ и плюрализма во мнениях как извлечь Россию из демографической ямы?

Формирование четкой методологической и методической базы социально-демографической политики — то, что нужно для достижения положительных результатов. Выбор субъектов демографической политики, т. е. на кого будут ориентированы меры, является ключевым в данном вопросе. Что считать институтом, лежащим в основе общества? Материнство, отцовство, семью, детство? В основе демографических программ должны быть интересы родительства — института, способного решить актуальные задачи общества: увеличение количественных и качественных показателей рождаемости, повышение уровня безопасности и благосостояния населения, уменьшение количества детей-сирот и возрождение нравственных отношений между мужчинами и женщинами.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Демографические итоги первого полугодия 2011 года (часть I) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2011/0475/barom05.php>
2. Программное обращение партии «Единая Россия» [Электронный ресурс]. URL: <http://er.ru/party/address/>
3. Предвыборная Программа 2011 партии «Справедливая Россия» [Электронный ресурс]. URL: http://www.spravedlivo.ru/information/section_11/pprogramm2011/
4. Программа ЛДПР [Электронный ресурс]. URL: http://www.ldpr.ru/party/Program_LDPR/
5. Программа КПРФ [Электронный ресурс]. URL: <http://kprf.ru/party/program/>

Н. Г.-К. Ахмедова (Барнаул)

СОЦИАЛЬНОЕ ЗДОРОВЬЕ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ В УСЛОВИЯХ МИРОВОГО КРИЗИСА

На сегодняшний момент в условиях мирового кризиса, когда социально-экономическое состояние страны определяет уровень социального здоровья населения, необходимо уделить особое внимание здоровью такой социальной группы, как молодежь.

Молодежь — потенциал социального развития, и фактор политического баланса, и воспроизводственный потенциал нации. Здоровье — качественная предпосылка будущей самореализации молодых людей, способности к созданию семьи и деторождению, к сложному учебному и профессиональному труду, общественно-политической и творческой активности. В современных условиях здоровье перестает быть только личным делом молодого человека, оно становится фактором выживания социума в целом. Отношение молодежи к здоровью представляет собой систему индивидуальных избирательных связей личности с различными явлениями социальной среды, способствующими или, наоборот, угрожающими состоянию здоровья, а также определенную оценку индивидом своего физического состояния.

В обществе распространены взгляды на студенческую молодежь как на социально дифференцированную и в то же время замкнутую в системе своих интересов и потребностей, находящуюся в переходном, маргинальном состоянии социальную группу потребителей социальных услуг, различных видов помощи со стороны семьи и государства. Мощный инновационный потенциал молодежи при определенных условиях и влиянии политических сил может иметь как конструктивную, созидательную направленность, так и деструктивное воздействие, способное нанести ущерб государству и обществу, в том числе и самой молодежи.

Студенческая молодежь современной России является продуктом социоструктурных изменений последних десятилетий. Социоструктурная сущность студенческой молодежи обусловлена комплексом факторов, определяющих положение молодых людей в структуре общества, при этом особенно тревожат поляризация и маргинализация российского общества, порождающие противоречивое соотношение многих сложных социальных процессов, оказывающихся судьбоносными в жизни современной российской молодежи. Реакцией со стороны студентов на сложившиеся социоструктурные изменения стал крайне противоречивый и хаотичный характер ценностного мира,

детерминирующий ориентацию на ускоренное статусное продвижение при прогрессирующей социальной неадаптивности. В результате резко усилилась тенденция к бездуховности, утрате нравственных критериев общественного поведения, ухудшению психофизического здоровья молодежи, что, безусловно, сказалось на отношении студенческой молодежи к здоровью как основополагающей ценности.

Проблема укрепления здоровья студентов на современном этапе, который характеризуется обострением финансовых противоречий в мире, недостатками кадрового обеспечения учреждений здравоохранения, крайне актуальна для государства и общества. Являясь частью общества, студенты в полной мере подвержены воздействию комплекса неблагоприятных факторов, связанных с современной экономической ситуацией, многие из них вынуждены покидать привычную домашнюю среду, начинают жить в общежитии либо снимают комнату, что значительно влияет на образ жизни, требуя приспособления к новым условиям существования.

Современные социальные и политические реалии предполагают поиск эффективных механизмов формирования ценностных ориентаций на здоровый образ жизни, новое качественное осмысление государственной молодежной политики.

Н. Н. Баженова (Барнаул)

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ УПРАВЛЕНИЯ НЕПРЕРЫВНЫМ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫМ ПРОЦЕССОМ В СИСТЕМЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Понятие «образование» в широком плане является исторически изменяющимся, что влечет за собой переориентирование его целей, функций, состава, появления новых образовательных структур и соответствующих социальных институтов. Но, несмотря на эти изменения, главной чертой образования всегда была и остается проблемность.

На современном этапе мирового экономического и общественно-го развития наиболее важной глобальной проблемой следует считать непрерывность образования. Какая бы его сфера ни затрагивалась, какие бы аспекты обучения, воспитания, развития человека ни рассматривались, возникает необходимость выразить свое отношение к таким сторонам образования, как всеохватность, т. е. объединение общей целью и вовлечение всего населения, всех его социально-демо-

графических групп; преемственность, т. е. сохраняемость или изменяемость во времени и пространстве общесоциальных целей и способов их реализации; индивидуализированность, т. е. учет по времени, типам, направленности потребностей каждого индивидуума. Фактически предстоит ответить на вопрос: всем и всегда ли нужно образовываться и кому именно это нужно — обществу или личности? Без ответов на эти глобальные вопросы нельзя решить и вечных проблем, стоящих перед образованием как организованной структурой общества: для чего, чему и как обучать в новых социально-экономических условиях?

Проводимые в России преобразования предусматривают коренное реформирование всей образовательной политики. При этом одной из стратегических задач является создание системы непрерывного образования как особого института, решающего задачи воспитания и образования для каждого человека с учетом настоящих и потенциальных потребностей индивидуума и общества. Практическая реализация этой задачи предполагает выявление и всестороннее изучение путей и способов ее решения, обеспечивающих возможность развития отечественной системы образования по траектории устойчивого роста. Очевидно, что в сложной совокупности этих путей одним из наиболее важных является формирование эффективных организационных структур и институтов, в том числе многоуровневых профессиональных образовательных центров.

Вместе с тем, несмотря на растущую необходимость непрерывного получения профессионального образования человеком, т. е. в течение всей жизни, дефиниция «непрерывное профессиональное образование» как экономическая категория изучена недостаточно: нет единого понимания, не наблюдается ясности в механизме экономико-правового регулирования, отсутствует четкое определение параметров эффективности оценки и управления и т. п. Исследования, касающиеся комплексного анализа рынка услуг непрерывного профессионального образования и совершенствования управления многоуровневыми профессиональными образовательными центрами, проводятся весьма редуцированно и асимметрично.

Учитывая, что на текущий момент Россия вовлечена в глобальный процесс активного развития сферы услуг, в том числе услуг образования, исследование теоретико-методологических и практических аспектов, касающихся эффективности управления процессом непрерывного образования в целом и эффективности управления многоуровневыми профессиональными образовательными центрами в частности, особенно важно в отечественных условиях.

Методы и формы непрерывного профессионального образования основаны на индивидуальном подходе в обучении. Доминируют методы, рассчитанные на активное усвоение материала. Результатом системы непрерывного образования является индивид как личность, подготовленный к универсальной деятельности и способный сам планировать и реализовывать свои цели.

Несмотря на то, что за истекшее десятилетие в стране проводились отдельные исследования по изучению образовательных потребностей населения, до настоящего времени нет ни одного общероссийского исследования по данной проблематике в мониторинговом (непрерывном) режиме. Преимущество такого исследования заключается в том, что оно позволяет в динамике отслеживать ожидания, мотивации и препятствия к участию населения в образовательных программах в условиях стремительных общественных трансформаций. Помимо этого, мониторинговое сопровождение политических и административных решений в области непрерывного образования позволяет достичь значительной оперативности и эффективности управления.

Актуальность дальнейших исследований по социологии непрерывного образования в контексте трансформационных процессов определяется еще одним обстоятельством. Доля взрослого населения, участвующая в образовательной деятельности именно этого типа (неформальное, самообразование, досуговое и т.д.), будет неуклонно увеличиваться и вскоре превысит число детей и молодежи, занятых в сфере формального образования. По данным Института образования ЮНЕСКО, в России, если она будет следовать курсом модернизации экономики и постепенного рыночного реформирования, в самое ближайшее время совокупная продолжительность образовательных программ для взрослого населения намного превысит продолжительность аналогичных программ детско-юношеского образования. Поэтому, если исследователи все-таки уделяют в настоящее время внимание процессам в средней и высшей школе, а также в сфере дополнительного профессионального образования, то все другие формы, — включая неформальное и информальное образование, практически не изучены.

Таким образом, непрерывное образование следует рассматривать как важнейший ресурс не только устойчивого и согласованного развития личности и общества, но и как решающий фактор интеграции российского общества в процессы мирового развития. При этом образование понимается как институализированный социальный процесс, который может происходить и вне нынешней системы образования и даже оказывать обратное воздействие на нее.

Суммируя все вышеизложенное, следует отметить, что основным трендом изменений системы управления высшим профессиональным образованием в условиях модернизации образования является усложнение организационных структур органов управления образованием (в связи с увеличением количества объектов управления в результате проводимых реформ), усиление проектного и стратегического управления сферой ВПО, повышение роли государства в реализации инфраструктурных проектов, внедрение механизмов государственно-общественного управления высшим образованием.

А. П. Безрукова (Барнаул)

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ НЕЗАРЕГИСТРИРОВАННЫХ БРАКОВ В РОССИИ

В настоящее время российское государство и общество посредством правовых норм утвердили определенные «стандарты», которыми должны соответствовать брачно-семейные отношения по своей форме. Законным является лишь брак, заключенный в органах записи актов гражданского состояния (ЗАГС).

Но в последнее время в нашем обществе традиционная семья постепенно теряет свою привлекательность для значительной части населения. В настоящее время в России наметилась четкая тенденция изменения семейно-брачных отношений. Распространяется практика, когда формирующаяся семья уходит от официальной регистрации отношений, создавая семью на основе незарегистрированного брака, или так называемого гражданского брака.

Фактический брак или незарегистрированный брак — отношения между партнерами («супругами»), не оформленные в установленном законом порядке.

О социальной значимости и своеобразной форме признания в российском обществе существования незарегистрированных союзов косвенно свидетельствует тот факт, что впервые в бланки Всероссийской переписи 2002 г. как ответ на вопрос о брачном состоянии населения был включен вариант «состою в незарегистрированном браке». По данным Всероссийской переписи 2002 г., в незарегистрированном браке состояли 11% взрослого населения, при этом незарегистрированные союзы зафиксированы не только среди молодого населения, но и в старших возрастных когортах.

Обнаруживается, что распространение «гражданского брака» влечет за собой реальную угрозу семье и обществу. Семья, основанная на «гражданском браке», не может полноценно выполнять присущие ей функции. Это связано прежде всего с деторождением. Нарушение данной функции несет в себе губительные последствия для демографического развития общества, что проявляется в общем снижении рождаемости, старении населения и неполном воспроизводстве общества.

Проблемная ситуация заключается в том, что масштабное проявление незарегистрированного брака размывает границы традиционных норм брака и семьи; диктует новые принципы формирования брачно-семейных отношений, которые проявляются как на институциональном уровне жизнедеятельности общества (затрагивая институты семьи и брака, влекущие за собой изменения в сфере юриспруденции, семейной политики и т.д.), так и на индивидуальном уровне, изменяя структуры ценностных ориентаций индивида, его поведения и принципы взаимодействия мужчины и женщины.

В сравнении с официальным браком незарегистрированный брак в правовом поле не обладает какими-либо легальными механизмами формирования брачно-семейных отношений, являясь тем самым менее институализированной, легитимной и стабильной формой брачно-семейных отношений. Слабая институционализация незарегистрированных браков проявляется также в неопределенности статуса как самого союза, так и статусных ролей брачных партнеров. По этой причине в восприятии незарегистрированного брака сталкиваются две культурные модели ответственности, две нормы организации отношений: с одной стороны, концепция государственного института, внешняя ответственность (юридически незавершенная, предполагающая меньшую ответственность, хрупкость отношений, ненадежность), с другой — ответственность внутренняя, подтверждаемая только взаимным договором и личностной готовностью его соблюдать.

Можно сделать вывод, что на уровне общества данное явление может быть признано как дисфункциональное, так как незарегистрированный брак подтачивает институт официального брака, изменяет традиционные функции семьи и не транслирует в отношении детей те ценности, нормы и правила, которые необходимы ребенку для полноценного развития. Однако на индивидуальном уровне личности партнеров незарегистрированный брак может быть как функциональным, отвечая потребностям в свободных, не обремененных обязательствами отношениях, являясь механизмом оптимизации рисков юридического, финансового и психологического характера, так и дисфункциональным, принося нестабильность, тревожность, чувство незащищен-

ности и разочарования. И чтобы снизить дисфункциональность, следует разработать определенные нормы и правила, которые будут направлены на защиту интересов проживающих в незарегистрированных браках людей. За рубежом уже отреагировали на данную проблему и ввели соответствующие нормы, различающиеся в разных странах (Швеция, Норвегия, Португалия, Голландия, Франция, США и т. д. Это касается социальных выплат, льгот, имущества, брачных договоров для сожителей, права не свидетельствовать друг против друга в суде и т. д.).

Было время, когда фактический брак приравнялся к зарегистрированному браку. Это произошло после того, как церковные браки в 1917 г. перестали признаваться государством, но большая часть населения все-таки оставалась приверженной традиционной, религиозной форме брака, т. е. отношения не регистрировались в государственных органах. Поэтому придание правового статуса только зарегистрированному браку, непризнание правового значения за фактическими брачными отношениями отрицательно сказались на интересах женщин. В целях защиты имущественных интересов женщин Кодекс законов о браке, семье и опеке РСФСР, принятый в 1926 г., во многом приравнивал фактические брачные отношения к браку, зарегистрированному в установленном порядке.

Положения, определявшие права супругов на имущество, распространялись также на имущество лиц, фактически состоявших в брачных отношениях, если эти лица взаимно признавали друг друга супругами, или же если брачные отношения между ними установлены судом по признакам фактической обстановки жизни.

При этом законодательно не был решен вопрос об одновременном состоянии в фактическом браке с одним лицом и зарегистрированном, не расторгнутом браке с другим. Поэтому Указом Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 г. фактические брачные отношения были лишены юридической силы. Таким образом, после издания Указа от 8 июля 1944 г. наличие фактических брачных отношений перестало порождать права и обязанности супругов в отношении имущества.

С тех пор фактические браки остались за бортом Семейного кодекса России, что при расставании партнеров порождает проблемные ситуации, связанные, например, с тем, что имущество не является по умолчанию совместным.

В наших интересах предпринять попытку институционализации данного явления, в первую очередь посредством правового регулирования, поскольку на данный момент такового не имеется в сфере незарегистрированных отношений.

Т. С. Бугрова (Барнаул)

СОЦИАЛЬНАЯ ГОСТИНАЯ КАК ФОРМА ОРГАНИЗАЦИИ БЕЗОПАСНОГО СОЦИАЛЬНО- ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА В ШКОЛЕ

**(из опыта работы социальной гостиной
в школе № 37 Барнаула)**

Безопасность человека — условия его жизнедеятельности, максимально ограничивающие риск возникновения опасных ситуаций, угрожающих его жизни и здоровью. Безопасность в психологическом контексте — это ощущение доверия, невредимости, отсутствия страха или тревоги, особенно в удовлетворении собственных настоящих и будущих потребностей [1, с. 86]. В психологическом контексте подчеркиваются в большей степени эмоциональные компоненты, связанные с ощущением безопасности как отсутствия внешних опасных ситуаций. Когда человек защищен от различных рисков (социальных, природных, техногенных, социально-экономических, социально-психологических) и опасностей, мы подразумеваем, что он находится в безопасном пространстве. Находясь в безопасном пространстве, человек свободно реализует свои насущные потребности, достигает определенных жизненных целей и тем самым постоянно развивается.

Для детей, воспитывающихся в семьях «группы риска», вопрос о социально-психологической безопасности становится особенно актуальным. Зачастую факторами риска, нарушающими безопасную среду воспитания детей, являются: 1) социально-экономические факторы: низкий материальный уровень жизни семьи, неудовлетворительные жилищные условия, проживание в социально опасных районах [2, с. 21]; 2) социально-психологические и психолого-педагогические факторы: конфликтные отношения в семье, деформированные ценностные ориентации родителей, социальная изоляция; 3) криминальные факторы: алкоголизм, наркомания, аморальный образ жизни родителей, жестокое обращение в семье [2, с. 22].

На основе указанных выше дестабилизирующих факторов выделяют семьи неблагополучные, асоциальные, конфликтные, а также семьи «группы риска». Однако общей характеристикой этих семей является социальное неблагополучие ребенка, его социально-психологическая дезадаптация как следствие нарушения детско-родительских отношений. Кроме этого такие отечественные исследо-

ватели семейных отношений, как Л. Я. Олифиренко, Т. И. Шульга, В. М. Целуйко отмечают особые эмоциональные и поведенческие характеристики детей из семей группы риска: повышенная агрессивность и тревожность, конфликтность, утрата интереса к труду и обучению, отсутствие значимых ценностных ориентаций, склонность к девиантному поведению, сложности социальной адаптации, социальная изоляция. В силу конфликтных отношений в семье, а нередко и жестокого обращения, дети зачастую не имеют условий для подготовки к школьным занятиям, из-за чего у них наблюдается низкая успеваемость в школе. В подобной ситуации для детей из семей группы риска актуальным становится вопрос организации комфортного и безопасного образовательного пространства. В данном случае школа выступает основным функциональным звеном в его поддержании. Если при плохо заботящихся родителях ребенок все же удерживается в школе, жизнь его становится более структурированной. У детей из семей группы риска, посещающих школу, формируются навыки продуктивной учебной деятельности, коммуникативные и другие жизненные навыки. У детей остается меньше причин для проведения времени на улице, что снижает риск их включения в асоциальные группы или субкультуры. Однако специалисты, работающие в школе, не всегда имеют возможность индивидуально подойти к решению проблем каждого ребенка. Это объясняется тем, что школа ориентирована в большей степени на массовое обучение и воспитание. Следовательно, появилась потребность в специальном образе организованного пространства в школе, которое бы максимально отвечало потребностям детей из семей группы риска. На данном основании согласно Краевой целевой программе «Раннее выявление социального неблагополучия и работа с семьями группы риска в Алтайском крае „Свет в родном окне“ на 2009–2011 гг.» появилось направление по работе с детьми из семей группы риска в образовательном пространстве — социальная гостиная.

Социальная гостиная — специальным образом организованное безопасное воспитательное пространство с целью социально-психологической адаптации детей из семей группы риска. Социальная гостиная — это не просто место, где находятся дети под присмотром взрослых, как в группе продленного дня. Это особая форма социально-педагогической деятельности, которая включает в себя создание особого реабилитационного пространства, выстраивания педагогически целесообразных отношений с ребенком группы социального риска и его родителями для снятия воз-

возникновения угрозы социального сиротства, полноценного развития и успешной социализации. В настоящее время на основе краевой целевой программы «Свет в родном окне» организована социальная гостиная в школе № 37 Барнаула. В социальной гостиной при этой школе создано несколько целевых групп детей: дети младшего школьного возраста (1–3 классы, начальная школа) и подростки (7 класс). Работа с детьми включает такие направления, как помощь в подготовке домашнего задания, организация досуговой и игровой деятельности детей, выявление наиболее актуальных медицинских и социальных проблем детей и привлечение других служб к их разрешению, выявление случаев высокого риска для жизни ребенка и принятие необходимых мер по его снижению, в том числе направление детей в социально-реабилитационные центры (приюты), вовлечение родителей в решение проблем ребенка. Одним из основных принципов работы является организация безопасного пространства, которое включает в себя следующие компоненты:

1. Специальным образом оборудованное помещение, которое обеспечивает возможность проведения различных игр, тренингов, просмотр видеоматериалов, помощь в подготовке домашних занятий. Так, для целевой группы подростков в школе № 37 социальная гостиная оборудована видеотехникой, включает в себя зону работы (круглый стол и стулья), отдыха (мягкий уголок) и зону занятий спортом (тренажеры).
2. Постоянное присутствие воспитателя, который организует и контролирует деятельность детей, заботится о поддержании доброжелательной атмосферы. Кроме воспитателя в социальной гостиной работают психолог (проводит психологическую диагностику, занимается решением индивидуальных психологических проблем ребенка) и педагог (компенсация учебных проблем детей, помощь в подготовке домашних заданий).
3. Поддержание общих правил поведения группе. Такие правила могут быть дифференцированы в зависимости от доминирующей формы работы с детьми. В функционировании указанной социальной гостиной основной формой работы с подростками стал тренинг. Были обозначены следующие правила поведения и работы: уважать мнение окружающих, высказывать мнение от своего имени, проявлять активность, доверие и др. Такие правила определенным образом структурируют работу, способствуют формированию у детей чувства стабильности.

4. Однородность группы. Обе целевые группы социальной гостиной были организованы с учетом возрастных особенностей и потребностей детей, что позволило максимальным образом обеспечить их удовлетворение.
5. Стабильное посещение социальной гостиной способствует, следовательно, формированию постоянного коллектива. Группы были сформированы в самом начале занятий и в процессе работы не пополнялись. Таким образом, дети довольно быстро привыкали друг к другу, не боялись выражать собственное мнение, активно участвовали в мероприятиях социальной гостиной.

Таким образом, организация безопасного пространства является основополагающим принципом работы социальной гостиной. Для детей из семей группы риска данный принцип приобретает особое значение. Дети из данной категории семей не имеют устойчивых эмоциональных связей с родителями, не в полной мере получают поддержку и внимание от родителей, а зачастую подвергаются и жестокому обращению. В силу неблагополучия в семье дети часто оказываются на улице без надзора родителей, что повышает риск вовлечения их в асоциальные группы. Посещение социальной гостиной при школе дает возможность для детей формировать устойчивые эмоциональные связи со сверстниками, решать собственные социальные и психологические проблемы на основе примеров позитивных решений других детей, устранять пробелы в своих знаниях. В целом социальная гостиная способствует повышению комфортности условий пребывания детей в образовательном пространстве и снижению риска социального сиротства.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Большой толковый психологический словарь / под ред. А. Ребер: в 2 т. М., 2006.
2. Беличева С. А. Социально-педагогическое обследование и поддержка семей группы риска // Вестник психосоциальной и коррекционно-реабилитационной работы. 2005. № 2.
3. Олифиренко Л. Я. и др. Социально-педагогическая поддержка детей группы риска: учебное пособие для студентов высших учебных заведений. М., 2002.

Т. С. Бугрова, Т. И. Попова, Т. В. Захарова (Барнаул)

СОЦИАЛЬНАЯ АДАПТАЦИЯ СТУДЕНТОВ ПЕРВОГО КУРСА

**(на примере реализации проекта «Неделя
первокурсника» на факультете социологии АлтГУ)**

Начало обучения в высшем учебном заведении, принятие новой социальной роли студента — значимый период в жизни молодых людей, существенно влияющий на возможности личной самореализации. Именно в этот период происходит кардинальное изменение жизнедеятельности бывшего школьника. Процесс поступления абитуриента в вуз можно рассматривать в нескольких аспектах: 1) как включенность в новую социальную среду; 2) как процесс приобщения к новым формам учебно-познавательной деятельности; 3) как вступление в новые формы социальных отношений.

В вуз приходят абитуриенты с разными возможностями адаптации, к тому же они находятся в неравных социальных и бытовых условиях. Принятие социальной роли студента связано с целым рядом следующих трудностей:

1. Проблема перехода на новый уровень учебного процесса. Вчерашние школьники становятся студентами. С одной стороны, процесс обучения продолжается, но, с другой стороны, существенно меняется форма его организации. К студенту предъявляются совершенно другие требования. Происходит трансформация организации учебного процесса — привычные сорокаминутные школьные занятия переходят в продолжительные вузовские лекции, появляются новые формы контроля и повышения качества учебной деятельности — зачет и экзамен. Существенные изменения претерпевает форма преподавания. Если в школе взаимодействие учителя и ученика обусловлено в большей степени активностью учителя, то в высшей школе студент сам является активным организатором своего образовательного пространства. Самостоятельное получение знаний студентом, по мнению экспертов, составляет около 70% в соотношении со всем процессом учебной деятельности, т.е. около 30% знаний студент приобретает в ходе посещения лекционных занятий, а остальные 70% знаний приобретаются за счет самостоятельной научно-исследовательской работы.
2. Адаптация к новым социальным отношениям: включение в группу студентов, адаптация к новому коллективу, появле-

ние новых социальных контактов. Во многом от благоприятной социально-психологической атмосферы в академической группе зависит мотивация к посещению занятий, успешность обучения студента.

3. Адаптация к будущей профессии. Зачастую большинство студентов первого курса имеют недостаточно полное представление о сущности получаемой ими профессии. Кроме того, поступление на то или иное направление подготовки в вузе не всегда мотивировано самостоятельным выбором молодых людей. «Настояли родители», «друзья сюда поступили», «порекомендовали преподаватели в школе» — такие мотивы выбора вуза и будущей профессии встречаются довольно часто. Поэтому становится актуальным уже на первых этапах обучения сформировать у первокурсника первичное представление о получаемой специальности. Это поможет избежать неприятных ситуаций более позднего разочарования в выборе профессии на старших курсах.
4. Сложности социально-психологической адаптации: поиск оптимального режима труда и отдыха, адаптация к новому месту жительства (для иногородних студентов), налаживание быта и самообслуживания, особенно при переходе из домашних условий в общежитие, неумение осуществлять психологическое саморегулирование поведения и деятельности, усугубляемое отсутствием привычки к повседневному контролю педагогов.

Таким образом, студенты, поступившие на первый курс высшего учебного заведения, сталкиваются с целым рядом трудностей. Следовательно, для успешной, активной учебной и внеучебной работы в вузе, включения в новую социальную среду и осознания специфики получаемой профессии студенты-первокурсники нуждаются в формировании специальных условий, способствующих социализации.

В рамках данной актуальной проблематики магистрантами факультета социологии второго курса был разработан проект по работе со студентами, поступившими в вуз. Это так называемая Неделя первокурсника. Цель проекта — содействие успешной социализации студентов первого курса в вузе, их включение в активную учебную и внеучебную деятельность в АлтГУ. Организатором проекта выступила инициативная группа студентов старших курсов. Следует отметить, что данный проект по работе со студентами-первокурсниками реализуется инициативной группой с 2007 г., но проектное оформление и научное обоснование получил недавно.

Разработка и реализация проекта осуществляется в рамках нескольких этапов:

- 1) анализ проблемы социализации студентов: теоретико-методологический анализ основных подходов к изучению процесса социализации студенческой молодежи, изучение различных форм, методов и технологий работы с молодежью, анализ таких технологий работы с молодежью, как социально-психологический тренинг, групповая дискуссия, деловая игра и др. На данном этапе была изучена специализированная литература, рассмотрен опыт реализации подобных мероприятий в среде студенческой молодежи;
- 2) разработка программы реализации проекта: комплекс мероприятий для содействия успешного включения первокурсников в новую социальную среду, планирование ресурсной базы реализации проекта;
- 3) реализация проекта и анализ результатов.

В рамках практической реализации проекта были поставлены следующие задачи: создать и организовать инициативную группу студентов старших курсов; наладить договоренность с администрацией университета по поводу предоставления помещений; сотрудничество с кафедрами факультета, кураторами, преподавателями для привлечения первокурсников к участию в данном проекте; составление программ занятий с элементами тренинга, плана интерактивных лекционных занятий, сценария выездного мероприятия; наладить договоренность с краевой библиотекой по поводу проведения экскурсии; подведение итогов реализации проекта.

Непосредственная реализация проекта осуществлялась в период с 1 по 19 сентября 2010 г. В процессе реализации проекта «Неделя первокурсника» акцент был сделан на следующих мероприятиях: 1 сентября — групповые занятия с элементами тренинга на знакомство в академических группах; 2 сентября — автобусная экскурсия по старому Барнаулу; 6 сентября — групповые занятия с элементами тренинга на сплочение студентов в группе; 8 сентября — презентация факультета с участием заместителя декана по внеучебной и воспитательной работе, главы студенческой администрации факультета, членов студенческой администрации: координатора научного студенческого общества, культорга, спорторга, представителя пресс-центра, председателя студенческого совета общежитий; 10 сентября — презентация университета с участием председателя Лиги студентов АлтГУ, главы штаба трудовых дел, представителей вокальной студии, танцевальных коллективов, экоклуба, туристического клуба, руководи-

телей клубов «Интеллектуальное кино» и «Дебаты»; с 13 по 17 сентября — интерактивные лекции по введению в специальность (5 лекций по одной для каждой из специальностей; 19 сентября — итоговое выездное мероприятие. Организаторами выступили кураторы групп, преподаватели, заместитель декана по внеучебной и воспитательной работе, студенты старших курсов.

Таким образом, социализация студентов первого курса является актуальной проблемой учебно-воспитательного процесса в вузе. На первых этапах обучения первокурсники испытывают немало трудностей, связанных с вопросами адаптации к учебному процессу. Проект «Неделя первокурсника» направлен на поддержку студентов первого курса в процессе их активного приобщения к учебной и внеучебной формам деятельности в университете. От успешной адаптации студентов первого курса во многом зависит успешность их научно-практической и научно-исследовательской деятельности, проявление активности в культурно-массовых и общественных мероприятиях университета. В процессе реализации проекта студенты-первокурсники имеют возможность совершенствовать свои коммуникативные навыки, формировать первые представления о будущей профессии, в доступной форме получать элементарные представления о структуре университета, особенностях обучения на выбранном факультете, предоставляемых университетом возможностях для самореализации.

А. И. Васильева (Барнаул)

ОТНОШЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ БАРНАУЛА К РЕАЛИЗАЦИИ «КОМЕНДАНТСКОГО ЧАСА» В АЛТАЙСКОМ КРАЕ

Актуальная научная задача — изучить общественное мнение об эффективности реализации «комендантского часа». В данной статье обобщен опыт исследования Закона №99-ЗС «Об ограничении пребывания несовершеннолетних в общественных местах на территории Алтайского края», который был принят Алтайским краевым Законодательным собранием 7 декабря 2009 г., проведенного в сентябре-октябре 2011 г. В соответствии с принятым Законом не допускается нахождение несовершеннолетних в общественных местах, где им может быть причинен вред здоровью, а также в общественных местах в ночное время без сопровождения родителей, лиц, их заменяющих,

или лиц, осуществляющих мероприятия с участием детей. Данные ограничения действуют на несовершеннолетних в возрасте до шестнадцати лет — с 22 часов до 6 часов местного времени, в возрасте от шестнадцати до восемнадцати лет — с 23 часов до 6 часов местного времени. Ответственность возлагается на родителей, а также лиц, их заменяющих. Юридические лица обязаны информировать об ограничении пребывания несовершеннолетних в общественных местах путем размещения предупреждающих надписей и знаков. В случае обнаружения ребенка в общественных местах сотрудники милиции незамедлительно устанавливают его личность, место жительства, родителей или лиц, их заменяющих, уведомляют указанных лиц и, в случае необходимости, доставляют ребенка к ним. Ребенок не подлежит передаче таким лицам, если имеются объективные признаки того, что пребывание ребенка с ними или в определенной обстановке может нанести вред его жизни и здоровью, физическому, интеллектуальному, психическому, духовному и нравственному развитию. Нарушение закона предусматривает административную ответственность: на родителей — предупреждение или наложение административного штрафа от 300 до 2 тыс. руб.; на должностных лиц — от 2 тыс. до 10 тыс. руб.; на юридических лиц — от 5 тыс. до 50 тыс. руб. В исследовании были использованы метод анкетирования и экспертный опрос.

Во-первых, респондентами были выбраны именно те, на кого данный закон и распространяется — несовершеннолетние в возрасте от 14 до 18 лет, а также их родители, во-вторых — преподаватели вузов, учителя школ, т. е. те люди, которые по своей профессиональной обязанности взаимодействуют с подростками, в-третьих, исполнители Закона — сотрудники полиции, в-четвертых, администраторы в развлекательных заведениях города (клубы, кафе и пр). Экспертами же выступили сотрудники комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав, инспекторы по делам несовершеннолетних.

Как и любой другой закон, затрагивающий интересы, особенно социального поведения широких масс, Закон «Об ограничении пребывания» вызывает жаркие споры со времени его рассмотрения в Государственной Думе. На основе исследования были выявлены основные аргументы, приводимые как за его ведение, так и против данного закона. Аргументы в поддержку обсуждаемого вопроса: 1) «комендантский час» для несовершеннолетних, удаляя подростков с улиц, способствует решению основных проблем подростковой преступности, таких как наркомания, насилие и деятельность подростковых преступных группировок; 2) «комендантский час» для подростков может помочь родителям признать свои обязанности по воспи-

танию детей и содействовать защите подростков, уязвимых перед лицом несовершеннолетних или взрослых «хищников». Дети больше времени будут находиться в кругу близких людей, что благотворно скажется на их воспитании; 3) «комендантский час» для подростков, сдерживая менее опасные преступления и преступников, предотвращает их преобразование в более тяжкие и деструктивные преступления, способствует созданию большей безопасности в сообществе. Он также поддерживает «политику сурового наказания»; 4) «комендантский час» для несовершеннолетних, удаляя с улиц законопослушных подростков, позволяет полиции фокусировать внимание на серьезных правонарушителях.

Аргументы против обсуждаемого вопроса: 1) отсутствует прямая связь между введением «комендантского часа» и снижением уровня правонарушений несовершеннолетних. В действительности большинство преступлений совершается несовершеннолетними сразу после школы, в период до начала «комендантского часа»; 2) введение «комендантского часа» для подростков нарушает личные права и свободы, такие как свобода собраний и свобода передвижения. Также нарушается право родителей воспитывать детей так, как они этого желают; 3) множество подростков имеют уважительные причины находиться ночью на улице — работают, участвуют в общественных мероприятиях или программах, связанных с искусством, спортом. Кроме того, не приходится ожидать, что все родители могут брать с собой детей на вечерние мероприятия; 4) при введении «комендантского часа» исходят из того, что все подростки — правонарушители.

Некоторые респонденты из числа сотрудников полиции отмечают: «добавятся новые обязанности, которые еще больше будут мешать основной работе», «закон не продуман, вся работа ляжет на плечи полиции, а нам и так нелегко», «будет много жалоб от детей и их родителей, добавятся много проблем и волокиты». Следовательно, это будет способствовать «снижению эффективности деятельности полицейских структур...». На основе ответов экспертов и респондентов — исполнителей данного Закона можно выделить основные проблемы.

Одна из самых серьезных проблем при реализации Закона, которую выделили и родители с учителями, и сотрудники полиции, и эксперты. Это отсутствие специальных помещений для задержанных подростков. В некоторых районах города «положительных подростков» сначала будут доставлять в Комиссии по делам несовершеннолетних, а затем созваниваться с родителями и доставлять по домам. В других же районах помещений нет, и в настоящее время этот вопрос еще решается, т. е. всех задержанных будут доставлять в отделе-

ния полиции, где дети будут находиться со всеми остальными задержанными, это может вызвать серьезные последствия.

Вторая, не менее значимая проблема — это внесение абсолютно всех задержанных в базу данных полиции, которая отправляется в Москву, к ней может иметь доступ по запросу практически любая частная организация. По мнению опрошенных, в настоящее время возникают большие проблемы при трудоустройстве и многих других случаях, когда частная фирма делает запрос и выясняет, что в 15 лет гражданин совершил правонарушение, распивая алкоголь в общественном месте. Это является распространенным отказом при трудоустройстве. И закон в данном случае «обратной силы» не имеет.

Обозначенные проблемы, по словам исполнителей положений закона, решаются в «рабочем режиме». Так, например, при задержании «положительных подростков» их данные в «базу данных» отправляться не будут. Но проблемы с пребыванием несовершеннолетних после задержания и до доставки их домой до сих пор не решены. Рассматривая механизм действия Закона, а также отношение населения к реализуемому закону, нами выделены проблемные точки и далее рассматриваются возможные последствия реализации Закона и предложенные экспертами рекомендации.

По мнению опрошенных, положительное значение от Закона видится в сокращении возможности совершения преступлений по отношению к несовершеннолетним. Благодаря данному Закону усилится контроль со стороны не только силовых структур, но и родителей. Закон направлен на семью, семейные отношения, он призван помочь вернуть семье ведущую роль в воспитании детей и формировании личности. Если же семья неблагополучная, положительный эффект может смениться на негативный.

Подавляющее большинство экспертов предлагают внести корректировки в данный закон, а также в ряд других законов. Некоторые считают нужным отменить данный закон: 5% экспертов, 16% несовершеннолетних, 28% родителей, 15% преподавателей. Прежде всего это связано с опасностью протестного, агрессивного поведения подростков. Эксперты предлагают разрешить в вечернее и ночное время определенные мероприятия, которые будут проводить специально для несовершеннолетних. Часть экспертов (28%) рекомендуют снять ограничение на пребывание в общественных местах, в транспортных средствах для студентов и учеников при следовании к месту учебы и обратно домой, при проведении учебных занятий, специальных мероприятий. Представители некоторых комиссий по делам несовершеннолетних (10% от экспертного мнения) предлагают

всем, не достигшим 18 лет, с 22.00 полностью запретить пребывать без взрослых в любых местах, кроме жилого помещения, в ночное и вечернее время. Часть экспертов (37%) отметили, что следовало бы повысить безопасность общественных мест, а не удалять оттуда людей. По их мнению, необходимо сохранить полный запрет на пребывание несовершеннолетних не только в «комендантский час» в «помещениях и местах, не предназначенных для детей». Они предлагают четко прописать в законе, что же считать такими местами.

20% экспертов предлагают, помимо штрафов для родителей, ввести еще какие-нибудь альтернативные меры ответственности, в частности, меры, которые могли бы применяться для неблагополучных семей. Таким образом, мнение опрошенных сводится к следующему. Заслуга данного закона и государственной политики в том, что особое внимание начинает уделяться семье. Следует и далее повышать ответственность родителей за своих детей, но более взвешенными мерами. Необходимо создание благоприятных условий для воспитания детей: не только вводить запретительные меры, но и создавать реальную материальную базу в виде открытия детских площадок, стадионов и расширения возможностей участия несовершеннолетних в различных секциях, кружках по интересам. Отметим, что данный Закон входит в пакет законопроектов по поддержке молодежи. Если рассматривать «комендантский час» вне контекста государственной и молодежной политики, то положительный эффект законопроекта сведется к нулю. В целом же проблема защиты детей, подростков, молодежи требует незамедлительного вмешательства со стороны государства и пристального внимания общества.

А. И. Ганнибалов (Барнаул)

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ИНСТИТУТА ГРАЖДАНСКОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

В связи с изменением государственного и политического строя в стране в начале 1990-х гг., а также после проведения реформ, направленных на преобразование экономики из командно-плановой в рыночную, все большее значение для общества приобретает институт гражданского судопроизводства, который выполняет важные функции и регламентирует возникающие в современном российском обществе правоотношения.

На сегодняшний день в обществе господствуют рыночные отношения. Единственным законным способом решения возникающих в ходе взаимодействия членов общества споров является рассмотрение данных споров в системе судов гражданского судопроизводства. В ходе функционирования данного института возникает много проблемных моментов, а также противоречий.

Для того чтобы понять назначение института гражданского судопроизводства, необходимо рассмотреть его понятие, которое сформулировано в правовой литературе следующим образом.

Гражданское судопроизводство — законный порядок судебной защиты гражданских прав личности. Судебная защита имеет целью устранить самоуправное осуществление спорного права самим заинтересованным лицом. Суд выступает в качестве посредника, обладающего достаточным авторитетом для наиболее справедливого решения спора. Исторически выработались и приняты во всех цивилизованных странах следующие начала гражданского судопроизводства: общность с уголовным процессом устность и непосредственность разбирательства дела, гласность. Более полно, чем в уголовном, в гражданском процессе проводится начало состязательности, т. е. инициатива процесса, отыскание доказательств принадлежит лишь сторонам; гражданский суд в противоположность уголовному сам следствием и розыском доказательств не занимается. Вторая отличительная черта гражданского процесса сравнительно с уголовным — это его возмездность. Государство за защиту гражданских прав взимает особую плату, судебные пошлины.

Необходимо отметить, что социальный институт — это всегда нормативно регулируемая совокупность лиц и учреждений (чиновников, менеджеров, управляющих, служащих и пр.). Общество поддерживает деятельность институтов путем капиталовложений в них и подготовкой кадров. Социальный институт объективирован, структурирован, функционален. Как утверждал известный польский социолог Ян Щипаньский, успех деятельности института зависит и от четкого определения целей, и от рационального разделения труда, его организации, и от признания его престижа.

Институт гражданского судопроизводства полностью соответствует всем требованиям социального института: гражданское судопроизводство — это в первую очередь урегулированный нормами гражданского процессуального права порядок производства по гражданским делам, который определяется системой взаимосвязанных гражданских процессуальных прав и обязанностей, а также гражданских процессуальных действий, которыми они реализуют-

ся их субъектами — судом, органом судебного исполнения и участниками процесса.

Порядок гражданского судопроизводства в федеральных судах общей юрисдикции определяется Конституцией Российской Федерации, Федеральным конституционным законом «О судебной системе Российской Федерации», Гражданским процессуальным кодексом и принимаемыми в соответствии с ними другими федеральными законами, порядок гражданского судопроизводства у мирового судьи — также Федеральным законом «О мировых судьях в Российской Федерации».

Действие гражданского процессуального закона во времени определяется различными факторами исходя из общих правил законодательства. Принятый закон не имеет обратной силы, если нет оговора об этом. Действие гражданского процессуального закона в пространстве характеризуется тем, что в порядке судопроизводства в судах на всей территории Российской Федерации применяется единое процессуальное законодательство по правилам, установленным Конституцией РФ, Федеральным конституционным законом «О судебной системе Российской Федерации», ГПК и другими федеральными законами. Субъекты Федерации не вправе принимать процессуальные нормы и устанавливать для федеральных судов какие-либо иные процессуальные правила.

Гражданское судопроизводство ведется в соответствии с федеральными законами, действующими во время рассмотрения и разрешения гражданского дела, совершения отдельных процессуальных действий или исполнения судебных постановлений (судебных приказов, решений суда, определений суда, постановлений президиума суда надзорной инстанции), постановлений других органов.

В случае отсутствия нормы процессуального права, регулирующей отношения, возникшие в ходе гражданского судопроизводства, федеральные суды общей юрисдикции и мировые судьи применяют норму, регулирующую сходные отношения (аналогия закона), а при отсутствии такой нормы действуют исходя из принципов осуществления правосудия в Российской Федерации (аналогия права).

Необходимость данного института обуславливается возникновением новых отношений между гражданами РФ, которые необходимо упорядоченно регулировать. Следует рассмотреть задачи: согласно ст. 2 ГПК, которая гласит: «Задачами гражданского судопроизводства являются правильное и своевременное рассмотрение и разрешение гражданских дел в целях защиты нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов граждан, организаций, прав и интересов Российской Федерации, субъектов Российской Федера-

ции, муниципальных образований, других лиц, являющихся субъектами гражданских, трудовых или иных правоотношений».

Кратко задачи гражданского судопроизводства можно сформулировать так: охрана прав и законных интересов физических и юридических лиц, а также государства путем всестороннего рассмотрения и решения гражданских дел в полном соответствии с действующим законодательством. Законодательство устанавливает единый порядок рассмотрения гражданских дел, объединенных по материальным признакам в три вида: исковое производство; производство по делам, возникающим из административно-правовых отношений; особое производство.

В ходе проведенного опроса нами был опрошен широкий круг респондентов, установлены следующие факты: более 70% респондентов полагают, что институт гражданского судопроизводства выполняет регулятивную и охранную функцию; 45% участвовали в судебных заседаниях; только 40% обратились бы в суд за защитой своих законных прав и интересов; 40% опрошенных респондентов полагают, что система гражданского судопроизводства не является эффективной для решения возникающих в обществе споров; 60% считают, что причиной игнорирования системы гражданского судопроизводства являются низкая правовая грамотность населения и высокая цена на услуги юристов.

И. Д. Гейбель (Барнаул)

КОНФЛИКТЫ ГАСТАРБАЙТЕРОВ С РАБОТОДАТЕЛЯМИ

**(по материалам исследования в Алтайском крае
в 2010–2012 гг.)**

В последнее десятилетие миграция все в большей мере становится в России, как и во всем мире, политическим вопросом и вопросом государственной безопасности. Проблемы миграции официально признаны в нашей стране (впервые за всю ее историю) одним из политических приоритетов государства.

Россия превратилась по типу миграционной ситуации в страну одновременно и отдающую, и принимающую, но принимающую — в значительно большей мере. Мировой опыт свидетельствует, что трудовая миграция обеспечивает несомненные преимущества как принимающим рабочую силу странам, так и поставляющим ее. Но она способна породить и острые социально-экономические проблемы. Правовое

пространство для мигрантов и их трудоустройство сужается и становится все более жестким, выталкивая их в сферу неправовых, а потому опасных для них и для государства отношений, создавая все более благоприятные условия для роста коррупции и преступности [1, с. 3].

В силу этих обстоятельств представляется необходимым исследование экономических и социальных факторов, влияющих на повышенную конфликтность трудовой миграции с работодателями в России и ее отдельных регионах в частности.

Трудовая миграция рассматривается как процесс, в ходе которого осуществляются кратковременные или долговременные перемещения населения (независимо от способа пересечения границы и возможностей трудоустройства) между трудовыми объектами (т. е. странами-донорами и реципиентами) и сферами занятости, связанные с поиском выгодных условий для приложения своего труда, а трудовых мигрантов — как людей, перемещающихся из одного города, страны, региона, населенного пункта в другой на постоянной или временной основе, на законных или незаконных основаниях, с целью трудоустройства [1, с. 4]. Можно говорить о том, что «конфликт» призывает трудовую миграцию со всех сторон.

По нашему мнению, концепция конфликта К. Маркса иллюстрирует конфликты трудовых мигрантов, которые возникают на материальной почве, т. е. это конфликты в сфере распределения материальных ресурсов с работодателями, коллегами по работе, которые являются коренными жителями. В данном контексте «местные» считаются «господствующим сегментом», владеющим дефицитными ресурсами. Незаконное положение мигрантов делает их реальными и беспроектными конкурентами российскому населению на рынках труда. Существует и обратная связь. Зачастую работодатели пользуются шатким положением трудовых мигрантов, поэтому гастарбайтеры проживают в нечеловеческих условиях [2, с. 17].

Многие из них подвергаются эксплуатации со стороны работодателей, агентств по трудоустройству и других посредников, сталкиваются с вымогательством и произволом со стороны милиции и других должностных лиц. В некоторых случаях трудовые мигранты оказываются жертвами торговли людьми для принудительного труда. Российскому правительству необходимо обеспечить эффективное применение действующего законодательства и продолжить его совершенствование в интересах повышения защищенности трудовых мигрантов и скорейшего создания доступных механизмов обращения с жалобами.

Большинство приезжающих в Россию трудовых мигрантов не могут найти работу на родине и вынуждены на время оставлять семью,

чтобы обеспечить ей средства к существованию. Как рассказывают эти люди, в России работодатели нередко обманывают их, недоплачивая за труд, заставляя работать сверхурочно, прибегая к насилию и угрозам и не обеспечивая нормальных условий проживания и техники безопасности на объекте. Как правило, работодатель в нарушение российского законодательства отказывается заключать с мигрантом трудовой договор, что делает последнего более уязвимым для нарушений и ограничивает его возможности обращения за правовой защитой в официальные инстанции. Доходит до того, что работодатели, посредники или агентства по трудоустройству отбирают у мигрантов паспорта и заставляют их работать бесплатно, порой не выпуская их за пределы объекта или подвергая их физическому насилию [3, с. 35].

Работа, выполняемая под угрозой наказания и без добровольного согласия работника, квалифицируется как принудительный труд, запрещенный как международным правом, так и внутренним законодательством России [4, с. 102].

Значительная часть нарушений и случаев эксплуатации трудовых мигрантов связана с частными субъектами: работодателями, агентствами по трудоустройству и др. Международные нормы о правах человека обязывают правительство обеспечивать всем лицам защиту от нарушений, в том числе и со стороны частных субъектов. Применительно к трудовым мигрантам это требование в большинстве случаев российскими властями не соблюдается. Существующих правовых гарантий недостаточно, а имеющие в полной мере не работают [3, с. 123].

Эксперты отмечают, что если в первые годы в Россию ехали более образованные и квалифицированные работники, то теперь мы наблюдаем снижение общего уровня образования и знания русского языка. Большинство трудовых мигрантов не имеют почти никакого представления о своих правах и существующих возможностях правовой защиты, что повышает их уязвимость и мешает обращению за помощью в официальные структуры. Желающие устроиться на работу нередко прибегают к услугам посредников, в роли которых выступают частные и государственные агентства по трудоустройству и частные вербовщики (родственники, представители национальных диаспор и др.) как в России, так и в стране происхождения. Подавляющее большинство таких посредников работают неофициально, слабо регламентирована деятельность даже официальных агентств занятости как в России, так и в странах происхождения мигрантов [4, с. 135].

При характеристике отношений трудовых мигрантов и работодателей важно обосновать необходимость применения термина «заемный труд». Это достаточно новый термин, который получил распро-

странение в мировой практике в последнее десятилетие. Это новая форма занятости. Суть заемного труда состоит в том, что специализированная коммерческая фирма, чаще частное кадровое агентство, нанимает в свой штат работников (временных или постоянных) и по заявкам предоставляет их на определенное время нанимателям. Возникающие при таком виде труда отношения касаются трех участников: кадрового агентства, сотрудника и работодателя. При заемном труде работник становится «слугой двух господ» — кадрового агентства и нанимателя [3, с. 37]. Казалось бы, отлично, что существуют специализированные посредники, занимающиеся трудоустройством мигрантов, но дело в том, что заемный труд в России закон никак не регулирует, у нас нет соответствующей правовой базы. В центральной части России такая форма трудовых отношений достаточно распространена, например, около 60 агентств в Москве занимаются организацией заемного труда. В Алтайском крае и Барнауле в частности никаких статистических данных по этому вопросу нет.

Необходимо регулирование отношений между работником и лизинговым агентством и работником и предприятием-пользователем. При выявлении существования в Алтайском крае подобной формы трудовых отношений будет необходима выработка практических рекомендаций по минимизации конфликтов трудовых мигрантов и агентств по заемному труду. По мнению автора, необходимы гражданско-правовые договоры о заемном труде между частным агентством занятости и предприятием-пользователем.

Федеральная служба по труду и занятости (Роструд) является головным органом в области надзора и контроля за соблюдением трудового законодательства, однако она в полном объеме проводит проверки и обследования только при наличии трудового договора либо если существование трудовых отношений не оспаривается. Вне зависимости от этих обстоятельств работники могут обращаться с жалобами на любые нарушения в суд или прокуратуру, но суды неохотно рассматривают дела, в которых отсутствует трудовой договор. Трудовые мигранты, как правило, с официальными жалобами не обращаются: они либо не знают о таких возможностях, либо не представляют, как ими воспользоваться [4, с. 145].

В отсутствие доступных правовых механизмов трудовые мигранты в России в поисках защиты от нарушений предпочитают использовать альтернативные каналы, в том числе посольства и консульства. Но все же чаще всего они обращаются в национальные диаспоры. Обычно эти субъекты связываются с работодателем и пытаются убедить его поступить «по-человечески».

Трудовой мигрант, имеющий выход на альтернативные каналы, может рассчитывать на успех, однако это не способно подменить системный механизм защиты, необходимость в котором столь остро наблюдается в России.

Проведенный теоретический социологический анализ особенностей и типов конфликтов трудовых мигрантов Барнаула с работодателями подводит к ряду серьезных вопросов, на которые пока нельзя дать однозначных ответов: Каким образом в кратчайшие сроки можно минимизировать конфликты трудовых мигрантов с работодателями? Каким способом можно наладить эффективную деятельность по адаптации трудовых мигрантов в принимающее общество? Какова роль заемного труда и посредников в конфликтах трудовых мигрантов с работодателями? Эти и другие вопросы заслуживают дальнейшего специального изучения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Иноземцев В.Л. Иммиграция: новая проблема нового столетия. Методологические аспекты // Социологические исследования. 2003. № 6.
2. Вишневская В.С., Астапенко С.С. Международная миграция рабочей силы: проблемы и перспективы // Современные аспекты экономики. 2007. № 2.
3. Витковская Г., Панарин С. Миграция и безопасность России. М., 2000.
4. Козина И. М., Карелина М. В., Металина Т. А. Трудовые практики иностранных рабочих в России // Демоскоп. 2008. № 4.

Е. Ю. Егорова (Барнаул)

ОТНОШЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ К СТРАХОВОМУ БИЗНЕСУ (на примере отношения водителей Барнаула к автострахованию)

Страхование — одна из трех сфер финансовой системы. Для страхования характерны экономические отношения только по перераспределению доходов и накоплений, связанных с возмещением материальных и иных потерь. Таким образом, страхование связано с вероятностным движением денежной формы собственности. Страховой случай может и не наступить.

Анализ федеральных законов о бюджетах государственных внебюджетных фондов на 2005 г., проведенный в условиях снижения с 1 января 2005 г. размера Единого социального налога (ЕСН), со всей очевидностью свидетельствует о контрпродуктивном характере изменения страховой природы взносов и замены их на налоговый способ формирования доходов для системы социального страхования, а также о поспешном и малообоснованном снижении размера ЕСН. Это проявляется в уменьшении социальных гарантий в системе социального страхования и понижении уровня социальной защиты застрахованных, а также финансовой устойчивости бюджетов государственных внебюджетных фондов [1].

При этом данная тенденция будет иметь все более неблагоприятные последствия в дальнейшем, что может привести в конечном итоге к окончательной ликвидации страховых механизмов.

Если еще в 2002 г. доля страховой части пенсии составляла в общей ее величине 70%, в 2004 г. — 65%, то в 2005 г. — уже 56%, а в 2007 и 2010 гг. эта доля понизится до 35 и 25% соответственно.

Снижение ЕСН и возникающий в связи с этим уже в 2005 г. существенный дефицит бюджетов государственных внебюджетных фондов (порядка 300 млрд руб.) фактически реанимирует социалистическую модель государственного социального обеспечения, основанную на дотациях из федерального бюджета.

Помимо неблагоприятных последствий такого параметрического изменения финансовых характеристик социального страхования, следует отметить и тот факт, что этот базовый институт социальной защиты утратил необходимое для функционирования в рыночной экономике свойство достаточности собственных, закрепленных исключительно за ним финансовых ресурсов.

Начиная с 2005 г. федеральный бюджет становится ответственным за финансовое обеспечение бюджетов Пенсионного фонда Российской Федерации и других социальных фондов [2].

В перспективных планах экономического и социального развития страны задача институционального построения национальной системы социального страхования даже и не ставится, а намерения по формированию страховых механизмов и институтов социального страхования, хотя время от времени и заявляются, но для этого на государственном уровне реально ничего не предпринимается.

Нелогичность такого подхода властных структур во многом объясняется низкой культурой социального страхования в стране, формирование которого предполагает достаточно высокий «ценз» зна-

ния населением и управленцами всех уровней основных «постулатов» построения данного института социальной защиты [3–4].

Национальный страховой рынок сегодня становится основным финансовым механизмом защиты общества от различного рода опасностей и одной из систем минимизации экологических, бытовых, техногенных, производственных и социальных рисков. Бурное развитие страхования ежедневно выдвигает ряд проблем, решение которых требует разработки социально ответственной стратегии.

Качество страховых услуг, предлагаемых российскими страховыми организациями предприятиям и частным лицам, пока еще недостаточно велико по сравнению с западными странами. Главной причиной отказа потребителей от страхования остается недоверие к страховым компаниям.

Доля, которую российский страховой рынок вносит в совокупную страховую премию международного страхового рынка, составляет менее 1%, притом, что роль страхования в современной мировой экономике чрезвычайно велика. Во многих странах страхование характеризуется как один из стратегических секторов экономики и является надежной гарантией возмещения собственникам понесенных убытков благодаря наличию огромных инвестиционных ресурсов в страховых компаниях, постоянно вкладываемых в базовые отрасли и перспективные сферы деятельности.

Недостаточный опыт страхования, отсутствие страховой культуры, психологическая неготовность потенциальных клиентов обуславливают проблемы становления страхования как социального института в России и в значительной степени тормозят его развитие. Страховое мошенничество со стороны как страховых компаний, так и клиентов, активно обсуждаемое в прессе и средствах массовой информации, применение страховщиками «серых схем», нарушение законодательства вызывают негативное отношение населения к страхованию, снижают его популярность и препятствуют проникновению в массы. Страховым компаниям приходится более четко позиционировать себя на рынке, работать над своим имиджем, поскольку страхователь стал более требовательным и желает получать качественную услугу в надежной компании, которая, помимо разработки широкой линейки страховых продуктов, выполняет свои обязательства перед клиентами и обществом в целом.

Страхование постепенно становится неотъемлемым элементом жизни. Все понимают, что время, когда государство или профсоюзы брали на себя заботу о людях, попавших в беду, в прошлом, что настало время самим научиться защищать себя.

Современное состояние рынка автострахования и перспективы его развития во многом зависят от развития обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств. Тенденции развития данного рынка во многом определяются конкуренцией между страховыми компаниями и нежеланием клиентов этих компаний платить по завышенным, как они считают, тарифам.

На данном этапе развития российского страхового бизнеса более или менее сформировавшимся можно считать лишь рынок автострахования. Причин тому несколько, но основная — осознанная автовладельцами необходимость обеспечить сохранность своей машины при любом развитии событий на дороге, принудительно закрепленная законодательством.

Для улучшения ситуации на рынке автострахования необходимо учитывать мнения непосредственно автовладельцев, которые на себе испытывают все недостатки и достоинства системы автострахования.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Отечественная система социального страхования: требуется срочная модернизация // Человек и труд. 2005. № 6.
2. Пересмотренная стратегия социальной сплоченности // Европейский Комитет по вопросам социальной сплоченности (PTCC). Страсбург, 27 апреля 2009 года. CDCS (2004).
3. Роик В. Д. Социальная политика: какая модель распределения доходов нужна России? // Российский экономический журнал. 2002. № 8.
4. Социальные экономические параметры реформирования социального страхования: состояние, проблемы и пути решения // Материалы Института социальной политики Академии труда и социальных отношений. М., 2009.

Н. Е. Жданова (Барнаул)

ОСОБЕННОСТИ ПРОЯВЛЕНИЯ ЖЕСТОКОСТИ МЕЖДУ СИБЛИНГАМИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ СЕМЬЕ

Жестокое обращение с ребенком есть не что иное, как отвержение его в явной и грубой форме. Единого определения понятия «жестокое обращение» не существует. Первой причиной его отсутствия

является то, что понятие «жестокое обращение» должно содержаться в национальном законодательстве страны и учитывать ее этнические, культурные, исторические, религиозные, социальные особенности.

Жестокое обращение с детьми — сложное социальное явление, отдельные стороны которого изучаются разными науками (социологией, психологией, медициной, уголовным и семейным правом). Такой комплексный характер жестокого обращения с ребенком является второй причиной отсутствия его общепринятого обобщенного определения.

Определение жестокого обращения предлагает Т. Я. Сафонова: «Под жестоким обращением и пренебрежением основными нуждами ребенка понимают любые действия или бездействие со стороны родителей, лиц, их заменяющих, или других взрослых, в результате чего нарушается здоровье и благополучие ребенка или создаются условия, мешающие его оптимальному физическому или психическому развитию, ущемляются права и свобода» [1].

По данным российской статистики, от 2 до 2,5 тыс. детей ежегодно погибают от домашнего насилия, около 2 млн несовершеннолетних в возрасте до 14 лет избиваются родителями, более 50 тыс. детей убегают из дома, спасаясь от жестокого обращения, 25 тыс. из них в розыске, около 2000 ежегодно сводят счеты с жизнью, более 50% преступлений в быту совершается в присутствии детей, 30–40% всех тяжких насильственных преступлений в России совершается в семье. Число беспризорных в нашей стране продолжает расти, оно достигло уже 3–4 млн [2].

Изучению проблемы жестокого обращения с детьми в семье посвящены труды таких авторов, как О. В. Бессчетнова, Т. П. Дурасанова, Г. В. Дыльников, М. Р. Зезина, А. И. Зырина, С. Колосова, З. Г. Кузьмина, О. В. Никулина, Е. В. Родькина, Т. Сафонова, Ю. Н. Синарева, Л. М. Семенюк, Д. Н. Ушаков, А. Г. Харчев, Е. И. Холостова, Е. Р. Ярская-Смирнова и др.

Среди широкого спектра проявления жестокости и насилия к детям одной из наиболее актуальных является проблема, связанная с жестоким обращением между сиблингами в семье. Сиблингами в зарубежной литературе называют всех родных братьев/сестер в семье. Дело в том, что старшие и младшие дети в семье редко бывают дружны. Чаще они ожесточенно борются между собой за пространство, вещи, родительское внимание. При отсутствии конкретных воспитательных действий взаимное неприятие сиблингов может доходить до ненависти со всеми вытекающими и часто серьезными последствиями [3].

Соперничество среди братьев и сестер проявляется менее чем у половины всех первенцев. Судя по сообщениям, сильнее всего соперничают между собой сиблинги одного пола, близкие по возрасту (с разницей от 1,5 до 3 лет); к тому же соперничество обнаруживается преимущественно среди детей, родители которых непоследовательны в применении дисциплинарных мер, независимо от их характера. По-видимому, личностные особенности детей, в первую очередь способность адаптироваться к новому, будь это люди, места или вещи, способствуют снижению соперничества между сиблингами. Кроме того, поведение родителей может усиливать ощущение утраты ребенком своих позиций, побуждать к соперничеству, приводить к различной скорости и степени приспособления сиблингов [3].

Помимо родительского поведения и личностных особенностей детей, на предотвращение соперничества оказывают влияние социальные факторы. Первенцы, которые склонны претендовать на главенствующую роль по отношению к младшим братьям или сестрам, обнаруживают меньший уровень соперничества, и во многих случаях их влияние оказывает большее воздействие, чем влияние родителей [3].

При оценке главных эффектов порядка рождения или пола следует проявлять осторожность, так как разница в возрасте и родительское поведение явно сказываются на динамике взаимодействия сиблингов. Первые дети в семье (те, кому от 9 мес. до 3 лет) склонны больше командовать младшими сиблингами, чаще мешать им или игнорировать их, подстрекать к нарушению установленных правил или применять к ним физическую силу, по сравнению с детьми, родившимися вторыми или имеющими большую разницу в возрасте. Впрочем, младшие сиблинги являются более толерантными при всех условиях. Матери, поощряющие детей брать на себя часть родительской заботы о младших сиблингах, способствуют повышению частоты и качества взаимодействий между детьми в семье. Имеющиеся данные также показывают, что матери первенцев-сыновей вообще склонны подробнее разъяснять детям нормы и мотивы поведения и больше общаться с ними, чем матери первенцев-девочек, и эта их склонность воспроизводится старшими детьми в отношениях с младшими сиблингами. В некоторых случаях старшие дети служат фигурами привязанности для своих младших братьев/сестер даже в большей степени, чем родители [4].

Согласно Р. Б. Зайонцу, самый старший ребенок, независимо от пола, имеет преимущество перед младшими детьми в силу того, что он в течение какого-то времени участвует вместе с родителями в организации семейной жизни. Когда в семье появляется еще один

ребенок, старшие дети извлекают дополнительную выгоду из выполнения роли учителей своих младших братьев и сестер. Кроме того, эффекты усиливаются, если разрыв в возрасте превышает три года [3].

Другими словами, на отношения сиблингов влияет размер семьи. Несмотря на то, что родители, мечтающие и планирующие создать большую семью, стремятся обеспечить теплый и благоприятный климат для всех своих детей, они не могут целиком сдерживать обид, враждебности и гнева своих детей. В действительности родители в больших семьях в общем и целом тяготеют к авторитарным методам воспитания, и именно эти методы старшие дети, в свою очередь, демонстрируют при обращении с младшими [4].

Формирование личности ребенка происходит в семье, и все особенности семейной ситуации являются важными детерминантами становления его личности. Один и тот же ребенок, развиваясь, переходя от одного возраста к другому, будет по-новому переживать ту же самую семейную ситуацию.

Можно выделить следующие особенности отношений между сиблингами: дети испытывают чувство неполноценности в своей семье, ощущают напряженность семейных отношений; существует соревнование детей за родительскую любовь с другими сиблингами; дети меньше стремятся к взаимодействию между собой, у них более выражено стремление соперничества и противоборства; старшие дети в большей степени склонны к конфликтному, доминирующему, часто агрессивному поведению в отношении более младших сиблингов.

Главными причинами конфликтов между сиблингами является ревность, испытываемая ими по отношению к родителям, борьба за родительскую любовь, вещи, игрушки и т. д. Такие конфликты приводят к одиночеству, разобщенности и изолированности; страху перед взрослыми, постоянному напряжению и ожиданию удара, оскорбления; общему снижению фона настроения, которое у детей младшего возраста проявляется печальным выражением лица, безразличием к окружающему; депрессиям у более старших детей; расстройству сна, нарушению аппетита; неусидчивости, неспособности сосредотачиваться на чем-либо интересном; агрессивности, жестокости по отношению к другим детям или животным; чрезмерной уступчивости; школьной дезадаптации, плохой успеваемости, трудностям в усвоении школьной программы; лживости, склонности к воровству, другим антиобщественным поступкам; раннему приобщению к курению, употреблению алкоголя, наркотиков и т. п. [1].

Родителям следует помнить, что если между рождением детей возрастная разница не превышает 1–3 года, то между ними возникает

ревность, непонимание, конфликты, ведь, как известно, до трех лет ребенок неразрывно связан с матерью на эмоциональном уровне. После преодоления трехлетнего возрастного порога травматичность ситуации снижается, однако причины возникновения агрессии и жестокости продолжают оставаться в латентном виде.

Изучение данной темы находится в центре внимания ученых различных отраслей знаний как в нашей стране, так и за рубежом. Этот интерес обусловлен тем, что семья является важной составной частью общества, играющей исключительную роль в воспроизводстве населения, воспитании подрастающих поколений, передаче им социального опыта, накопленного предшественниками.

Изучение российского и международного опыта в области защиты детства свидетельствует о том, что благополучие детей и их нормальное развитие возможно при наличии родителей. Социальная политика, законодательство и работа соответствующих служб должны быть направлены на укрепление семьи. Такие стимулы должны включать прямую помощь в виде дотаций и выплат, в первую очередь многодетным и малообеспеченным семьям, а также систему прямого (налогового) стимулирования повышения расходов родителей на воспитание и образование своих детей. В целях предотвращения насилия в семье важна широкая пропаганда идей гуманизма, формирование в обществе культуры прав человека, возвращение к традиционным семейным ценностям. Вместе с тем, должны быть разработаны меры по профилактике этого явления, основанные на глубоком знании и анализе причин жестокого обращения с детьми.

Таким образом, жестокое обращение с детьми — это социальная проблема, которая может быть решена совместными усилиями многочисленных структур на государственном уровне с привлечением квалифицированных специалистов, которые хорошо представляют, что является областью их компетенции, а также в какие учреждения необходимо направить их клиента, на основании каких критериев выбрать консультанта по тем или иным вопросам, в какой последовательности организовать процесс постепенной реабилитации клиента. В России работа по предотвращению насилия в семье осуществляется специализированными службами и предусматривает оказание помощи эмоционального, неврологического, поведенческого, общемедицинского характера. Пострадавшему от насилия в семье ребенку требуется медицинская, психологическая помощь, а также материальная поддержка, социально-педагогическое сопровождение, которое предусматривает решение комплекса социальных проблем ребенка и восстановление нарушенного физического и психического здоровья.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Зырина А. И., Индейкина Т. Л. Предотвращение жестокого обращения с детьми в семье : методический материал. Пермь, 2009.
2. Дурананова Т. П., Никулина О. В., Родькина Е. В. Проблема жестокого обращения с детьми // Социальное обеспечение. 2005. № 8.
3. Независимая информация и аналитика. № 92 (492) от 12.08.2006; Совет при Президенте РФ по содействию развитию институтов гражданского общества и правам человека [Электронный ресурс]. URL: <http://www.sovetpamfilova.ru/made/news/1484/>
4. Психологическая энциклопедия // «Дельфия» [Электронный ресурс]. <http://wiki.myword.ru/index.php>.
5. Синарева Ю. Н. Любовь и сиблинги. Сестры и братья// Домовой. — 2003 [Электронный ресурс]. URL: http://trenings.ru/Stati/MZH/Statya_Lyubov_i_siblingi._Sestryi_i_bratya._Kak_im_zhit_mirno.html.

Т. В. Захарова (Барнаул)

РОЛЬ СПЕЦИАЛИСТА ПО СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЕ В ОСУЩЕСТВЛЕНИИ СОЦИАЛЬНОГО ПАТРОНАЖА СЕМЕЙ, ПОПАВШИХ В ТРУДНУЮ ЖИЗНЕННУЮ СИТУАЦИЮ

Семья в наше время переживает тяжелый кризис. Утрачено значительное число семейно-нравственных традиций, изменилось отношение родителей к детям, разрушен психологический микросоциум семьи. В этой ситуации неустойчивые семьи стали более уязвимы. Труднее всего подобрать формы оказания помощи неблагополучным семьям. Наиболее эффективным в работе с такими семьями считается социальный патронаж.

Социальный патронаж семьи и детей — это форма адресной социальной поддержки и необходимых услуг, которые предоставляют на длительный срок семьям и детям, попавшим в трудную жизненную ситуацию, но не обладающим способностью самостоятельно ее преодолеть. Патронаж носит постоянный, но не пожизненный характер [1, с. 60].

Социальный патронаж рассчитан на семьи, которые испытывают кризис и неблагополучие долгое время и не могут не только самостоятельно решить свои проблемы и справиться с психологическими нагрузками, но и зачастую даже выразить или просто осознать их в силу следующих причин: социальная изоляция, замкнутость, ослабление (или полное отсутствие) связей с социумом; отсутствие ресурсов (материальных, духовных, социальных, профессиональных и др.) для личного и социального роста, подъема; стремительное вхождение или реальная угроза попадания в маргинальную группу (например угрозы жизни детей — алкоголизм родителей). Поэтому часто приходится вмешиваться в ситуацию без запроса самой семьи.

А. М. Панов выделяет следующие стадии процесса патронажа: постановка социального диагноза — выявление и оценка семейной ситуации как кризисной, трудной или опасной, сбор предварительных данных, анализ информации для разработки патронажной программы; вмешательство патронажной службы и с ее помощью — других социальных служб в семейную ситуацию; работа по изменению мотивации клиентов и ближайшего окружения; проблемный анализ — совместная работа с семьей по определению причин ее неблагополучия, характера проблем и их влияния на жизнедеятельность, а также по выявлению ресурсов и систем связей, способных участвовать в поддержке семьи; рассмотрение всего диапазона возможных решений, способов их достижения и выбор наиболее эффективных, составление договора формального или неформального характера, определяющего ответственность и обязанности сторон, сроки работы, время и место встреч и другие моменты, имеющие значение для успешной реализации патронажной программы; социальная терапия — непосредственное выполнение действий, направленных на достижение запланированных преобразований с учетом различных обстоятельств и обязательств участников; оценка эффективности совместных действий и при необходимости обращение к другим, более адекватным средствам достижения поставленных целей; помощь клиентам в принятии решения о целесообразности использования постоянной системы поддержки, иных путей и средств при возникновении непредвиденной ситуации [2, с. 70].

В рамках патронажа чаще всего могут осуществлять свою деятельность специалист по социальной работе, социальный педагог, психолог.

Первый этап в работе возлагается на специалиста по социальной работе, его роль — посредничество между клиентом и обществом. В центре внимания данного специалиста процесс оказания социальной помощи. Он приступает к обследованию семьи, осуществ-

вляет первичные контакты и организует дальнейшее взаимодействие с ее членами. В его компетенции составить представление о возможности и желании семьи работать над своими проблемами в соответствии с предлагаемыми программами социальной поддержки. В его обязанности входят также первичная и регулярно проводимая оценка динамики социальной ситуации и условий жизни семьи. Специалист участвует как в организации патронажа, так и в его реализации. События в жизни семьи, констатируемые специалистом по социальной работе, переносятся на изучение психологического анамнеза семьи и установление внутренних связей. Кроме этого, специалист по социальной работе приходит к клиенту как представитель общества и информирует о возможности помощи с его стороны, существующих учреждений в конкретной трудной жизненной ситуации, способствует формированию отношений между клиентом и представителями общества, содействует снятию конфликтных ситуаций, организации конструктивного взаимодействия. И основная его задача — организовать взаимодействие всех этих сторон таким образом, чтобы больше не появлялась потребность в его участии.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Алексеева Л. С., Меновщиков В. Ю. Социальный патронаж семьи в системе социального обслуживания : научно-методическое пособие. М., 2000.
2. Козицина Е. А., Костенко Н. Б. Социальный патронаж семей с детьми: методика организации : методическое пособие. Барнаул, 2004.

А. С. Князева (Барнаул)

СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ ЗАЩИТЫ ДЕТЕЙ-СИРОТ И ДЕТЕЙ, ОСТАВШИХСЯ БЕЗ ПОПЕЧЕНИЯ РОДИТЕЛЕЙ

Социально-правовая защита детства — одно из направлений международной и российской государственной политики, которое обеспечивает детям в соответствии с их потребностями нормальные условия для жизни и развития, образования, охраны здоровья, защиты чести и достоинства, активного участия во всех сферах жизнедеятельности.

Одним из приоритетных объектов социальной защиты со стороны государства является категория детей, чьи возможности в силу объективных причин — состояния здоровья, психики, отсутствия семейного окружения — весьма ограничены. Статистические данные о состоянии и положении детства в Российской Федерации в последние годы показывают явную динамику ухудшения положения детства в целом и отдельных категорий детей, наиболее уязвимых в социальном плане, таких как дети-сироты и дети, оставшиеся без попечения родителей.

У детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, существует ряд гарантий. Среди данных гарантий — закрепленные гарантии на труд, образование, медицинское обслуживание, имущество и жилое помещение.

Казалось бы, этих гарантий в различных сферах достаточно и все они в совокупности должны обеспечить нормальное существование детям-сиротам и детям, оставшимся без попечения родителей, однако сегодня не все гарантии выполняются государством в полной мере.

Особые трудности появляются в получении жилья. Строго по закону жилье детям-сиротам и детям, оставшимся без попечения родителей, после того, как им исполнится 18 лет, должно предоставляться по адресу их предыдущего места жительства (до нахождения в детском доме, интернате) и вне очереди. Сегодня, несмотря на гарантии прав на жилое помещение, в реальной жизни все обстоит сложнее. Детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, ставят в так называемую льготную очередь. Существуют проблемы со сроками предоставления жилья. Своей очереди приходится ждать много лет, а жить в это время нигде. Хотя и закон, и судебная практика говорят о том, что жилье должно предоставляться именно вне очереди, независимо от наличия иных лиц данной категории.

Сегодня в Алтайском крае на учете нуждающихся в жилых помещениях находится 1073 лица из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, из которых 117 состоят на очереди более 10 лет. Судебных разбирательств по этому вопросу немного. Зачастую данные категории лиц не имеют вообще никакой поддержки и рассчитывают только на помощь государства, а потому боятся с ним (государством) спорить. А государство не всегда спешит помочь. Злоупотреблений с квадратными метрами сирот очень много. Им могут дать то, что жильем называется лишь в чиновничьих бумагах, а на деле это развалины, в которых жить нельзя.

Вообще проблема социального сиротства давно является важной проблемой человечества. Изначально социальное сиротство рассматривалось как проявление аномии. Истоки данного подхода лежат

в работах Э. Дюркгейма и Р. Мертона, в разное время анализировавших понятие аномии и субъективные реакции индивидов на аномические ситуации. С их точки зрения, поведение самих сирот как жертв носит отчетливо выраженный девиантный характер, поскольку нарушения процесса социализации приводят к формированию деструктивных поведенческих паттернов. Субъективистский подход к анализу социального сиротства как отклонения прослеживается в теориях вторичной девиации, появившихся во второй половине XX в. Здесь социальное сиротство предстает, с одной стороны, как стигма или ярлык, а с другой — как реакция на его присвоение.

В России особый интерес к теме социального сиротства начинает проявляться в период окончания Второй мировой войны. Именно тогда и начинают появляться основные гарантии для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Сегодня страна переживает новую волну социального сиротства. Поэтому интерес к данной проблеме снова повышается. На сегодняшний день существует федеральный закон, где расписаны основные права и гарантии детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Как показывает практика, гарантии эти не всегда выполняются в полной мере по отношению к каждому такому ребенку.

В 2010–2011 гг. нами было проведено исследование основных механизмов социально-правовой защиты детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Эти механизмы рассматривалось не с чисто правовой или чисто социальной точки зрения, а в рамках междисциплинарного подхода. Процесс выполнения социально-правовых гарантий был проанализирован с позиции того, как он реализуется в повседневной жизни. В результате были выявлены серьезные недоработки закона, порождающие проблемы, с которыми сталкиваются дети-сироты и дети, оставшиеся без попечения родителей после 18 лет.

По результатам исследования, которое было проведено среди выпускников интернатных учреждений и детских домов города Барнаула (опрошено 100 человек), было выявлено, что около 70% респондентов не имеют собственного жилья, причем более 60% из них стоят в очереди около 3 лет. 20% опрошенных стоят в очереди от 3 до 5 лет. 10% ждут своего жилья более 5 лет, и 10% пока стоят в очереди менее одного года. Большая часть респондентов, не имеющих квартиры, живет в это время у друзей, знакомых либо в общежитиях.

Эксперты, в роли которых выступили работники интернатных учреждений, также подтверждают, что для детей, оставшихся без попечения родителей, главной проблемой остается проблема получения жилья. Ключевым моментом является то, что разрешать эти вопросы

выпускникам интернатов приходится самостоятельно. В крае существует всего один реабилитационный центр для детей-сирот, но фактически он никакого содействия в разрешении таких спорных моментов не оказывает. В отношении сирот при получении жилья возникает много нюансов. Жилье по закону выдается по месту прописки, откуда был забран ребенок в интернат или детский дом. Но часто оказывается так, что за годы, которые ребенок провел в интернате, того дома, где он прописан, уже не существует. Нередко родители таких детей являются беженцами и изначально никакой прописки не имеют. Спорных моментов очень много и разрешать их молодым людям, не имеющим необходимых знаний и навыков, без посторонней поддержки невозможно.

Нами рассматриваются два пути решения проблемы. Во-первых, это разработка форм комплексного и оперативного информирования по всем правовым вопросам, с которыми могут столкнуться дети-сироты. Такое информирование должно описывать конкретные случаи с которыми встречаются социальные сироты в жизни (в том числе при решении жилищного вопроса) и пути выхода из таких ситуаций. Также необходимо предоставить выпускникам интернатов список реабилитационных центров, служб, телефонов доверия в каждом городе, куда можно обратиться за помощью.

Второй вариант решения проблемы заключается в строительстве специальных домов по типу общежития, в котором будут жить сироты от 18 лет, не получившие свою квартиру сразу и ставшие в льготную очередь.

Как итог, хотелось бы отметить, что проблема получения жилья для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, не должна рассматриваться как нерешаемая. Однако для успешного решения она требует комплексности, а также взаимодействия структур, в том числе государственных, занимающихся этими вопросами.

Е. С. Кобинцева (Барнаул)

СОЦИАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ КНИЖНОГО БИЗНЕСА БАРНАУЛА

Вследствие снижающихся в России показателей производства и продажи книг, а также сокращающейся популярности библиотек, репутацию нашей страны как читающей можно считать подорванной. При этом налицо увеличение роли книжных издательств и книж-

ной торговли в структуре книжного дела, рост числа книжных издательств и их влияния на количество и виды выпускаемой продукции.

На сегодняшний день наиболее актуально рассмотрение книжного дела, организованного для получения прибыли, т. е. книжного бизнеса. Предпринимательская деятельность в книжном деле представляет собой самостоятельную инициативную инновационную деятельность по производству и распространению книг, связанную с вложением денежных средств и риском их потери на основе сочетания личной выгоды с удовлетворением общественного спроса и целью получения прибыли [1, с. 18].

Специфика книжного предпринимательства определяется двойственной природой книги. С одной стороны, книга — результат творчества, отражающий общественные, социальные, политические, научные и культурные реалии эпохи. С другой стороны, книга является товаром, так как цель ее производства в книжном бизнесе — продажа. Да и сама двойственная природа книги отражается в ее содержании и форме. Содержание книги относится к таким свойствам товара, «которые обладают самостоятельной формой, обособленной как по отношению к производителю, так и по отношению к потребителю» [2, с. 420].

Таким образом, исследование социальной ответственности книжного бизнеса строится на основании понимания книжного дела как социального института. Так как современное общество невозможно без наличия книжного рынка, включающего в себя и книгопроизводство, и книгораспространение, и книгопотребление, можно рассматривать книжное дело как необходимую и полезную его составляющую.

На этом основании следует особо отметить легитимность книжного дела. В первую очередь необходимо определение юридического содержания самого понятия «книжное дело», которое в связи с определенным терминологическим разнообразием является своего рода пробелом. Это объясняется сложностью классификации и необходимостью упорядочения весьма емких понятий, которыми оперируют современное книжное дело и законодатель в условиях резко возросшей роли массовых коммуникаций и неизбежных в таких случаях издержек [3].

Правовая политика государства в сфере книжного дела реализует ту же общественно-регулирующую цель, что и в любых других областях деятельности: обеспечение удовлетворения потребностей личности, социально-корпоративных групп, общества и государства через гармонизацию этих потребностей в конкретно-исторических условиях данного бытия. Отсюда целью государственной политики в области книжного дела становится создание оптимальных условий:

а) для формирования качественного информационного пространства; б) минимизации информационных ограничений, обусловленных требованиями безопасности и не нарушающих конституционных прав и свобод граждан; в) обеспечения доступности любой информация для любого члена общества без временных и пространственных ограничений с минимальными издержками для пользователя; г) стимулирования потенциального пользователя к потреблению качественной информации.

С целью законодательного обоснования изучаемого объекта следует подробно рассмотреть вопрос об отраслевых и функциональных федеральных органах исполнительной власти, наделенных полномочиями по административно-правовому регулированию в области книжного дела, которых до недавнего времени насчитывалось шесть. На сегодня непосредственное отношение к книжному делу имеют три министерства: Министерство культуры и массовых коммуникаций РФ, Министерство образования и науки РФ, Министерство внутренних дел РФ; три федеральные службы (Федеральная служба по надзору в сфере образования и науки; Федеральная антимонопольная служба; Федеральная служба по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека), а также Федеральное агентство по печати и массовым коммуникациям.

Несмотря на то, что вопросом регулирования деятельности книжного бизнеса занимается определенное количество государственных органов, данный вид предпринимательства является законодательно разобленным внутри себя как целого (т. е. законы существуют отдельно для книготорговли, отдельно для книгопроизводства и, наконец, для библиотек), и в большинстве своем с государством практически не взаимодействующим.

Таким образом, на сегодняшний день изучаемый вид бизнеса стал еще одним фактором внедрения рыночной экономики в деятельность людей. Это еще один субъект экономики рынка, ориентированный в первую очередь на получение прибыли через реализацию книг. Проблема состоит в том, что он также является и субъектом культуры, прививающим определенные нравственные нормы, образующим идейно-информационное пространство благодаря изложенным в книгах мыслям и понятиям. Подобная дуалистичность приводит к конфликту интересов производителей и потребителей в данной сфере, разрешение которого зачастую происходит отнюдь не в пользу последних.

Пережитый Россией период командно-административного управления обществом характеризовался жесткой регламентацией и регу-

лированием движения книги из сферы производства в сферу потребления. Это нельзя рассматривать как наилучший из вариантов, но следует отметить, что на сегодняшний день, когда книжный рынок является неконтролируемым, с ярко выраженным акцентом на потребительский спрос и прибыль, социальная ответственность книжного бизнеса требует особого внимания со стороны основных его акторов.

Таким образом, рассматривая книжное дело как социальный институт, основной исследовательский тренд направлен на общие закономерности и проблемы, присущие книгопроизводству, книгораспространению и книгопотреблению, а также их взаимодействию, но не особенность каждой отрасли в отдельности. Не менее важным аспектом является установление институциональных проблем книжного дела и отношение к ним его субъектов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Есенькин Б. С., Коган А. Ф. Предпринимательство в книжном деле : учебное пособие. М., 2004.
2. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 26. Ч. 1.
3. Матусевич В. Социальный институт: функция, генезис, структура // Социология: теория, методы, маркетинг. 2004. № 4.

А. С. Кононенко (Барнаул)

РОЛЬ АГРОПРОМЫШЛЕННОГО БИЗНЕСА В СОЦИАЛЬНОМ РАЗВИТИИ ГОРОДОВ И СЕЛЬСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ

(на примере предприятий Алтайского края)

В современном мире формирование и развитие социальной ответственности бизнеса становится все более актуальной и востребованной проблемой. Среди современных тенденций развития отношений между государством, бизнесом и обществом важное место занимают те, которые связаны с переходом ряда функций, традиционно реализуемых социальным государством, к бизнесу.

Бизнес, власть и наемный работник экономически заинтересованы друг в друге, соответственно, каждый в определенной мере должен взять на себя груз социальной ответственности. Наемный работник заинтересован в работодателе, создающем рабочие места, гарантирующем стабильную занятость и определенный уровень трудового

дохода. Работодатель заинтересован в наемном труде как единственном факторе производства, который обеспечивает создание товаров и услуг и получение прибыли. Власть заинтересована в сохранении социальной стабильности и потому выступает как гарант и координатор обеспечения социальной защиты человека в обществе.

В России взгляд на бизнес как на источник развития не только экономической, но и социальной сферы общества был инициирован рыночными реформами 90-х гг. прошлого века. Само понятие «бизнес» можно охарактеризовать как инициативную экономическую деятельность, осуществляемую на свой риск и под свою ответственность, направленную на получение прибыли.

В свою очередь, социальная политика бизнеса определяется как добровольный вклад бизнеса в развитие общества в социальной, экономической и экологической сферах, связанный напрямую с основной деятельностью компании и выходящий за рамки определенного законом минимума. Социальную политику принято разделять на две большие группы: внутреннюю (корпоративную) и внешнюю. Внутренняя социальная политика — социальная политика, проводимая для работников своей компании, а поэтому ограниченная ее рамками. Под внешней социальной политикой понимается социальная политика, проводимая для местного сообщества на территории деятельности компании или ее отдельных предприятий.

В то время, как крупнейшие компании осознали необходимость осуществления социальных мер и превратили концепцию социальной ответственности в современное средство обеспечения своего конкурентного преимущества, средний и малый бизнес реализует социальную политику по остаточному принципу.

Алтайский край является регионом аграрной направленности, поэтому во многом именно на агропромышленный бизнес ложится ответственность за реализацию социальной политики как в городах, так и селах региона. В агропромышленной отрасли края остаются и продолжают развиваться негативные процессы, которые преобладают над положительными сдвигами, что в целом позволяет оценить положение отрасли в крае как сложное, не отвечающее задачам развития экономики. Социальные мероприятия реализуются агропромышленным бизнесом, как правило, по остаточному принципу, от случая к случаю.

Администрация Алтайского края активно выстраивает диалог с местным бизнесом. На краевом уровне курс на формирование института социально ответственных работодателей закреплён на законодательном уровне. В постановлении «О повышении социальной от-

ветственности работодателей Алтайского края» (№ 341 от 30 июля 2009 г.) впервые определены критерии признания работодателя социально ответственным. Этот документ определяет, что социальная ответственность работодателей включает в себя производство продукции и оказание услуг надлежащего качества, добросовестное ведение бизнеса, соблюдение прав персонала, выполнение требований к безопасности и гигиене труда, к промышленной безопасности и охране окружающей среды, ресурсосбережению, участие в социальных мероприятиях и поддержка инициатив местного сообщества. В свою очередь, власть берет на себя обязанность материально-го и морального поощрения социально ответственных предприятий.

Первичный анализ данных социологического опроса работников агропромышленных предприятий, проведенного автором в городах Новоалтайск и Камень-на-Оби, а также Каменском и Павловском районах, позволил получить следующие результаты: наиболее распространенными мероприятиями в рамках внутренней социальной политики являются выплата денежных премий, реализация продукции предприятия по более низким ценам и предоставление служебного транспорта. Внешняя социальная политика, как правило, включает в себя поддержку незащищенных групп населения, материальную помощь школам и детским садам.

Анализ теоретического материала, а также данных социологического исследования позволяет сделать вывод о том, что на данном этапе уровень реализации социальной политики агропромышленными предприятиями Алтайского края находится на низком уровне. Беря во внимание существующие тенденции, можно сделать вывод, что в перспективе государство будет отдавать бизнесу все больше социальных функций. Бизнес, в свою очередь, будет брать на себя все больше социальных обязательств.

А. С. Коннов (Кемерово)

ДОВЕРИЕ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

Развитие Европейского союза и России прежде всего зависит от солидарности граждан обеих сторон, их консолидации, т. е. проблемы гражданского общества и активного участия в деятельности гражданского общества. В данной статье мы рассмотрим проблемы солидарности и консолидации индивидов в гражданском обществе России,

постольку, поскольку институт гражданственности в государстве относительно молод и находится в стадии трансформации, что в принципе справедливо и для других общественно-политических институтов Российской Федерации. Первоначально в солидарности и консолидации лежит отношение доверия: доверие индивида к индивиду, индивиду к социальной группе как институту, защищающему его права, доверие индивида к государству. Именно с доверительных отношений начинается консолидация — проявление солидарности граждан, из чего и складывается гражданское общество.

Мы рассматриваем доверие как объективную проблему современности, которая возникает вследствие социального расслоения и ролевой сложности современного общества. Доверие — это нечто такое, что входит в социальные отношения, когда имеется возможность отклонения от ролей, что, возможно, может быть названо «открытыми пространствами» ролей ролевых ожиданий, как утверждает А. Селигмен (Селигмен А. Проблема доверия / пер. с англ. И. И. Мюрберг, Л. В. Соболевой. М., 2002). Вопрос доверия в российской практике общественных отношений очень актуален, поскольку отношение доверия, сформированное на этапе советского периода, на данный момент унаследовал российский социокультурный слой. В советский период, например, использовались следующие лозунги для воспитания доверия и консолидации индивидов: «Вышибем кулаков из колхозов», «Американская свобода в руках душевных народа» и т. п., что способствовало единению народа в советском обществе в ориентации на внешнего (блок НАТО) и внутреннего (например, люди, которые занимаются мелким бизнесом как основным видом дохода) врага. На данный момент сохраняется влияние этих стереотипов, что отрицательно сказывается на международных отношениях и внутреннем развитии российского государства.

Существует проблема формирования действующего института гражданского общества, которая состоит в несформированности отношения доверия индивидов друг к другу, вследствие этого отсутствует их консолидация и активное участие граждан в жизни государства и общества. Вместе с тем нет желания меняться, в повседневной жизни индивидов преобладает консерватизм. На наш взгляд, для успешного консолидационного процесса как с Европейским союзом, так и между гражданами российского общества, необходимо перейти к активной политике налаживания отношения доверия среди различных социальных групп. Это, безусловно, положительно скажется на консолидации и солидарности граждан в решении общественных проблем.

Таким образом, развивая отношения доверия, мы тем самым объединяем граждан вокруг общественной проблемы (как отдельно взятой или цепочки проблем, взаимосвязанных между собой), которая впоследствии будет решена солидарностью гражданской инициативы индивидов, объединенных силой доверия друг другу.

А. О. Короткова (Ярославль)

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ МОДЕЛИ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В РОССИИ

В последнее время в стране был сделан существенный шаг по пути институционализации социальной работы как системы идей, ценностей, отношений и учреждений по поводу обеспечения социального благополучия людей с особыми нуждами, имеющими на данный момент социальную проблему, требующую социальной защиты, помощи и социальной поддержки. Особо примечательным является развитие теории социальной работы, которая на протяжении длительного периода отставала от ее непосредственной практики.

В условиях быстрых социальных перемен на макроуровне системы социальной работы для оптимизации ее деятельности требуется проведение эффективных социальных мероприятий и создание качественно новых программ, разрешающих и предвосхищающих проблемы конкретного общества. Главная цель этих усилий состоит в содействии нормальному функционированию социальной сферы через реализацию социальной политики.

В настоящее время социальная политика рассматривается как конкретная идеология и практика формирования и реализации социальных обязательств государства и общества в целом и отдельных их структур в частности в отношении различных групп населения. Поэтому изучение места и роли социальной политики в теории социальной работы является актуальной проблемой на сегодняшний день.

Теория социальной работы представляет собой область знаний о закономерностях организации и совершенствования социальной работы как практической деятельности. Закономерности социальной работы выражают наиболее существенные связи между специалистами органов социальной защиты населения и различными группами или индивидами, которые потребляют социальные услуги [1, с. 131].

Социально-политические принципы выражают требования, вытекающие из характера социальной политики государства. Государственный подход к задачам, решаемым в социальной работе, предполагает умение анализировать и выявлять тенденции социально-политического развития в общественной жизни и определять реальные и наиболее эффективные способы решения задач социальной работы; увидеть перспективы развития социальной работы, подчиненной интересам социальной защиты населения, и способность решать актуальные задачи сегодняшнего дня; борьба с любыми проявлениями ведомственности.

Социальная политика трактуется как неотъемлемая функция цивилизованного государства и модернизированного общества. Она представляет собой обязательный элемент деятельности общества и государства, ее важнейшую область, где конструируется желательное состояние социальной сферы, которая и выступает ее основным объектом. Это деятельность по управлению развитием социальной сферы и определению приоритетных направлений ее совершенствования в целях повышения уровня жизни всех социальных групп.

Государство в лице соответствующих органов управления на федеральном и региональном уровнях на основе действия принципа социальных гарантий несет ответственность за рост уровня жизни и социальное обустройство граждан. Результатом эффективной социальной политики является обеспечение более полных возможностей для удовлетворения потребностей членов общества, сохранение его стабильности, развитие системы социального страхования, активизация факторов, стимулирующих высокопроизводительный труд, дальнейшее развитие системы социального обслуживания, стимуляция занятости, формирование установки на социальную ответственность членов общества за свое социальное благополучие и пр. [1, с. 167].

Зарождается социальное государство не спонтанно, а на основе целенаправленной политики. В гражданском обществе существует многосторонняя договоренность людей по вопросам достижения их прав и интересов; наличие развитой системы экономического и иного законодательства; адресная социальная защита населения через гарантированную систему выплат; солидарные отношения на основе партнерских отношений граждан и государства; широкое финансирование социальных программ. Это лишь некоторые предпосылки его возникновения.

Для эффективного функционирования социального государства количество государственных расходов на социальную сферу должно определяться объективными потребностями общества, остротой его

проблем, а меры социальной помощи, при широком спектре ее форм, должны носить адресный характер.

Можно выделить две основные особенности российской социальной политики. Прежде всего она рассматривается как политика государства, вследствие чего гражданское общество не может выступать в качестве ее полноправного субъекта. Взаимодействие государства, субъектов Федерации, хозяйствующих субъектов и населения в рамках социальной политики состоит в следующем. Государство на базе федерального законодательства и федеральных программ, государственного бюджета и государственных социально-страховых фондов определяет и обеспечивает единые минимальные социальные стандарты, контролирует реализацию установленных социальных гарантий и определяет генеральное направление развития социальной политики.

Развиваются и постепенно становятся реальностью альтернативные формы и программы социальной политики в России. Здесь имеется в виду многообразие негосударственных социальных сервисов, групп защиты прав, организаций самопомощи, а также локализация социальной политики, усиление роли местных органов самоуправления, групп бизнеса.

Одним из важных направлений деятельности всех организаций и служб, оказывающих помощь инвалидам, является создание условий для поддержания здоровья и благополучия тех, кто временно оказался в затруднительном положении экономического или социального характера. К таким мероприятиям можно отнести предоставление дополнительных рабочих мест для людей с ограниченными возможностями, организацию для них производства на дому и т.д. Социальная забота о трудоустройстве и быте инвалидов невозможна без управленческих органов. Они существуют на всех уровнях государственного управления. В Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации имеется несколько комитетов, которые в большей или меньшей мере занимаются проблемами инвалидов: комитет по труду и социальной политике, комитет по делам ветеранов, комитет по охране здоровья, комитет по делам женщин, семьи и молодежи. В Совете Федерации Федерального Собрания России также имеется комитет по социальной политике, одной из главных функций которого является социальная защита населения. Составная часть этого комитета — управление по делам инвалидов. В республиках, краях, областях страны функционируют управления делами инвалидов, соответствующие центральным органам. Во всех административных округах также действуют комиссии, отделы, управления по делам инвалидов.

Немаловажную роль в медико-социальной помощи играют дома-интернаты, целью которых является адаптация инвалидов к жизни в новых условиях, вне стен родного дома. Здесь они обретают определенные социальные гарантии и защищенность. Инвалидам, проживающим в стационарных учреждениях социального обслуживания, предоставляются следующие виды услуг: материально-бытовые, услуги по организации питания, быта, досуга, санитарно-гигиенические и социально-медицинские, организация получения образования инвалидами с учетом их физических и умственных возможностей и способностей, услуги, связанные с социально-трудовой реабилитацией, правовые услуги, содействие в организации ритуальных услуг [2, с. 356].

Дополнительные услуги оказываются и специализированными отделениями помощи на дому создаваемыми в муниципальных центрах социального обслуживания (ЦСО) или при органах социальной защиты населения, — это обслуживание на дому (включает наблюдение за состоянием здоровья, оказание экстренной помощи), выполнение медицинских процедур (перевязок, инъекций по назначению лечащего врача), оказание санитарно-гигиенических услуг, кормление ослабленных больных, проведение санитарно-просветительской работы. Услуги, предоставляемые отделениями срочной социальной помощи (срочное социальное обслуживание предусматривает оказание разовых услуг остро нуждающимся в социальной поддержке): обеспечение одеждой, обувью и другими предметами первой необходимости, оказание материальной помощи, содействие в предоставлении временного жилого помещения, обеспечение бесплатным горячим питанием или продуктовыми наборами, организация экстренной медико-психологической помощи, содействие в трудоустройстве, проведение юридических и иных консультаций. Услуги, предоставляемые в полустационарных условиях (отделениях дневного (ночного) пребывания), в том числе для лиц без определенного места жительства: по организации питания, быта и досуга, социально-медицинские, включение подопечных в посильную трудовую деятельность в соответствии с их физическими и психическими способностями, правовые услуги.

Целью деятельности ЦСО является осуществление социального обслуживания инвалидов. Из этого вытекает ряд задач, от решения которых зависит эффективность и качество выполнения поставленной цели, а именно: выявление и учет граждан, нуждающихся в различных видах социального обслуживания; оказание социально-бытовой, медицинской, психологической, консультативной и иной

помощи гражданам; содействие в оптимизации у граждан, обслуживаемых центром, возможности реализации своих потребностей; обеспечение обслуживаемым гражданам их прав и преимуществ, установленных действующим законодательством; анализ уровня социально-бытового обслуживания населения района, разработка перспективных планов развития этой сферы социальной поддержки населения, внедрение в практику новых видов и форм помощи в зависимости от характера нуждаемости граждан и местных условий; привлечение различных государственных и негосударственных структур к решению вопросов оказания социально-бытовой помощи нуждающимся слоям населения и координация их деятельности в этом направлении.

Эти задачи детерминируют структурную организацию центра, в которую помимо аппарата входят следующие подразделения: отделение социального обслуживания на дому, отделение дневного пребывания, отделение срочного социального обслуживания, чьи характеристики представлены ниже.

Отделение социального обслуживания на дому (ОСО) создается для временного (до 6 месяцев) или постоянного оказания помощи гражданам, частично утратившим способность к самообслуживанию и нуждающимся в посторонней поддержке, социально-бытовой помощи в домашних условиях. Деятельность ОСО направлена на максимально возможное продление пребывания граждан в привычной среде обитания и поддержания их социального, психологического и физического статуса. Обслуживание граждан на дому осуществляется путем предоставления им в зависимости от степени и характера нуждаемости социально-бытовых, консультативных и иных услуг, входящих в перечень гарантированных государством, а также оказание по их желанию дополнительных услуг, не входящих в перечень гарантированных.

Таким образом, социальная работа является и важнейшим инструментом социальной политики, и индикатором ее эффективности. Формы реализации социальной политики должны включать как поддержание минимальных социальных стандартов и государственных гарантий для социально слабой части населения, так и использование рыночных механизмов для обеспечения возможности самореализации и саморазвития социально сильных индивидов. Представление о социальной политике как о политике поддержки только лишь людей и групп, находящихся в трудной жизненной ситуации, изменится по мере увеличения ресурсов и преодоления экономических трудностей в российском обществе. Лишь в этом случае объектная сфера социальной политики сможет расшириться.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Фирсов М. В. Теория социальной работы. М., 2005.
2. Парамонов В. В. Социальная политика : учебное пособие. М., 2006.

Я. Г. Матюшина (Барнаул)

МЕТОДЫ ПОДДЕРЖАНИЯ И ИЗМЕНЕНИЯ КОРПОРАТИВНОЙ КУЛЬТУРЫ ОРГАНИЗАЦИИ

С течением времени и под воздействием обстоятельств культура организации может претерпевать изменения. Поэтому важно знать, как проводить изменения такого рода. Методы изменения корпоративной культуры созвучны методам поддержания культуры: изменение объектов и предметов внимания со стороны менеджера; изменение стиля управления кризисом или конфликтом; перепроектирование ролей и изменение фокуса в программах обучения; изменение критерия стимулирования; смена акцентов в кадровой политике; смена корпоративной символики и обрядности [1].

Следует отметить, что изменения в поведении могут привести к изменениям в культуре, и наоборот. Однако это происходит не неизбежно или автоматически. Это связано с той ролью, которую играет в этом процессе «передача» культуры и обоснование поведения. В зависимости от ситуации связь между изменениями в поведении и культуре в ту или другую сторону может обнаружиться в течение периода от нескольких месяцев до нескольких лет. Поэтому для анализа важно различать изменения культуры и другие организационные изменения и исследовать их одновременно.

Существует три возможных сочетания изменений в поведении и культуре в организации [2]. В случае первого сочетания происходят изменения в культуре без изменений в поведении. В этом случае работники могут изменить одно или несколько верований или ценностей, но при этом они не способны изменить свое соответствующее поведение. Одни верят, что курить вредно, но не могут бросить курить. В коммерческих организациях люди меняют свое базовое предположение о влиянии внешней среды, однако для изменения поведения им не хватает соответствующих знаний, навыков и умений.

Во всех этих и им подобных случаях главной проблемой является то, что люди в организации не обладают способностями и подготов-

кой, требуемыми для изменения поведения в данных условиях. Как показывает практика, решить эту проблему можно скорее путем обучения в организации (учиться на своих ошибках), чем обучением вне ее.

Второе сочетание — это изменение поведения без изменений в культуре. В этом случае один или более членов организации, а может быть даже группа или группы работников, могут быть убеждены в том, что организационные изменения должны произойти, хотя при этом отдельные работники могут не хотеть этого. В зависимости от статуса и влияния сторонников изменений в организации преобразования могут происходить более или менее успешно. Противники изменений формально будут вынуждены следовать выбранному курсу на изменения и даже примут новые символы, но внутреннее несогласие будет мешать переводу нового в базовые термины корпоративной культуры (предположения, верования и ценности). Так, сейчас во многих коммерческих организациях работают люди «старой закалки», добросовестно выполняют свою работу на профессиональном уровне в новых условиях, однако при этом сохраняя старое мировоззрение.

Главная проблема в такой ситуации — это отсутствие приверженности и последовательности в переводе своего формального поведения в термины новой культуры, образно говоря, в привычку. Люди меняют свое формальное поведение либо из-за боязни потерять получаемую компенсацию, либо получают удовлетворение от умения подстроиться к новому положению дел, а не потому, что они на самом деле глубоко верят в то и ценят то, что их просят делать.

Третье сочетание — изменения происходят в области и поведения, и культуры. Это ситуация постоянных изменений в том смысле, что люди по-настоящему и искренне ценят то, что они по-новому делают свою работу. Устойчивость изменений в этом случае обеспечивается тем, что обе стороны (поведение и культура) взаимно усиливают и поддерживают друг друга. Это, в свою очередь, усиливает внутреннее удовлетворение в силу того, что люди действительно все больше верят в изменения и ценят их, продолжая менять свое поведение. Широко известно, что многие творческие группы и организации в науке, образовании и искусстве, функционирующие на свободной коммерческой основе, во многом добились своих успехов в силу именно вышеприведенных обстоятельств, поверив в свои способности делать дело по-новому и достигнув для себя внутреннего согласия с этим через принятие новой культуры.

При проведении изменений в культуре организации возникает ряд трудностей. В особенности эти трудности порождаются сопротивлени-

ем изменениям культуры. Это становится явно заметным, когда данные изменения начинают затрагивать глубинное содержание корпоративной культуры (базовые предположения, верования и ценности). Отмечено, что проведение радикальных и быстрых изменений в содержании корпоративной культуры происходит с большими трудностями и более болезненно, чем проведение медленных изменений. Аналогичная взаимосвязь обнаруживается при проведении изменений в организациях с сильной и слабой корпоративной культурой. В целом степень сопротивления изменениям в культуре организации пропорциональна величине изменений по содержанию, т. е. степени их радикальности и силе преобладающей в организации культуры.

Изменения в культуре могут либо предшествовать изменениям поведения, либо следовать за ними. Первое происходит тогда, когда имеются безусловные доказательства значительного преимущества новых базовых предположений по сравнению с существующими. В этом случае от людей требуется одно — приобретение новых знаний, компетенций и навыков, необходимых для выработки соответствующих образцов поведения.

В том же случае, когда не имеется очевидных доказательств преимущества новых предположений, изменения культуры, скорее всего, следуют за изменениями поведения. Может сложиться и такая ситуация, при которой изменения в культуре могут произойти намного позже после изменений поведения или вообще никогда не состояться. Специалисты рекомендуют менеджерам, попавшим в подобную ситуацию, «ловить момент». Если менеджеры не могут сделать этого сами, то следует использовать услуги консультантов. И в том, и в другом случае требуется «агент» изменений, который вмешается в процесс воздействия на желаемые изменения культуры. При этом возможны два следующих подхода [3]:

- добиться от людей в организации принятия новых верований и ценностей;
- включение в организацию новых людей и увольнение прежних работников.

Очень сложно определить факт изменения культуры. Когда происходят изменения в поведении членов организации, то их можно увидеть и «невооруженным» глазом. Что же касается изменений культуры людей, перестройки их отношений и ценностей, то они не всегда заметны и не лежат на поверхности. Верным признаком изменений корпоративной культуры является тот факт, что даже после ухода из организации лидера-новатора сотрудники по-прежнему следуют привнесенным им взглядам на труд, организацию и жизнь в целом.

Для успешной реализации программного планирования изменения культуры организации необходимо [4]: создание определенного центрального руководства с достаточными полномочиями на принятие решений, способного действовать энергично и целеустремленно; определение и четкая формулировка целей, выделение различий между старым и новым, описание изменений; оценка экономии, которая должна быть достигнута; своевременное обучение лиц, выделенных для работы над проектом изменений, желательно провести обучение еще до начала реализации проекта; выделение необходимых людских и финансовых средств для осуществления планируемых изменений (лучше специалистов); необходимо позаботиться о том, чтобы проводимые изменения соответствовали интересам большинства; обеспечение наличия в проекте таких аспектов, которые заинтересовали бы всю организацию; поддержание коллектива в курсе дел относительно реализации проекта путем достаточно подробной информации (периодические сообщения, наглядная агитация, связь с общественностью, средства массовой информации); обеспечение наличия консультационной и информационной сети с четкими разграничениями и способностью решать конфликтные ситуации (не оставлять без внимания малейшие сигналы); постоянный контроль за узкими местами в проекте и быстрое реагирование на возникающие сложности; постоянная коррекция хода реализации проекта (планирование, согласование, информация и обучение); коррекция временного графика; проекты, рассчитанные на длительный период времени, нередко устаревают; постоянный контроль за полученными результатами, систематическая оценка хода реализации изменений в культуре предприятия.

Многие организации каждые несколько лет вносят серьезные изменения в организационную структуру, процедуры утверждения решений и т. д. При этом преимущество получают те организации, которые не ждут возникновения необратимых негативных тенденций, а постепенно изменяют и оптимизируют отдельные функции и подразделения, превращая изменения в непрерывный процесс развития.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Магура М. И. Организационная культура как средство успешной реализации организационных изменений // Управление персоналом. 2002. № 1.
2. Комаров Е. Организационные и дезорганизационные методы управления как составляющие организационной и дезоргани-

зационной культуры предприятия // Управление персоналом. 2000. № 11.

3. Виханский О. С., Наумов А. И. Менеджмент: человек, стратегия, организация, процесс : учебник. 2-е изд. М., 2006.
4. Мизелева Г. С., Балакина И. В., Эйдельман Я. Л. Корпоративная культура: взгляд изнутри // Справочник по управлению персоналом. 2004. № 3.

Н. С. Махнёва (Барнаул)

СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ БЛОГОСФЕРЫ

С каждым годом число пользователей Интернета неуклонно растет. Об этом свидетельствуют данные отчета «Интернет в России», подготовленного Фондом «Общественное мнение», согласно которому за период с 2002 по 2010 г. общее число пользователей выросло в 6,7 раз. По данным Internet World Stats, число российских пользователей глобальной сети в 2010 г. составило 59 млн 700 тыс. чел. (42,8% населения страны) [1]. С ростом популярности сети Интернет актуальным стал вопрос о ее регулировании.

Эффективное регулирование Интернета осуществляется в двух основных формах: законодательной и внутрисетевой. Каждая имеет свои плюсы и минусы.

Если говорить о принципах законодательства в сфере Интернета, то здесь главная проблема заключается в определении государственной юрисдикции. Юрисдикция подразумевает оценивание деятельности какого-либо лица или юридического субъекта с точки зрения соответствия закону, а также применение юридических санкций против его нарушителей [2, с. 53]. Также она основывается на географическом разделении государств. Но Интернет является глобальной сетью, существующей вне географического пространства. Некоторые страны полагают, что если информационный ресурс доступен для их граждан, то вне зависимости от физического расположения сервера на него распространяется юрисдикция данных государств. Например, суды Франции и Австралии приняли решение, что сайты США находятся под их юрисдикцией и поэтому должны подчиняться законам данных стран [3, с. 17]. В результате аналогичных решений провайдеры во всем мире оказываются в затруднительном положении. Наряду с юрисдикцией государства, где они располагаются физически,

провайдеры сталкиваются с необходимостью соблюдать юрисдикции ряда других стран. Но государства предпринимают попытки найти выход из сложившейся ситуации. В 2003 г. в Женеве Международный союз электросвязи от имени ООН организовал Всемирную встречу на высшем уровне по вопросам информационного общества (ВВИО), второй этап которой проходил в 2005 г. в Тунисе. Результатом работы первого этапа явилось принятие Женевской декларации «Построение информационного общества — глобальная задача в новом тысячелетии» [4]. Второй этап встречи на высшем уровне в Тунисе ознаменовался принятием Тунисского обязательства и Тунисской программы для информационного общества [5]. В рамках этой встречи обсуждались финансовые механизмы и вопросы управления Интернетом различными государствами, что, конечно, не могло не вызвать разногласий. Например, США не пожелали отказаться от контроля над информационной сетью в пользу международного сообщества. В то же время со стороны Российской Федерации последовало предложение сделать управление Интернетом многосторонним, прозрачным и демократичным, с привлечением межправительственных и международных организаций, чтобы ни одно правительство не играло определяющей роли в этом вопросе. В дальнейшем данное положение нашло свое отражение в принятом в 2005 г. Тунисском обязательстве. Кроме принятых документов, итогом второго этапа стало решение государств о начале процесса интернационализации управления Интернетом [6, с. 48].

В России при возникновении конфликтных ситуаций в отношении деятельности, связанной с Интернетом, как правило, используется традиционное законодательство. Здесь основная проблема заключается в том, что на сегодняшний день правовое регулирование общественных отношений в сфере информационного обмена и информационной безопасности носит фрагментарный и несистемный характер. В законах отсутствует единая терминология, они изобилуют специализированными техническими понятиями, что способствует появлению внутренних противоречий в законодательстве, затрудняет правоприменение и приводит к значительным злоупотреблениям при толковании юридических норм.

Таким образом, особенность Интернета как транснациональной сети создает проблемы, которые пока не могут быть решены только законодательным путем. При этом жесткое регулирование невозможно, так как оно помешает развитию Интернета и нарушит права человека на информацию, свободу, тайну частной жизни и др.

Внутрисетевая система регулирования основана на «особой природе» сети, предполагающей абсолютно свободное информацион-

ное пространство, а следовательно, практическую неприменимость к ней традиционных правовых регуляторов; на том, что существующие в Интернете отношения могут успешно регулироваться посредством внутрисетевых правил, которые должно разработать и применить само интернет-сообщество.

Данное регулирование осуществляется путем принятия морально-этических и других аналогичных норм, которые с учетом специфики Интернета могли бы регламентировать поведение ее пользователей и носили бы универсальный всеобщий характер. Такие нормы принимаются в форме различных «правил пользования ресурсом», «правил поведения на форумах», «кодексов ЖЖ-этики» и других подобных актов. Более того, существует Международный союз интернет-деятели «ЕЖЕ» — орган саморегулирования российского Интернета [7].

Подобные регуляторы поведения не только несут в себе позитивный фактор, подтверждающий саму возможность регулирования поведения в Интернете, но и позволяют устранять некоторые спорные моменты без применения законов реального мира. Это не только правила поведения на определенном ресурсе, разрабатываемые и претворяемые в жизнь руководителями этих сайтов, нарушитель которых лишается доступа к ресурсу в будущем. Есть и более серьезные документы. Например, Российским открытым форумом интернет-сервис-провайдеров разработаны «Нормы Пользования Сетью» [8], где, в частности, говорится о том, что существуют общепринятые нормы работы в Интернете, направленные на то, чтобы деятельность каждого пользователя сети не мешала работе других пользователей.

Основными минусами саморегулирования является то, что оно имеет фрагментарный характер и предполагает прежде всего добросовестность и ответственность самих пользователей.

Таким образом, каждая форма регулирования Интернета имеет свои минусы и плюсы. И наиболее эффективно они действуют в совокупности, так как одни стороны отношений в Интернете можно урегулировать только законодательно, другие — только внутри сети. Это необходимо учитывать при дальнейшей разработке способов регулирования мировой паутины.

Обратимся теперь к блогосфере. Блогосфера — это совокупность всех блогов как сообщество или сеть. По сути, блогосфера отражает все процессы, происходящие в Интернете. Здесь возможно выкладывать музыку, видео, фотографии, тексты, существуют даже блоги-магазины. Регулирование блогосферы также можно разделить на два типа — законодательное и саморегулирование.

Основная сложность законодательного регулирования заключается в том, что блоги позиционируются как личные дневники, соответственно, все, что в них публикуется, — как личное мнение, высказывать которое позволяют принципы Конституции РФ, закрепляющие за каждым гражданином право свободы мысли и слова (п. 1 ст. 29). Тем не менее в России уже известны случаи привлечения к суду блоггеров. Но подобные случаи — редкость, и вокруг них всегда возникают споры: можно ли судить человека за высказанное мнение, не нарушает ли это Конституцию и сам принцип существования Интернета как свободной сети?

В отличие от законодательного регулирования, саморегулирование блогосферы действует довольно эффективно. Особенно ярко это видно на примере «Живого Журнала», самого распространенного в России блогахостинга.

При регистрации в Живом Журнале человек соглашается с «Пользовательским соглашением» и «Положением о конфиденциальности». Эти документы представлены в электронном виде на сайте. Если же блоггер нарушает правила Живого Журнала, то его дневник блокируется на время или удаляется. Запрещается пользоваться блогами людям, не достигшим 13-летнего возраста; запрещается спам (массовая рассылка коммерческой, политической и иной рекламы или иного вида сообщений лицам, не выразившим желания их получать). Администрация сайта оставляет за собой право по своему усмотрению закрыть доступ к журналу или его части, которая содержит изображение полностью обнаженного тела, насилия; оскорбления, угрозы в адрес несовершеннолетних, призывы к насилию и совершению преступлений; пропагандирует бандитизм; способствует разжиганию ненависти в отношении расы, этнического меньшинства, половой принадлежности, людей с ограниченными возможностями, сексуальной ориентации. Но чаще всего для применения администрацией таких действий необходимы жалобы пользователей ЖЖ.

Сами блоггеры также могут устанавливать нормы поведения в своих блогах или сообществах. Очень часто авторы запрещают нецензурную лексику, оскорбление других пользователей и т. п. За нарушение этих норм блоггер вправе удалить комментарий или «забанить» автора, т. е. отключить его доступ к своему блогу.

Эти способы регулирования достаточно эффективны, они позволяют защитить права каждого пользователя. Главным отличием внутреннего регулирования блогосферы от законодательного является частный, неуниверсальный характер. По большому счету, каждый пользователь сам определяет сферу своих прав, критерии их нарушения и способы защиты.

Подводя итоги, можно сказать, что регулирование Интернета — актуальный и все еще не решенный вопрос. Стоит отметить, что этой проблемой, к сожалению, занимаются только юристы. Но, на наш взгляд, этого недостаточно. Мы считаем необходимым также и социологический анализ данной проблемы с целью выяснения реальных потребностей пользователей Интернета, мнений различных специалистов в данной области.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Данные Internet World Stats [Электронный ресурс]. URL: www.internetworldstats.com/euro/ru.htm.
2. Махмудов Р. Ш. Вопросы определения юрисдикции как важный аспект регулирования интернета // Информационное общество. 2010. № 6.
3. Наумов В. Б. Право и интернет: очерки теории и практики. М., 2002.
4. Женевская декларация принципов [Электронный ресурс]. URL: <http://www.un.org/russian/conferen/wsis/dec.pdf>.
5. World governments embrace ICT e-strategies // Официальный сайт информационного центра ООН в Москве [Электронный ресурс]. URL: <http://www.un.org/russian/conferen/wsis/agenda.pdf>.
6. Жарова А. К. Международные правовые концепции борьбы с распространением вредной информации // Бизнес-информатика. 2010. № 4 (14).
7. Международный союз интернет-деятели «ЕЖЕ» [Электронный ресурс]. URL: <http://ezhe.ru/>
8. Нормы пользования Сетью [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ofisp.org/documents/ofisp-008.html>.

В. Л. Мишина (Барнаул)

ФОРМИРОВАНИЕ ОБРАЗА СЕМЬИ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

В современной России происходит процесс разрушения традиционной семьи, снижается ее значимость как социального института, растет количество разводов и неполных семей. В представлении молодых людей семья уже не рассматривается как что-то постоянное,

незыблемое и обязательное. Значительный процент молодых людей предпочитают ей разнообразные формы сожительства и нетрадиционного брака.

Семья принадлежит к важнейшим общественным ценностям. Именно форма семьи на протяжении многих веков определяет общее направление эволюции макросоциальных систем. Семья всегда занимала одно из важнейших мест среди жизненных ценностей человека, поскольку все люди так или иначе связаны с семьей. С развитием семьи и изменением ее функций постепенно меняется и ее образ.

Застойные явления 1970-х гг., перестроечные процессы 1980-х гг., кардинальные перемены в политической и экономической сферах российского общества в 1990-х гг. вызвали кризисные явления в современной российской семье, что заставило социологов прийти к выводу об отрицании института брака и кризисе института семьи.

Следствием этого кризиса являются широкое распространение малодетности, расширение одиночно-холостяцких форм существования, снижение ценности материнства и отцовства, увеличение количества безнадзорных детей вследствие хронических психоэмоциональных перегрузок у родителей, социального сиротства, неполных материнских и отцовских семей, незарегистрированного сожительства, сознательно бездетного брака, повторных и открытых браков, внебрачного секса и интимной дружбы, свингерства, гомосексуальных пар, группового брака, жилых сообществ, коллективных семей [1, с. 71–96]. Супружество, родительство, родство являются конституирующими семью отношениями, в наше время наблюдается распад этого триединства. Проблема осложняется тем, что в данный момент институт брака переживает переходный период. Продолжается разрушение старых традиционных установок на брак, а новые еще не сформировались.

В изменившихся социальных условиях современная молодежь находится в сложной ситуации. Она вынуждена создавать новые приоритеты ценностей, это находит свое отражение и в содержании представлений о семье.

Вопрос формирования установок на семью и семейный образ жизни ученые начали исследовать недавно. Прежде всего это связано с изменением самого типа семьи, а также системным кризисом института семьи в современных российских условиях. Чаще всего исследователи акцентировали внимание на отдельных сторонах жизнедеятельности семьи: трансформация современной семьи, критерии определения молодой семьи и ее основные проблемы, мотивы вступления в брак, совместимость супругов, семейный бюджет, ведение хозяйства,

демографическое поведение, жилищный вопрос, проблемы стабильности и устойчивости брака. Но в настоящее время они пришли к выводу, что многие проблемы современной семьи зависят от неумения молодых людей выстраивать отношения в браке [2, с. 115].

Наибольший интерес вызывает образ семьи в представлении студенческой молодежи, так как студенческая молодежь представляет собой особую категорию населения. Она имеет свои особые функции в обществе, никакой другой социально-демографической группой не замещаемые и не реализуемые. Студенческая молодежь как данность воспринимает новое, выработанное предшественниками во всех сферах жизнедеятельности человека, является профессионально ориентированной группой, обладающей приоритетным инновационным потенциалом.

Студенческие годы — это не только время для получения высшего образования, но и благоприятная пора для создания семьи по многим причинам. Широкие возможности выбора брачного партнера (особенно в вузах, где сбалансированная половая структура), общность многих жизненных целей, схожесть ценностных ориентаций, оптимальный возраст супругов для рождения ребенка — все эти факторы способствуют образованию потенциально устойчивых и перспективных семей.

Проблема образа семьи рассматривается во многих науках: педагогике, психологии, социологии и др.

Представления студентов о семье изучались в исследовании Н. Л. Москвичевой при помощи модифицированного варианта проективной методики незаконченных предложений. Среди многих аспектов семейных отношений она выделила ограниченный круг вопросов, касающихся преимущественно аффилиативных потребностей, потребностей в подтверждении ценности и значимости своего «Я» студентов, некоторых витальных потребностей и потребностей в чувстве безопасности. При этом автор практически не упоминает аспекты семейных отношений, связанные со стремлением к саморазвитию и самосовершенствованию, удовлетворением индивидуальных потребностей в отцовстве, материнстве, самореализации в детях и др. Полученная картина отражает специфичность представлений о семье студентов, еще не имеющих опыта супружеской жизни [3].

Психологическое исследование Е. Б. Маченовой имеет выраженный междисциплинарный аспект и базируется на современных принципах научного анализа психологии семьи, социальных представлений, возрастной и педагогической психологии. Полученные результаты раскрывают важные аспекты процесса переосмысления ориентиров развития семьи, отдельного человека и общества в целом. Ис-

следователем было установлено, что с возрастом и увеличением самостоятельности представления молодежи о семье становятся более содержательными и структурированными: их объем увеличивается за счет количества задействованных характеристик и структурных элементов семьи. Семья старшего поколения в целом является для современных старшеклассников и студентов приоритетным ориентиром в становлении представлений о будущей семье [4].

Современный этап развития нашего общества вносит существенные изменения в полученные ранее результаты. Навязчивая «сексуализация» отечественной литературы, кино, реалити-шоу, наблюдающаяся в последние десять лет, и не свойственные русской культуре изменения в стиле и образе жизни не могли не отразиться на отношении студенческой молодежи к образу семьи.

Несмотря на имеющиеся работы по представленной проблеме данная тема остается актуальной. Исследование динамики образа семьи в представлениях разных групп студенческой молодежи определяет важные аспекты процесса переосмысления ориентиров развития семьи.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Шнейдер Л. Б. Психология семейных отношений : курс лекций. М., 2000.
2. Рогова А. М. Проблемы формирования семейных ценностей у молодого поколения в современной России // Актуальные проблемы молодежи в современной России : материалы конференции / под ред. Ю. В. Манько. СПб., 2008.
3. Москвичева Н. Л. Семья в системе ценностных ориентаций личности студента : дис. ... канд. психол. наук. СПб., 2000.
4. Маценова Е. Б. Представления о семье в разных группах старшеклассников и студентов : дис.... канд. психол. наук. М., 2001.

М. В. Мурадова (Кемерово)

СОЦИОЛОГИЯ: МИФЫ И ИДЕАЛЫ (взгляд начинающего социолога)

Социология в России находится в загадочном положении, дискуссии по поводу ее научного статуса продолжаются. Социологию в современном обществе не столько воспринимают, а скорее интерпретируют. Абитуриенты, поступающие на эту специальность, могут иметь

не совсем четкие представления о науке «социология» и о профессии «социолог». Средства массовой информации, различные организации акцентируют внимание на результатах социологических опросов, тем самым демонстрируя социологов только как людей с «опросниками»; близкое окружение твердит: «Что это за профессия такая неизвестная?» Просматривая вакансии в Интернете, убеждаешься, что данная профессия не совсем востребованная. Действительно, социология в России существует не так давно и отношение к ней пока остается на уровне недоверия, непонимания, отсюда происходит формирование неверного мнения о профессии «социолог». В повседневной жизни социолог воспринимается как человек с анкетой, обращающийся к людям по различным вопросам. Неудивительно, что такое мнение широко распространено среди населения — другие аспекты деятельности социолога обычно скрыты и непонятны для неспециалистов. В средствах массовой информации зачастую подчеркивают некую «назойливость» социологических исследований (например, социологическое сопровождение политических выборных кампаний в Белоруссии и Украине). Кроме того, обыватели зачастую не понимают: зачем нужны социологи, считая, что их работу могут выполнить специалисты других направлений общественных наук. Результатам некоторых социологических исследований не доверяют, подозревая, что данные фальсифицируются в каких-либо корыстных целях. Какие существуют мифы современности, посвященные профессии социолог, каковы «идеальные» образы социолога в глазах населения?

Образ социолога, который складывается в сознании людей, прочно подкреплен их субъективным отношением к данной профессии, ситуацией, в которой это общение происходило, ее престижем. Также к числу факторов, влияющих на формирование мнения о профессии «социолог», можно отнести уровень жизни и образования человека, профессионально он оценивает деятельность социолога или нет. Образы переносят информацию, знания, эмоции, эстетические ощущения, ценности. Они воздействуют не только на сознание, но и подсознание [1, с. 6]. Можно предположить, что латентной функцией социолога является представление значимости своей профессии.

В обществе существуют определенные стереотипные представления о социологах. Например, П. Бергер отмечает такие образы социолога, сложившиеся в «сознании широкой публики»: секуляризованный вариант либерального протестантского пастыря; теоретик социальной работы; разведчик; социальный реформатор; собиратель статистических данных о человеческом поведении, который по существу является подручным ЭВМ; человек, занятый главным обра-

зом разработкой методологии, в рамки которой он потом втиснет все проявления человеческой природы; отстраненный, беспристрастный наблюдатель, хладнокровно манипулирующий людьми [2, с. 11–22]. Добавим в данную классификацию социолога — интерпретатора общественных явлений, социолога — «описателя» общественных процессов, социолога — аналитика и социолога, который собирает данные для «отчетности». Все эти одноаспектные представления о профессии социолога во многом закреплены в общественном сознании. Стоит отметить, что не все мифы появляются на «пустом месте»: некоторые «квазисоциологи» сами дискредитируют значимость своей профессии, искажая данные в целях наибольшей выгоды. «В предвыборных диспутах всегда находится место одной известной теме — „все социологи врут“, — утверждает И. Задорин, руководитель исследовательской группы ЦИРКОН. Конечно, о таких фикциях становится известно не всегда, но когда люди слышат или читают об этом, у них складывается определенное мнение; информация распространяется, формируется представление о социологах как о личностях, ищущих выгоду только для себя, а не работающих для общества и на его благо. Настоящий социолог должен проводить исследования и делать выводы не для выгоды, а для рекомендаций лучшего устройства общественной жизни.

П. Бергер отмечает: «социологом является тот, кто в своей деятельности связан с осмыслением общества, и это осмысление (понимание) научно по своей природе». Социолог постоянно испытывает «неизбывный» интерес к человеческим поступкам [2, с. 23–25], т. е. социолог всегда там, где люди, скопления людей, причем он не просто присутствует — он наблюдает, понимает, интерпретирует атрибутику, поведение, действия. Ч. Миллс говорил, что «тот, кто обладает социологическим воображением, способен понимать, какое влияние оказывают действия исторических сил на внутреннее состояние и жизненный путь людей. Оно позволяет объяснять, как в бурном потоке повседневной жизни у людей формируется ложное сознание своих социальных позиций» [3, с. 13].

П. Штомпка указывает на то, что социолог острее воспринимает социальный мир, формирует в своем сознании «образы образов», «метаобразы», окрашенные двойной субъективностью — своей и создателя воспринимаемого образа [1, с. 17]. Ж. Т. Тощенко рекомендует студентам-социологам изучать все общественные науки: философию, историю, экономику, политологию, культурологию, право, психологию; также ознакомиться с положением естественных наук, серьезно заняться математической подготовкой; усвоить комплекс дисци-

плин, касающихся самой социологии [4, с. 55–57]. Социолог без знания общественных наук не сможет понять тенденции развития общества, его структуры, не сможет оценить деятельность институтов и общественных организаций; не зная математики, не сможет составить репрезентативную выборку, графики исследований, статистические ряды; без успешного усвоения дисциплин социологии невозможно считаться социологом.

В общественном сознании сложились стереотипные представления о профессии «социолог», подкрепленные средствами массовой информации, различными организациями, управленческими структурами. Однако такие представления не всегда обосновательны. К сожалению, существуют так называемые псевдосоциологи, однодневные социологи, которые согласны за определенную сумму (или иную «награду») «подтасовать» результаты исследования в корыстных целях заказчиков. Особенно часты случаи политической ангажированности в предвыборных кампаниях. («Все знают реальную цену социологическим агентствам в Украине и знают хорошо цену любой социологии», — считает Ю. Тимошенко). Из подобных ситуаций и появляется недоверие к социологам, к сделанным ими выводам, рекомендациям, следовательно, социология теряет свою практическую значимость, интерес к социологии пропадает. Кроме того, социология остается в нашей стране малоизвестной среди населения. Почему в России, когда говоришь: «Я социолог», следует вопрос: «А чем вы занимаетесь?», а, например, в Англии восклицают: «Wow, you are sociologist! You know all about a society!» (из личного опыта).

Ответственным моментом профессиональной деятельности социолога является то, что его работа связана с публичностью — это проведение опросов и оформление результатов. Осознавая значимость своего исследования и последующих рекомендаций, социолог должен оценивать ситуацию объективно, давать верные оценки и результаты без желания иметь личную выгоду.

Для того чтобы у людей не складывалось неверное впечатление о данной профессии, каждому профессионалу необходимо действовать в рамках кодекса социолога, в котором четко прописаны морально-нравственные критерии профессии. Одно из самых важных положений отмечает: «социолог проявляет профессиональную компетентность, научную честность и корректность на всех этапах социологического исследования». Если социологи будут руководствоваться данными принципами, а не целью получить как можно больше денег за «подмену» данных, чтобы какая-либо партия заняла наивысшее

место в рейтинге или чтобы скрыть реальный уровень жизни в стране и ошибочную политику власти, то и мнение о социологах в обществе изменится, люди смогут оценить значимость этой профессии.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Штомпка П. Визуальная социология. Фотография как метод исследования: учебник/пер. с польск. Н. В. Морозова. М., 2007.
2. Бергер П. Л. Приглашение в социологию: Гуманистическая перспектива/пер. с англ. под ред. Г. С. Батыгина. М., 1996.
3. Миллс Ч. Р. Социологическое воображение/пер. с англ. О. А. Оберемко. М., 1998.
4. Тощенко Ж. Т. Чему учить социолога и с чего начинать // Социологические исследования. 2008. № 7.

А. В. Нарожная (Барнаул)

СРЕДСТВА МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ КАК ИНСТРУМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ ЗДОРОВОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ СРЕДИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Ценности во многом определяют мировоззрение человека. Как элемент структуры личности ценностные ориентации представляют собой единство мыслей, чувств, практического поведения. В формировании ценностных ориентаций участвует весь прошлый жизненный опыт индивида. Психологической основой его ценностных ориентаций является многообразная структура потребностей, мотивов, интересов, идеалов, убеждений, следовательно, поэтому ценности носят непостоянный характер, меняются в процессе деятельности [1, с. 128].

В системе ориентаций индивида существуют различные ценности: материальные, социальные, духовные и иные, среди них значимость здоровья каждый выбирает индивидуально. По словам А. Шопенгауэра, жертвовать своим здоровьем ради чего бы то ни было (богатства, карьеры, науки, славы, преходящих наслаждений) есть величайшее безумие [2, с. 41]. Однако молодое поколение не всегда согласно с данным высказыванием. Они готовы жертвовать им ради достижения материальных богатств, славы, карьеры и т. п.

Не случайно все последние годы все чаще говорят о здоровом образе жизни не только как о самостоятельном социальном феномене, но и как об устойчивом качестве личности. Тем не менее феномен здорового образа жизни личности изучен далеко не полностью, хотя проблемы культуры духа и тела ставились еще в эпоху древних цивилизаций [3, с. 52].

Среди социальных групп, изучение ценностных ориентаций представителей которых существенно важно, особое место занимает студенческая молодежь. Исследование социально-психологической сферы студентов позволяет раскрыть их отношение к жизни современного общества и видение своего «Я» [4, с. 5–9]. Одним из аспектов изучения ценностных ориентаций студентов является рассмотрение такой ценности, как здоровье.

Актуальность изучения проблемы формирования отношения у студентов к здоровому образу жизни в широком социокультурном аспекте обусловлена спецификой этой социально-профессиональной группы, особенностями ее положения и роли в обществе. Детство и юношество нынешнего российского студенчества целиком приходится на постперестроечный период, когда в силу известных экологических и социально-экономических причин заметно ухудшилось здоровье населения в целом, детей в особенности, вследствие чего в обществе встает задача ликвидаций этих последствий [3, с. 53].

Пропаганда здоровья как ценности и приобщение молодого поколения к здоровому образу жизни является приоритетным направлением социальной политики государства. Одним из ее инструментов выбрана социальная реклама.

Социальная реклама — это вид коммуникации, целью которой является привлечение внимания к актуальным проблемам общества и его ценностям. Преимуществом социальной рекламы является ее способность удержать аудиторию в рамках нормативного поведения (т. е. морального, социально оправданного).

Темы социальной рекламы разнообразны и лежат в сфере деятельности не только государства и государственных органов, но и межличностных отношений граждан. Тематический спектр объясняется прежде всего изменившимися ценностями и установками, пришедшими в Россию с Запада.

Социальная реклама является важнейшим средством формирования ценностей здорового образа жизни. Ее воспитательное влияние определяется тем, что она использует эффективные средства воздействия на аудиторию и более широкий спектр носителей. Ее инициаторами выступают как государственные органы, так и различные

субъекты бизнеса, политические организации, объединения «третьего сектора».

Реклама здорового образа жизни направлена против курения, наркомании, алкоголизма, пропагандирует занятия спортом, правильное питание.

Социальная реклама использует различные приемы воздействия на сознание аудитории. В частности, эффективной считается технология формирования нормативного поведения путем целенаправленного усиления значимости личностных проблем аудитории. В сообщении демонстрируется прямое указание на проблемы субъекта, ведущего нездоровый образ жизни, а затем предлагается рецепт решения этих проблем. Стимулирование нормативного поведения аудитории осуществляется также путем целенаправленного ассоциирования моральных норм с определенной культурной символикой. Символизация позитивного поведения (социально принятых норм) обеспечивает ассоциативные связи нормы с базовыми человеческими ценностями (дети, любовь, здоровье и т. д.). Негативное позиционирование ненормативного поведения осуществляется символикой болезни, смерти, символами отвратительных для человека насекомых и т. д. [5].

Популярны ролики с использованием референтных личностей. Звезды спорта, кино, эстрады говорят о вреде курения, алкоголя, наркотиков с призывом: «Сломай сигарету, пока сигарета не сломала тебя!», «Сделай правильный выбор. Не дай себя уничтожить!», «Береги себя!», «Решай сегодня, каким ты будешь завтра. Не пей!». Запрещена реклама алкогольной и табачной продукции. Много передач, в которых популярные люди говорят о пользе фитнеса, а также здорового образа жизни. Политические лидеры также принимают участие в продвижении ценности здоровья среди молодежи. В представлениях молодого поколения создается определенный образ, что успешный человек должен быть здоров, не иметь вредных привычек. Открывается все больше фитнес-клубов, посетителями которых становятся молодые люди.

Из всего сказанного можно сделать вывод, что средства массовой информации могут и помогают в решении проблемы обесценивания здоровья среди студенческой молодежи, а также в продвижении здорового образа жизни.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Волков Ю. Г., Добренев В. И., Кадария Ф. Д. и др. Социология молодежи. М., 2001.
2. Психология здоровья / под ред. Г. С. Никифорова. М., 2006.

3. Сорокина В. М., Сорокин Д. Ю. Формирование отношения к здоровому образу жизни как профессиональной ценности у студентов вузов // Современные проблемы науки и образования. 2009. № 6.
4. Лубышева Л. И. Физическая культура: молодежь и современность // Теория и практика физической культуры. 2001. № 5.
5. Социальная реклама в системе формирования здорового образа жизни [Электронный ресурс]. URL: <http://book-science.ru/social/sociology/social-naja-reklama-v-sisteme-formirovanija-zdorovogo-obraza-zhizni.html?page=2>.

А. В. Отрожденова (Ярославль)

ПРОФИЛАКТИКА ЖЕСТОКОГО ОБРАЩЕНИЯ С ДЕТЬМИ

В условиях экономических, политических и социальных изменений в стране, обусловивших ухудшение качества жизни, снижение жизненного уровня населения, социальную напряженность, дети и подростки становятся одной из наиболее социально уязвимых групп.

Подчеркивая актуальность изучения темы насилия в современном обществе, следует отметить, что антигуманные отношения, агрессия, злоба и жестокость широко представлены во многих сферах нашей жизни.

Особенно важной и мало разработанной в современной российской науке и практике является проблема насилия и жестокости по отношению к детям. *Жестокое обращение с детьми* — это не только побои, нанесение ран, сексуальные домогательства и другие способы, которыми взрослые люди калечат ребенка. Это унижение, издевательства, различные формы пренебрежения, которые ранят детскую душу. Все это несет с собой моральные и психологические проблемы: постоянная боязнь оказаться объектом насилия в его социальном окружении перерастает в сильное психологическое давление, которое ведет к стрессам, нервным срывам, снижению самооценки, становится дополнительным источником межличностных конфликтов и т. д.

Разнообразные проявления жестокого обращения к детям имелись и имеются во всех странах независимо от политического, идеологического и экономического устройства. Беда в том, что долгое время мы старались обходить молчанием эту проблему, порой искрен-

не считая, что у нас «дети являются привилегированным сословием» и уже поэтому защищены от дурных посягательств и пренебрежения.

Ежегодно в России от жестокого обращения погибает несколько тысяч детей. Гораздо большее число детей страдает от насилия, которое не оканчивается гибелью, но наносит тяжкий физический или психологический вред ребенку. Так, по данным Уполномоченного по правам ребенка при Президенте Российской Федерации, за последний год около 2 тыс. детей погибло в результате насилия. По данным неофициальной статистики, каждый год около двух миллионов детей избивают родители, более 10 тыс. несовершеннолетних становятся инвалидами в результате совершения против них преступлений. При этом абсолютное большинство таких преступлений остаются нераскрытыми. Подобная ситуация в нашем обществе, конечно же, вытекает из ряда проблем: экономических, связанных с резким падением уровня жизни подавляющей части населения; социальных, связанных с тем, что в обществе утрачены основные общественно значимые ценности; психологических — воспитываемый многие годы инфантилизм, нежелание принимать жизненно важные решения, брать ответственность на себя, зависимость от других и, главное, педагогические, когда общество, государство не несут ответственности за воспитание человека, формирование его морали и нравственных принципов.

К основным факторам риска жестокого обращения с детьми можно отнести следующие: безработица или низкая материальная обеспеченность; алкоголизм одного или обоих родителей; одиночество или распавшийся брак; слишком маленькое жилье, усиливающее напряженность; физическое или психическое переутомление; незрелость родителей; их эгоизм и стремление к развлечению; отсутствие привязанности к ребенку; чрезмерная требовательность; рождение другого ребенка; большое количество детей [1].

Наиболее распространенными формами жестокого обращения с детьми считаются: физическая жестокость, в том числе побои; психологическая и сексуальная жестокость; оставление без внимания, или заброшенность и др.

Жестокость лучше предупредить, чем с ней бороться. Наиболее сложной частью работы по профилактике насилия в семье является работа с родителями. Насилие в отношении несовершеннолетних зачастую носит скрытый характер и обнаруживается лишь тогда, когда ребенок уже имеет серьезные физические или психические травмы.

Международный опыт показывает, что управление системой защиты детей от насилия и жестокого обращения эффективнее всего осуществляется надведомственным органом (совет, междисциплинар-

ный комитет, уполномоченные по правам ребенка и т. п.). Этот орган организует и иницирует, как правило, следующие виды работ [1]:

1. Проведение программ мониторинга: ранних предпосылок асоциального поведения детей; семей «группы риска»; детей и подростков, совершивших правонарушения; образовательных и лечебных учреждений для детей и подростков; специальных учреждений закрытого типа для детей и подростков; состояния проблемы насилия и жестокого обращения с детьми;
2. Создание и обновление базы данных организаций и служб помощи и реагирования;
3. Экспертиза деятельности организаций и служб;
4. Экспертиза программ помощи и профилактики;
5. Информирование населения о службах реагирования и помощи;
6. Ведомственные и межведомственные совещания о состоянии проблемы;
7. Ежегодная межведомственная конференция;
8. Подготовка ежегодного доклада органам власти о состоянии проблемы [2].

Сегодня реально существует большая сеть ведомств, занимающихся решением проблемы насилия (службы семьи, материнства и детства, учреждения здравоохранения, образования, бюро судебно-медицинской экспертизы, правоохранительные органы, прокуратура, суд, религиозные конфессии), каждое из которых имеет централизованное руководство.

Проблемой жестокости занимаются следующие субъекты-специалисты нескольких ведомств: педагоги; психологи; врачи (педиатры, детские психиатры, невропатологи); средний медицинский персонал детских больниц и поликлиник; инспекторы по делам несовершеннолетних; социальные работники, социальные педагоги; юристы (суд, прокуратура, адвокатура).

Занимаясь своей основной деятельностью, эти специалисты объединены в меж(над)ведомственные профессиональные команды. Главные функции междисциплинарных команд следующие: информационно-аналитическая (собирает информацию по проблеме насилия и жестокого обращения в социуме, семье, образовательном и других учреждениях); первичного приема ребенка (или иного заявителя) в связи со случаем жестокого обращения или насилия; организации комплексной практической помощи ребенку и семье; социального мониторинга детей, подростков и семей групп риска; организационно-профилактическая работа (выступления перед родителями, выступления в трудовых коллективах, встречи с администра-

цией, публикации в СМИ, проведение конференций среди специалистов, акции по защите прав детей и т. д.) [1].

Ключевым компонентом сбора информации о ситуации насилия над ребенком является интервью с ним. От того, насколько грамотно и конфиденциально оно будет проведено, зависит благополучие и психологическое здоровье ребенка, попавшего в трудную жизненную ситуацию. Параллельное расследование в нескольких учреждениях и несколькими специалистами может привести к вторичной травматизации уже травмированного ребенка.

Специалист (педагог, воспитатель, врач, школьный психолог и др.), сталкиваясь со случаем насилия, совершенным в отношении ребенка, сообщает о сложившейся ситуации в междисциплинарную команду (центр, службу).

После поступления сообщения о случае и сбора первичной информации специалистом команды о ситуации насилия и жестокого обращения проводится собрание междисциплинарной команды. На совещании междисциплинарной команды принимается решение о ведении случая: назначается менеджер случая (как правило, это социальный работник, хорошо знающий ситуацию в семье и имеющий доступ в нее), рассматриваются варианты дальнейшего пребывания ребенка в семье, разрабатываются шаги медицинской, юридической, психологической, социальной помощи ребенку в зависимости от сложившейся ситуации и т. п.

Программы профилактики и реабилитации включают в себя образовательные программы для детей школьного возраста; для студентов; родителей; специалистов. Программы многопрофильной (психологической, юридической, педагогической, социальной, медицинской) консультативной помощи: семьям, специалистам, детям и подросткам.

Сигналами для выявления семейного неблагополучия могут стать следующие показания [3]: состояние здоровья и внешний вид ребенка (наличие травм, синяков; неряшливый вид); особенности поведения ребенка в учреждениях образования (агрессивность в отношении сверстников и взрослых; замкнутость; чрезмерная возбудимость); низкий уровень педагогического потенциала семьи (отсутствие интереса к делам ребенка в учебном заведении; уклонение от родительских обязанностей, отсутствие заботы); отношение семьи к учреждению образования, которое посещает их ребенок (уклонение от контакта с работниками и администрацией учреждения образования; неявка на родительские собрания); задолженность по плате за техническое обслуживание, пользование жилым помещением, коммунальные услуги; заявления в органы внутренних дел об уходах несовершеннолетних из дома, их розыске и др.

Большая ответственность по выявлению жестокого обращения с ребенком лежит на классном руководителе. В его обязанности входит: изучение личных дел учащихся; составление социальной карты ученика, класса; изучение психолого-педагогических особенностей детей; наблюдение в урочной и внеурочной деятельности через посещение уроков, кружковых занятий; проведение анкетирования учащихся класса с целью сбора информации о имеющихся случаях жестокого обращения с детьми в семьях, а также оказание консультационной помощи ребенку в семье: индивидуально-консультативная помощь родителям, организация и проведение классных и тематических родительских собраний, взаимодействие с администрацией школы.

Имеется необходимость отметить формы работы школы в целом с семьей, для которой характерна жестокость по отношению к детям. Родительские собрания — неотъемлемая часть школьного процесса. На них необходимо затрагивать актуальные проблемы, связанные с возрастными особенностями детей, проводить «круглые столы» с приглашением специалистов, а также всевозможные тренинги для родителей и детей, совместные игры детей и родителей, индивидуальные и групповые консультации.

По факту выявления жестокости по отношению к ребенку классный руководитель обязан: сообщить специалистам службы и администрации учебного учреждения о выявленном случае жестокого обращения; предоставить всю информацию, касающуюся ребенка и его семьи, которая может помочь при планировании дальнейших действий; оказать моральную поддержку ребенку. Социальный педагог: уведомить УВД ОДН о выявленном факте; составить социально-педагогическую характеристику семьи; составить индивидуальный план работы с ребенком и/или с семьей; предоставить отчет о проведенной работе по выявленному факту жестокого обращения.

Педагог-психолог: составить психологическую характеристику на ребенка, подвергшегося жестокому обращению; высказать рекомендации учителям-предметникам и классным руководителям по организации индивидуального подхода в работе с ребенком; оказать экстренную помощь (индивидуальное консультирование ребенка); обеспечить длительное сопровождение (арт-терапия, песочная терапия и др.).

Кадры, работающие с детьми, вне зависимости от их ведомственного подчинения, должны регулярно проходить соответствующую специальную подготовку. Другой вывод состоит в том, что работа с проблемными семьями должна основываться на отлаженном межведомственном взаимодействии. Только при этом условии она будет по-настоящему комплексной, эффективной и принесет пользу роди-

телям и детям. Многие говорят о необходимости принятия нового законодательства. По этому поводу можно сказать следующее: все возможные ситуации, связанные с детьми в неблагополучных семьях, законодательством предусмотрены. Другое дело, как реализуются действующие нормы, насколько умело и правильно они применяются на практике. К работе с неблагополучными семьями нельзя подходить формально. Эти проблемы требуют внимательного отношения со стороны всех служб, которые ими занимаются. Основываясь на этом, мы обязаны не только собирать информацию и факты, касающиеся неблагополучия в семьях, но и принимать адекватные решения, реализовывать меры, позволяющие добиваться положительных результатов, оказывать реальную помощь и детям, и их родителям.

И самое главное — нужно повернуть общество лицом к детям. Изменить ситуацию может только принципиально иной подход к решению проблем детства — общенациональный план действий в интересах детей, реформирование правового статуса ребенка на уровне федерального законодательства, работа не по наступившим последствиям, а ежедневная реальная защита каждого подростка и малыша, просто любовь к детям.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Защита детей от жестокого обращения / под ред. Е. Н. Волковой. СПб., 2007.
2. Никитина О. А. Жестокое обращение с детьми. Магнитогорск, 2000.
3. Сафонова Т. Я., Цымбал Е. И. Жестокое обращение с детьми. М., 1999.

К. В. Перлина (Барнаул)

УДОВЛЕТВОРЕННОСТЬ ПАЦИЕНТОВ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ ЛПУ БАРНАУЛА КАЧЕСТВОМ ПЛАТНЫХ МЕДИЦИНСКИХ УСЛУГ

Исследования удовлетворенности медицинскими услугами в настоящее время обусловлены современным подходом к системам управления качеством товаров и услуг, который в определенной мере распространяется и на оказание медицинской помощи [1, с. 12]. Ряд ученых подчеркивает важность изучения удовлетворенности медицинскими услугами в современных условиях. Так,

И. Н. Ильиченко считает, что степень удовлетворенности пациентов медицинским обслуживанием становится все более серьезным фактором оценки качества оказываемых медицинских услуг [2, с. 25].

Внимание исследователей, занимающихся данной проблематикой, сосредотачивается на изучении удовлетворенности пациентов как государственных, так и частных лечебно-профилактических учреждений (ЛПУ). В первом случае подобные исследования выполняются в соответствии с Указом Президента РФ [3] и являются одним из оснований для оценки деятельности органов местного самоуправления. Во втором случае изучение удовлетворенности пациентов качеством медицинских услуг носит маркетинговый характер и является инструментом для принятия управленческих решений руководителей негосударственных клиник.

Можно заметить, что в сложившейся ситуации из поля зрения исследователей выпадают те медицинские услуги, которые оказываются в государственных клиниках за деньги. В связи с этим целью нашего исследования является рассмотрение специфики предоставления платных медицинских услуг в государственных и муниципальных ЛПУ и выявление уровня удовлетворенности пациентов, прибегающих к данному виду услуг.

Академик Ю. П. Лисицын отмечает, что медицинская услуга является одновременно «главной экономической и медицинской категорией», и определяет ее не как духовное понятие, а материализованное, проявляющееся в конкретной деятельности медика и медицинского персонала по осуществлению конкретных мер профилактики, диагностики, лечения, реабилитации, административно-хозяйственных, управленческих и других действий, направленных на сохранение, укрепление, улучшение, воспроизводство индивидуального и общественного здоровья [4, с. 210].

Понятие «платные медицинские услуги населению» принято использовать для обозначения тех видов медицинских услуг, которые легально оплачиваются населением через кассу медицинского учреждения [4, с. 115].

И. В. Силуянова выделяет основные особенности медицинских услуг, определяющие их специфику: 1) медицинская услуга направлена на особое благо — здоровье человека; 2) результат медицинской услуги обнаруживается, как правило, по ее завершении. Он может быть также отделен от наступления предполагаемых последствий для здоровья тем или иным промежутком времени (период реабилитации), определенный результат медицинской услуги не может быть

гарантирован; 3) медицинские услуги включают фактор обоснованного риска со стороны врача [5].

Также следует заметить, что услуги здравоохранения относятся к таким видам социальных услуг, в потреблении которых заинтересованы не только отдельные индивиды, но и общество в целом. В конечном счете именно от развития этого сектора социальной сферы зависит сохранение и преумножение здоровья нации.

Удовлетворенность пациента медицинской помощью С. В. Петров определяет как обобщенную совокупность восприятий и оценок условий оказания, конечного результата медицинской помощи, соответствия их потребностям пациента, в том числе и ожидаемым [1, с. 23].

Т. Г. Светличная также связывает механизм формирования у пациентов удовлетворенности — неудовлетворенности с ожиданиями. Она отмечает, что представления пациентов о медицинском обслуживании складываются под влиянием потребления медицинских услуг, а также поведения персонала, оказывающего данные услуги. Суть оценочного процесса заключается в «подтверждении/неподтверждении ожиданий». Если ожидания пациентов соответствуют воспринимаемому ими качеству обслуживания (подтверждение), то потребители остаются удовлетворенными. И наоборот, если их ожидания оказываются ниже воспринимаемого качества медицинской помощи (негативное неподтверждение), то они остаются неудовлетворенными [6].

А. С. Чумаков в своей докторской диссертации «Модель непрерывного улучшения качества медицинских услуг в условиях обязательного медицинского страхования с позиций их потребителей (концептуальные и методические подходы)» дает определение удовлетворенности исходя из системного взгляда на изучаемое явление. Так, указанная методология позволяет автору рассматривать удовлетворенность как непрерывный многокомпонентный процесс формирования мнения населения о медицинских услугах, развивающийся в пространстве и во времени под влиянием потребительских факторов, взаимодействующих между собой. А. С. Чумаков так определяет удовлетворенность: «это многокомпонентное явление, характеризующее степень соответствия мнения населения о медицинских услугах его ожиданиям, которая может быть оценена количественно по совокупности оценок компонентов и их параметров, спрогнозирована с учетом комплекса факторов риска и имеет временные и пространственные отличия» [7, с. 27].

Говоря о факторах, влияющих на формирование удовлетворенности, можно отметить результаты, полученные С. В. Петровым [1, с. 40]. Он отмечает, что наибольшее значение в оценке пациентами оказанной им медицинской помощи имеет деятельность врачебного персо-

нала (а не современные методы лечения, качество питания, уровень размещения, предоставление информации, корректное отношение, деятельность среднего персонала и даже эффект от лечения). Этим же автором отмечена тенденция к более высокой степени неудовлетворенности у пациентов, относящихся к определенным социально-демографическим группам: возраст до 20 лет или от 35 до 50 лет; лица с высшим (незаконченным высшим) образованием. Т.С. Недодаева обнаружила значительные различия в восприятии медицинских работников в группах мужчин и женщин. Женщины в отличие от мужчин чаще заявляют, что испытывают к себе недоброжелательное отношение. Между тем сравнение результатов опросов в группах по возрасту существенных отличий не дало [8, с. 14].

Таким образом, после рассмотрения мнений представителей разных наук на содержание понятия «удовлетворенность» можно сделать определенные выводы.

Удовлетворенность понимается как субъективное отношение личности к различным сторонам жизнедеятельности, обусловленное степенью соответствия сегодняшнего состояния чего-либо значимого для личности, ожиданиям от данного объекта или явления.

Формирование чувства удовлетворенности у человека тесно связано с его личностными характеристиками, возможностью повысить свою самооценку, наличием близости к окружающим, присутствием чувства контроля над событиями собственной жизни. Большую роль в появлении чувства удовлетворенности играет реализация внутренних установок человека (например, к развитию, признанию), чем изменение внешних условий. Разные социально-демографические группы населения характеризуются тенденциями к разной степени удовлетворенности. К более высокой степени неудовлетворенности тяготеют люди в возрасте до 20 лет или от 35 до 50 лет; лица с высшим (незаконченным высшим) образованием, женщины.

Удовлетворенность — явление, динамичное в пространстве и во времени, следовательно, относительное, а не абсолютное. Субъективное отношение, представляющее удовлетворенность, может быть оценено количественно по совокупности параметров и спрогнозировано.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Петров С. В. Удовлетворенность пациентов медицинской помощью как элемент системы управления качеством медицинской помощи в военных лечебно-профилактических учреждениях : автореф. дис. ... канд. мед. наук. СПб., 2009.

2. Ильиченко И. Н., Аарва П., Введенский Г. Г. Отношение населения двух российских городов к платным-амбулаторно-поликлиническим медицинским услугам // Социальные аспекты здоровья населения. 2009. № 12.
3. Об оценке эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов : Указ Президента РФ от 28.04.2008 № 607 // Сборник нормативно-правовых актов федеральных органов власти Российской Федерации. Новосибирск, 2009.
4. Лисицын Ю. П. Общественное здоровье и здравоохранение. М., 2009.
5. Силуянова И. В. Патернализм и информированное согласие: проблема совместимости // Биомедицинская этика и медицинское право [Электронный ресурс]. URL: <http://vestnik.mednet.ru/content/view/160/30/>
6. Светличная Т. Г., Цыганова О. А., Борчанинова Е. Л. Пациенты о качестве стационарного обслуживания [Электронный ресурс]. URL: <http://www.isras.ru/files/File/Socis/2010-7/Svetlichnaya.pdf>
7. Чумаков А. С. Модель непрерывного улучшения качества медицинских услуг в условиях обязательного медицинского страхования с позиций их потребителей (концептуальные и методические подходы) : автореф. дис. ... д-ра мед. наук. М., 2010.
8. Недодаева Т. С. Удовлетворенность качеством медицинской помощи ВИЧ-инфицированных пациентов как фактор формирования установок на лечение : автореф. дис. ... канд. мед. наук. Волгоград, 2009.

А. А. Пунина (Барнаул)

АВТОМАТИЗИРОВАННЫЕ СИСТЕМЫ ОБРАБОТКИ СООБЩЕНИЙ СМИ В ИССЛЕДОВАНИИ ИМИДЖА РЕГИОНА

В последние десятилетия имиджевая политика стала важным направлением работы государственных органов во многих развитых странах. На современном этапе развития общества, когда представления людей о мире и происходящих в нем процессах в значительной мере стали формироваться средствами массовой коммуникации, имидж региона все более приобретает статус одного из основных ре-

сурсов, который предопределяет его экономическую, политическую, социальную перспективу. Это обусловлено тем, что любой регион является специфическим товаром, потребителями полезных свойств которого являются жители, инвесторы, предприниматели, туристы и т. д.

Существует множество определений термина «имидж». В «Социологическом энциклопедическом словаре» даны сразу два определения: имидж — это «внешний образ, создаваемый субъектом, с целью вызвать определенное впечатление, мнение, отношение у других»; имидж — это «совокупность свойств, приписываемых рекламой, пропагандой, модой, предрассудками, традицией и подобным объекту с целью вызвать определенные реакции по отношению к нему» [1, с. 97].

Международное определение имиджа территории, которое было дано Всемирной организацией по туризму, таково — «это совокупность эмоциональных и рациональных представлений, вытекающих из сопоставления всех признаков страны, собственного опыта и слухов, влияющих на создание определенного образа».

Образ региона тиражируется средствами массовой информации. СМИ формируют имидж как внутри региона, так и за его пределами, создавая ауру доброжелательного или недоброжелательного отношения к нему. С помощью СМИ быстро формируется устойчивое общественное мнение, ломаются устоявшиеся и создаются новые стереотипы. Е. В. Тарасова пишет: «По мнению большинства экспертов, имидж страны легко поддается целенаправленному „форматированию“ через СМИ и другие каналы массовой коммуникации» [2, с. 208]. Таким образом, анализ сообщений СМИ о конкретном регионе является одним из наиболее важных направлений в исследовании имиджа.

Проблема формирования имиджа региона средствами массовой информации и его оценки поднималась в работах Е. В. Беликовой [3], Е. С. Креститиной [4], В. Н. Козулина [5] и многих других. Однако современные информационные технологии при анализе СМИ как важного канала, формирующего имидж региона, используются крайне редко.

Для того, чтобы получить объективную и полную картину имиджа региона в СМИ, необходимо проанализировать достаточно большой массив информационных сообщений. Вручную это сделать практически невозможно. Однако и универсального автоматического средства сбора и обработки сообщений СМИ также не существует.

Для автоматизации работы со СМИ при создании медиапортрета региона были созданы две программы в среде Borland Delphi 7, которые решают следующие задачи:

Первая программа работает с интернет-СМИ. На данный момент это три электронных периодических издания: Лента.ру (свидетель-

ство о регистрации средства массовой информации, Эл № 77–4400 от 23 февраля 2001 г.), РИА Новости (электронное периодическое издание «РИАН.Ру», зарегистрировано в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия 13 декабря 2006 г. Свидетельство о регистрации Эл № ФС77–26602) и информационное агентство «Рос-БизнесКонсалтинг» (свидетельство о регистрации средства массовой информации: № 03253 от 23 апреля 1999 г.). Пользователю достаточно лишь воспользоваться поисковой системой одного из указанных сайтов и ввести в программу ссылку на интернет-страницу со списком статей по выбранной тематике. На выходе программы пользователь получает таблицу Excel, которая содержит в себе ссылку на статью, наименование сайта, дату публикации, название статьи и рубрику, к которой относится данная статья на сайте.

Вторая программа анализирует заголовки сообщений СМИ. На выходе второй программы пользователь получает матрицу, записанную в таблицу Excel. В первом столбце находятся все слова, которые есть в массиве заголовков. В последующих столбцах ставится 1 или 0 в зависимости от того, есть это слово в указанном заголовке или нет. В дальнейшем на основе матрицы, полученной в ходе выполнения программы, строится нейросеть, которая на основе наличия или отсутствия слова в заголовке делает прогноз о тематике и знаке заголовка.

Тематика определяется на основе методики расчета стоимости территориального бренда С. Анхольта — известного британского исследователя. В классификации присутствуют следующие категории: люди, экспорт, туризм, культура, власть, инвестиции и иммиграция. Второй признак — знак — может быть положительным или отрицательным, т. е. заголовок статьи с положительной или отрицательной стороны характеризует имидж региона.

Таким образом, программное обеспечение способно облегчить рутинную работу исследователя по сбору информации. База сообщений СМИ, содержащая в себе данные по нескольким изданиям за несколько месяцев, создается буквально за считанные минуты. А классификация заголовков сообщений СМИ становится более формализованной и точной, так как основную работу выполняет не субъективный человек, а компьютер.

На данный момент обе программы проходят стадию тестирования, после которой они будут использованы при анализе имиджа Алтайского края и других регионов Российской Федерации в средствах массовой информации.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Социологический энциклопедический словарь / редактор-координатор Г. В. Осипов. М., 2000.
2. Тарасова Е. В. Имидж Алтайского края как фактор развития миграционных процессов // Дневник Алтайской школы политических исследований. Современная Россия и мир: альтернативы развития (международный имидж России в XXI веке) : материалы международной научно-практической конференции / под ред. Ю. Г. Чернышова. Барнаул, 2007.
3. Беликова Е. В. Алтайский край: аграрный регион или новый Лас-Вегас? // Дневник Алтайской школы политических исследований. Современная Россия и мир: альтернативы развития (роль российских регионов в формировании имиджа страны) : материалы международной научно-практической конференции / под ред. Ю. Г. Чернышова. Барнаул, 2008.
4. Крестинина Е. С. Москвич как «внутренний другой»: репрезентация образов Москвы и москвичей в СМИ других регионов РФ // Дневник Алтайской школы политических исследований. Современная Россия и мир: альтернативы развития (роль российских регионов в формировании имиджа страны) : материалы международной научно-практической конференции / под ред. Ю. Г. Чернышова. Барнаул, 2008.
5. Козулин В. Н. Что знают на Западе об Алтайском крае и о Барнауле // Дневник Алтайской школы политических исследований. Современная Россия и мир: альтернативы развития (роль российских регионов в формировании имиджа страны) : материалы международной научно-практической конференции / под ред. Ю. Г. Чернышова. Барнаул, 2008.

С. В. Рзаева (Барнаул)

МИГРАЦИОННЫЕ УСТАНОВКИ БЕДНЫХ СЕЛЬСКИХ ЖИТЕЛЕЙ

(на примере Алтайского края и Республики Алтай)

Несмотря на то, что проблема бедности признана одной из ключевых для современной России, исследована она недостаточно. Особенно это относится к проблеме сельской бедности. Если вопросам городской бедности посвящены широкомасштабные исследования

и специальные монографии, то информация о сельской бедности сводится, как правило, к публикуемым Госкомстатом показателям выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств. Некоторые данные о масштабах и механизме воспроизводства сельской бедности получены в рамках мониторинга Земельного проекта и проекта «Повышение доходов и обеспечение занятости сельского населения». Результаты этих обследований, касающиеся доходов сельских домохозяйств, опубликованы в российской печати. Но в целом исследование сельской бедности можно считать крайне фрагментарными, а информационную базу таких работ — недостаточной (Родионова Г. А. Сельская бедность в России // Мир России. 2000. №3. С. 128).

Данная статья рассматривает одно из следствий озвученной социальной проблемы — миграционные установки бедных жителей. Данные установки, реализуясь бедными сельскими жителями, представляют собой способ выхода из той неблагоприятной ситуации, в которой они оказались.

Информационная база исследования включает результаты выборочного опроса 500 бедных сельских жителей Алтайского края и Республики Алтай; результаты экспертных опросов методом полустандартизированного и глубинного интервью (68 экспертов — руководителей федеральных, региональных и муниципальных органов управления, общественных организаций и предприятий агропромышленного профиля).

Анализ полученных данных показал, что 23,4% бедных от общей выборки опрошенных желают сменить место жительства. Из них 56,4% хотели бы сменить место жительства, но нет возможности. Это обусловлено различными причинами, такими как отсутствие денег на переезд (83,3%), здоровья (25,8%), возраст (19,7%), неуверенность, неустроенность после переезда (6,1%), отсутствие работы на новом месте и жилья получили одинаковые оценки среди опрошенных (1,5%).

Среди тех, кто не указал какие-либо препятствия, 15,4% планируют уехать в город своего края (республики), 10,3% еще не знают, куда именно, но обязательно уедут, 6,8% — в другой регион России. Наиболее привлекательным для бедных потенциальных мигрантов является Краснодарский край. На остальные регионы приходится не более 0,13% потенциальных бедных мигрантов (это такие субъекты, как Приморский край, Урал, Кемеровская область). Около 10% планируют сменить место жительства в пределах сельской местности, так, 6% хотели бы сменить место жительства в пределах своего села, 2,6% — уехать в другое село другого района, 1,7% — в другое село того же района, в котором живут, и 0,9% — в другую страну.

Причины, которые стимулируют миграционные намерения сельских жителей, разнообразны. Первое место среди причин занимает отсутствие в селе рабочих мест (47,2%). Данный вопрос детализирован в анкете, что позволяет увидеть следующие результаты: сельских жителей стимулирует отсутствие прежде всего хорошо оплачиваемой работы (60,5%), а также работы как таковой (34,5%), работы, подходящей по специальности (19%), работы по состоянию здоровья (10,3%).

По материалам глубинного интервью, по мнению экспертов-представителей региональных органов власти, главной причиной миграции молодежи является отсутствие рабочих мест:

Надо сказать, что 90% молодежи на селе никак не связывают свою жизнь с селом. Это только если может быть крепкое фермерское хозяйство и сумел с раннего возраста подготовить его как специалиста (сына). Он может продолжить дело отца. Но 90% связывают все равно свое будущее только с уездом куда-то за пределы. Потому что никаких рабочих мест в селе нет (бывший руководитель законодательного органа управления регионом).

Следующим стимулирующим фактором является улучшение материального положения семьи (40,8%), отсутствие перспектив для (будущих) детей (40,8%). По материалам глубинного интервью, по мнению экспертов — представителей региональных органов власти, эта причина играет немаловажную роль в формировании миграционных установок:

Я знаю, мало-мало выбиваются в люди в деревне. Он немедленно собирается и переезжает в город. И своим ребятишкам он загодя наказывается: «Ты, вот, закончил школу, давай определяйся», сейчас у нас даже быков нету, раньше угрожали: «Пойдешь быкам хвосты крутить!» (уполномоченный по правам человека в регионе).

Далее в качестве причин указываются жилищные проблемы, отсутствие коммунальных удобств (24% опрошенных):

Для молодежи самое главное — это жилье и это, безусловно, работа. И в этих направлениях в Алтайском крае, в частности, идет у нас развитие тех программ, которые есть. Это «Жилье — молодежи села» — программа работает. И создаются через службу занятости рабочие места. Эти два направления достаточно эффективны. При социальной ответственности самого молодого человека и при профессиональных навыках и желании работать (руководитель органа социальной защиты региона).

Неблагоустроенность поселения (23,2% респондентов), по материалам глубинного интервью и мнению экспертов — представите-

лей региональных органов власти, данная причина играет немаловажную роль при формировании желания покинуть село:

...должны быть условия для более интенсивного труда с тем, чтобы получать более высокий заработок и решить свои социальные проблемы. Но если в селе нет школы, нет медпункта, даже эти условия не будут влиять на закрепление молодежи. Молодежь все равно уйдет... О будущем все равно каждый человек думает. Уж если не о своем, то о будущем детей (уполномоченный по правам человека в регионе).

В качестве причин также указывались улучшение медицинского обслуживания (11,2%), получение профессионального образования (8%) и семейные обстоятельства (9,2%).

Таким образом, материальный фактор является ведущим среди всех остальных при формировании миграционных установок сельских бедных. Это проявляется в таких причинах, как отсутствие рабочих мест, улучшение материального положения, отсутствие перспектив для (будущих) детей и т. д.

При рассмотрении материального положения семей бедных потенциальных мигрантов и причин формирования их миграционных установок немаловажным является статус занятости. Значительная часть сельских бедных, которые хотят сменить место жительства, являются студентами, учащимися и безработными. Это соответствует главной причине формирования миграционных установок сельских бедных — отсутствие рабочих мест.

Принимая во внимание время, длительность проживания бедных потенциальных мигрантов в населенном пункте, мы получили следующие результаты: желание сменить место жительства характерно в большей степени для тех, кто проживает в сельской местности длительное время. Так, 51,2% потенциальных мигрантов с рождения проживают в селе, 33% проживают более 10 лет, 6,8% — от 1 года до 5 лет, 5,9% — от 5 лет до 10 лет, 2,6% — до одного года.

Учитывая, что среди бедных потенциальных мигрантов есть те, кто живет не с рождения в населенном пункте, мы обратили внимание на то, где они проживали раньше (до переезда в обследуемый населенный пункт). Около половины бедных мигрантов приехали из других сел России (50,8% опрошенных), из городов (26,3%), из села — районного центра России (8,8%), из села — районного центра стран ближнего и дальнего зарубежья (8,8%), остальные мигранты прибыли из городов, поселков городского типа стран ближнего и дальнего зарубежья (3,5%), поселков городского типа России (1,8%).

Таким образом, значительная часть бедных сельских жителей желает покинуть сельскую местность (23,4%), из них около половины хотели бы, но не имеют возможности. Главные причины желания сменить место жительства — отсутствие рабочих мест в селе, улучшение материального положения, отсутствие перспектив для (будущих) детей. Отсутствие рабочих мест в селе является главной причиной, так как значительная часть бедных потенциальных мигрантов — безработные. Место и время проживания бедных мигрантов не влияют на миграционные установки бедных сельских жителей, так как желание сменить место жительства встречается в равной степени как среди коренных сельских жителей, так и среди недавно проживающих. И женщины, и мужчины в равной степени желают покинуть сельскую местность. Среди потенциальных мигрантов наибольшее желание сменить место жительства проявляют лица среднего и старшего трудоспособного возраста, но молодежь не уступает количественно по этому показателю. Подводя итоги вышесказанному, стоит отметить, что дальнейшее детальное изучение сельской бедности, ее причин и следствий позволит разработать «точечные» рекомендации, которые будут направлены на «болевы» точки сельских поселений.

С. А. Старченко (Барнаул)

ОТНОШЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ БАРНАУЛА К УЧАСТИЮ В СУДЕ ПРИСЯЖНЫХ ЗАСЕДАТЕЛЕЙ

Институт суда присяжных не был единодушно принят в российском обществе, однако достаточно прочно утвердился в отечественной судебной системе, стал неотъемлемой ее частью. Широкие дискуссии, которые ведутся на данную тему, только подтверждают это.

В Алтайском крае суд с участием присяжных заседателей введен в 1993 г., к настоящему времени накоплен уже определенный опыт работы присяжных коллегий. Всего краевым судом рассмотрено с участием присяжных заседателей более 200 уголовных дел в отношении почти четырех сот лиц. Количество присяжных заседателей, вошедших в коллегии по уголовным делам, рассмотренным Алтайским краевым судом с 1994 по 2008 г., составило 2 тыс. 833 чел. [1].

Так как гражданам Российской Федерации предоставляется возможность участия в системе правосудия в качестве присяжного заседателя, то необходимо исследовать отношение населения страны

к данной возможности. Такое исследование было нами проведено весной 2011 г. в Барнауле, в его рамках были опрошены потенциальные участники суда с участием присяжных заседателей.

В ходе исследования было опрошено 118 чел. в возрасте от 25 до 65 лет. Респондентам был задан ряд вопросов, направленных на выявление знаний о суде присяжных заседателей, на определение их отношения к существованию данной формы суда вообще и непосредственно желания участвовать в нем. В результате были получены следующие данные. На вопрос: «Слышали ли вы что-нибудь о суде присяжных заседателей?» 62% респондентов ответили утвердительно, 37% что-то слышали о нем и только 1% респондентов о суде с участием присяжных заседателей не слышали ничего. Казалось бы, картина очень даже благоприятная, практически все респонденты знают о существовании суда присяжных заседателей. Однако указать число присяжных в коллегии были готовы 60% опрошенных, а правильно указали 52% респондентов. Указать возраст, с которого отбираются претенденты в присяжную коллегию, не вызвало затруднений лишь у 33% опрошенных. Правильно же указали возраст только 17% респондентов.

Что касается отношения барнаульцев к суду присяжных в целом, то оно неоднозначно: по мнению 29% опрошенных суды с профессиональным судьей заслуживают большего доверия, чем суды с участием присяжных заседателей, по мнению 12%, большего доверия заслуживают суды присяжных, остальные либо затрудняются отдать предпочтение той или иной модели судопроизводства (22%), либо полагают, что те и другие суды заслуживают доверия в равной мере (37%).

21% ответивших считают, что отбирать присяжных нужно с 30 лет, 20% согласны с действующим законодательством и указали возраст 25 лет, 15% респондентов считают, что в коллегию нужно отбирать людей не младше 35 лет. На наш взгляд, идея о повышении возрастной планки при отборе присяжных имеет место в настоящее время.

На вопрос: «Хотели бы вы участвовать в суде присяжных?» 57% опрошенных ответили отрицательно и лишь 14% хотели бы попасть в присяжную коллегию. На вопрос же «Пойдете ли Вы на суд в качестве присяжного заседателя, если вас пригласят?» 31% ответили, что обязательно пойдут, остальные же либо попытаются найти причины, чтобы не идти (41%), либо не пойдут ни при каких обстоятельствах (28%). 50% респондентов указали, что вообще не знали о том, что могут стать участниками присяжной коллегии.

Просьба назвать дела, рассматриваемые с участием присяжных, привела респондентов в тупик. Указать судебные процессы с участием присяжных заседателей, о которых слышали в последнее время,

смогли всего 4% респондентов, среди которых 2% указали дело Аракчеева, а 2% — те дела, которые «показывают по первому и второму каналам», у 96% данный вопрос вызвал затруднения. Катастрофические результаты: практически никто из респондентов ничего не знает о судебных процессах с участием присяжных, в то время как значительная часть населения попадает в списки присяжных.

Также мы попросили респондентов указать причины, которые на их взгляд заставляют людей принимать участие в суде в качестве присяжного заседателя. Главными причинами респонденты отметили гражданский долг (48%), отсутствие других дел (43%), жажда справедливости (36%), личный интерес (35%) и денежное вознаграждение (25%).

В целом в результате исследования мы выяснили, что большинство опрошенных жителей Барнаула не желают участвовать в суде в качестве присяжного заседателя, боясь решать судьбу человека, боясь, что это займет много времени (стоит отметить, что данное опасение вполне оправдано) и могут возникнуть проблемы на работе. Но, несмотря на это, большая часть полагает, что такая форма суда для России подходит. В итоге получается, что граждане, с одной стороны, не против суда присяжных (хотя у него и много противников), а с другой стороны, сами лично в нем участвовать не хотят. Четко видна незаинтересованность населения в данной форме судопроизводства. Частично данная ситуация складывается по причине отсутствия информации (или ее недостаточности) о деятельности суда с участием присяжных заседателей. Возможно, нужно придавать большей огласке судебные процессы с участием коллегии присяжных, чтобы граждане видели, что участие в суде присяжных — реальность, а не только телевизионное шоу.

Во многих зарубежных странах с действующим судом присяжных формированием коллегий присяжных занимается специально созданный для этого орган. Для оптимизации деятельности суда с участием присяжных заседателей подобный орган необходим и в нашей стране, который вначале можно внедрить в нескольких регионах в качестве эксперимента, как это было и с судом присяжных в 1993 г. О необходимости создания такого центра говорит в своей диссертации А. И. Жидких, считая, что учредителями данного центра могут стать равно заинтересованные в его существовании стороны, а именно: Алтайский краевой суд, краевая прокуратура, Краевая ассоциация адвокатов, социологический и юридический факультеты Алтайского государственного университета. [2]. На наш взгляд, подобный центр будет способствовать развитию суда с участием присяжных заседа-

лей, с его помощью население будет более информировано о данной форме судопроизводства, возрастет интерес к суду присяжных, также более качественно будет организована деятельность всех участников суда присяжных заседателей.

Необходимо внести поправки в Трудовой кодекс РФ, регулирующий отношения работодателей и членов присяжных коллегий, чтобы по завершению судебного процесса присяжному не нужно было заниматься поисками нового места работы и решать другие проблемы.

Суд присяжных в настоящее время необходим в первую очередь как форма демократизации общественных отношений в целом, так и судопроизводства в частности, суд присяжных также является универсальной формой контроля общества за государственной судебной системой, что тоже немаловажно.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Алтайский краевой суд [Электронный ресурс]. URL: <http://kraevoy.alt.sudrf.ru>.
2. Жидких А. И. Механизм функционирования суда присяжных как социального института: по материалам социологических исследований суда присяжных Алтайского края в 2000–2001 гг. : дис. ... канд. соц. наук. Барнаул, 2001.

Д. М. Титов (Барнаул)

ГОСУДАРСТВЕННАЯ СЕМЕЙНАЯ ПОЛИТИКА, ПРОВОДИМАЯ ПАРТИЕЙ «ЕДИНАЯ РОССИЯ»: ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ И ЭФФЕКТИВНОСТЬ

При анализе государственной семейной политики в нашей стране важным моментом является рассмотрение основных мер государственной семейной политики, предлагаемых различными политическими партиями. Важнейшей партией в рассмотрении этого вопроса является «Единая Россия», так как именно она имеет реальную власть не только предлагать определенные меры, но и исполнять их. Приоритеты и основную направленность взглядов партии мы можем проследить в опубликованных официальных программах, манифестах партии, а также в предлагаемых партией законодательных инициативах. Итак, проанализируем, что «партия власти» предлагала, предлагает и что она сделала в области семейной политики.

Рассматривая предвыборную программу политической партии «Единая Россия», принятую 20 октября 2003 г., можно отметить следующие направления семейной (и в целом социальной) политики: *Доступное жилье*: «Сегодня в России жилую площадь более 30 кв. м на каждого члена семьи имеет только 3% семей. Новое жилье недоступно для значительной части населения страны. Необходимо, чтобы покупка жилья была доступна обычному работающему человеку со средней зарплатой. Мы планируем одновременно снижать цены на жилье и развивать кредитование (обычное и ипотечное) тех, кто нуждается в жилье. Ипотека и долгосрочный недорогой кредит — основные методы решения жилищной проблемы, принятые во всех развитых странах. В России они тоже станут основными. Мы планируем снизить проценты по ипотеке, сделать ее доступной для большинства населения. Одновременно мы намерены принять комплекс мер для снижения цен на жилье. Этого можно достичь, развивая строительный сектор»;

Создание в стране привилегированной категории населения — детей: «Мы акцентируем внимание на трех пунктах: 1) защита материнства (отцовства): увеличение отпуска по уходу за ребенком до 6 лет (с сохранением трудового стажа). Повышение пособий беременным и кормящим матерям; 2) борьба с детской безнадзорностью: стимулирование создания семейных детских домов и кадетских корпусов для сирот; 3) борьба с подростковой преступностью: создание сети социально-реабилитационных центров».

Преодоление бедности: «Мы выступаем за повышение социальных выплат, в том числе пенсий, до уровня не ниже прожиточного минимума. Мы намерены уже в ближайшие годы добиться резкого увеличения заработной платы за счет роста доли оплаты труда в ВВП» [<http://news.babr.ru>].

В предвыборной программе всероссийской политической партии «Единая Россия» 2007 г., читаем: «Наши приоритеты в сфере охраны здоровья — защита материнства и детства, обеспечение нового качества медицинского обслуживания на основе внедрения передовых технологий в отечественное здравоохранение, всеобщей диспансеризации населения, снижение смертности за счет повышения транспортной безопасности и профилактики социально опасных заболеваний, создание условий для массового занятия физической культурой и спортом».

«Единая Россия» намерена создать все необходимые социальные, финансово-экономические и законодательные условия для увеличения рождаемости. Это усиление материальной поддержки семей,

имеющих детей. Это помощь женщинам, пожелавшим продолжить работу после рождения ребенка. Это приоритетное развитие секторов медицины, связанных с охраной репродуктивного здоровья будущих матерей и отцов. Это ликвидация беспризорности путем развития сети семейных интернатов. Наконец, это создание благоприятного «жизненного пространства» для рождения и воспитания детей. «Единая Россия» дает старт программе массового строительства односемейных домов в пригородах и на селе, что станет ядром для решения как жилищной, так и демографической проблемы. Сокращение численности населения России будет остановлено [<http://old.er.ru>].

Следует сказать, что «Единая Россия» в своих программах мало места уделяет конкретике, даже если сравнивать ее с программами других партий. Например, обещая «создать благоприятное „жизненное пространство“ для рождения и воспитания детей», партия власти не указывает критериев отнесения жизненного пространства к благоприятному для решения демографических задач, а также реальных путей его формирования.

14 октября 2011 г. «Единая Россия» опубликовала «программное обращение», составленное из реплик выступлений президента Дмитрия Медведева и премьер-министра Владимира Путина на партийном съезде. Документ напоминает, по мнению экспертов Газеты.ру, на текст эпохи Л. И. Брежнева и согласуется с предчувствиями грядущего застоя.

Д. А. Медведев определил семь стратегических приоритетов политики правительства, одним из которых было выполнение социальных обязательств. В. В. Путин, в свою очередь, поставил цель по выходу России в число пяти крупнейших экономик мира и предложил повысить с 10 октября зарплаты работникам бюджетной сферы на 6,5% [<http://er.ru>].

Проследим, что реально было сделано партией «Единая Россия» из программных заявлений, касающихся государственной семейной политики. «Единая Россия» — это «партия власти», поэтому к тому, что реально происходит в области семейной политики в стране, она имеет непосредственное отношение. Берем отдельные фрагменты из принятых программ партии и проанализируем их выполняемость.

Так, в предвыборной программе Политической партии «Единая Россия», принятой 20 октября 2003 г., намечен «комплекс мер для снижения цен на жилье».

Проследим реальную динамику цен на жилье в нашей стране. С 2003 по 2010 г. цены на вторичном рынке жилья по Российской Фе-

дерации повышались, за исключением 2009 г. (что связано с кризисом) [<http://www.gks.ru>].

Далее в программе: «Мы планируем снизить проценты по ипотеке, сделать ее доступной для большинства населения».

В вопросе стоимости ипотеки нашу страну опередили такие государства, как Албания, Никарагуа и Ливан.

Компания «Penny Lane Realty» на основе данных, опубликованных Европейской ипотечной федерацией, международными банками и ипотечными брокерами, составила рейтинг стоимости ипотечного кредита в 60 странах. При составлении рейтинга учитывалась средняя процентная ставка, платежи за открытие и ведение ссудного счета, стоимость жилья, а за основу расчетов был взят кредит в размере 122250 евро (5 млн руб.) на 20 лет с первоначальным взносом от 30 до 40% от общей стоимости квартиры. Выяснилось, что Россию в этом списке из 60 стран можно поставить лишь на 47 место. При средней процентной ставке в 11,5%, с ежемесячным платежом в 1097 евро и переплатой по процентам 141097 евро, полная стоимость кредита составит 263348, или 215%. Таким образом, россиянин за 20 лет должен выплатить сумму в размере 250% от начального кредита в отличие от гражданина Дании, занимающей в рейтинге 1-е место. Учитывая, что среднемесячный доход на душу населения в России в 2010 г. составил 464,2 евро (18552,6 руб.), а в Дании — 4334,9 евро, получается, что среднестатистический житель Дании тратит на ипотеку всего 13% ежемесячного дохода, в то время как среднестатистическому россиянину на ежемесячную выплату по ипотеке едва хватит трех зарплат [<http://www.rb.ru/topstory/business/2011/05/26/191553.html>].

Далее в программе «Единой России» говорится: «Мы намерены уже в ближайшие годы добиться резкого увеличения заработной платы».

«Финэкспертиза» отследила динамику роста заработных плат в российских регионах за период с 2006 по 2010 г. Согласно данным отчета, за пять лет заработная плата в России увеличилась почти в два раза [<http://expert.ru/2011/11/10/kto-vseh-bogache>].

Таким образом, государственная семейная политика партии «Единая Россия» носит комплексный характер, основными направлениями этой политики являются улучшение жилищных условий семей, повышение уровня их материального благосостояния, повышение рождаемости, а также защита и поддержка материнства, отцовства и детства в Российской Федерации. Несмотря на всю серьезность и конструктивность заявлений партии «Единая Россия», в целом положение семьи в стране за последние 8 лет по большинству из выделенных на-

правлений существенно не улучшилось: жилье как дорожало, так и дорожает; доступность ипотечного кредита далека от желаемого; численность населения в России продолжает уменьшаться. Одним из многочисленных реальных успехов семейной политики в этот период можно признать «материнский капитал». В программном заявлении руководители партии «Единая Россия» особо подчеркнули необходимость исполнения взятых социальных обязательств, что позволяет смотреть на перспективы реализации семейной политики с некоторым оптимизмом.

О. С. Тихонова (Барнаул)

ОТНОШЕНИЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ БАРНАУЛА К ПРОЦЕДУРЕ МЕДИАЦИИ

С 1 января 2011 г. в Российской Федерации вступил в силу Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)». Данная процедура позволяет цивилизованным и оперативным путем урегулировать споры, возникающие из гражданских правоотношений, в том числе в связи с осуществлением предпринимательской и иной экономической деятельности, а также спорам, возникающим из трудовых и семейных правоотношений.

Процедура медиации является альтернативой судебному разбирательству и призвана разгрузить судебную систему. Специфика медиации как альтернативного способа разрешения споров заключается в следующем: непосредственное участие сторон конфликта в выработке и принятии взаимовыгодного решения, стоимость процедуры ниже стоимости судебного разбирательства, конфиденциальность, время рассмотрения — не более 60 дней (кроме случаев, предусмотренных ФЗ), гибкость процесса, возможность прекращения процедуры в любой момент, отсутствие коррупционной составляющей.

По мнению председателя Третейского суда для разрешения экономических споров РФ Евгения Суханова, чтобы в России привлечение посредника к разрешению конфликта стало системой, необходимо три условия: готовность предпринимателей использовать альтернативные методы разрешения споров, наличие специалистов по урегулированию конфликтов и поддержка государства.

Остановимся подробнее на одном из этих условий, а именно — готовности предпринимателей использовать альтернативные методы разрешения споров.

Альтернативные способы разрешения споров обладают рядом преимуществ, однако на сегодняшний момент востребованы такие способы далеко не в полной мере и не во всех сферах, где они могут и должны применяться. На данном этапе к альтернативным способам разрешения конфликтов и споров многие относятся скептически, указывая на то, что они неприменимы к российским условиям. Наше общество в силу ряда причин, по мнению некоторых специалистов, пока не готово к таким способам, поскольку не в состоянии взять на себя ответственность за принятие определенного решения. Статистика развитых стран показывает, что от 83 до 85% всех процедур медиации успешны. Более того, от 5% до 10% участников медиации приходят к результату — полному или частичному соглашению в течение короткого времени после процедуры [1]. Даже если соглашение не достигнуто, вовлечение в медиацию повышает понимание и удовлетворение сторон-участников: переговоры оказывают положительное влияние на восприятие участников и их действия в судебном процессе.

Для изучения отношения предпринимателей города Барнаула к процедуре медиации было проведено социологическое исследование. Сбор эмпирического материала осуществлялся в марте-апреле 2011 г.

Для проведения экспертного опроса были выбраны две категории специалистов: сотрудники обучающих центров и преподаватели факультета социологии АлтГУ, осуществляющие подготовку потенциальных медиаторов, а также специалисты, которые непосредственно осуществляют процедуру медиации для своих клиентов или готовы ее проводить. В качестве основного метода сбора информации было использовано формализованное интервью предпринимателей Барнаула.

Итак, по поводу того, будет ли процедура медиации пользоваться спросом в Барнауле при разрешении коммерческих споров, единого мнения среди экспертов нет. И хотя большинство экспертов все-таки считают, что она станет популярна тогда, *«когда власть и предприниматели дозреют до этого»* и *«при должном информировании населения о преимуществах этой процедуры»*, есть и те, кто считает, что у процедуры медиации нет будущего не только в Барнауле, но и в России в целом.

Все эксперты знакомы с примерами применения медиации в нашем городе. Что касается вопроса о том, давно ли в Барнауле стали осуществлять эту процедуру, то чаще всего указывали на начало двухтысячных годов, однако при этом замечали, что применялась она

с тех пор в разовом порядке, в качестве эксперимента, *«систематически же до сих пор нет»*.

Наиболее успешные организации, которые осуществляют процедуру медиации на территории Барнаула, — Первое Алтайское Медиаторское Агентство (ПАМА) и Международная академия медиации. В ПАМА за все время его существования (юридически агентство зарегистрировано в апреле 2010 г.) поступило 21 обращение за проведением процедуры медиации, из них 15 процедур состоялись.

Автономная некоммерческая организация «Международная академия медиации» осуществляет свою деятельность на базе Алтайского экономического территориального суда. Проводит процедуру медиации с января 2009 г., с этого времени удалось провести 11 процедур.

По мнению председателя Алтайского третейского суда, управляющего партнера консалтинговой группы «Де-Конс» Юрия Холоденко, закон в его сегодняшнем виде — без дополняющих его положения подзаконных актов, внесения изменений в иные федеральные законы — является во многом декларативным, поскольку пока в нем не предусмотрены конкретные механизмы, которые бы способствовали тому, чтобы предприниматели и граждане были вынуждены прибегать к услугам медиации.

Для того чтобы медиация стала более популярной, по мнению председателя Алтайского третейского суда, необходимо сделать ее процедуру предшествующей рассмотрению дела в суде. Другой вариант — поднять ставки в судах, что подтолкнет стороны как-то договариваться вне суда [2].

Все организации, заявляющие, что готовы проводить процедуру медиации, занимаются сейчас оказанием различных юридических услуг, и осуществление медиации — не основная их деятельность, а одна из составляющих. Профессионально провести процедуру медиации в Барнауле могут лишь единицы.

Как было отмечено выше, в качестве основного метода сбора информации в данном исследовании выбрано стандартизированное интервью. Респондентами выступили предприниматели города.

Понятие «медиация» знакомо 54% предпринимателей, 34% респондентов что-либо слышали о данном понятии и 12% не знакомы с ним.

На открытый вопрос *«Что такое медиация?»* респонденты чаще всего отвечали, что это урегулирование споров третьим незаинтересованным лицом, решение конфликтов третьими лицами, урегулирование конфликтов при участии третьей стороны, посредничество в конфликте с целью его разрешения, технология разрешения споров и т. д.

Респонденты заявили, что конфликты в их профессиональной деятельности случаются периодически, в среднем раз в месяц, у 20% конфликтов, связанных с трудовой деятельностью, практически не бывает. Если говорить о разновидности конфликтов, то это прежде всего конфликты с бизнес-партнерами и внутриорганизационные межличностные конфликты.

Судебным разбирательством пользовались 35% респондентов (несколько раз), 65% никогда не использовали судебное разбирательство для решения своих споров.

Из тех, кто использовал судебное разбирательство для разрешения споров и конфликтов, 57% выказали частичное удовлетворение результатом, 29% скорее не удовлетворены. Одинаковое количество респондентов оценивают свой опыт участия в судебном разбирательстве как совершенно неудовлетворительный, так и полностью удовлетворительный.

Что касается осведомленности предпринимателей о принятии ФЗ № 193 «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)», то 23% заявили о полной осведомленности, 45% что-то слышали о вступлении закона о медиации в силу и 32% не знали об этом.

В качестве альтернативных методов разрешения конфликтов 37% предпринимателей назвали консультации специалиста, на втором месте находятся переговоры сторон. Четвертая часть респондентов никогда не применяла альтернативные способы разрешения конфликтов.

Большинство респондентов заинтересовались предоставленной информацией о медиации и ее преимуществах перед традиционным способом разрешения конфликтов и споров.

Предприниматели отметили преимущества медиации в сравнении с судебным разбирательством, это такие показатели, как итог процедуры медиации, меньшие временные затраты, низкие денежные издержки, меньшая психологическая напряженность и конфиденциальность процесса медиации соответственно.

Большинство респондентов заявили, что в будущем планируют использовать процедуру медиации для решения конфликтных ситуаций.

Итак, предприниматели Барнаула в большинстве своем знакомы с таким понятием, как медиация. Однако на практике предприниматели преимущественно решают возникающие конфликты традиционными способами, лишь немногие респонденты уже имеют опыт применения альтернативных способов разрешения споров и конфликтов.

И все же предприниматели высоко оценили возможности процедуры медиации и ее преимущества. Большинство из них готовы

воспользоваться медиацией в будущем. Но тут возникает проблема с кадрами, со специалистами, которые уже сегодня смогли бы оказывать данный вид услуг. В Барнауле лишь один обучающий центр по подготовке потенциальных медиаторов. На факультете социологии Алтайского государственного университета не было ни одного выпуска конфликтологов.

Таким образом, нужно комплексно подходить к вышеперечисленным проблемам на пути признания и становления процедуры медиации как альтернативного способа разрешения споров и конфликтов. Решать возникающие проблемы и трудности необходимо и для того, чтобы удалось и разгрузить судебную систему страны, и для того, чтобы привить ее населению более цивилизованные и отвечающие времени способы урегулирования конфликтов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Аллахвердова О. В. Медиация — новая коммуникативная практика в разрешении конфликтов [Электронный ресурс] URL: <http://www.jourssa.ru/2006/4/4aAllahverdova.pdf>.
2. Алтапресс [Электронный ресурс]. URL: <http://altapress.ru/story/55843>.

Т. И. Черданцева (Барнаул)

ЖЕСТОКОЕ ОБРАЩЕНИЕ С ДЕТЬМИ КАК СОЦИАЛЬНОЕ ЯВЛЕНИЕ В РОССИИ

По данным российской статистики, от двух до двух с половиной тысяч детей ежегодно погибают от домашнего насилия, около 2 миллионов несовершеннолетних в возрасте до 14 лет избивают родители, более 50 тысяч детей ежегодно убегают из дома, спасаясь от жестокого обращения, половина из них находится в розыске, около двух тысяч ежегодно сводят счеты с жизнью, более половины преступлений в быту совершается в присутствии детей, более трети всех тяжких насильственных преступлений в России совершается в семье. Число беспризорных в нашей стране продолжает расти, оно уже достигло 3–4 млн чел.

Так, в Алтайском крае, по статистике, в 2010 г. 118 детей погибли, 33 ребенка пострадали от жестокого обращения со стороны родителей и законных представителей, было совершено 371 преступ-

ление против собственности детей и подростков. Дети в Алтайском крае погибали в результате несчастных случаев, преступных посягательств и самоубийств. Были случаи массовых отравлений детей в образовательных и медицинских учреждениях. Выявлено 16513 нарушений прав несовершеннолетних [1].

Большинство дел о жестоком обращении с детьми не доходят и до милиции по разным причинам, например, в школе директор не хочет портить репутацию своего учебного заведения и оставляет случай с избиением ребенка без внимания или родители просто отказываются от показаний. Кроме того, очень низка социальная ответственность соседей, родственников — всех тех, кто может увидеть или услышать, как избивают ребенка. Многие считают, например соседи, родственники, прохожие, что проблема жестокого обращения их не касается, поэтому ее замалчивают. Да и сами дети считают, что любая семья лучше приюта, а также боятся потерять любовь немилосердных родителей [2].

Ситуация осложняется тем, что физические наказания в нашей стране в большинстве семей являются допустимой нормой. Оправдываются они чаще всего примером родительских семей или необходимостью поддержания дисциплины.

Специфика культуры воспитания в России связана с методами, которые провоцируют или поощряют насилие, в связи с чем родители педагогически не подготовлены. Не всем родителям и не всегда удается различить, где меры дисциплинарного воздействия, без которых не обойтись, а где жестокое обращение. Границы между приемлемым и неприемлемым поведением по отношению к детям не всегда ясны или четко установлены.

Жестокое обращение с детьми осознается как социальная проблема далеко не везде и не всегда. Исследования свидетельствуют о толерантности общественного мнения в отношении к телесному наказанию.

Как показывает исследование, в большинстве случаях люди слабо информированы о проблеме домашнего насилия над детьми, толерантно относятся к этому явлению, не знают о тех инстанциях и специалистах, которые оказывают помощь в трудной жизненной ситуации.

Для того чтобы защитить детей, необходимо пересмотреть культуру воспитания, поменять общественное мнение о проблеме жестокого обращения с детьми, изменить сложившиеся стереотипы. В нашей стране делаются первые шаги по изменению отношения общества к проблеме жестокого обращения с детьми.

Чтобы жестокое отношение не оставалось за закрытой дверью, а пострадавшие от насилия дети могли получать своевременную помощь, в России в 2010 г. начала свою работу общенациональная кампания противодействия жестокому обращению с детьми — «Россия без жестокости к детям». В нее активно включаются регионы Российской Федерации, в том числе и Алтайский край, а также образовательные и медицинские учреждения, средства массовой информации, граждане, неравнодушные к данной проблеме.

В рамках общенациональной кампании противодействия жестокому обращению с детьми «Россия без жестокости к детям» по всей стране проводятся мероприятия, направленные на повышение уровня информированности населения об этой проблеме, привлечение внимания к проблеме жестокого обращения с детьми, изменение общественного сознания, способствующее неприятию насилия в любой форме, и т. д. Алтайский край один из первых присоединился к движению «Россия — без жестокости к детям!» [1].

Также с 2009 г. в Алтайском крае действуют четыре краевые целевые программы, направленные на профилактику детского неблагополучия, успешно реализуются при софинансировании Фонда поддержки детей, находящихся в трудной жизненной ситуации. В рамках краевых программ получают распространение социальные технологии, предотвращающие изъятие ребенка из семьи, современные методы раннего выявления фактов жестокого обращения с детьми. Созданы ресурсные центры, оказывающие методическую, информационную и образовательную поддержку специалистам ведомств социальной сферы. С 1 сентября 2010 г. в крае действует единый *детский телефон доверия*, развивается система оперативного реагирования на факты насилия по отношению к детям.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. За прошлый год на Алтае погибли 118 детей, жертвами преступлений стали 1193 ребенка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.amic.ru/news/150846/>
2. Ярская-Смирнова Г. Р., Романова П. В., Антонова Е. П. Домашнее насилие над детьми: стратегии объяснения и противодействия // Социологические исследования. 2008. № 1.

А. В. Шумкова (Орел)

ОБЪЕКТИВНЫЙ ВЗГЛЯД СОЦИОЛОГИИ НА МИР

Знания об обществе стали формироваться в незапамятные времена, когда человек только начал осознавать свою включенность в группу и зависимость от отношения и поведения других людей. Организация жизнедеятельности и воспроизводства все более сложных сообществ (от племен до государств) вызывала необходимость как-то обобщать и «функционализировать» представления об устройстве общества как объекта управления и о природе человека как адресата, организующего воздействия вождей и политической манипуляции элит.

Представляя собой обширную, постоянно развивающуюся в разных направлениях область исследований социальных организаций, событий и явлений, социология совершенствует искусство познания коллективной человеческой природы, строения социальных систем и конструирования новой общественной реальности. Эта наука достигла многого в изучении, интерпретации (объяснении, трактовке), моделировании и конструировании социальных процессов. Поэтому современная социология весьма многолика, а в разных ее аспектах ее можно рассматривать как науку, искусство, технологию.

Социология называется так благодаря своему создателю Огюсту Конту (1798–1857). Термин «социология» состоит из двух корней. Первый происходит от латинского *societas*, т. е. «общество», второй — от греческого *logos*, означающего в узком смысле «слово», а в широком — «учение», «наука». Таким образом, термин «социология» переводится как «наука об обществе». Следовательно, объектом изучения социологии, как и других общественных, социальных наук, является общество.

Общество — настолько сложный объект, что одной науке изучить его не по силам. Человеческое общество изучают и другие общественные и гуманитарные науки, например философия, история, экономика, политология и др. Каждая из них изучает свою сферу общества, т. е. имеет свой предмет исследования.

Термин «социология» ввел в 30-е гг. XIX в. Огюст Конт, которого и считают отцом-основателем новой научной дисциплины. По его представлениям, социология должна была интегрировать (объединить) все знания об обществе как едином организме и дать им подлинно научную (т. е. построенную на строгом изучении и проверке фактов) основу.

Иными словами, социология возникала из стремления к изучению общества как целостной системы; изучение общества позитив-

ным (научно-инструментальным) методом. Она должна была отличаться от философии, которая подходила к изучению общества умозрительно, спекулятивно, а не путем строгого анализа фактов и научных обобщений; а также от психологии, которая интересовалась индивидуальными, а не типическими проявлениями социального поведения и взаимодействия [1, с. 8].

Через довольно короткий промежуток времени социологи (еще в прошлом веке) поняли, что могут:

- либо изучать общество как целостную систему, и тогда они вынуждены широко применять умозрительный подход;
- либо изучать общество строго научными средствами, и тогда они не охватывают всю его целостность, а анализируют только малые сообщества, отдельные явления или процессы.

Макс Вебер (1864–1920) считал предметом социологии так называемое социальное действие, т. е. такое, которое соотносится с действиями других людей, ориентируется на них. Предмет социологии у М. Вебера субъективируется, «привязывается» к человеку.

Эмиль Дюркгейм (1858–1915) пошел по другому пути. Он объявил предметом науки об обществе социальные факты, под которыми он понимал нормы, законы, ценности, представления людей, общественные институты, организации и вообще идеи, материализованные в виде, например, зданий, сооружений и т. д. Каждое поколение индивидов составляет свой набор социальных фактов, который и определяет поведение людей. Подход Э. Дюркгейма к предмету социологии носит объективный, не зависящий от конкретного человека характер.

Подходы М. Вебера и Э. Дюркгейма объединяет то, что они, как и подавляющее число других социологов, считают поведение человека в обществе обусловленным связями, которые он имеет с окружающими его людьми и предметами, его предыдущим опытом общения, образованием, воспитанием, местом в общественной жизни, общественных институтах и т. д.

В русской традиции социология часто мыслится как наука, исследующая и духовные проблемы общества, его духовные ценности. Вспомним работы Н. Кареева, М. Михайловского, П. Сорокина и других российских социологов.

История мировой социологии доказывает, что одинаково весомый вклад в ее развитие внесли как направления, ориентирующиеся на сциентизм (количественная методология, операционализация понятий, эмпирическая проверка гипотез), в частности структурный функционализм, так и направления, ориентирующиеся на гуманизм (признание неустранимости человеческого воздействия на процесс позна-

ния, подчеркивание главенствующей роли ценностей духовного начала, экзистенциальности бытия человека и т. д.), как, например, символический интеракционизм, феноменологическая социология [2, с. 9].

В изучении социальных явлений и процессов социология основывается на принципах историзма. Это означает, что, во-первых, все социальные явления и процессы рассматриваются как системы, обладающие определенной внутренней структурой; во-вторых, исследуется процесс их функционирования и развития; в-третьих, выявляются специфические изменения и закономерности перехода их из одного качественно-го состояния в другое. Наиболее общей и сложной социальной системой является общество, а ее элементами — люди, социальная деятельность которых обуславливается определенным социальным статусом.

Рассматривая социологию как искусство познания социальной реальности, мы не можем игнорировать вопрос о канонах (традициях) теоретического отображения накопленных знаний. Тем более, что точка в этом историческом споре еще не поставлена.

Социология формировалась альтернативным путем: отвергая философские методы, она разделяла обобщенный подход к предмету и, отрицая психологические «частности», перенимала точный инструментарий исследования человеческих отношений и группового поведения. Новую область знания ученые создавали, отталкиваясь от «недостатков» давно сложившихся наук.

Это было время становления и развития промышленного производства, формирования национальной государственности, гражданского общества в Европе и Америке. Это было время социальных революций. На фоне колоссальных перемен в общественном устройстве и образе жизни становилось ясно, как незначителен и жалок отдельный человек в обществе, где «овцы поедают людей» и падают отрубленные головы монархов. Социология выросла на методологических основах социоцентризма.

Но прошло время, и за концептуальным фасадом социоцентрических теорий обнаружилась пустота и оторванность от реальной жизни: ведь если «единицы» считать «нулями», то теория никогда не сойдется с практикой. Социология стала гуманизироваться, опираясь на человекоцентрированные подходы.

Этому способствовало изменение самих социальных отношений, которые в современную эпоху выявили прагматическую ценность отдельного человека, рассматриваемого как «важнейший ресурс» общественного (в том числе производственного, экономического) развития. Нравственная, духовная и творческая значимость личности была подтверждена соображениями практической целесообразности

ности — и в стратегиях развития современных социальных систем сформировался заказ на «гуманизм», «мягкие» технологии социального управления, «человекоориентированную» идеологию.

Социология призвана объединять людей и страны, общественные организации и научные сообщества, интегрируя интеллектуальные усилия и направляя их на достижения ближайших и отдаленных целей сохранения человечества. Именно под этим углом зрения, как представляется, и следует трактовать известное положение Толкотта Парсонса об «интегративном состоянии» социальной системы, что и признавалось этим выдающимся социологом одной из главных функций любых состояний, структур и процессов, присущих обществу [3].

О том, что «первично» (более важно): общество или личность, — социологи спорят до сих пор, поэтому надо различать: социоцентрированные теории и человекоцентрированные теории, признавая, что истина лежит, видимо, посередине; просто методы научного абстрагирования не позволяют передать живую и неуловимую «светотень» социальной действительности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Волков Ю. Г., Мостовая И. В. Социология / под ред. В. И. Добренькова. М., 1998.
2. Добреньков В. И., Кравченко А. И. Социология : учебник. М., 2003.
3. Американская социологическая мысль: тексты / под ред. В. И. Добренькова. М., 1994.

Э. О. Эбелинг (Барнаул)

СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПОКАЗАТЕЛИ СУИЦИДОВ СРЕДИ ПОДРОСТКОВ АЛТАЙСКОГО КРАЯ

Проблема суицидального поведения в подростковом возрасте приобретает все большую актуальность в связи с тем, что на протяжении последнего десятилетия прослеживается постоянный рост суицидальной активности в этой возрастной группе.

В Алтайском крае, при общей численности населения 2 млн 508 тыс. чел., в том числе 367333 детей до 14 лет и 94557 подростков от 15 до 17 лет, что составляет 14,65 и 3,77% соответственно от все-

го населения. В структуре смертности от неестественных причин смертность детей и подростков от суицидов занимает второе место. За 2002–2010 гг. был выявлен наибольший показатель завершенных суицидов: в 2002 г. он составил 10,6 на 100 тыс. детско-подросткового населения (в абсолютных цифрах — 16 детей до 14 лет и 43 подростка от 15 до 17 лет). Однако уже в 2003 г. отмечается снижение темпов роста этого показателя: 7,6 на 100 тыс. населения. В 2004 г. имело место увеличение этого показателя 8,7 на 100 тыс. населения. С 2005 г. отмечается положительная тенденция в снижении суицидов в детско-подростковой популяции, и на 2009 г. составило 5,6 на 100 тыс. населения, что 1,8 раз меньше, чем 2002 г. За 2010 г. зарегистрировано 17 случаев суицида (трое детей и 14 подростков) — 3,8 на 100 тыс. детско-подросткового населения.

За 2006–2010 гг. в Алтайском крае возрастная структура завершенных суицидов распределилась следующим образом: 11 лет — 2 случая, 12 лет — 2, 13 лет — 6, 14 лет — 20, 15 лет — 10, 16 лет — 31, 17 лет — 68 случаев. Самый высокий показатель суицидов отмечается в возрасте 16 и 17 лет. Их удельный вес в общей численности составил 14, 22 и 49% соответственно. В случаях завершенных суицидов преобладали мальчики — 69,8% (97 чел.), у девочек — 42 случая, или 30,2% (grs.ru).

Способы суицидального поведения несовершеннолетних бывают различными в зависимости от цели — лишение себя жизни или демонстрация этого решения. При суицидальных попытках чаще применялись медикаментозные отравления, реже самоповреждения и самоповреждения.

При законченных суицидах наиболее распространенным способом является повешение и удушение — 92,2% (128 из 139), на втором месте — отравления лекарственными препаратами, газами и неуточненными ядовитыми веществами — 7 случаев (5,1%), незначительное количество случаев самоповреждения путем выстрела из огнестрельного оружия — 1 случай (0,7%), прыжка с высоты — 3 случая (2,2%).

Среди несовершеннолетних, проживающих в сельской местности, показатель самоубийств значительно выше, чем среди несовершеннолетних, живущих в городах края.

За 2006–2010 гг. в городах края детьми и подростками совершен 41 суицид, что составляет 29% от общего количества, в сельских районах — 98 суицидов (71%). Больше всего суицидов за данный период имели место в таких районах, как Бийский (5 случаев); Топчихинский, Зональный, Ребрихинский (по 4 случая); Благовещенский, Краснощековский, Завьяловский, Косихинский (по 3 случая); в городах: Бийске — 14, Барнауле — 8, Заринске — 6 и Рубцовске — 5 случаев.

Значительная часть суицидов и покушений на суицид совершается по месту жительства или рядом с ним (в 56,2% случаях).

В зависимости от времени года суициды несовершеннолетних распределены следующим образом: наибольшее число суицидов совершаются весной — 38,6% (44 случая), летом — 27,2% (31 случай), осенью — 17,5% (20 случаев) и зимой — 16,7% (19 случаев).

Приведенные данные свидетельствуют о том, что изучение особенностей суицидального поведения в подростковом возрасте вызывает интерес у суицидологов, социологов, психологов и педагогов, что говорит о многоаспектности данной проблемы. Причины, порождающие возникновение суицидального поведения в данном возрастном контингенте, многообразны. Значительную роль в формировании подростковых отклонений поведения исследователи отводят влиянию микросоциального окружения: семьи, школы, среды сверстников. Нарушение интерперсональных отношений в одной из этих сфер в большей части случаев приводят к различным подростковым реакциям в зависимости от типа личности, что, закрепляясь, формирует те или иные виды поведения [2].

Большинство исследователей отмечают, что суицидальная активность резко возрастает с 14–15-летнего возраста, достигая максимума к 16–19-ти годам. Именно подросткам свойственны впечатлительность, внушаемость, низкая критичность к своему поведению, колебания настроения, импульсивность, способность ярко чувствовать и переживать, остро реагировать на разрыв связей с друзьями, любимыми, на обострение отношений с родителями. Также у подростка не сформирована такая категория, как ценность жизни, поэтому часто возникает своеобразная «игра со смертью», основанная на импульсивных действиях, истерическом или шантажном поведении. Из-за нерасчетливости, отсутствия знаний очень велика вероятность смертельного исхода, даже если смерть не была запланирована. Отсутствие возможности предсказать последствия суицидальных действий может нанести серьезные повреждения жизненно важным органам, что впоследствии скажется на невозможности полноценного физического существования [2].

Таким образом, пик суицидальной активности отмечается в возрасте 14 лет (дети), 16 и 17 лет (подростки). Попытки самоубийства чаще предпринимают девочки, а количество завершенных суицидов больше среди мальчиков. Возможно, это связано с выбором средств для суицида — у девочек чаще лекарственное отравление, а у мальчиков и юношей — повешение. При этом важно выделить то, что у человека, принявшего попытку суицида, в дальнейшем в несколько раз повы-

шается вероятность ее повторения. Причинами суицидального поведения в подростковом возрасте исследователи чаще называют влияние микросоциального окружения: семьи, школы, среды сверстников.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Амбрумова А. Г. Аутодеструктивное поведение подростков. М., 1965.
2. Трушина Н. В., Семенченко И. В. Учителю о подростковом суициде: как избежать беды. Барнаул, 2009.

Е. В. Литвинова, В. Л. Мишина, А. В. Нарожная (Барнаул)

СОЦИАЛЬНАЯ АДАПТАЦИЯ СТУДЕНТОВ ПЕРВОГО КУРСА ПОСРЕДСТВОМ КЛУБА «COMMUNITY»

Пассивность студентов в учебной, научно-исследовательской и общественной жизни университета — одна из актуальных проблем современного вуза. У студентов нет стремления, заинтересованности в проявлении активного участия в жизни университета по разным причинам, среди которых: апатия к жизни в целом, отсутствие информации, новые социальные контакты и неадаптированность к сложившимся условиям. На наш взгляд, эту проблему необходимо начинать решать уже с первого курса, так как в это время студенты входят в новый коллектив, у них появляется много вопросов, на которые они самостоятельно не могут найти ответы. Одним из способов решения этой проблемы является создание студенческого клуба «Community», в котором не преподаватели, а сами студенты старших курсов делились бы опытом, помогали советом.

Целью создания студенческого клуба «Community» является оказание помощи студентам младших курсов в решении актуальных вопросов учебного процесса, проживания в общежитии, проведения досуга, расширения сети социальных контактов, знакомства и активного участия в жизни факультета.

Организаторы студенческого клуба «Community» ставят перед собой следующие задачи: содействовать созданию комфортной психологической обстановки в процессе обучения, реализации научных и творческих интересов студентов первого курса; популяризировать студенческую корпоративную культуру и здоровый образ жизни среди студенческой молодежи.

Целевую группу студенческого клуба «Community» составляют студенты первого курса дневного и заочного отделений.

Для организации студенческого клуба «Community» необходимо:

- во-первых, провести опрос студентов первого курса об интересующих их проблемах учебной, воспитательной и общественной жизни факультета;
- во-вторых, создать интернет-страницу на сайте факультета об информировании работы студенческого клуба «Community», реализации обратной связи со студентами первого курса;
- в-третьих, организовать и провести встречи участников студенческого клуба с предварительной подготовкой студентами первого курса вопросов для встречи анализом поступивших вопросов и подготовкой на них ответов студентами-старшекурсниками.

Организационная модель проекта представляет собой систему, включающую 3 основных элемента: 1) организаторы проекта, выполняющие следующие функции: создание актива студентов старших курсов; решение всех организационных вопросов, связанных с реализацией проекта; 2) инициативная группа студентов старших курсов: участие в обсуждении вопросов, поступивших от студентов первого курса посредством WEB-страницы или при непосредственном общении на заседании клубов, подготовка ответов на поставленные вопросы; проведение встреч клуба; 3) студенты первого курса.

Главными мотивами для участия студентов старших курсов являются: во-первых, повышение имиджа факультета и университета; во-вторых, формирование здоровой нации путем пропаганды здорового образа жизни среди студентов первого курса. А для студентов первых курсов: найти ответы на интересующие вопросы; реализовать научный и творческий потенциал.

На наш взгляд, реализация проекта студенческого клуба «Community» будет способствовать: 1) формированию у студенческой молодежи активной гражданской и жизненной позиции, социальной активности и ответственности; 2) повышению интереса у студентов-первокурсников к учебной, воспитательной и общественной жизни факультета; 3) установлению социальных связей между группами разных направлений и курсов; 4) активизации гражданской позиции, социальной активности и ответственности среди студентов первого курса; 5) приобщению студентов к здоровому образу жизни; 6) знакомству первокурсников с элементами корпоративной культуры факультета.

О. А. Иванова (Барнаул)

ТИПОЛОГИЯ СЕЛЬСКОЙ МОЛОДЕЖИ АЛТАЙСКОГО КРАЯ ПО СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИМ ПОКАЗАТЕЛЯМ ЕЕ СОЦИАЛЬНОГО ПОЛОЖЕНИЯ И СПЕЦИФИКЕ МИГРАЦИОННЫХ УСТАНОВОК

Типология сельской молодежи построена на основе проведенного типологического анализа социально-экономических показателей ее социального положения, а также специфики миграционных установок.

На основе анализа данных социологического опроса сельского населения Алтайского края в 2008 г. (исследование социальных процессов и механизмов развития социальной сферы села под руководством А. М. Сергиенко при финансовой поддержке РГНФ (проект № 07-03-00321а) и администрации Алтайского края (Госконтракт № 30-08к от 25 августа 2008 г.; N=1100 чел., в том числе 252 представителя сельской молодежи) проведен факторный анализ социально-экономических показателей социального положения сельской молодежи и ее миграционных установок на основе вопросов по самооценке материального положения. За основу взят вариант естественного разбиения совокупности признаков методом анализа главных компонент с применением метода вращения Варимакс с нормализацией Кайзера на 3 фактора (54% объясненной дисперсии).

Проведенный кластерный анализ методом K-means полученных трех факторов показал, что вариант разделения на 4 типобразующих кластера (типа сельской молодежи) дает наиболее эффективное решение с точки зрения их наполненности. Проведена содержательная интерпретация каждого типа сельской молодежи на основе социально-экономических показателей ее социального положения, а также специфики ее миграционных установок.

Первый тип — *среднеобеспеченные, готовые к переезду* (17% респондентов). Данный тип представлен преимущественно молодыми людьми, проживающими в селах до 500 жителей (93%), в возрасте до 24 лет (77%); женщинами (63%), не состоящими в браке (70%); со средним общим (27%), неполным высшим (29%) и высшим (19%) образованием. Особенности данного типа по структуре занятости является наибольшая доля (по сравнению с остальными типами) учащихся (студентов) — 56%, а также безработных (12%) и домохозяйек (7%).

Самооценка материального положения представителями данного типа преимущественно средняя (*на питание, недорогую одежду, крайне необходимые вещи и оплату коммунальных услуг денег хватает, но на покупку дорогостоящих вещей приходится долго копить*) — 86%, доля бедных и очень бедных составляет 7%. Основными источниками доходов являются: доходы от семейного подворья (51%), помощь родственников, друзей (40%) и социальные пособия (35%). Удовлетворенность своим материальным положением у представителей данного типа преимущественно средняя (49%) и ниже средней (37%).

Социальное самочувствие значительной части представителей данного типа (44%) отличается оптимизмом, уверенностью в будущем, дает благоприятные прогнозы на будущее своей семьи (*будем жить лучше, чем сегодня*). Особенностью *репродуктивных установок* представителей данного типа является *наибольшая нацеленность на рождение детей* по сравнению с другими типами (86%), преимущественно двух (44%).

Особенностями *миграционных установок* представителей данного типа является нацеленность на переезд (70%) преимущественно в другой город (район) Алтайского края (30%). При этом 23% молодых людей непременно собираются уехать из места своего проживания, окончательно не определившись, куда именно. По сравнению с другими типами сельской молодежи наиболее распространенными причинами потенциальной миграции среди представителей данного типа являются *отсутствие подходящего рабочего места* (44%), а также продолжение обучения (14%).

Второй тип — *среднеобеспеченные, оседлые* (37% респондентов) — представлен молодыми людьми, проживающими в селах с населением больше 1000 человек (93%), в возрасте старше 25 лет (56%); практически в равной степени мужчинами и женщинами; состоящими в браке, в том числе гражданском (62%); со средним профессиональным (28%) и высшим профессиональным (24%) образованием. Особенности данного типа по структуре занятости является наибольшая доля работающих по найму (72%) и самозанятых (11%).

Особенностями самооценки материального положения представителей данного типа является преобладание средних оценок (90%) при относительно высокой доле богатых и зажиточных (7%). Оценки удовлетворенности своим материальным положением у представителей данного типа несколько выше, чем у предыдущего, — средние (55%) и выше средних (23%). Основными *источниками доходов* являются: заработная плата по основному месту работы (81%) —

выше, чем у других типов; доходы от семейного подворья (37%), займы и кредиты (17%), доходы от предпринимательской и фермерской деятельности (10%).

Социальное самочувствие представителей данного типа отличается высокой долей лиц, испытывающих чувство неуверенности и даже напряженности (37%), с трудом оценивающих свое будущее и будущее своей семьи (39%).

Особенностями *репродуктивных установок* представителей данного типа являются, во-первых, наименьшая нацеленность на рождение детей по сравнению с другими типами (60%), причем не более двух; во-вторых, наибольшей распространенностью намерений вообще отказаться от рождения детей по причине плохих жилищных условий и низкого уровня доходов.

Особенностями *миграционных установок* представителей данного типа является наибольшая по сравнению с остальными типами ориентированность на оседлость в месте постоянного проживания (65%). Однако около трети молодых людей хотели бы переехать (чаще всего в другой город (район) Алтайского края (12%)), а 14% отказались от планов на переезд в связи с отсутствием на него денежных средств.

Третий тип — *малообеспеченные, готовые к переезду* (30% респондентов). Данный тип представлен молодыми людьми, проживающими в селах с населением больше 1000 человек (92%), в возрасте до 24 лет (65%); практически в равной степени мужчинами и женщинами; не состоящими в браке (65%); со средним профессиональным (24%), незаконченным высшим (20%) и высшим профессиональным (19%) образованием. Структура занятости лиц данного типа представлена значительной долей работающих по найму (41%), преимущественно в сельском хозяйстве (16%) и социальной сфере (8%), студентами (30%), безработными и домохозяйками (15%).

Особенностью самооценки материального положения представителей данного типа является самая высокая доля бедных и очень бедных (21%). Основными *источниками доходов* являются: заработная плата по основному месту работы (45%); доходы от семейного подворья (29%), займы и кредиты (17%). Особенности структуры доходов сельской молодежи третьего типа являются высокие доли денежной помощи родственников (41%) и пособий по безработице (11%) соразмерно с представителями первого типа сельской молодежи. Однако анализ показал, что для представителей данного типа больше характерно *восприятие себя как бедных*, по сравнению с первым типом сельской молодежи, в котором большинство относит себя как среднеобеспеченным, при этом у обеих групп численные оцен-

ки своего материального положения практически совпадают. Оценка удовлетворенности своим материальным положением у представителей третьего типа самая низкая — больше половины оценивают его неудовлетворительно (53%).

Социальное самочувствие значительной части представителей данного типа отличается самой высокой долей испытывающих чувство неуверенности и даже напряженности (46%). Это самая *пессимистично настроенная* группа сельской молодежи.

Особенностью *репродуктивных установок* представителей третьего типа сельской молодежи является наибольшая распространенность стратегии сознательного отказа от рождения детей — 13%, при этом большая часть молодых людей (68%) нацелена на рождение детей, преимущественно двух (39%).

Особенностями *миграционных установок* представителей данного типа является наибольшая по сравнению с остальными типами ориентированность на переезд (73%), чаще всего в другой город (район) Алтайского края (37%), реже — в другой регион Сибири (7%). Отказались от планов на переезд в связи с отсутствием на него денежных средств 12% молодых людей. По сравнению с другими типами сельской молодежи наиболее распространенными *причинами потенциальной миграции* являются улучшение материального положения семьи (44%), а также отсутствие подходящего рабочего места (33%), что в свою очередь подтверждается самыми низкими оценками удовлетворенности своей работой.

Четвертый тип сельской молодежи — ***обеспеченные, склонные к переезду*** (16% респондентов). Данный тип представлен преимущественно молодыми людьми, проживающими в селах с населением больше 1000 человек (96%), в возрасте до 24 лет (70%); мужчинами (60%); не состоящими в браке (63%); со средним профессиональным (18%), незаконченным высшим (30%) и высшим профессиональным (18%) образованием. Структура занятости представителей четвертого типа представлена значительной долей *работающих по найму* (72%) преимущественно в сельском хозяйстве (21%) и социальной сфере (18%), *студентами* (17%) и *самозанятыми* (5%).

Особенностью самооценки материального положения представителей четвертого типа является наибольшая доля богатых (28%) и очень богатых (3%).

Основными *источниками доходов* являются: заработная плата по основному месту работы (68%); доходы от семейного подворья (43%), помощь родственников (30%), займы и кредиты (18%), доходы от предпринимательской деятельности (10%). Особенности

структуры доходов сельской молодежи третьего типа являются самая высокая доля дополнительных заработков (23%), а также самая низкая доля использования социальных трансфертов (15%). Оценки удовлетворенности своим материальным положением у представителей четвертого типа самые высокие — половина молодых людей оценивают его удовлетворительно, а треть — хорошо и отлично.

Социальное самочувствие значительной части представителей данного типа отличается самой высокой долей уверенных в настоящем и оптимистично настроенных на будущее молодых людей (50%). Благоприятные прогнозы на будущее своей семьи дает около 40% молодых людей. Это самая *оптимистично настроенная* группа сельской молодежи, что подтверждается преобладанием положительных оценок своей жизни в целом (73%).

Особенностью *репродуктивных установок* представителей четвертого типа сельской молодежи является нацеленность значительной части молодых людей на рождение детей (63%), преимущественно двух (50%). В целом репродуктивные установки данного типа сельской молодежи отличаются наибольшей несформированностью, самой высокой долей неопределившихся (28%).

Особенностями *миграционных установок* представителей данного типа сельской молодежи является высокая доля ориентированных на переезд из постоянного места жительства (65%), чаще всего в другой город (район) Алтайского края (27%), реже — в европейскую часть России (8%). Миграционные установки представителей данного типа сельской молодежи отличаются *наибольшей неопределенностью и несформированностью*.

Таким образом, по результатам проведенных факторного и кластерного анализов выделено четыре типа сельской молодежи, различающихся по социально-экономическому положению и миграционным установкам.

Научное издание

**СОЦИОЛОГИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ:
НАУКА, ОБРАЗОВАНИЕ, ТВОРЧЕСТВО**

СБОРНИК СТАТЕЙ

Выпуск 4

Редактор Л. И. Базина
Подготовка оригинал-макета
З. К. Васильева, О. В. Майер

Издательская лицензия ЛР 020261 от 14.01.1997 г.
Подписано в печать 05.06.2012
Форма 60X84/16. Бумага офсетная. Печать трафаретная.
Усл.-печ. л. 20,2. Тираж 100 экз. Заказ 149.

Типография Алтайского государственного университета
656049 Барнаул, ул. Димитрова, 66